U4441
4.
3186035733

ЛѢТОПИСЬ
СОБЫТІЙ
САМОИЛА ВЕЛИЧКА

издана
ВРЕМЕННОЮ КОМИССІЕЮ
для
РАЗБОРА ДРЕВНИХЪ АКТОВЪ

ТОМЪ ЧЕТВЕРТЫЙ
приложенія.

КІЕВЪ.
Въ типографіи Федорова.
1864.

ЛѢТОПИСЬ
СОБЫТІЙ
ВЪ
ЮГОЗАПАДНОЙ РОССІИ
ВЪ XVII ВѢКѢ

СОСТАВИЛЪ
САМОИЛЪ ВЕЛИЧКО
бывшій канцеляристъ канцеляріи
ВОЙСКА ЗАПОРОЖСКАГО
1720.

ТОМЪ ЧЕТВЕРТЫЙ
приложенія.

ИЗДАНА
ВРЕМЕННОЮ КОМИССІЕЮ
для
РАЗБОРА ДРЕВНИХЪ АКТОВЪ

КІЕВЪ.
Въ типографіи Федорова.

1864.

Печатать дозволяется.—Кіевъ. 1864 г. іюля 10-го дня.

Предсѣдатель Коммисіи *М. Юзефовичъ.*

Издаваемый нынѣ Комиссіею IV-й томъ лѣтописи Самуила Величка, заключаетъ отдѣльныя статьи дополняющія собою содержаніе трехъ первыхъ томовъ. Такъ какъ подлинный текстъ Величка заключается только въ трехъ томахъ, то Комиссія составила настоящій томъ или изъ статей, оставшихся не изданными по разнымъ причинамъ при редакцій 3-хъ первыхъ томовъ, или изъ статей дополняющихъ разсказъ Величка, которыя ей удалось открыть въ другихъ рукописяхъ, ей сообщенныхъ, имѣющихъ тѣснѣйшую связь съ событіями разсказанными въ повѣствованіи Величка

Въ составъ IV тома вошли слѣдующія статьи:

1) Повѣсть о козацкой съ Поляками войнѣ въ годахъ 1648, 1649 и 1651 отправленной.

2) Коммиссія Гадяцкая.

3) Реестръ имѣнія Семена Палѣя.

4) О войнѣ Остраниновой зъ Ляхами на Украйнѣ малороссійской.

5) Записки Матфея Титловскаго, о двухъ походахъ Султана Османа Гордаго въ 1620 и 1621 годахъ.

6) Дневникъ Симеона Окольскаго о войнѣ Остранина (Остряницы) съ Поляками 1638 г.

7) Дополненіе составленное и приложенное къ дневнику Окольскаго Стефаномъ Лукомскимъ.

*

8) Указатель именъ лицъ и мѣстъ, встрѣчающихся въ лѣтописи Величка.

«Повѣсть о козацкой съ Поляками войнѣ чрезъ Зѣновія Богдана Хмельницкаго точившойся» въ 1648, 1649 и 1651 годахъ, взята изъ рукописнаго сборника, принадлежащаго Коммиссіи. Заглавіе этого сборника слѣдующее: Космографія, то есть всего круга земнаго и сущихъ на немъ панствъ и монархій, также острововъ морскихъ, народовъ и племенъ человѣческихъ описаніе, зъ приложенными въ ней, къ вѣдѣнію людскому потребнимы, рѣчамы, по желанію и велѣнію Самойла Василіевича Величка, чрезъ отроковъ при немъ бывшихъ и учившихся зъ рукописнои преписанная, въ полку Полтавскомъ, въ Диканцѣ, маетности его милости пана Василія Василіевича Кочубея, полковника войска Его Императорскаго Пресвѣтлаго Величества Запорожскаго, Полтавскаго, року 1728, мѣсяца октоврія.

Сборникъ этотъ писанъ въ листъ, на обыкновенной бумагѣ, скорописію XVIII вѣка, весьма отчетливымъ почеркомъ, очень похожимъ на почеркъ, которымъ писана лѣтопись Величка. Прописныя буквы вписаны киноварію, заглавный листъ всего сборника, а также заглавный листъ печатаемой нынѣ статьи украшены арабесками, рисованными тушью. На оборотѣ десятаго листка находится тушью-же сдѣланный аллегорическій рисунокъ, представляющій размѣщеніе въ мірѣ четырехъ стихій. Вся «космографія» заключаетъ 866 писанныхъ страницъ. Содержаніе всего сборника изложено въ «предмовѣ до чительника», подписанной Самойломъ Величкомъ; такъ какъ предмова эта, заключаетъ въ себѣ біографическія данныя о самомъ лѣтописцѣ, то мы ее приведемъ въ цѣлости:

предмова до чительника.

Вѣмъ, что не восхощешъ тому перечити, ласкавый чительнику, ижъ слѣпотствуютъ тѣлесними очима невѣдущіи книжняго писанія человѣцѣ, подобнѣ-же слѣпотствуютъ и знающіи

писмена, но чтеніемъ ихъ неупражняющіися, и ни очемъ вѣдати могущіи, которіи мало чимъ разнствуютъ отъ людей писанія не свѣдущихъ; ибо имѣяй писмена и прилежай книжнимъ чтеніямъ, можетъ притти латво въ познаніе великихъ дѣлъ Божіихъ, въ подсолнечной сущихъ и его Божественнія, не тилько роду человѣческому, но и всему диханію не исказанно являемія благостини, отчего и на путь спасенія снадѣйше воспутеводствоватися можетъ, я любо читати радъ бымъ самъ, но ку зрѣнію писанія затворени очесъ имущи двери, мусѣлемъ, не безъ жалю, докучати людемъ о чтеніе книжное, слушающиже что мога, улучихъ на рукописную книгу сію космографію, которои выслухавши, любо чаю же оная въ мирѣ есть печатная, досконалое и безъ жаднихъ ероровъ въ себѣ всего круга земнаго описаніе имущая, еднакъ, поневажъ тоеи слушати не удостоилемся, теди и рукописанои, несовершенной и помилокъ много въ себѣ имущои, слушаючи, яко вранъ на норищи сидяй, увѣдомилемся о томъ, о чомъ и чрезъ увесь вѣкъ долговременного житія, по розниxъ земляхъ и странахъ далечайшихъ пелгримуючи, довѣдатися и вибадатися не моглбимъ. Яко зъ книги сей, хочай несовершенного о всѣмъ вѣдѣнія я контентъ зоставши, судилъ за благо и тебе чителнику ласкавій оною уконтентовати, и къ видѣнію не знаемихъ, во всей подсолнечной сущихъ, привести вещей: тижъ чтущи съ прилежаніемъ, можешъ увѣдомитися о многихъ и розниxъ на всемъ крузѣ земномъ, въ поднебесной сущихъ, племенахъ человѣческихъ и монархіяхъ и ихъ жительствахъ и обичаяхъ; также о великихъ и крѣпкихъ градехъ, и зданіяхъ въ нихъ розниxъ и прекраснихъ. Паки можешъ къ тому довѣдатися о горахъ земнихъ, моряхъ, и островахъ воднихъ, и рѣчкахъ знаменитшихъ, о древахъ благоплодовитихъ, о зеліяхъ благоуханнихъ, о крушцахъ всякихъ, о каменіяхъ многоцѣннихъ, и о иннихъ всякихъ, въ землѣ и въ водѣ рождающихся вещехъ; а безъ тои книги о всѣхъ тихъ вещехъ и состояніяхъ отнюдь знати и до видѣнія притти не моглбись: и того ради отрокомъ, при мнѣ

писанію навикавшимъ, зъ рукописнои преписати, и къ видѣнію твоему изволихъ представити; молю-же тя не гнѣватися на мя за многія въ ней пропуски и ерори, которіи едни готовими зъ книги первой приняты и переписаны; а другіе чрезъ лѣнивихъ и несправнихъ перепищиковъ моихъ вновъ починенни; хочай засъ и корикговати при мнѣ велѣлемъ, самъ не могучи видѣти писанія, яко вишше рѣхомъ, то они за тіи свои въ писаніи помилки, достойной уходячи эпитеміи, закрилися отъ неи лжею и неправдивою коригктурою, латво мене въ той мѣре невѣдущаго обманувши.

Вложени же въ сей космографіи и иніе къ вѣдѣнію людскому потребніе речи, яко то; о Фліоренскомъ соборѣ: о розности Римской зъ Православними Греками и Руссію; о созданіи, а чрезъ Турковъ взятіи Цариграда: о царяхъ турецкихъ, и о нѣколикохъ папахъ, заблужденію римскому виновнихъ и протчая: що все снадно увидишъ въ предлежащомъ на книгу сію реестрѣ и изъ него удобно, що тобѣ понадобится обрѣсти можешъ: приложихъ же здѣ трактъ до Іерусалима, и о святихъ тамошнихъ же палистинскихъ мѣстахъ, также приложихъ часть первую войни Хмельницкаго зъ Поляками, зъ вѣршовой полской, война домова именуемой, книги Твардовскаго, чрезъ благоразумнаго мужа Стефана Савѣцкого, писара полкового Лубенского, на гисторичній сенцъ переведенную; а о протчіихъ двухъ частехъ помененной книги на гисторіалную рѣчъ чрезъ мене, аще и не такъ совершенно якъ Савѣцкого переводъ показуется, и инакшимъ порядкомъ переведенихъ, можешъ чителнику ласкавій зъ особливой лѣтописной книги моей увѣдомитися, если достанется рукъ твоихъ, а може и панъ Савѣцкій, докончилъ труда своего у претлумаченню пречечоной книги Твардовскаго. И еще приложихъ зде на концу гисторію ероровъ полную (знатно дитиннимъ несмиелствомъ преписанную, на которихъ исправленіемъ не моглемъ мѣти ни часу ни сили) о царствѣ Казанскомъ и о завладѣніи его чрезъ князей Московскихъ.

Що все (съ прилежаніемъ да возможеши ближняя и дал-

няя прочіимъ сказати,) чти любопитствующий чительнику, и о мнѣ грѣшномъ молися: азъ же тебѣ взаемъ Божія во всѣхъ желаніяхъ твоихъ благословенія, въ чтеніи же книжномъ охоти, поспѣшества и вѣчняго спасенія всеусердно зичу.

Истинній Малія России сынъ зъ племени Хазарского
и изъ слугъ войска Запорожского найменшій слуга
Самуйло Василіевъ Величко.

И такъ на основаніи заглавнаго листка и предисловія къ Космографіи мы пріобрѣтаемъ слѣдующіе факты къ бюграфіи Самойла Величка. Еще въ 1728 году Величко жилъ въ Диканкѣ, имѣніи Василія Кочубея и занимался литературными трудами, но въ это время зрѣніе его было уже потеряно и онъ пользовался чтеніемъ и письмомъ своихъ отроковъ, которыхъ обучалъ не смотря на свою немощность.

Помѣщаемая въ настоящемъ изданіи Повѣсть о войнѣ Хмельницкаго съ Поляками 1648—1651 г. пополняетъ собою въ значительной доли пропускъ происходящіи отъ утраты части рукописи Величка *) (См. томъ I стр. 100); такъ какъ повѣсть эта обнимаетъ почти все время, описанное Величкомъ въ утраченной части его рукописи. Повѣсть эта, какъ видно изъ заглавія переведена изъ книги Твардовскаго (**) «Woyna

(*) Часть эта утеряна и въ спискѣ М. О. Судіенка.

(**) Самуилъ со Скржипна Твардовскій жилъ въ первой половинѣ XVII столѣтія, подробности его біографіи мало извѣстны. Въ 1621 году онъ былъ секретаремъ при польскомъ посольствѣ въ Константинополѣ. Потомъ онъ поселился въ своемъ имѣніи, селѣ Зарубинцахъ, около мѣстечка Збаража, откуда бѣжалъ во время похода Хмельницкаго 1649 г.; о дальнѣйшей судьбѣ Твардовскаго ничего неизвѣстно. Сочиненія Твардовскаго, всѣ писаны въ стихотворной формѣ; кромѣ «Войны домовой» онъ еще написалъ: исторію Владислава IV и исторію посольства въ Турцію князя Криштофа Збаражскаго, а также перевелъ на польскій языкъ нѣсколько стихотворныхъ повѣстей изъ Испанскаго и Италіанскаго языковъ.

Domowa» Стефаномъ Савецкимъ писаремъ полка Лубенскаго. Такъ какъ Твардовскій былъ для исторіи этого времени единственнымъ источникомъ Величка, то и переводъ Савѣцкаго можетъ замѣнить почти вполнѣ утраченные листы Величка.

«Коммиссія Гадяцкая» служитъ дополненіемъ къ повѣствованію Величка объ этомъ договорѣ (см. томъ I, часть II раздѣлъ 3 стр. 335). Любопытный этотъ документъ, заимствованъ изъ рукописнаго сборника, принадлежащаго Михаилу Ивановичу Ханенку (*).

«Реестръ» имѣнія Семена Палѣя, составленный по указу Мазепы членами кіевскаго магистрата, послѣ ссылки Палѣя, напечатанъ изъ рукописи, принадлежащей бывшему предсѣдателю временной коммисеіи М. О. Судіенкѣ. Матеріалъ этотъ, весьма интересный въ археологическомъ и этнографическомъ отношеніи для обрисовки внутренней жизни южно-русскаго края въ XVIII столѣтіи,важенъ также какъ дополненіе къ біографіи Палѣя о личности и значеніи котораго, пока мало разработанныхъ наукою, мы находимъ самыя подробныя извѣстія въ лѣтописи Величка. (см. томъ II раздѣлъ 26-й и томъ III раздѣлы 33-й, 34-й и 35-й) которыхъ дополненіемъ и служитъ издаваемая опись его имущества.

Сказаніе «о войнѣ Острянииновой зъ Ляхами» напечатана по тексту, находящемуся въ первомъ томѣ лѣтописи Величка, но такъ какъ въ подлинной рукописи начало этого сказанія утрачено, то Комиссія задержала его напечатаніе и приступаетъ къ нему только теперь, такъ какъ ей удалось пополнить недостающіе листы изъ списка лѣтописи Величка, принадлежащаго г. бывшему предсѣдателю временной комиссіи

(*) Комиссія Гадяцкая была напечатана въ приложеніяхъ къ исторіи малороссіи Маркевича, (см. томъ III стр. 159) но списокъ тамъ помѣщенный заключаетъ въ себѣ много ошибокъ и неточностей, которыя поправлены въ издаваемомъ нынѣ варіантѣ.

М. О. Судіенкѣ, пріобрѣвшему этотъ списокъ въ числѣ другихъ рукописей и замѣчательныхъ книгъ отъ наслѣдниковъ извѣстнаго депутата малороссійскаго шляхетства, Григорія Андреевича Полетики (см. стр. 135—137). Сказаніе о войнѣ Остранина заключаетъ въ себѣ универсалъ, разосланный Гетманомъ Остраниномъ къ малороссійскому народу 1638 года, съ подробнымъ исчисленіемъ бѣдствій претерпѣваемыхъ этимъ народомъ отъ Поляковъ, а потомъ краткія свѣдѣнія о самой войнѣ и комментаріи, составленные Величкомъ къ приложенному къ его лѣтописи переводу дневника Окольскаго. Универсалъ Гетмана Остраницы есть единственный документъ, относящійся ко времени предшествовавшему войнамъ Хмельницкаго, который пріобрѣлъ популярность и сохранилъ ее до конца XVIII столѣтія. Еще одну копію этого же универсала Комиссія нашла въ историческомъ сборникѣ Лукомскаго; копія эта не представляетъ малѣйшихъ отступленій, ни отъ текста, находящагося въ лѣтописи подлинной Величка, ни отъ начала его, списаннаго изъ списка М. О. Судіенка и тѣмъ подтверждаетъ подлинность документа, издаваемаго Коммиссіею. Документъ этотъ съ переводомъ на Русскій языкъ былъ случайнымъ образомъ перепечатанъ во 2-мъ томѣ записокъ о южной руси П. А. Кулиша, взявшаго этотъ документъ изъ приготовлявшихся Комиссіею для изданія матеріаловъ. Онъ былъ поводомъ двухъ интересныхъ статей: М. Грабовскаго и П. Кулиша «О причинахъ взаимнаго ожесточенія Поляковъ и Малороссіянъ въ XVII вѣкѣ». Хотя такимъ образомъ онъ обнародованъ прежде выхода въ свѣтъ издаваемыхъ памятниковъ, тѣмъ не менѣе Коммиссія удерживаетъ за собою право первоначальнаго его открытія. Всѣ четыре упомянутыя дополненія въ лѣтописи Величка, были отысканы, редактированы и представлены къ печати членомъ--сотрудникомъ временной Комиссіи И. О. Самчевскимъ.

За тѣмъ въ настоящемъ изданіи слѣдуетъ переводъ записокъ двухъ польскихъ мемуаристовъ: Матвея Титловскаго и

Симеона Окольскаго, изданныхъ подъ редакціею глав. редактора комиссіи, В. Б. Антоновича. Записки Матвея Титловскаго, содержатъ описаніе двухъ походовъ Турокъ противъ Поляковъ въ 1620 и 1621-мъ годахъ. Записки эти писаны первоначально на польскомъ языкѣ, но въ оригиналѣ не были напечатаны. Въ переводѣ на русскій языкъ ходили, вѣроятно, по рукамъ въ XVIII столѣтіи и были на равнѣ съ записками Симеона Окольскаго и съ универсаломъ Гетмана Остранина общеизвѣстны всѣмъ любителямъ козацкой старины, собиравшимъ въ то время матеріалы для исторіи южно-русскаго края. Кромѣ перевода, помѣщеннаго въ лѣтописи Величка, начало котораго утрачено, Комиссія нашла другой переводъ записокъ Титловскаго въ историческомъ сборникѣ Лукомскаго. Этотъ варіантъ Комиссія издаетъ въ настоящемъ томѣ. Хотя Титловскаго переводъ, находящійся въ подлинной лѣтописи Величка, и былъ изданъ Комиссіею въ приложеніяхъ къ первому томѣ лѣтописи Величка, но Комиссія сочла не бесполезнымъ изданіе перевода, помѣщеннаго въ сборникѣ Лукомскаго, потому: 1) что онъ составляетъ варіантъ, отступающій отъ варіянта Величковскаго и пополняющій его во многихъ мѣстахъ; 2) потому что въ немъ сохранилось начало, заключающее въ себѣ описаніе перваго похода, окончившагося битвою подъ Цецорою, утраченное въ рукописи Величка 3) потому что Лукомскій пополнилъ свой переводъ, подобно Величку, прибавленіями, взятыми изъ козацкихъ лѣтописей, и прибавленія Лукомскаго полнѣе прибавленій Величка (какъ напримѣръ свѣдѣніе о Азовскомъ походѣ, извѣстія о событіяхъ, относящихся ко времени отъ 1622 по 1637 годъ, и т. п.) Рукописный сборникъ Лукомскаго, изъ котораго взятъ этотъ варіянтъ, доставленъ Коммиссіи, членомъ-сотрудникомъ ея П. А. Кулишемъ. Онъ состоитъ изъ 191-го листка, величиною въ четверть листа, писанъ довольно небрежною скорописью, составляющею переходъ отъ скорописи XVIII вѣка къ современной. По содержанію онъ раздѣленъ на три части: Первая носитъ слѣдующее заглавіе: «Собраніе историческое изъ книгъ

древняго писателя Александра Гвагнина и изъ старыхъ вѣрныхъ русскихъ лѣтописей, абшитовапнымъ полковымъ обознымъ, Стефаномъ Василіевымъ сыномъ Лукомскимъ сочиненное въ малороссійскомъ городѣ Прилукѣ 1770 году:» Въ этой части помѣщаются извѣстія, относящіяся къ происхожденію и исторіи козаковъ, извлеченныя изъ исторіи Гвагнина и пополненныя свѣдѣніями, взятыми изъ безъименныхъ козацкихъ лѣтописей; повѣствованіе это оканчивается 1599-мъ годомъ. Вторая часть содержитъ печатаемый нынѣ разказъ Матвея Титловскаго (названнаго Лукомскимъ Тимофеемъ) о войнахъ Султана турецкаго Османа въ 1620 и 1621 годахъ. Наконецъ, третяя часть заключаетъ переводъ дневника Окольскаго «о Остраниной войнѣ съ Ляхами», къ которому прибавлены въ видѣ приложеній: универсалъ Гетмана Остранина, обзоръ состоянія Украины въ теченіи десятилѣтія, послѣдовавшаго за возстаніемъ Остранина (1638—1648) которое и приложено въ настоящемъ изданіи въ концѣ дневника Окольскаго и копія универсала, изданнаго Хмельницкимъ послѣ Корсунской битвы, который помѣщенъ и въ лѣтописи Величка (см. томъ I стр. 80, раздѣлъ XVII.)

Дневникъ Симеона Окольскаго *) напечатанъ изъ рукописи Величка, гдѣ онъ помѣщенъ непосредственно передъ

(*) Симеонъ Окольскій, монахъ Доминиканскій, жившій въ первой половинѣ XVII вѣка (†1654) и умершій провинціаломъ Доминиканскаго Ордена на Руси, кромѣ дневника о войнахъ козацкихъ, оставилъ нѣсколько другихъ сочиненій, исполненныхъ классической ерудиціи, изъ нихъ замѣчателянѣйшія: «Rusjia florida» и «Orbis polonus» содержащія геральдическія изслѣдованія о польскомъ дворянствѣ, также собранія проповѣдей и другія сочиненія богословскаго содержанія: Дневникъ войны съ козаками въ 1638 году писанъ Окольскимъ, какъ очевидцемъ, ибо во все продолженіе ея онъ находился въ качествѣ проповѣдника при войскѣ польскомъ.

расказомъ о войнахъ Хмельницкаго, переводъ этотъ весьма «неискустный» по замѣчанію самого же Величка, былъ нами сличенъ съ подлонникомъ Окольскаго, изданнымъ въ Краковѣ Казимиромъ Туровскимъ въ 1859 году, въ числѣ матеріаловъ историческихъ, озаглавленныхъ издателемъ: «Biblioteka Polska» Полное сочиненіе Окольскаго заключаетъ въ себѣ 2 части, названныя авторомъ: 1) Djarjusz tranzakcji wojennej między wojskiem koronnem i Zaporoskiem w roku 1638 2) Kontynuacja djarjusza wojennego w roku 1638; przez W. O. Szymona Okolskiego zakonu Dominika Sw, kaznodzieję wojskowogo. Первая часть заключаетъ въ себѣ исторію войны Поляковъ съ гетманомъ Павлюкомъ, вторая же исторію войны съ гетманами Остраниномъ и Гунею. Переводъ, помѣщаемый въ настоящемъ изданіи, обнимаетъ только вторую половину сочиненія, неизвѣстный переводчикъ, трудъ котораго былъ внесенъ Величкомъ въ его лѣтопись, выпустилъ при переводѣ большую часть сравненій, заимствованныхъ Окольскимъ изъ исторіи древняго классическаго міра, при томъ, по недостаточному знакомству съ латинскимъ и польскимъ языками, переводчикъ выпустилъ нѣкоторыя мѣста подлинника, иныя-же перевелъ неточно или превратно: эти отступленія отъ оригинала вымѣчены и поправлены въ подстрочныхъ примѣчаніяхъ, приложенныхъ къ настоящему изданію. Притомъ переводъ обогащенъ былъ примѣчаніями и комментаріями Величка, которыя и помѣщены въ изданіи въ томъ же порядкѣ, въ которомъ внесены въ рукопись. (См. стр. 202—203, 205, 262—264, 290—296).

За тѣмъ приложено дополненіе къ дневнику Окольскаго, найденное комиссіею при переводѣ той-же «Kontinuacji dia-

ryusza wojennego», помѣщенномъ въ упомянутомъ уже историческомъ сборникѣ Лукомскаго, обнимающее исторію событій на «Украинѣ Малороссійской» во время съ 1638 по 1648 годъ. Наконецъ, слѣдуетъ Указатель именъ, мѣстъ и лицъ, упоминаемыхъ въ лѣтописи Величка, имѣющій цѣлію облегчить научныя справки по лѣтописи о различныхъ отдѣльныхъ событіяхъ и фактахъ.

И. Самчевскій В. Антоновичъ.

II.

ПОВѢСТЬ

о

КОЗАЦКОЙ ЗЪ ПОЛЯКАМИ ВОЙНѢ,

ЧРЕЗЪ

З. Б. ХМЕЛНИЦКОГО.

ПОВѢСТЬ
О
КОЗАЦКОЙ ЗЪ ПОЛЯКАМИ ВОЙНѢ,
ЧРЕЗЪ
ЗѢНОВІЯ БОГДАНА
ХМЕЛНИЦКОГО,
ГЕТМАНА ВОЙСКЪ ЗАПОРОЗСКИХЪ,

ТОЧИВШОЙСЯ, КОТОРОЮ ОНЪ ЖЕ ПРИ БОЖОЙ ПОМОЩИ ЗЪ КОЗАКАМИ И ТАТАРАМИ ОТЪ ПОДДАНСТВА ЛЯДСКОГО ВИБИЛСЯ И ПОДДАЛСЯ ПОДЪ ВЫСОКОДЕРЖАВНУЮ ПРЕСВѢТЛѢЙШОГО МОНАРХИ ВСЕРОСІЙСКОГО ПРОТЕКЦІЮ.

ОТЪ КНИГИ НАЗВАНОЙ ВОЙНА ДОМОВАЯ, НАРѢЧЕНІЕМЪ

САМОИЛА ТВАРДОВСКАГО.

РИТМАМИ ПОЛСКИМИ СОСТАВЛЕННОЙ И ВЪ КАЛѢШУ, РОКУ 1681, НАПЕЧАТАННОЙ, ВКРАТЦѢ МАЛОРОСІЙСКИМЪ НАРѢЧІЕМЪ ВИПИСАННАЯ, ВЪ РОКУ 1718, АПРИЛЯ.

S. S. P. L.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Кіевъ, 30 Апрѣля 1853 года.

Цензоръ, Д. Мацкевичъ.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Слишащи азъ первѣе словесихъ отъ мужей старѣйшихъ повѣстій о благополучной покойного блаженной памяти Зѣновія Богдана Хмелницкого, Гетмана войскъ Запорожскихъ, войнѣ, ею же отчество наше отъ тяжчайшого подданства Лядского ига, при Божіей помощи, освободилося, а потомъ и писменную исторію о оной же, чрезъ стихотворца Твардовского составленную, совершеннѣй уразумѣвше, удивитися, купно же и сожалѣти сему принужденъ бѣхъ, яко великихъ удостоихомся всемогущаго Бога, тако добрѣ воспомянутое отчество и вѣру Православную, яже проклятою Римскою Унѣею вмалѣ не до конца уже бысть повреждена и испразднена, сохранившого, благодѣяній; за которія непрестаннимъ воспоминаніемъ Его Пресвятое Имя благодарити, и оного Богомъ данного мужа, чрезъ его же тое намъ содѣяся сохраненіе, прославляти должни есми. Толико ми аки неблагодарни сицевои Его о насъ собившойся милости явихомся; ибо ни единъ отъ насъ, а найпаче отъ духовного чина, въ немъ же и о люди въ томъ искуснія и о типографское дѣло, по Его-жъ божественномъ дарованію, отъ самого оного Лядского свобожденія не стало быти нужно, описати и типу предати не потрудися: которимъ образомъ и чрезъ каковихъ помянутого вождя, со инимъ храбримъ Малоросійскимъ воинствомъ, промисли и воинскія отваги сицевую дарова намъ Спаситель свободу. Но вся тія тако знаменитія дѣла оннхъ вѣчному отъ насъ предани забвенію,

кромѣ единого токмо еще вмалѣ держащагося о семъ воспоминанія на словесних вишшеизображенних повѣстсхъ, и то, понеже совершенно свѣдоми бывшія мужіе измроша, несовершенних, да на стихахъ вишшепомянутого войни тоея описателя. Но понеже и въ стихахъ онихъ, аще отъ болшея части и истинну въ себѣ содержать являются, много обрѣтается и на Козацкую безчестнихъ, а на Лядскую страну надъ мѣру похвалнихъ словесъ и иних приложеній, къ наученію поетическому надлежащихъ, въ чтеніи же и слишаніи прикрость наносящихъ, наипаче въ томъ ученіи и писаніи Полскомъ неискуснимъ людемъ; того ради разсудихъ и себѣ за благо оніе Лядскіе ритми на обикновенную, простую исторію Малоросійскимъ простѣйшимъ нарѣчіемъ, ради удобнѣйшого чтенія и уразумленія, превести, оставивши въ нихъ вишеизображенное непотребство, еже ко безчестію нашому, а похвалѣ Лядской, самое ихъ дѣло превосходящой, отъ истинни же далеко отстоящой, естъ оставленно.

Кому убо отъ любящихъ свое отчество и воспоминаніе тако нарочитихъ Божіею силою, чрезъ храбрость и мужество нашого предняго воинства, сотворшихся дѣйствій случится чести или слишати малѣйшій сего переводу моего трудъ и обрѣсти въ немъ каковія погрѣшенія, тія да простятъ и покріетъ христіанскою, множество грѣховъ покривающею, любовію, усердно молю.

Стефанъ Савѣцкій на той часъ Писаръ полку Лубенского.

О
войнѣ козацкой
зъ поляками,

въ рокахъ тысяча шесть сотъ четиридесятъ осмомъ и въ тысячи шесть сотъ четиридесятъ девятомъ отправленой.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

Описатель сеей войни Твардовскій, поколь до самого оной описаня приступилъ, напередъ намънилъ о знакахъ (чого и мнѣ не здалось безъ короткого намъненія оставити), прежде помянутой войни бывшихъ, зъ которихъ старѣйшіе Ляхи пророковали себѣ недоброе поведеніе впредъ быти мѣшое.

О знакахъ на небѣ предъ войною Хмелницкого.

А во первихъ великое надзвичай слонца затмене въ день Страстей Христовихъ рокомъ передъ тоею войною было. Потомъ комета, издавна невиданная, чрезъ десять днѣй на небѣ являлася. А передъ самимъ онои початкомъ саранча превеликая вродившися, всѣ/ трави и збожя въ Полщи поѣдала.

Козаки издавна отъ ярма Лядского вибивались.

Зачинаючи зась авторъ той же самую войни повѣсть, не занехалъ и тоеи на сторону Козацкую виразити похвали, якъ они Козаки исперва много доказовали, и якою были Полской Коронѣ подпорою, що зъ самой рѣчи ясно будетъ показано: ижъ когда они отъ Болеславовъ Королей Полскихъ зостали въ подданство Полское завоеванія, многокротне, ибо вскорѣ тое имъ стало прикро, вибиватися одважилися, але не могучи тоею отвагою своею доказати предсявзятя, за

осторожностю тогдашнихъ Полскихъ монарховъ, не малое отъ нихъ приймовали наказаніе; однакъ и въ такихъ своего поскромленія разахъ древней отваги и обикновеній не отпадали. Особливе тіе, якіе на низу Днѣпра за порогами (отъ чого и Запорожцями суть прозваня) ближе къ морю мешкали, нѣ чимъ иншимъ тилко по поляхъ розбоемъ, стрелянемъ звѣру и по рѣкахъ ловленемъ рибъ бавячися, а

Способность Козака.

зъ травъ и терновъ випадаючи знагла, кого напали—Турковъ чили Татаровъ—хватали и крали. До чого зъ натури своей были легкими и способними, и до такой способной натури заразомъ прикладали, вышейвираженнимъ наглого на кого колвекъ нападенія способомъ, уставичное цвѣчене. Але жили безъ порядку и жадной власти, кромѣ того, же якъ зима наступовала сходили до волостей, а на весну и лѣто, где были лѣси и при нихъ иншіе до жекгліованя воднаго

Промисли ихъ.

способности, туда запускалися, и водою на нихъ, въ луги и острови, за пороги Днѣпровіе на розніе до добичей помянутихъ способніе спускалися мѣстца; поколь Стефанъ Баторій Король Полскій, для лучшого своего отъ сторони

Король Баторій Козакамъ устроилъ порядокъ и Гетмана.

Турецкой защищенія, и мижъ Козаками, яко къ тому край ближшимъ быти мѣвшой, въ лѣпшій оннхъ устроилъ порядокъ, учинивши имъ Гетмана, и где би свои ради, такожъ армати и иншіе войсковіе зложеня, а барзѣй сами собѣ на зимовій часъ притулиско мѣли, назначивши городъ Терехтемировъ зо всѣмъ повѣтомъ; чого они чрезъ долгій часъ были барзо контенти; а въ такомъ новаго порядку устроеніи много въ прислугахъ Монархамъ и Рѣчи Посполитой Полской полемъ и моремъ доказовали, не вклѣчуючи ихъ давнихъ дѣлъ, що тилко познѣйшихъ лѣтъ на сторону Лядскую полезного, а на Турецкую шкодливого и страшного отъ нихъ учинилося.

Войни Козацкіе на бѣсурманъ.

Вократцѣ припоминается, ижъ болшъ тисячи миль въ самую Азію заежджали, вистинали Трапезунтъ, Синопъ зъ кгрунту знесли, и подъ Константинополь не разъ зъ не-

слиханною своею скоростію, мури оного стрелбою окуруючи, подходили; що все водою справовали. А и на землѣ въ такихъ военнихъ справахъ не меншую имѣли фортуну и славу, когда надъ все подъ часъ баталій, межи Королемъ Полскимъ и Османомъ Турецкимъ бывшой, самій первій непріятелскій импетъ, чоло и власное предмуріе мужественно предъ Ляхами видержали.

О причинахъ тежъ, зъ которихъ власне они противъ Ляховъ повстали, для не тескливого читаня убѣгаючи обширностей, въ повѣсти всѣхъ подробну не виражается, кромѣ одноей коротко намѣняючойся: ижъ яко всякій люду гмѣнъ въ себѣ мѣрне состоятися не можетъ, а нѣ мѣетъ взглядъ на способъ, якимъ би тую моглъ заховати мѣрностъ, звлаща когда въ такомъ незахованю мѣрности заозметъ гору, и що разъ до новой отмѣни повабъ; такъ и Поляки хочай не безъ того мѣли за що Козаковъ вспиняти и наказовати, однакъ въ томъ наказаніи не заховуючи мѣри, въ неволничой збитъ грозѣ держати ихъ стали; ижъ взяли отъ нихъ Гетмана, и новихъ придавали имъ отъ себе комисаровъ и началниковъ, которіи, барзѣй своего зиску и привати шукаючи, до такихъ привели утисковъ и тяжкихъ трактаментовъ, же що мѣли бѣдніи власного, мало въ чомъ, опрочъ однихъ жонъ, были волними: все у нихъ поодіймовано, чого тилко могла пожелати лакомства тихъ властелиновъ неситость. А лучше было (яко Твардовскій той же, по шкодѣ уже мудрѣйшій, совѣтуетъ), не приводячи ихъ Козаковъ до крайнѣй роспачи, держати ихъ въ старожитномъ кшталтѣ, и если въ чомъ проступили, карати ихъ, а не весма зносити.

Безмѣріе Поляковъ въ караню и неситость ихъ есть причиною до войни зъ Козаками.

Яко-жъ тая Козацкая при помянутой оппресіи боязнь и не надолго Ляхамъ надавалася, поколь опою доволѣ обезпеченніи при покою збитнемъ и безмѣрнихъ роскошахъ найдовалися. Але потомъ заразъ чимъ тяжко испервa Козаковъ утискала, тимъ въ горшій имъ же самимъ Полякомъ обернулася утискъ, и подобіемъ малой искри, до часу по-

пеломъ притушенной, а опослѣ безмѣрній пожаръ чинити и все палити обикшой, всю славу, фортуну и самихъ мало не до конца изпразднила зъ такого початку.

Самій початокъ войни Хмелницкого, и для чого зачалъ оную противъ Ляховъ.

Есть значная за Днѣпромъ посада, опослѣ Чигириномъ названная, давнихъ Козаковъ жилище, а въ тое время во владѣніе была отдана Конецьполскому, хоружому коронному; тамъ мѣлъ свой хуторъ и Богданъ Хмелницкій, человѣкъ воинскою отвагою и способностю всѣмъ знаменитій, и въ писаніи искусній, а зтоль барзѣй передъ иншими Ляхами смирятися нехотѣвшій, же когда Король Владиславъ войну точилъ зъ Турками нѣ зъ кимъ такъ, якъ зъ нимъ, вѣдаючи его быти во всемъ искусного мужа, имѣлъ согласіе, великій рейментъ войска и всю морскую армату подъ команду давалъ оному; которій що немалими працями заслужилъ былъ до помянутого хутора своего грунту, на томъ осадилъ слободу, которая же за его дозоромъ въ люде стала была оширятися. Тое заразъ лакомихъ Ляховъ побудило до зависти, поневажъ Чаплинскій, староста помянутого хоружого Чигиринского, розсуждаючи за некшталтъ быти такъ Русиновѣ богатому, и въ подданіи фундоватися, упросилъ тую слободу себѣ зъ подъ Хмелницкого владѣнія, и когда оную началъ отездити, Хмелницкій мусѣвъ въ томъ спорити; лечъ тимъ споромъ не тилко отстояти слободи не могъ, але еще на крайнее свое безчестіе и укоръ въ турму отъ Чаплинского былъ осаженній, где тилко день просидѣвши, а не мѣючи по собѣ патрона, которій би далъ ему руку помощи, що зъ тимъ чинити, самъ не доумѣвалъ, и не могъ отнюдъ далѣй въ такомъ разѣ иншои себѣ поради дати, кромѣ тоей, що принужденній былъ просити о инстанцію Чаплинского жони, и за оною волпо зъ турми зосталъ випущенъ. Тимъ теди будучи до зѣла озлобленній, а не могучи болше вишпомянутой своей отвазѣ и такъ значнихъ заслугахъ терпѣти того озлобленія, почалъ тайно зъ иншими своими зноситися товариствомъ, и якую би возмоглъ себѣ

Король Владиславъ въ якомъ согласіи зъ Хмелницкимъ.

Зависть Лядская.

Чаплинскій отнялъ слободу у Хмелницкого. Хмелницкій въ турмѣ за споръ о слободу свою.

Замислъ Хмелницкого съ товариствомъ.

и всему отчеству въ такихъ оппресіяхъ учинити отраду, искалъ у нихъ совѣту и способу.

О Хмелницкомъ гетманское стране.

О чомъ довѣдавшися отъ когось перестереженній Гетманъ Коронній Потоцкій, любо послалъ указъ до Кречовского, полковника Переяславского, жеби его Хмелницкого прибралъ въ руки, и до далшой волѣ подъ арестомъ задержалъ. Однакъ Кречовскій не тилко того не учинилъ, але еще въ пересторогу той самій указъ гетманскій, до себе на писмѣ присланій, къ нему одослалъ, совѣтуючи, жеби заховалъ въ себѣ належитую чулость. Якожъ заразъ онъ, не бавячися долго чужими совѣтами, а за тоею Кречовского пересторогою, сколко могъ прибрати себѣ товариства, скочилъ зъ ними на ручихъ коняхъ напередъ до Запорожя, и не ворочаючися оттоль до дому, уже листи тилко писалъ до Гетмана на Чаплинского въ заданномъ себѣ невинне безчестіи и обидѣ ускаржателніе, которими моглъ оного отъ прибору военого задержати и обезпечити; а самъ пойшолъ просто до Хана Кримского, якому припомнѣвши свою пріязнь и посилковане войсковое, прежде въ якомсь случаи Санъ Гереовѣ ихъ додаванное, просилъ тогда въ своихъ утискахъ о взаемную помощъ, лечъ тое его прошеніе Хановѣ надолзѣ было подзорно; а потимъ когда далъ оному въ заставу своего сина и самъ, же не зрадить, на шаблѣ присягъ, до того заразъ наклонилъ бѣсурмана, которій уже и безъ того, до вщатя зъ Ляхами войни за удержанніе отъ нихъ свои упоминки, имѣлъ причину, же розказалъ якъ найскорѣй зъ нимъ Хмелницкимъ наготовитися Ордѣ въ чтиритисячномъ числѣ, и самъ въ незабавѣ зъ болшими своими войсками, скоро би оніе отъ полунощной сторони къ нему натягнули, и въ слѣдъ за ними вибратися обѣщалъ.

Хмелницкій въ товариствомъ ушолъ до Запорожя.

Хмелницкій въ Криму.

Прислалъ предъ Ханомъ и сына оставилъ въ заставъ.

Лѣтера Пасхалная К, 1648.

Провѣдавши прето о семъ Гетманъ Великій Коронній Потоцкій зъ другимъ Полнимъ Гетманомъ Калѣновскимъ, а хотячи початкомъ тимъ зъ разу запобѣгти, вибрался зколко могъ наскорѣ изобрати войска на Украину; але нестатеч-

ной зими, бездороже тогди учинившой, мусѣвъ перестояти въ Черкасехъ чрезъ постъ великій, поколь Днѣпръ розпустило и проявилися трави; по святахъ же вокресенскихъ, якъ би моглъ лучше утекшого Хмелницкого водою и землею постигнути, виправилъ Днѣпромъ на нихъ въ байдакахъ реестровихъ Козаковъ пять тисячей, маючи отчасти и о нихъ вѣрности подзоръ, и того ради поприсягнути на оную принудивши; а зъ двома тисячами охочого войска землею росказалъ ити синовѣ своему, за которимъ въ слѣдъ и самъ мѣлъ поспѣшити. Хочай нѣкоторимъ за неслушность быти здалося, же войско такъ малочисленное на килко частій роздѣлено; лечъ барзѣй тое великой несправности приписовати приходило, же кого гонили, о томъ не маючи вѣдомости и языка, далеко важилися заганятися.

Промислъ гетманскій на Хмелницкого.

Въ якомъ разѣ, одна по другой почали до нихъ приходити непомислніе уже вѣдомости, же Хмелницкій гетманского сина, осадивъ зъ Татарми на Жовтой гдесь Водѣ, чому и присягшіе реестровіе Козаки, отъ Гетмана водою виправленніи ради будучи, а на старшину свою гвалтомъ кинувшися, и заразомъ оную зъ значками потопивши въ Днѣпрѣ, передалися до Хмелницкого, также и драгонѣя, почувши о змѣнѣ онихъ, значнимъ криломъ до его-жъ одозвавшися, а Гетмана зрадила.

Непомислніе Гетману вѣдомости.

Реестровіе Козаки и драгонѣя зрадили Гетмана.

Прето Гетманъ стривожившися, а не могучи дати поради самъ себѣ, якъ поступовати маетъ, же и сина трудно не ратовати, и въ такъ видомій огонь самому, на которомъ вся войска залежала цѣлость, кидатися небезпечно, наклоненій на остатокъ въ той вонтпливости зосталъ отческимъ ку синовѣ аффектомъ на отсѣчъ и ратунокъ оного ити отважился, и когда уже прибирался къ Масловому Ставу, товаришъ еденъ ранній, утекши отъ сина зъ нещасливой оной росправи, даетъ знати, же и обозъ оного знесенъ, и самъ шкодливе постреленій трупомъ полегъ зъ прочими всѣми, а Шембецка и Сопѣгу живихъ въ неволю побрато.

Скорбъ Гетману.

Чимъ тяжко затурбовавшися обидва Гетмани, а надѣючися и до себе скоро тихъ же гостей, якъ би могли въ своей милости захованы, инакшой не составили ради, кромѣ тоей, щобъ назадъ ку Корсуну, когда би до нихъ могли прійти зъ Полщи латвѣй на суккурсъ Поляки, рейтероватися, що заразъ и учинили; а притягши до рѣки Росѣ стали на ровномъ мѣстцу и до оборони доситъ способномъ, где по вовтороквой ночи скоро начало слонце на день восходити, нечаянно увидѣли зъ одной сторони Орду, а зъ другой отъ мѣста чернь Козацкую, якъ хмару зъ громомъ и неслиханнимъ трѣскомъ валячую, лечъ первей на томъ же мѣсцу, где уже были якъ колвекъ и окопалися, ку отпору стали, а нотомъ же и за окопами тими не могли отъ Козацкой укритися стрелби, уступили на гору, близко къ себѣ прилеглую, на которой знову постановившися въ справѣ, первого того дня гарцами зежджалися, а на завтрее такожъ оними пробовали щастя, але когда приведено до ихъ языка, знатъ нарочно отъ Хмелницкого виправленого, зъ тоею повѣстю, же зъ Хмелницкимъ Тугай Бей въ пятидесять тисячей Орди найдуется, до которой и Ханского зъ болшою еще Татаръ силою вскорѣ надѣются прибытя, Козаковъ зась и чернѣ безъ числа; якое до него Хмелницкого на уморъ бѣгучи, що разъ болшое въ своей силѣ чинятъ умножене. Снадно тому всему Ляхи увѣрили, и якъ роса да вянетъ отъ морозу, такъ они отъ страху безмѣрне зтурбованіи будучи, що би за слово о якой изректи порадѣ не вѣдали, одно тилко що мѣли въ мисли, тое заразъ и въ дѣло произвели, же, болшей на помянутой горѣ не бавячися, зъ самого вечера почали знову зо всѣмъ таборомъ сходити далѣй, и на завтришній день рано ишли барзо справнимъ шикомъ, стиснувши въ осмъ рядовъ вози и ридвани, при которихъ пѣхоту и челядъ зъ огненною стрелбою постановили, езду по бокахъ розставили, при которой и самія Гетмани зъ обохъ сторонъ выстроилися; лечъ наступившое на ихъ заразъ Козацкое и

Гетманы зъ войскомъ завертаются ку Корсуну.

И тревога и потреба Поляковъ подъ Корсуномъ.

Татарское войско, когда натерли на пѣхоту и коней возовихъ много побили, мусѣла и езда зъ коней зсѣдати, давши оніе челяди, и до пѣхоти прилучитися, где густо огнемъ и желѣзомъ окритій долго чинили отпоръ, же ишли въ томъ опалѣ, болше о полмилѣ двигаючи на себѣ тяжкое узброене, до чого еще солнечная спека не менщои имъ причинили тяжести. А надъ все переходъ труднiй имъ былъ чрезъ великую долину круту (въ которую, повѣдали, нарочно впровадилъ проводникъ отъ Козаковъ же хнетомихъ Ляховъ бывшiй) и якъ стали въ тюю долину велми нескоро: бо въ крутомъ, а багнистомъ барзо положеню будучую переходити, тягнучи одни вози на прикрую гору, а другiи зъ калу ратуючи, третiи послѣднiи зъ гори також прикрожъ на долъ спускаючи, тимъ часомъ Козаки позасѣкали лѣси и перекопи починили, куда Ляхамъ предити лежало; и на той же долинѣ шики имъ порвавши, одну часть табору на гору перепустили, а другую оною въ долинѣ огорнули, въ которой Татаре, якъ поводь весняная, чрезъ прорву на нихъ свободно впавши, и безмѣрнимъ крикомъ и галасомъ увесъ до щенту знесли, хочъ еще на лѣвомъ крилѣ Гетманъ Полнiй Калѣновскiй зъ маловажною фурiею и працовалъ, турбуючися безъ сили, але и той раненнiй опустилъ руки, и сполне зъ Великимъ Короннимъ Гетманомъ Потоцкимъ и Ясколскимъ, такожъ зъ первими ротмистрами Одриволскимъ и Балабаномъ въ неволю Татарскую попался; и до Криму обадва тiе Гетмани зъ прочiими щасливе запроважени. Лечъ найбарзѣй тое утрапленe на слугахъ и джурахъ было видѣти доволно, которiе конѣ тримаючи, а за панскiе голови сами хотячи спастися, повѣдали для утеку на онiе, и по лѣсахъ и лугахъ Козаками половлени зостали, кромѣ щось ихъ мало при Корицкомъ Полѣскомъ свѣдомимъ себѣ шляхомъ утекло. А знакомитшiе Поляки всѣ поймани зостали, а инiе тамъ же и голови положили, а прочiе сполне зъ Гетманами Ордѣ въ Кримъ служити пошли, Козаки зась

Поляки розбити и Гетмани въ неволю забрани.

надъ всемъ лупами и добичею, въ розбитомъ обозѣ бывшею, и многимъ Лядскимъ трупомъ на пляцу положенномъ контентовалися, для чого далѣй и въ Корону поспѣти наскорѣ не могли.

И се то первая Козаковъ надъ Поляками викторія, по которой Хмелницкій зъ тимъ войскомъ удавшися подъ Бѣлую Церковъ, чрезъ долгій часъ стоялъ, чи то Короля обавляючися, чили певнѣй очекиваючи болшей Козацкихъ купъ истягненя; бо не такъ, якъ обманеннiи Ляхи вишмененнимъ язикомъ объ нихъ розумѣли были многочисленними, але всего Козацкого и Татарского войска, тогди отъ пятинадцати тисячъ болшей не винаходилося, хочай и въ той лѣчбѣ Поляки о нихъ далеко, яко Твердовскій удаетъ правдиве, или покриваючи своихъ кавалеровъ о томъ были несоравнени.

Хмелницкій подъ Бѣлою Церквою.

Здѣ потреба унѣверсалъ Хмелницкого уписати.

Личба войска Хмелницкего.

О чомъ въ Полщи когда прійшли невдячніе вѣсти, великая учинилася между всѣми тривога и збитнее замѣшане, а звлаща, же и другая чрезъ почту Литовскую, ровній страхъ Полякамъ наносячая, тогди-жъ наспѣла новина, ижъ Король самъ Владиславъ, почувши о той въ своемъ Королевствѣ повсталой навалности, въ дорозѣ въ мѣстечку Меречу своего лишился житія.

Тривога превеликая въ Полщи и замѣшане о утратѣ Гетмановъ и войска, и о смерти Короля Владислава.

А Козаки совершенно извѣстившися о той же новинѣ, умертвіе Короля оголошаючой, которой испервa долго не вѣрили. А будучи съ Хана знову войсками Татарскими вспоможени, и въ часъ такого въ Полщѣ замѣшаня нѣ отколь жадного не вѣдячи себѣ препятія, на всякіе своловолѣ и зброднѣ были внуздани; поневажъ шляхту вимислними побоями и смертми, а найбарзѣй Жидовъ губили всѣ, безъ встиду и погамованя, збитки въ гвалтахъ и забояхъ, паніенъ, матерей и дѣтей невинныхъ, и прочіе чинили непристойности, а напередъ Татаре, ажъ до Гориня по самій Константиновъ загони свои отправуючи, що напали брали, килко разъ поворочаючи до своего Коша зъ безмѣрними добичами, и тилко ясиру набираючи, колко могли допровяжати оного.

1649. лѣтера пасхалная Г.

Козацкіе збитки.

Хмелницкій зась самъ, подъ той часъ въ своемъ подъ Бѣлою Церквою установленномъ обозѣ дождавшися болшой къ собѣ умноженя чернѣ, виправлялъ розніе полки въ Подоле, и скоро получилъ тую вѣдомость, же въ Нестарвару фортецѣ много шляхти заперлося, заразъ Ганджѣ съ полкомъ туда готовитися, и доставати оной, а еслиби самъ доказати не могъ, жеби другій полковникъ, нѣякійсь Остапъ, своимъ полкомъ оною посилковалъ, розказалъ. Якая фортеца хочай добре была валомъ укрѣплена и Татарскому находу могла бы зъ оной отпоръ дати, однакъ когда прійшли, тогди Козаки зъ арматами и иншимъ огненнимъ оружіемъ, заразъ ихъ шляхту, межи которою былъ первій князь Чертвертенскій зъ княжною своею и зъ дѣтми и иніе подъ Корсунемъ недобитіе, якихъ що оттоль утекло, завзялъ такій страхъ, же почали отпрошуватися и о покою трактовати; якій трактатъ и учинити на той кондиціи мусѣли: самой шляхтѣ откупитися, а жидовъ видати, которіи заразъ всѣ, сколко ихъ тамъ было, зъ замку зъ жонами и зъ дѣтми и вкрудовани зостали. Лечъ при окопахъ замковихъ остоявшися не хотѣли предати себе той видимой згубѣ, але чрезъ три днѣ крѣпко боронилися, поки ажъ всѣ на голову вистинаніе отъ Козаковъ окопи тіе своимъ заровняли трупомъ.

Шляхта съ княземъ въ Нестарвару заперлася и окупилася, а Жиды выданы.

Сами зась шляхта же сподѣвалися по окупѣ своемъ отъ нападенія Козацкого быти уже волними; того ради во всемъ обезпечившися нѣ якою не обваровали твердостю своего помянутого трактату, яко при килѣшкахъ и лѣкворахъ чиненого, але наветъ и жадной зологи отъ Ганжы не взяли. Лечъ скоро онъ отъ замку отступилъ, а за тимъ часомъ и Остапъ къ нему присталъ и почалъ собѣ домагатися у него зъ взятого тамъ окупу удѣлу, на якое домаганеся Ганжа не смотрѣлъ; заразъ Остапъ розгнѣванніи на его, тоей своей запалчивости скутокъ на помянутую въ Нестерварѣ будучую шляхту обернулъ. Поневажъ до оной хочай и откупившейся, а тимъ барзѣй обезпеченой припустивши штурмъ,

велѣлъ зазженнихъ килко походенъ подкинути подъ башту, много въ себѣ боронъ пороху мѣвшую, которая запаленная будучи зъ неслиханнымъ трескомъ и шумомъ превеликій въ замку учинила пожаръ и тривогу, а звлаща между жонами и инимъ лякливимъ бѣлой плоти гмѣномъ. Козаки подъ той часъ урвавшися въ замокъ кого напали, рубали и забивали, не минаючи тимъ забойствомъ матерей, дѣтей малихъ, паненъ, и всѣхъ засплошъ, хто тилко въ руки ихъ попался, якою честію особливе тамъ и князь Четвертенскій зосталъ утрактованъ, ижъ власній его поддапній утялъ ему на пню шію, ижъ тое якоби сотницкій одержалъ собѣ урядъ, сама тилко княжня между Атаманями замѣшанная, полковниковѣ потимъ досталася, и одна тилко живая она зъ того війшла трактаменту.

О якомъ своихъ извѣстившися случаю по всей Полщи и Украинѣ тогди бывшіе Поляки, а по ономъ и себѣ кождій такоижъ надѣючися чести, еще горшую стали забирати тривогу и страхъ и въ жадніи свои уже замковіе не уфаючи обороны, до Висли, и, далѣй свое отправовали бѣгство; на которомъ единомъ избавленіи житіе свое заложили, а достатки свои и всякіе имѣнія Козацкой и Татарской вовѣрали дискреціи. Они тежъ Козаки и Татаре, не имѣючи нѣгде жадного себѣ препятія, на що напали, снадно опановали, и такимъ способомъ именно городи: Красное, Шаргородъ, Брацлавъ и Вѣнницю подобувавши, ажъ по самій Горинъ себѣ замѣрили границю. Въ якомъ разѣ Урѣмасъ Вѣцерексъ созвалъ въ Полщи сеймъ, на которомъ нѣ очомъ болшей тилко, тую якую бы мощно обмислити оборону, была розмова и порада, жебы жолнѣровъ зъ повѣтовихъ затяговъ зобрати толко, сколко бы было до войни ку отпору и оборонѣ противъ Козацкой такой и Татарской сыли; а на остатокъ постановили и реймѐнтаровъ трохъ великихъ, которіи хочай были въ своихъ цнотахъ непослѣдне залѣцани, а особливе въ розумѣ, повазѣ и отвазѣ,

Зъ чого далшая урослася межи Ляхами всюда тревога, ажъ за Вислу утѣкали.

Ляхи зъ страху за Вислу поутѣкали, а Козаки городи ихъ побрали и по Горинь границю себѣ замислили.

Ляхи войска збѣраютъ и Гетмановъ почининли.

и що въ такихъ термѣнахъ найпотребнѣйшое на отвазѣ быти здавалося въ людей богатство, достатки. Однакъ за неповетованную помилку и поблужене собѣ потимъ Ляхи приписовали, же тоею рейментарства годностію минули князя Вишневецкого, за Днѣпромъ еще въ той часъ бывшого, который мало еще вѣдаючи о вишвираженномъ своихъ случаю, а однакъ порозумѣваючи недоброе быти зъ того барзѣй состояніе, же когда пришолъ до Днѣпра заставъ тамъ на побережю всюда много збѣговъ и пороми, также и прочіе судна позатоплюваніе, а чернь на розбой и бунти въ превеликіе збираючуюся купи, чого певне би не было, еслибы о якомъ не чули злу; и для того, же уже было ему и встяжъ ити, и назадъ поворочатися небезпечно, пославъ своихъ людей далѣй для добутя певного языка, которого где заразъ и поймали, и зъ оного совершенно князь о всемъ вибадавшися, ижъ недобре зъ ними дѣется, иначей не могъ поступити, тилко назадъ отважился повернутися до Лубенъ, отколь взявши свою княжну, сина и прочіихъ домашнихъ, зъ имѣніемъ также обивателей нѣкоторыхъ тамошнихъ (хто поспѣти за нимъ моглъ зъ серединѣ такихъ бунтовъ вибратися) намѣрилъ былъ до Волиня пробиратися. Въ якій часъ прибыли до него еще инніе люде зъ Миргорода и Переяславля, якихъ зъ дворовими всѣхъ на три тисячи при немъ зобралося, и зъ такимъ виборомъ зъ Лубенъ війшолъ, поглядаючи не безъ жалю и плачу на городъ свой и костелъ, тамъ коштовне собою збудованній, якій потомъ заразъ огнемъ въ гору пошолъ; але не идучи онъ князь простимъ трактомъ на Кіевъ, для заступленнихъ тамъ у Днѣпра Козаками перевозомъ, удался къ Чернѣгову и тамъ подъ Любечомъ зъ великою трудностію переправилъ; не здіймаючи зъ себе желѣзной зброи, ажъ отъ самаго виходу своего зъ Лубенъ до тоей Днѣпра переправи; за которою добравшися своей маетности Брагина, княжну зо всѣмъ дворомъ и зъ иншими тяжарами виправилъ до Вишніовца, а самъ зближившися

Вишневецкій зъ Лубенъ віехалъ.

Вишневецкій подъ Любечомъ Днѣпръ переправилъ.

жаючися до Кривоноса, и удался въ тіе военіе видоміи пожари зъ прибранними до себе еще якогосъ певного числа пріятелями и знаемими людми, и притягнувши до Погребищъ велѣлъ тамъ отъ мѣщанъ и священниковъ, которіе ему здалися быти до бунтовъ поводами и самими винѣйшими, для построху прочіимъ, позбивати на палѣ.

Въ Погребищахъ Вишневецкій казнилъ людей.

Оттоль засъ далѣй пойшолъ къ своей же маетности Немерову и не доходячи самого города сталъ неподалецѣ, а до Немеровцювъ виправилъ, жеби яко подданніи додали ему живности и иного вспоможеня зъ тройма корогвами Барановского, которій, когда до города пріехавъ, засталъ тамъ брами позамиканніе и почулъ нѣкоторихъ пяныхъ волаючихъ: чого бы до нихъ Ляхи пришли, поневажъ тутъ не машъ нѣчого уже Лядского, але одного знаютъ они за пана своего быти Хмельницкого. Заразъ по такомъ одозвѣ, поколи горожане иншіе пришли до справи и армати на валъ виточувати стали, Барановскій тотъ, зъ дракгоніею прорубавши секирами парканъ, увалилися въ мѣсто, иже много людей обоего полу порубали и побили; того ради прочіе всѣ устрахнувшися въ ями и лѣси зъ города порозбѣгалися, и нѣкоторіе зъ нихъ надъ вечоръ уже удалися до князя, которій розгнѣванній будучи еще горшей мѣлъ надъ нимъ мститися. Ажъ на завтрій день зъ старшиною мѣскою войтъ прійшолъ, приносячи свою ему князевѣ повинную, и дивуючися, що би была вчорайшому ихъ забою за причина, началъ говорити, ижъ не що иншое, тилко легкомислность тое Барановского справила, поневажъ онъ не удавшися, мовили, до насъ старшини первей, за чимъ пріехалъ, але, неразсуднимъ якогось пяницѣ крикомъ ожесточенній, такъ въ невинномъ людей караню забойствѣ перебралъ мѣру; а мы, якъ были своему князю вѣрними, такъ и теперъ при оной держимося, и якой потребуетъ по насъ вигоди, мы тую ради висвѣдчити, тилко бы далъ намъ отъ себе залогу. Якою ихъ штучною покорою князь уведшися, скоро послалъ

Князь подъ Немеровомъ.

Барановскій Немерову зашкодилъ.

Немировцовъ поволность ку князю ошуканская.

къ нимъ при Ксенскомъ и Пѣчовичу двѣстѣ чловѣкъ драгонѣи; они заразъ заперши брами, дали знати Козакамъ, которіе, набѣгши въ Немеровъ, всѣхъ тихъ драгуновъ и крѣпко боронячихся въ пень вирубали, ледво одинъ зъ нихъ якось живимъ оставшимся, далъ о томъ своемъ упадку князевѣ знати. Чимъ онъ тажко будучи залтерованій доразумѣватися моглъ, що объ немъ и иншіи мислятъ, а обавляючися далшихъ такихъ здрадъ и фортелювъ, иле при томъ еще запевне почувалъ и о Кривоносу на себе чигаючомъ, намѣрилъ былъ для тихъ причинъ и своимъ домашнимъ возвратитися и по такъ многихъ працахъ, же чрезъ мѣсяцъ и далѣй не зсѣдали зъ конѣй, видхнути що колвекъ. Ажъ въ томъ разѣ воевода Кіевскій Тишкевичъ зъ полкомъ своимъ вагналъ его и просилъ о ратунокъ мѣста Махновичъ, около которого Кривоносъ все уже позносилъ и самого того добувалъ мѣста. Якому воеводѣ прошенію князь не отмовивши, хочай и такъ уже мѣлъ досить зъ себе трудовъ, але заразъ просто до Махновичъ пошедши, засталъ тамъ мѣсто уже отъ Козаковъ рабуючоеся, кляшторъ вирубаній, а замокъ вколо опаленній, куда великимъ гвалтомъ зъ своими жолнѣрами на оныхъ, по домахъ и костелахъ еще грасуючихъ, напавши, началъ до утеку заразъ удавшихся гонити, громити и поражати, и що было подъ часъ самого вмѣсто Козановъ удомленяся шляхти зъ жонами и дѣтми, въ певную якую тамъ избу заперлося, всѣхъ тихъ отъ осади свободилъ, гоначи Козаковъ ажъ до табору, зъ другой сторони за мѣстомъ стоявшого, и всего оного зъ арматами за малимъ не знесши; отъ якого всеконечного знесеня самъ же воевода Кіевскій князя упросилъ для тоей причины, жебы горше розяренный Кривоносъ не попалилъ въ своемъ уходѣ гуменъ, збожжей и хуторовъ, а особливе плюскоти дощевіе и наступившая тогди ночъ препятіе въ томъ учинила, же мусѣвъ князь розказать оттрубить отворотъ, черезъ що незнесенній до конца Кривоносъ изъ такой тѣсноти себе

Махновичъ останокъ князь отъ Кривоноса оборонилъ.

освобождаючи, ушолъ назадъ тоей же ночи миль чтыри; а Вишневецкій скоро удался подъ Рилцевъ. Заехали до него въ той дорозѣ обивателѣ города Полоного, объявляючи о себѣ, же они отъ находу Козацкого сутъ небезпечни, и того ради о ратунокъ просячи. Лечъ князъ порозумѣвшися, же тамъ до Полоного найболшей самой Русѣ, а Поляковъ мало въ забѣги зобралося, жебы отъ нихъ не понеслъ якой зради, звлаща, же и въ силахъ былъ уже утружденній, и конѣ имѣлъ барзо вниможенніе, мусѣлъ въ томъ ихъ прошеніи отмовити, предложивши имъ однакъ тое, же если пріійдется отъ нихъ быти въ облеженю и могутъ якъ колвекъ при такомъ не подломъ городѣ и оборонѣ, даючи належитій отпоръ, задержатися, то и къ нимъ въ той часъ на отсѣчъ готоваго себе прибыти декляровалъ. А тимъ часомъ послалъ по Осинского и Корицкого, которихъ отъ себе недалеко быти зъ гвардіею въ дорозѣ почулъ, просячи до своей компаніи, але же тінсь, отмовляючися иншимъ засланимъ къ нимъ гетманскимъ ординансомъ, не схотѣли до него поехати, любо потомъ заразъ и полкъ отъ нихъ въ такой неохотѣ Козаками зосталъ вколо огорненій. Теди князь, видячи отъ нихъ невдячность, барзо зосталъ розгнѣванній и началъ, тяжко вздихаючи, вирикати тіе слова: «если-жъ то я одинъ болшей всѣхъ працовати въ оборонѣ отечества повиненъ, поколь самому непріятель насядетъ на шію, а иншихъ и не досягнетъ, которіе по своихъ поховалися и ховаются фортецехъ; нехай-же теперъ уже той непріятель намстится, и що хочетъ забираетъ, а я такожъ удамся къ своимъ, и, если еще могу где приклонити голову, подобнимъ способомъ якъ и другіи, себе боронити буду». Зъ якимъ вирокомъ скоро рушилъ ку Збаражу, а минувши Костянтиновъ заночовалъ въ Росоловцяхъ, ажъ тутъ зъ одной сторони помянутій Осинскій зъ кгвардіею, а зъ другой Корицкій зъ полкомъ задихавшися прибѣгли до него зъ прошеніемъ прощеня за свою, же до него заразъ не пріехали, вину. А

Отъ Полоного просять князя заступленія отъ Козаковъ.

причину того своего непріезду не иншую давали тилко, же не осмѣли своихъ Гетмановъ преступити указу, а теперъ поневажъ Кривоносъ прошедши Полоное, уже зо всею потугою подъ Костантиновъ забирается; теди и гетманскій ординансъ упослѣжаючи абадва подъ рейментъ его княжій поддаются, чого ради князь надолзѣ щобы чинити размишляючи, а потомъ когда показалися быти подъ корогвами ихъ Осинского и Корецкого справніе и воинскій порядокъ маючіе жолнѣре, обиклою своею до дѣлъ воинскихъ, зъ того побудился охотою, надѣючися зъ ними чого значного достати.

Кривоносъ ку Костантинову прибѣрается.

Въ якомъ разѣ, обачивши на свое око повстаючіе отъ Костантинова лими и огненіе великіе зарави, не пойшолъ туда просто; але тамъ па одномъ мѣстцу при ставу Виссоватомъ, которое до оборони розумѣлъ быти способное стоячи, наступившой ночи заразъ окопался. На завтрій зась день, въ праздникъ Святыя Анни, по полудню, якъ почали Козаки отъ Костантинова показоватися и зъ гори спускатися къ греблѣ, тогди и онъ сталъ до бою шиковатися; своихъ жолнѣровъ звичайнимъ способомъ поставилъ напередъ, а мижи ними пѣхоту Оссинского устроилъ, змѣшавши оную значне, жебы вся была конница заслонена, Корицкому съ полкомъ стать на самомъ чолѣ, а своимъ всѣмъ до ратунку и посилкованя опого, еслибы мѣло на него быти якое гвалтовное напередъ наступленніе, во всякой поготовости найдоватися розказалъ. Въ той теди справѣ постерегши его Кривоносъ мислилъ якъ бы моглъ къ нему чрезъ греблю, за которою такъ былъ ушикованъ, перебратися, и заразъ, належите таборомъ при самой греблѣ заслонившися, почалъ наступовати на драгонію Вишневецкого, первей отъ него зъ пѣхотою Осинского помѣшаную, которая зъ разу на него въ заемъ не натирала, тилко на мѣстцу отстрелювалася, болшого чекаючи на себе Козацкого навалу, а потомъ стали Козаки прикро натирати, а за ними болшая еще валила потуга, же мало не вполъ тую уже перейшли

Война подъ Костантиновомъ зъ Кривоносомъ.

драгонію, тогди оная роступилась, и Оссинскій зъ своею пѣхотою откритій нечаянно далъ такъ жестоко огня, ижъ заразъ, не могучи Козаки стерпѣти, назадъ до утеку удалися, и иніе въ ставъ и иніе въ болото, куда хто очима сталъ и потрафити могъ, кинулися, Поляки зась хто зъ нихъ былъ охочимъ запобѣгаючи онихъ зъ тилу, громили и поражали; а однакъ тоей имъ потреби виграти не позволило тое самое, же когда онихъ охочихъ въ погоню за утѣкаючими нарозно немало удалося, прочіи зъ ихъ табору, за ставомъ будучого, добувати не смѣли, а тимъ часомъ до добуваня онимъ наступившая темнота нощная препятіемъ стала. Лечъ Кривоносъ, не тратячи сердца, а хотячи знову назавтрое своей програнной повстовати справи, когда знову чрезъ тую-жъ греблю всѣмъ своимъ комонникомъ на нихъ Поляковъ чинивъ наступленіе, Князь, будучи ку отпору готовимъ, для якого правій бокъ своихъ жолнѣровъ далъ въ коменду воеводѣ Кіевскому, а лѣвій самъ взялъ, инакшимъ уже поступилъ способомъ: допустилъ всѣмъ войскомъ ему Кривоносу чрезъ тую греблю до себе перебратися и, заразъ крикнувши самъ по коню, началъ утекати будто, на що Козаки обезпѣчившися, знагла зо всѣмъ жолнѣрствомъ вскочилъ въ самую середину Козацкого навалу и великое между ними, взявши ихъ на шаблѣ, учинилъ поражене, такожъ и не безъ утрати своихъ, поневажъ тамъ забитіе зостали предъ иншими полковникъ Моирскій, Сподпоручникъ и Курошляхтичъ, много доказовавшій. Для которыхъ князь жарливѣйшую до гнѣву завзявши причину горшей ихъ сталъ поражати, когда и старшину Козацкую нѣкоторую, попавши въ руки, повязалъ и тимъ всю чернь безмѣрно зтривожилъ; табору малъ не половину урвалъ зъ арматою, поймалъ переднѣйшого начальника, а подъ Кривоносомъ второго, Полуяна, а надъ все сорокъ отнялъ тамъ ихъ короговъ, межи котрими были и Лядскіе, подъ часъ баталіи Корсунской Козаками взятіе; однакъ и тогди за наступленіемъ почи до конца онихъ

знести не могъ. Чимъ Кривоносъ будучи перестрашенній уступилъ назадъ до Хмелницкого, а князь обозъ свой оставивши подъ Ямполемъ отъехалъ до Збаражя, такъ для своего яко и жолнѣрского, хочай короткого, одпочинку, а барзѣй для стягненя и инших до себе Поляковъ, которін еще до тихъ часъ отъ Висли и Люблина заледво рушали.

Примасъ зась не дождавшися подлугъ своего зъ прочими началниками постановленія, на первомъ сейму учиненного, жадного войска охочого збору и стягненія, зложилъ другую конвокоцію и сеймъ, на которомъ любо намѣривали и на Королевскую обрати кого годность; однакъ, не могши нѣкого тогда обибрати, поприд*а*вали тилко до кождого зъ трохъ первей постановленнихъ рейментаровъ по чтири Коммисари, а чимъ бы могли первое тое свое покрити поблужене, же рейментарствомъ обминули князя Вишневецкого, и оного четвертого уже тогди тоею-жъ почтили годностію, не уважаючи тоей давной приповѣсти, где два господарѣ въ едномъ дворѣ, жадного тамъ не маешъ порядку; далеко барзѣ въ войску тилко ровнихъ собѣ командировъ ставитъ было непотреба.

Ссеъти зъ Вишневецкимъ въ Збаражу.

А по отправѣ того сейму, тако-жъ на совѣтъ позеждалися въ Збаражъ воевода Подолскій, хоружій Коронній Конецполскій, Калѣновскій, зъ трома тисячами жолнѣровъ, Потоцкій, Чолованскій дзѣкъ, Волинцѣ и Люблинцѣ, зъ своимъ полковникомъ, которіи всѣ хочай бы до нихъ отъ рейментаровъ ординансъ, жебы подъ Глиняни къ нимъ ехали, не слухаючи того ординансу, зъ княземъ Вишневецкимъ до обозу ити постановили. А нѣмъ зъ того отъ Збаража зезду вибралися, пришла до нихъ зъ Подоля вѣсть,

Кривоносъ городъ Баръ взялъ на Подолю.

же Кривоносъ опановалъ уже значную фортецу Баръ, которая нжъ была надъ инніи способная, и много' въ себѣ имѣла арматъ и всякихъ военнихъ припасовъ; жеби не досталася Козакамъ, оставилъ былъ помянутіи хоружій тамъ полкъ своихъ жолнѣровъ, якой поневажъ вскорѣ обивате-

лемъ тамошнимъ своею станцѣею наприкрилися, и для того наприкреня не були они вдячни, того ради виступити мусѣли, и на ихъ мѣсце скоро ввойшли въ городъ Королевичеви Нѣмци, которихъ часть Потоцкій, тамъ же въ замку будучій, до брамъ на стражъ виправилъ. Заразъ и Кривоносъ зъ своими Козаками туда приспѣлъ, и тилко подъ городомъ остановился, виглядаючи на валъ, куда бы лучше припустити штурмъ, ажъ мѣщане сами доброволне брами ему отворили, куда онъ зъ Козаками убравшися первей помянутою Нѣмецкую пѣхоту у брамъ, на стражи бывшую, на голову витяли, напотомъ и Ляховъ сколко было зъ походнями и каганцами, по склепахъ, погребахъ и ямахъ винайденнихъ волочачи побили. Якихъ всѣхъ зъ Жидами и ранними (раненными) Поляками, зъ Украини туда зобравшихся, побитихъ оказалося на пятнадцятъ тисячей душъ. Замокъ тежъ, по вступленю въ мѣсто Козаковъ, и по томъ Ляховъ и Жидовъ забойствѣ, не здавался, и еще не заразъ былъ добутій; которій хочай мѣлъ валъ и окопи до кола добріе, однакъ—же тилко въ немъ двѣстѣ чловѣка помянутихъ Нѣмцовъ заперлося, а прочіи люде Рускіе всѣ тамъ при нихъ были; и сперва якъ колвекъ тіи Нѣмцѣ боронилися не безъ шкоди Козацкой, теди потомъ Козаки тихо изъ ставу, тамъ будучого, зъ тилу въ замокъ убралися, и всю оную пѣхоту Нѣмецкую вирубали, кромѣ одного Потоцкого, въ неволю взятого и живого сохраненного, зъ которимъ зновне и они-жъ Козаци, армати и спряти всѣ костелніе позабиравши, пойшли оттуда были подъ Каменецъ-Подолскій, где не бавячися много, бо фортеца тая до добутя имъ здалася быти трудная, заразъ отъ оной отступили.

Къ Вишневецкому войско чохнется.

Такіе прето новини когда прійшли въ Збаражъ до князя Вишневецкого, зъ прочіими прійшло ему далѣй не бавячися совѣтами пожекгнати княжну и всѣхъ своихъ домашнихъ, по тижднeвомъ отпочинку, всѣвши на конѣ, самъ зъ прочіими вибрался до Чолганского, а еи княжни до

Бѣлого Каменя виправилъ. Зъ Чолганска зась прибывши до своего обозу, засталъ тамъ при ономъ заразъ болшей, нѣжъ когда отездилъ, зобравшогося войска, и еще оного болшъ прибывало, которое умислне мимо Гетмановъ, власне о бокъ ихъ отираючися, до Вишневецкого обозу прилучилося, и прочіе мало не всѣ Поляки и жолнѣрство зъ тимъ отзивалися, ижъ кромѣ его не хотять знати и имѣти иншихъ гетмановъ, облѣкгуючися во всемъ, куда бы замисливъ самъ вести оныхъ и радѣти, отдавали ему послушенство. Лечъ Князь, запобѣгаючи тому, жебы горша на него отъ Гетмановъ и прочіихъ не уросла ненависть, и изъ опои далшое якое въ Полши не повстало зло належитое, имъ, такъ до себе одозвавшимся, за жичливый фаворъ учинилъ подякование; однакъ заразъ упросивши зъ собою въ компанію воеводу Кіевского, послалъ до Глинянъ, где зъ Гетманами знесшися, хочай противъ оныхъ имѣлъ що уразы, все пустилъ мимо, и подъ рейментъ ихъ самъ зо всѣмъ прибраннимъ войскомъ поддался. Якого прикладомъ и прочіи побудившися до тихъ рейментаровъ едностайне склонилися, и въ такую зобралися личбу, же самихъ до бою и военной оказіи найспособнѣйшихъ болше отъ тридцяти тисячей быти показалося, кромѣ тихъ людей, якіе при караванахъ и при многихъ возахъ, въ обозѣ старожитнимъ звичаемъ мушкети и инное оружіе мѣючіе, три кротей собою превишшали тое тридцятотисячное число. А всѣ пречъ отъ злота и срѣбра, при тарчахъ, пуклярахъ, рондахъ, фордкгахъ, бунчукахъ, палашахъ, концерахъ, столовихъ кредексахъ и при иншихъ дорогихъ спецѣялахъ будучіе, до того якъ рейментари и коммиссари до нихъ попридаванніе зехалися, и що межи ними несправно быти здавалося зовсѣмъ исправили, ажъ вдячно было смотрѣти на такое люстрованное войско, надъ якое нѣкогда въ зброи и конѣ и во всякіе вишвираженніе достатки богатшого Полска сама не видала, не вѣдаючи, же тое все богатство мѣли фримарчити на подранніе кипдяки и сермяги,

Вишневецкій отдался подъ команду Гетмановъ новихъ.

Личба войска Полского.

Оздоба и богатство того войска.

ремѣнніе уздечки, конопляніе оброти и попруги ремѣнніе Козацкіе, и якимъ богатствомъ и аппаренціею надѣялися Козаковъ застрашити, тимъ барзѣй до отваги на себе онихъ повабили.

Въ такой теди лѣчбѣ, формѣ и порядку тое Лядское войско когда рушило зъ подъ Чолганского Каменца ку Костантинову, и отъ шляхтича Черменского получили певную вѣдомость, же Хмелницкій зо всею потугою приходитъ подъ его маетность городокъ Пѣлявци; заразъ стало межи ними помѣшане, неувага, а надъ все контептъ козацкой силы и фортеля, чого первій по нихъ былъ знакъ, же рушили дармо зъ подъ Константинова при такомъ мѣстцѣ будучого, надъ которое до розставленя обозу и до всякихъ поводовъ и справъ военнихъ нѣгде не было лучшого и способнѣйшого; а пошли просто до Пѣлявецъ несвѣдоміи о тамошнемъ положеню, будучомъ при горахъ, вертепахъ и, якъ имъ опослѣ здалося, пропастехъ земнихъ. На якіе не мѣючи о Хмелницкого оборотѣ и поведеніи не шпикга, не жадного языка (кромѣ що Гетмана зъ собою черезъ карти зносилися о якимъ способомъ и где поставитися обозомъ совѣтовали), когда пойшли, заразъ ему въ очи предстали зо всѣмъ обозомъ, которимъ для незлѣчонихъ возовъ нескоро и несправно по тихъ-то горахъ правячися, где хто моглъ, тамъ и постановился непоодаль отъ помянутого мѣстечка, якое мѣло въ себѣ замокъ мурованній, а тамъ же и рѣчку, имепуемую Пѣлявка (отъ которой и мѣстечко тимъ именемъ Пѣлявцѣ славится) не великимъ, але багнистимъ потокомъ плинучою. Якой обадва береги, поневажъ они Поляки, своимъ обозомъ притягнувши, заступити намѣривали, обнялъ своимъ войскомъ Хмелницкій, маючій о томъ ихъ намѣреніи напередъ чрезъ шпикговъ вѣдомость, давши одну сторону противъ замку Лядского Кривоносовѣ, а другій себѣ взявши, имъ зась Ляхамъ яри и горы, которими бы самими о упадокъ и ламане шій моглъ оныхъ приправити

Хмелницкій подъ Пилявц тягнетъ.

Ляхи подъ Пилявц тягнутъ.

Неспособность мѣстца Полякомъ.

до розположеняся зоставилъ, однакъ они и въ такой мѣстца непристойности постановившіеся усовѣтовали дармо не влекуючи заразъ на Козаковъ наступовать, але приступу до оныхъ боронила близко тамъ прилеглая гребля узкая, а напередъ ихъ приходу нарочно Козаками розгруженная, которую Хмелницкій, передъ ихъ Лядскими очима осмотруючи, зъ того боку, где самъ стоялъ, казалъ блякавзивъ два висипати, и на оныхъ арматокъ двѣ заточити, ожидаючи туда Лядского перебору. Для чого ординованній Лащъ зъ княземъ Корецкимъ въ тисячи охотника, не идучи на тую греблю, але вишшей оной винайшовши бродъ и перебравшися, нечаянно на черни Козацкую напали; и въ слѣдъ заразъ для помощи за ними и иншіе наспѣвали Лядскіе корогви, лечъ на первомъ томъ разѣ отъ Козаковъ въ двохъ шанцяхъ тамъ засѣвшихъ и добре огню нечаянно давшихъ такъ были воспящени, же не малъ цѣлимъ своимъ войскомъ затривожили, а потомъ Ляхи поправившися шанцѣ тіе обидва осадили, армату одну, и зъ нею кильконадцятъ языковъ взяли, а потомъ власне предверіемъ баталіи, которое засталое себѣ приписовали уже щастя, превеликую до далшого военного прокгрессу завзяли были охоту.

Страхъ у Поляковъ.

Однакъ когда тіе пойманніе въ шанцяхъ Козацкіе сказали язики быти неполѣчоное своего войска число, а къ тому еще, що зась самого Хана зъ Ордою прибытія къ себѣ въ помощъ надѣются, зъ чого барзѣй заразъ на завтрешній ранокъ нечаянная въ обозѣ Лядскомъ уродилася вѣсть, будто Хмелницкій зъ обозовъ своихъ виходитъ и хочетъ на ихъ зъ наступомъ ити всего войска своею потугою. Тимъ Гетмани и инніе началники велми затривожилися, и все войско, въ справѣ поставивши въ готовости, того ожидали наступленя. Въ якое время превеликій былъ туманъ, же якъ заледво моглъ одинъ другого бачити, и для того, барзо тихо въ справѣ стоячи, подслуховали тилко, отколь будетъ до нихъ Козацкій навалъ.

А Хмелницкій тогди на одномъ мѣстцу пребывалъ и въ таинѣ Ляхамъ бѣду промышлялъ, тилко гарцами забавлятися зъ ними подсилалъ своихъ охотниковъ. Подъ позній часъ вечеръ, якъ Ляхи зъ шику до обозу возвращалися, учули нечаянное въ табору Козацкомъ на котлахъ бите, игри на трубахъ, и премногое зъ арматъ стреляне. Якій тріумфъ не зъ чого иншого быти они Ляхи розумѣли, тилко конечне отъ Ханского до Козаковъ на помощъ приходу, а не мѣючи о томъ певной вѣдомости, нѣ языка, кромѣ попа одного, гдесь Вишневецкого Волохами ухваченного, которій, власне въ пострахъ, согласно зъ ихъ же мнѣніемъ, сказалъ въ своемъ допросѣ, же Хмелницкій, яко оніе Ляхи наступили были на Козаковъ дня вчорашного, барзо былъ зъ собою звонтпилъ и мислилъ, якобы утѣкати уже, если бы мало далѣй до табору были гналися якъ почали, а теперъ, поневажъ прійшла къ нему въ помощъ Орда, въ лѣпшой есть надѣи, и хочетъ на вашъ наступовати обозъ. Чимъ Ляхи зтривоженіи еще горшей, а навѣтъ и саміи ихъ началники прислали ординансъ до тихъ въ шику стоявшихъ, жебы не сходили зъ поля, и такъ мало не болшая часть оныхъ всего войска тоей ночи стояли на сторожи.

Фортель Хмелницкого.

Страхъ у Поляковъ отъ языка.

Якую ихъ тривогу Хмелницкій своею постерегши цекавостю, скоро зійшла ранняя къ свѣту зоря, побудилъ всѣ свои полки до справи, и хочай не было къ нему прибытя Орди (якъ Ляхи ошуканніе вчорайшого дня его тріумфу домишлялися) опрочъ чтирохъ тилко тисячей Татаръ, при немъ неотступно бывшихъ, онъ тихъ щекгулне виставивши напередъ, и прибравши къ нимъ еще немалое число въ Татарскіе чугаи Козаковъ охочихъ, которихъ бы такимъ прибором за Орду удати, и тимъ болшій страхъ Ляхамъ въ очи пустити могъ, якожъ и латво тая его вмѣсто самого дѣла предъ ними Ляхами увойшла штука; поневажъ когда помянутіе Татаре, и прибраніе сполне въ ихъ постахъ Козаки кинулися и непомѣрнимъ голосомъ закричали: *алла,*

Хмелницкій на Поляковъ наступуетъ.

алла, заразъ тимъ въ Полякахъ вчорайшого дня зъ тріумфу Хмелницкого и зъ повѣсти пойманого попа завзятая тривога весма утвердилася; подъ часъ которои Козаки во первихъ на чтири корогви Суходолского коменди и пѣхоту Осинского, въ шанцяхъ по той сторонѣ греблѣ обозу Лядского будучіе, напали, и же тіе корогви зъ пѣхотою крѣпко боронилися, жестокій учинился забой около тоеи же греблѣ, которую одержати обидвѣ сторони допинали, але Козаки отъ тоей сторони, где Кривоносъ стоялъ, добре поратованній, лучше стали на Ляховъ насѣдати, а Ляхи въ своей знемагати силѣ. Але когда увидѣли, же одни корогви ихъ гинутъ, а другіе, въ шику недалеко стоячіе, обавляючися преступити своихъ командировъ указу, ратовати онихъ не смѣли, але еще горшій межъ ними учинился и въ томъ упадокъ, ижъ когда изъ помянутой згруженной греблѣ и переправи немалою купою натиснулися гусарскіи компанѣи, а Козаки на ихъ силно натерли, такъ замѣшалися зъ собою, же въ томъ замѣщаню и тѣснотѣ не могли дѣйствовати копѣями и пропорцами своими, оручи одними тилю, и замѣшаючи напрасно тамъ будучій калъ, а такъ первѣй тіе шанцѣ зъ пѣхотою виколоти и зъ арматами зо всѣмъ взяти отъ Козаковъ зостали; якіе были на той потребѣ корогви, жадная въ цѣлости до обозу Лядского не повернулася, лечъ мало не зовсѣмъ силу и славу свою въ помянутомъ загрузили калу, зъ утратою найзначнѣйшихъ своихъ шляхти и жолнѣровъ, а потомъ когда наступила ночъ заразъ старшина во первыхъ, а зъ ними и всѣ Ляхи затривоженніи безмѣрно совѣтовати между собою почали, якъ мають далѣй поступовати, единогласно признаючи, же неподобная видержати такой Козацкой и Татарской силы, а еще що разъ болшей отстягаючойся отвсюду чернѣ умножатися мѣючой, аиле что въ такъ яроватомъ и весма пропасномъ мѣстцу обозомъ постановилися, и тогди не въ часъ уже познали свой блудъ, ижъ не потреба було зъ подъ

Костантинова, такъ до оборони способного мѣстца, рушатися въ тіе пропасти. Чого ради постановили безъ жадного замедлѣнія знову подъ Костантиновъ рейтероватися мнѣй дбаючій и о вози обозовіе, которіе хочай бы и утратити мѣли, латвій иншимъ часомъ могутъ тоей поветовати утрати, нѣжъ-бы цѣлое запропастити войско; лечъ когда на конѣ уже всѣвшій рейментаре, тихо межи собою почали говорити, чтобъ не оставляти и возовъ, заразъ и всѣ войско, до забраня оныхъ кинувшися, превеликій учинили гукъ и шумъ, а за тимъ способу, а якимъ бы потреба было вертатися, зъ информаціи гетманской, не понявши, до правдивого удалися утеку; якую послѣднюю своихъ несправу видячи рейментари, а зкладаючи зъ себе тотъ рейментарства урядъ, принесли князю Вишневецкому, которій отказовалъ имъ таковими власне словами: «не въ часъ, панове, шануете мене «тоею почестіею, доношуйте еи здорови, якъ охочо взялисте «и по часѣ увидите сами до чого поднялистися!» Потомъ зодхнувши сердечне и глянулъ на небо и началъ мовити знову: «о мой Боже, хто есть причиною сей руини, того «безпощадѣнія по Своей Святой волѣ карай, наветъ если я «самъ виноватъ, тоеюжъ мя не мини казнію, токмо отчизну «нашу сохрани невредиму, а если уже и оной отъ видимого «сего упадку и руини по Твоихъ Божественнихъ судбахъ не«возможно спастися; того ради на насъ испусти громи и «молнія, и якъ хощеши уморай и карай насъ, а хлопству «нашому не допускай того надъ нами чинити караня» (*)!

Бѣгство Поляковъ съ поля битвы.

Панове зась Поляки, не внимаючи тое до Бога княжой ораціи, якъ зъ почнтку взялися, такъ и до остатку бѣгуть, ломятся и безмѣрно утѣкають, якъ хто можетъ, минаючи начальниковъ своихъ, такожъ и княжого превеликого воланя:

(*) Съ этихъ поръ въ рукописи прекращаются небольшія заглавія, помѣщенныя на поляхъ ея; а потому для большаго удобства при чтеніи, заглавія начиная съ этого мѣста сдѣланы уже въ настоящее время, при изданіи книги.

стойте, стойте для Бога, не всѣ утѣкаймо, же непремѣнно слухали, того ради и самъ князь помисливши, жебы такъ отъ всѣхъ остановленний, не попался Татарамъ въ руки, пуститвъ своего коня и ровно зъ прочими спустивъ своей оваги жакглѣ тоей нефортунной филѣ. Потомъ якій страхъ всѣхъ ихъ опановалъ, виписати и вимовити невозможно: сколько было возовъ зъ премногими достатками, а при нихъ ранних и хорахъ жолнѣровъ всѣхъ отбѣгли, где случалося кому зъ нихъ имѣти ночлѣгъ, не вѣдаючи що за справа, и зъ сну порвавшися, копѣи и шаблѣ и иншое оруже кидали, и тилко одно въ мислѣ и въ дѣлѣ мѣли, чтобъ допастися коня и куда очима стбить бѣгти, все свое спасеніе, такой грубей утѣчки; и той межи ними былъ мужественѣйшій, хто швидшій, зъ которихъ хочай кому и далій отъ иншихъ до дому бѣгти предлежало, той напредъ маючи конѣ до утѣчки добріе и; въ поспѣху своемъ ючи не засипаючи, въономъ опинился.

Добыча, доставшаяся Хмельницкому.

Якую Лядскую утечку и розниxъ на завтрее увидѣвши Хмелницкій долго въ себѣ дивовался и овшемъ скритомъ якомусь фортелевѣ ихъ тое причитуючи, не смѣлъ такъ заразъ кинутися до отбѣженого обозу, а опослѣ познавше, же щире утекаютъ и вози незмѣрнимъ наваломъ, запертіе по переправахъ зостали; тогди велѣлъ до нихъ принятися и розжаковати, жадного не чинячи браку, але все за сплошъ беручи: рисѣ, соболѣ, гроши, дорогіе шати, креденси отъ злота и сребра и иншіе неошанцованніе спеціяли, которіе начальники своей старожитной субстанцѣи, а на всей изъ лучшей шляхти все свое заслужоное, въ той обозъ были позвозили; такъ, же возовъ самихъ зъ тими добрами неменшей было отъ ста тисячей, щожъ при нихъ коней, такожъ челяди, якіе всѣ до послѣдного иншіе порубани, а иншіе въ неволю Татарскую забрани зостали.

Страхъ, овладѣвшій Поляками.

Таковимъ способомъ Ляхи отъ Хмелницкого розпуженни зоставши зъ подъ Пилявѣцъ, многіе зъ нихъ ажъ до самой

Висли оперлися, и еще тоею но довольствуючися утѣчкою, и иншіе за море куда, и иншіе до Гданска, другіе до Нѣмцевъ, прочіе въ Шведскую землю, и розніе, и сами не знаючи уже куда утекати, далѣй намѣривали; якую ихъ боязнь и несправность описуючи, и въ томъ зъ нихъ награваючійся Твардовскій тими заключилъ віршами:

O niech Matki przynamniey (że się wróci ona
Twarż Acheow) szędziwie zodkrywawszy lona
Nam zabieżą przyymująć nazad do żywota,
Kiedy niewstyd pobudźi y wrodzona chota.

Дѣйствія Вишневецкаго.

Самъ тилко Вишневецкій, оставшися ве Львовѣ, почалъ приходити до разсужденія и якимъ моглъ способомъ, прозбою, датками, вимовою своею утекающихъ задержовалъ и приговорилъ затягъ новій войска учинити, не жалуючи до того послѣдней своей худобы, такожъ у мѣщанъ тамошнихъ позиченнимъ способомъ значную сумму, и зъ костеловъ сребра отъ келѣховъ, крижовъ, и иныхъ утварей зобравши, тожъ мѣсто на самій передъ жолнѣрскою обваровалъ обороною, а самъ скоро пойшолъ для устроенія такойже обороны до Замойстя, где, подъ часъ того розруху, утекшую свою княжну изъ иншими домашними заставши, велмій обрадовался, и тамъ знесшися зъ ваеромъ или грабомъ, тоей фортеци началникомъ о далшой оной усовѣтовали оборонѣ, и отголь, жебы не наприкрился своими жолнѣрами обивателямъ, пойшолъ далѣй.

Походы Хмелницкого подъ Броды и Львовъ.

Хмелницкій зась надъ жаковане мъ Лядского обозу такъ долго бавился, же не тилко тіе, якіе скоро утѣкали, куда хто змѣралъ, своего достигнулъ мѣстца, але наветъ и помянутій Осинскій зъ позосталою отъ виколотя въ шанцахъ подъ Пилявцами пѣхотою, покиданніе отъ иншихъ армати, и многое оруже позбиравши, свободно уйшолъ. А потимъ нескоро онъ же Хмелницкій рушилъ ку Лвову, розославши розніе свои полки ажъ ку Стиру и Бугу, а самъ въ сто

тисячахъ притягъ первѣй до Збаражя (*), якій городъ хочай мѣлъ валъ зъ сѣченного камѣня, коло мурованій на три копіи въ висóту, и пятдесять штукъ арматъ, однакъ, же не было въ немъ до оборони людей, невозбранно Козацкіе войска войшли, и всѣ, якіе были тамъ, отъ Ляховъ оставлѐнніе достатки позабирали, не минаючи наветъ и въ склепахъ похороненнихъ зъ мертвими трунъ. Оттоль засъ Хмелницкій, виправивши подъ Броди два полки при Головацкомъ, пойшолъ зъ прочимъ своимъ войскомъ просто подъ Львовъ, где подчашій Коронній Остророгъ зъ мѣщанами усовѣтовалъ поселенія, на предмѣстю будучіе, якіе здалися бытии городу на перешкодѣ, прочъ опалити. Въ якое время показался имъ зъ горъ Хмелницкій зъ многочисленнимъ войскомъ, и, заразъ облегши мѣсто, почалъ до оного штурмовати, отколъ же исперва дали ему добрій отпоръ, виправилъ до нихъ мѣщанъ трембача зъ тимъ одозвомъ, жебы такъ мѣсто, которого онъ жалуючи, якобы до руини приводити не хочетъ, яко и свое заховуючи здорове, дали ему слушній откупъ. Прето мѣщане розсуждаючи, же много людей до города збѣгло, для которихъ не было довблной живности, до того и моровая язва почала была межи ними проявлятися; а надъ все якихъ жолнѣровъ при арцѣ Шведскомѣ ординовали для оборони на гору, тамъ надъ городомъ найдуючуюся, тіе для безводя мусѣли уступити назадъ, а на ихъ мѣстце наступивши Козаки нарихтовали на городъ армати, зъ которихъ не тилко людей, але и курій, и що колвекъ тамъ было, выбити могли; мусѣли о нихъ мѣщане, поступивши певную сумму грошевую и поставовъ сукна килко десять, уеднати его Хмелницкого. На томъ же не добуваючи болше города, пойшолъ отъ нихъ найскорѣй подъ Замойстіе; чимъ запобѣгаючи хотѣлъ тому, жебы утекшіе Ляхи не такъ лятво знову скуплялися и о своей промишляли оборонѣ.

Взятіе Львова.

(*) Противъ этихъ словъ въ рукописи на сторонѣ написано: «гладко Ляхъ зъ страху бреше».

Они зась подъ той часъ въ Варшаву зобравшися учинили Сеймъ и около избраня Короля всеконечно были заходилися, але же увидѣли малость сеймового кола для помянутого своего зъ подъ Пѣлявецъ роспорошения (по которомъ нескоро зъ далекихъ забѣговъ начални и прочая шляхта стали зездитися и при томъ зездѣ, закриваючи свой встидъ, всѣ вимѣрали кождій себе, же не онъ былъ до утѣчки поводомъ, але увидѣвши и иншихъ утѣкающихъ и самъ мусѣвъ утѣкати); того ради, знову елекцію королевскую на далшій часъ отложивши, приговорили, поколь она станется, постановити одного кого Гетманомъ, которій бы якъ колвекъ до часу могъ принамнѣй радѣти Королевствомъ, але и въ томъ люба исперва великая была межи ними незгода, поневажъ многіе хотѣли вручити тое гетманство Вишневецкому, якъ и саміе рейментари положили были передъ нимъ, подъ часъ недавной своей въ подъ Пѣлявецъ утѣчки, булаву, иншіе зась зависливіе на тое не позволяли, даючи такую причину, жебы, когда станетъ на время тимъ самовладцею, не закохался въ ономъ самовладѣніи и не схотѣлъ бы навсегда того держати, не допускаючи уже иннихъ избрати впредъ старожитнимъ звичаемъ таковаго уряду достойнихъ. Однакъ-же найболшая часть Поляковъ о томъ на его давали вота и великіе галаси произносили, теди и Вѣцерексъ виправилъ до него Соколовского, вручаючи ему того гетманства урядъ и просячи именемъ всей отчизни, жебы въ нинѣшномъ оной упадку обмишлялъ оборону, которою бы, хочай мало заслонившися, безпечно принаймнѣй могли себѣ кого избрати за Короля и Пана. А же для того оборони обмишленя не мѣли грошевого готового достатку, которимъ конечне потреба было новопоставленного Гетмана вспомогти, а не могучи такъ скоро обиклихъ зъ повѣтовъ зобрати, скарбецъ зъ власнихъ своихъ датковъ не жалуючи, онихъ, хто тилко можетъ зъ своей офѣровати субстанціи, и любимой своей отчизнѣ, жеби до крайной не приходила згубы, якій колвекъ учинити ра-

Сеймъ въ Варшавѣ.

Избраніе Вишневецкаго Гетманомъ.

тунокъ, до которого и латво многіе зъ охотою одозвалися, даруючи на словахъ той грошей готовихъ зъ власной шкатули немалую сумму, другіе, не маючи доволной готовизны, сребро, золото, столовіе креденси и иншіе свои рѣчи; лечь когда пріишло до самого тоей обѣтницѣ и дарунку виполнения, нѣхто ничого складати не схотѣвъ, навет що найпотребнѣйшое имъ быти здалося (поневажъ многіи зъ нихъ же шлупи були по Вислѣ наготовили для утѣчки, тилко якая колвекъ прилучилася тривога), чтобъ всеконечно виправити подъ Хмелницкого подѣздъ, то и на тое не могли зобратися, ажъ заледво упросили Кашевского, которій, отваживши ся на тое, зосталъ отъ новоизбраного Гетмана виправленій.

Избраніе Королемъ Яна Казимира.

А тимъ часомъ Поляки всѣ до Варшави знову зехавшися, куда и самъ князь, ново гетманомъ учиненній, отъ многихъ нечаяннѣй прибылъ. Наименовали на Королевство Яна Казѣмѣра Первого, и за тоею его номинаціею заразъ извѣщеніемъ о опойже послали до Хмелницкого, которому тое причитовали, же зъ натури боялся барзѣй одного Короля яко голови, нѣжъ цѣлой Рѣчи Посполитой, вмѣняючи быти оную за чернь и тѣломъ безглавнимъ називаючи.

Посолъ къ Хмелницкому.

Усовѣтовали и виправили до него ксендза Гандежеля, здавна ему знаемого, а тоею самою знаемостю до якои склонности повабити (якъ имъ здавалося) могучого, написавши до него листъ въ той сенсъ, ижъ що бы его привело до тоей зъ поганами лѣпей, которою онъ, а споне и фортуна фаворомъ доситъ своею надъ власними своими панами доказалъ предъ ся взятя, однакъ еще, крвѣ ихъ будучій неситимъ, далѣй до Полщи невѣдомо чого хочетъ, развѣ уже самой на голову свою Корони, тилкожъ годнѣйшій на тое избранъ, которій оную уже заслужилъ, сій естъ Янъ Казѣмѣръ, и ку помствѣ за пополненніе и далѣй отъ него пополнятися мѣючіе зброднѣ можетъ быти доволнимъ и готовимъ уже естъ, якому онъ если теперъ упокорится и зъ Полщи уступить, ласки и прощенія нехай

надѣется. Зъ таковимъ теди листомъ помянутій ксендзъ, когда прибувъ до Хмелницкого, подъ Замойстемъ, въ той часъ штурмовавшого, и належите оній вручилъ, самимъ Маестату Королевского вспомненемъ, такій ему нанеслъ шкропулъ, а себѣ въ своей отправѣ помисльность, же, безъ жадного умедлѣня, доситъ склонній на тотъ листъ, одобралъ отъ него респонсъ, въ той сенсъ написанній; «сего, мовитъ, «я чекалемъ, жебымъ мѣлъ до кого въ своихъ тяжкихъ «удаватися кривдахъ. А нѣ бо вѣмъ зъ моей, але зъ самой «вашой старшини и дурнихъ Старостъ причини тое стало «лихо, нѣтежъ на жадную Лядскую кровъ не чигаю и не «прагну оной, доситъ що тилко отъ наступившихъ боро-«нюся войскъ. Теперъ зась слухаю Королевского росказаня «и, отступивши отъ Замойстя, назадъ возвращаюся, певенъ «будучи тоей его ласки, же на потимъ слушной моей скарги «справедливе вислухати изволѣтъ».

Отвѣтъ Хмелницкаго.

Зъ якимъ отвѣтомъ отправивши помянутаго ксендза, малій окупъ отъ мѣщанъ Замойскихъ для Татаръ тилко, жебы селъ при своемъ отходѣ не руйновали, взялъ, и заразъ казалъ отрубити енералное зъ подъ Замостя порушене; чимъ нечаянній подалъ Ляхамъ способъ до якого колвекъ задержаняся, же и елекцію въ Краковъ зобравшися совершили и иншіе ку своей ползѣ постановили ухвали, въ которихъ постановлено доситъ; такая тупость, незгода и боязнь была межи ними, а звлаща отъ войска Хмелницкого видоміи огнѣ, и що разъ умножаючіися збѣги тривогу престрашную имъ въ очи представляли, же, яко Твардовскій самъ описуетъ, безпечно було кому колвекъ на томъ присягнути, еслиби тогда зъ Висли тисяча Козацкихъ или Татарскихъ охотниковъ показалося, заразъ бы и сеймовъ тихъ елекціи и самого електа безъ всякой вонтпливости одбѣгли, бо когда Хмелницкого и узнали въ самомъ дѣлѣ отъ Замойстя, и отступившого усумнѣвалися о такъ скоро ставшойся оного поволности, которую самую взявши

Отступленіе его изъ подъ Замостя.

передъ себе за страхъ радили и иншіе на словахъ въ погоню за нимъ лучше ити очевистою войною, нѣжъ подъ уброю такою непевного покою зоставати, а въ дѣлѣ тяжко оного боячися, що говорити и совѣтовати сами не знали, другіи зась уважнѣйшіи иначей усовѣтовали, задержати его якимъ колвекъ покоемъ для тоей найбарзѣй причини, жебы могли свои розбѣгшіися войсковіе совокупити сили и докончити далшіе около елекціи и коронаціи Королевской церемонѣи. Якожъ по томъ совѣтѣ заразъ и виправили до Хмелницкого, послали пословъ воеводу Кіевского Киселя, добре ему знаемого, а до того и вѣрою православного Греческого исповѣданія соединенного и Мясковского, подкоморого Лвовского, зъ офѣрованною въ даръ оному войсковою корогвою и булавою гетманскою; сами зась тимъ часомъ первей погребъ умершему Королевѣ Владиславу, а потомъ новоизбранному на королевство Яну Казѣмѣру коронацію учинили зъ стрелянемъ арматнимъ, розного огненного оружія гукомъ и иннимъ превеликимъ тріумфомъ и зъ сердечнеми о многолѣтствіи его, (и тоеи найбарзѣй щасливости, за которою бы уже зъ мисли и намѣренія о нихъ боязнь Хмелницкомъ уставичная выкоренитися могла), вотами, при якихъ знать мижи ними не о чомъ такъ, якъ о той боязни было доволной розмови.

Новое посольство къ Хмелницкому отъ Поляковъ.

Потомъ когда новій Король совершенно уже на свой престолъ зосталъ возведенъ и почалъ обмишляти о своего королевства оборонѣ, получилъ зъ Украини певніи вѣдомости, же Хмелницкій до весни тилко, а не далѣй покой содержати зъ ними намѣрилъ, поневажъ скоро повернулся онъ на Украину зъ такъ превеликою викторіею и тріумфомъ, мало не всѣхъ народовъ аффектъ до себе навернулъ, и наклонилъ, же, ему сорадуючися, многіи отъ розних сторонъ ординовали до него своихъ пословъ, и вѣншовали тоей полученной надъ Поляками викторіи и щасливости; а во-первихъ Царъ и Самодержецъ Всеросійскій, которій мѣлъ та-

Вѣсти изъ Украины.

Послы къ Хмелницкому отъ разныхъ державъ.

кожъ свои причини до всчатя зъ Поляками войни за уняте своихъ титуловъ, листами до себе одъ нихъ пишучимися учиненное, и за отняте Владиславомъ отъ его-жъ державы нѣкоторіе городи. Также Венгерскій Ракоцій, хотѣвши добится Королевства и Корони Полской, якого своего хотѣнія латво и достати надѣялся, еслибы отъ его Хмелницкого плачливе ратунку въ своемъ избавленіи и защищеніи единогласного вѣрѣ святой благочестія (?). Совокупне тежъ и Господарѣ обадва Мултанскій (*), а за ними далшіе Татаре Нагайцѣ, и иніе, просячи помощи въ своихъ утискахъ и облигуючися, въ старой пріязни и соединеніи, при его головѣ не жаловати здоровя, виправляли зъ тимъ одозвомъ до него пословъ.

Чернь зась Козаки и весь Малоросійскій народъ не уже Гетманомъ, але новимъ избавителемъ витали и привѣтствовали, чимъ онъ же Хмелницкій надъ мѣру будучи возвишенній, разсуждалъ себѣ за непотребную рѣчъ знати Короля и ему повиноватися, когда такъ многіе Монархи желаютъ его пріязни, и таковую ему воздаютъ честь; и того ради, не бавячи помянутихъ пословъ, до всѣхъ ихъ Монарховъ склонно отписалъ, а во-первихъ до Монархи Всеросійского зъ первѣйшимъ своей прихилности упевненіемъ таковимъ: же если его вспоможетъ, яко единогласного собѣ въ Православной вѣри, (за которую ижъ чрезъ безецную Унѣю наддеръ утисненя и поврежденія въ своемъ состояніи зостала, должна до остатней сили и можности своей онъ Хмелницкій, противъ Ляховъ себе стояти обовязовалъ) попустити Его Царскому Величеству обѣщалъ все отъ Литви Заднѣпре, яко то: Смоленскъ, Трубецкъ и инніе повѣти, которіе войною Владислава Короля неодушною отъ его монаршой держави были одобрани. Таможъ и Ракоцому въ его намѣреніи пособствовати декларовался, если онъ, допявши Полской Корони, зоставитъ самого при Украинѣ Удѣлнимъ Гетманомъ; Тур- *Отвѣтъ имъ.*

(*) Долженъ быть пропускъ—«Господарѣ обадва—Мултанскій и *Волоскій*».

камъ зась по Люблинъ землѣ отграничити не жаловатиметь, когда бы отъ нихъ зъ сторони Волоской была ему подпора, а барзѣй, если Хана зъ Ордами къ нему на помощъ пришлютъ, и прочіимъ всѣмъ до него одозвавшися склонній учинилъ отвѣтъ. Подъ часъ якой зъ посторонними Монархами Хмелницкого конференціи прибыли до него въ Переяславль помянутіе посли отъ новопоставленного Короля Полского, которій, напередъ ихъ отправѣ, о всемъ томъ Хмелницкого дѣйствіи провѣдавши, взаемне и самъ чинилъ до тихъ же Монарховъ одезви зъ таковимъ рѣчи виражееіемъ: поневажъ онъ по Владиславѣ зосталъ обранній на королевское достоинство, теди, якое за него антецесора учинилося межи ихъ Монархами постановленіе, тое онъ ненарушно облигуется содержати, не воптпячи взаемной ихъ сталости, же хочай бы Хмелницкій до якой противности и побужати ихъ схотѣлъ, не позволятъ на тое и овшемъ наказаючися тимъ прикладомъ, ижъ, що теперъ зъ нимъ дѣется можетъ, впредъ и другому случится, въ дохоженю на помянутомъ Хмелницкомъ справедливой помсти помощи ему додати схотятъ.

Король принимаетъ начальство надъ войскомъ.

А по такихъ своихъ отозвахъ почалъ промишляти Кроль о зачатой въ Коронѣ оборонѣ, а во-первихъ усмотрѣваючи межи началнѣйшими завзятую ненависть и незгоду за уряди, которими иншого высоко возведенного и иншого оними обманенного и тимъ самимъ уничтоженного, и хотячи въ той мѣрѣ всѣхъ ихъ поровняти и успокоити, цѣлій войсковій рейментъ на себе самого одобралъ, и якъ зосталъ Королемъ, такъ и гетманскими урядами правити подіймовался, наветъ и самого Вишневецкого таяжъ отдаленіемъ гетманского правленія доткнулася ненависть, и за малимъ до горшой всѣхъ установленнихъ ихъ, якъ колвекъ рѣче не привела згуби, если бы не натрафила на его такъ скромную натуру, же опустивши тое приватное части своей для общой цѣлости уничтоженіе, жадной не схотѣлъ всчинати противности, хочай до завзятя оную тяжко ураженному и

нетрудно въ такихъ термѣнахъ приходило. Лечъ Король принявши (яко вишей виразилось) всего войска правленіе разсуждаючи, жебы въ ономъ горшой якой не было помѣшки, и несправій обобралъ себѣ въ помощъ трохъ переднѣйшихъ началниковъ: Фирлея, каштеляна Белского, лѣтами и военною справностію предъ инними значнѣйшого, Лянцкоронского, воеводу Брацлавского, и Остророга, подчашого коронного.

Возвращеніе Польскихъ пословъ.

Тимъ часомъ повернулися отъ Хмелницкого и посли— Кисель зъ прочіими—зъ такою вѣдомостію, же нѣчого тимъ поселствомъ не могли исправити, поневажъ онъ огласившися уже въ Росіи единовладнимъ Гетманомъ, и тимъ мнѣй дбаючи о Королевскую ґодность и его присланній даръ, учинилъ гордую и неласкавую на его одозвъ отповѣдь, ижъ Ляховъ не тилко, мовитъ, по Вислу, або Сань рѣку гонити нагайками буду, але развѣ за горами оглянутися имъ допущу, которихъ продки были добрими воинами, а они зайцамъ барзѣй и марнимъ малпамъ суть подобніи, нѣчого болшей не умѣючи тилко много говорити и утѣкати; при якой его отповѣди дармо Киселева, хочай наймудрѣйшая была, працовала вимова, которую онъ же Хмелницкій перериваючи молчати казалъ, а еднакъ тую принаймнѣй явилъ ему дискрецію, же его зъ прочіими мѣлъ у себе на обѣдѣ, подъ часъ которого чого тіе посли наслухалися и наглядѣлися, виписати трудно. Когда самъ Хмелницкій, сидячи въ прибраних шатахъ, а власне надъ взгорженіемъ онимъ, подлугъ Козацкой охоти, горѣлку варенную пугаромъ пючи, Чаплинского жонѣ, ново въ малженство себѣ взятой за благословеніемъ патріаршимъ, помяпутой, и ровно зъ нимъ же пяной табаку терти казалъ (*); що видячи и чуючи они посли, якъ могли, уходити старалися, зъ однимъ тимъ своего порученого интересу виможеніемъ, чтобъ до Воскресенскихъ святъ, черезъ наступовавшую тогдѣ зиму принамнѣй покой и границю по

Расказъ о пріемныхъ Хмельницкимъ.

(*) Въ рукописи противъ этихъ словъ находятся слова: «Табаку Гетманиха тре».

Горѣнъ рѣку содержати, жеби тоей войска обохъ сторонъ спокойне по зимовляхъ кочуючи, не переходили. Але тимъ короткимъ покоемъ лучше себе нѣжъ Ляхамъ выгодалъ, поневажъ поколь оній мѣлъ быти содержанъ, потоль ожидалъ онъ къ себѣ Татарского примноженя.

Король начинаетъ военныя дѣйствія.

Чого ради Король, скоро стало наспѣвати весняное время, росказалъ своему войску стягатися на Волинъ, а Ланцкоронскому первую держати сторожу отъ Бару для перешкоди вскупленю Козацкой чернѣ, которой немалое число было отъ Днѣстра и Богу зъ коммендирами, Хмелницкимъ устроеними, прибывало. Лечъ же противъ ихъ Козацкой силѣ Ланцкоронскій самъ видолати не могъ, призвавши въ помоцъ къ себѣ Остророга, не въ далекомъ разстояніи будучого, почали обадва наступати на ониxъ, которіе зъ Бару и зъ иншихъ поблизкихъ мѣстъ отъ того наступленя уходячи ку Шаргороду, а розумѣючи великою быти при тихъ двохъ рейментарахъ войска силу, а звлаща, же еще къ нимъ-же подчашого зъ болшимъ войскомъ присовокупитися мѣвшего зачули, первей того ради тамъ же въ Шаргородѣ были заперлися, а потомъ усмотрѣвши зъ одной башти, же барзо ихъ Ляховъ на себе наступуючихъ было много, галасомъ отъ того запертя вибралися и просто на нихъ ударили, аже не могли ихъ барзо узброенихъ, и того ради крѣпко въ кроку остоявшихся знести, теди зъ того своего непосилкованя заразъ, завзявши страхъ, до утеку удалися, и инній ку мѣсту назадъ, а иншіе въ лѣси, ями и ажъ до самой ночи того дня отъ нихъ Ляховъ были гонени, однакъ по такомъ ихъ розгонѣ помянутіи рейментари Лядскіе не отважилися въ городѣ онихъ добувати, але одійшли зъ войскомъ до Бару; въ якой дорозѣ увѣдомившися о другомъ чернѣ въ Лучинцяхъ скупленой, виправили подъ нихъ зъ жолнѣрами Синявского, которихъ отголь снадно розогналъ. Такъ-же и иншіе купи Козацкіе, где около себе стягающихся зачували, подобнимъ способомъ, якъ и вишвира-

женніе, порозгонявши очистили Подоле, и сами на отпочинокъ до Бару зехали, заховуючи належитую отъ всѣхъ сторонъ осторожность.

Що когда помянутіе два рейментари Лянцкоронскій и Остророгъ такъ щасливе справовали, того-жъ часу и третій ихъ товарищъ—первѣйшій—Фѣрлей зъ затяжнимъ отъ провѣнціи и повѣтовъ войскомъ, пробираючися ку Заславлю, скоро засяглъ видомости черезъ языковъ о полковнику Козацкомъ Донцу, зъ прибранимъ его полкомъ, которій намѣривалъ на него Фирлея ударити и, напередъ въ помянутое мѣсто Заславе убравшися, обваровати своими Козаками поперече рѣчки Горина, наскорѣ виправилъ противъ его Донца Коссаковского зъ Суходолскимъ и при нихъ Всполского зъ пятма легкими корогвами, и самъ за ними заразъ въ слѣдъ пойшолъ. Въ якой дорозѣ, не доходячи Шубринецъ, натрафили знагла (бо было тогди барзо марачно отъ тумяну), на таборъ Донцовъ; передъ которимъ сестра его гарцуючи волшебство якоесь справовала, и черезъ оное пророкуючи кричала на него: «уходь, брате, уходь, бо не здержишъ». Якимъ чародѣйствомъ оному страшила сердце, а Ляхамъ такій повабъ до отваги учинила, же заразъ на той его таборъ ударили и, розирвавши оній, самого Донца зъ иншими въ мѣсто Шубринцѣ угнали, а табуровіе користи всѣ осѣли, и, помянутую волшебницю зъ другою ея товаришкою Солохою поймавши, шіи поутинали и одійшли до обозу, якій тогди былъ установленъ предъ помянутимъ городомъ Заславемъ. А за тимъ своимъ приходомъ, получивши вѣдомость о Тишку, ватагу Казацкомъ, же хочетъ зъ немалимъ войска числомъ на ихъ напасти, виправили противъ него Разражевского зъ Велико-Поляками и людми Лвовскими, такожъ Голуба зъ Аксаками, которіи, слонце на день почало восходити, поткалися зъ тимъ ватагомъ крѣпко, а заразъ Козаки, не здержавши поля, утекати стали и инніи въ лѣси, а инніи до мѣста, утѣкавъ, когда немалою стиснулися купою, и отголь зъ мѣста охнистою

Битва Фирлея съ Донцомъ.

Чары сестры Донца.

стрелбою зостали окрити такъ, же не мѣючи уже куда инде уходити, въ ставъ тамъ же прилеглій кинулися, где ихъ такъ много пострѣляно и побито, ижъ отъ крвѣ ихъ мусѣла свой колюръ и смакъ измѣнити вода, которой черезъ долгій часъ жадное бидло прагнутое не могло пити. Самъ тилко ватагъ въ певномъ числѣ людей ушолъ до Корчина, о которомъ Ляхи зъ язика увѣдомившися пошли и туда за онимъ и заразъ мѣсто зъ нимъ запаливши, самого оставившего имъ, якіе мѣлъ при себѣ користи, армати и короговъ одинацять поймати не могли. Такъ же и Чарнѣцкій зъ Смокгулецкихъ зъ килкома короговами драгонѣй легшими виправленій Судилковъ и иншіе Козацкіе посади випаливъ, а самихъ Козаковъ по лѣсахъ и болотахъ розбѣгшися не засталъ.

Лянскоронскій преслѣдуетъ Кривоноса.

А особливе Лянскоронскому немнѣй пощастилося, поневажъ зачувши онъ о Кривоноску зъ значною Козацства купою, въ Острополю будучомъ, скоро туда пришолъ, заразъ и Кривоносикъ, не чекаючи въ мѣстѣ противъ негожъ війшолъ изъ собою зійшовшися превеликій учинили бой, которого Кривоносикъ, за первою тоею пробою не здержавши, утекомъ до мѣста возвратитися мусѣвъ, где, позарубовавши остроги и черню вали осадивши, постановилъ лучше боронитися, нѣжъ доброволне Ляхамъ подати себе въ руки. Поневажъ они Ляхи чернѣ отпустити вину обвѣщали, ежели доброволне зладутся, а старшину видати домагалися, иже узнали на тое ихъ непозволяючихъ приступили до города жестокій штурмъ, которого Козаки далѣй отъ години терпѣти не могучи, а оставивши городовую оборону, одни кинулися въ Случъ рѣку, которая была Ляхами заступлена и оттоль велми зостали поражени, а другіе ушли до замку, ижъ такожъ будучи стиснеюи стали проситися, и такое получили прощеніе въ замокъ и обозъ со всѣмъ Ляхамъ на лупъ дали, оставши сами живими, а ватагъ ушовши далѣй, которого мѣли на паль посадити. Подобнимъ же способомъ и Пріем-

скій зъ Гулевичемъ Звячелъ городъ, где Козаки были зъ якимсь ватагомъ, витялъ, ватага однакъ самого, подъ мѣстомъ будучого не постерегши, зо всѣмъ его таборомъ упустилъ. Въ якомъ времени обози Лядскіи, когда зъ собою вмѣстѣ скупилися, немалая була между ними потѣха зъ такъ многихъ надъ Козаками виграныхъ, хочай зъ другой сторони и обавлятися имъ предлежало, жебы надолго та фаворизовала фортуна, которая тамъ зъ разу кому похлѣбовати, тимъ горшій конецъ справовати звикла, однакъ, иншую взявши передъ себе надѣю, саміе вожди во всѣхъ справили немалую охоту, зъ которою заразъ рушилися ку Костантинову енералнимъ обозомъ, и въ той дорозѣ, поневажъ зашла имъ вѣдомость о новой незлѣчоной купѣ Козаковъ, подъ Межибожемъ будучой, где Корфъ для оборони зъ своими Нѣмцями, полкъ Синявского былъ зоставилъ, теди всѣ до того побудилися, чтобъ тихъ своихъ въ Межибожу будучихъ не отбѣгати, але всецѣле ратовати оныхъ, и заразъ туда виправленъ Лянцкоронскій, который, зъ Остророговихъ рейментовъ найлучшого жолнѣрства короговъ чтира вибравши, послалъ зъ ними предъ собою подездомъ Сокола и, самъ за нимъ вслѣдъ пошедши, трафилъ въ самій заразъ огонь, же тіе всѣ чтири корогви уже были отъ Козаковъ въ коло огорнени, а тяжкого не могучи на себе стерпѣти Козацкого наступленія почали уходити подъ помянутое мѣсто Межибожъ, зъ жолнѣрами запершоеся, прето Лянцкоронскій, жебы моглъ и овимъ короговамъ до мѣста уходячимъ и тамъ вмѣстѣ запершимся жолнѣромъ учинити ратунокъ, ударивъ зъ боку нечаянно на Козаковъ и такъ долго въ кроку ихъ задержалъ, же обидвѣ Ляхомъ партіи, и тая, що до мѣста уходила, поправилася и другая, зъ запертя мѣского освободившися, къ нему прилучилася. Однакъ далѣй, не могучи зо всѣми тими жолнѣрами и Лянцкоронскій видержати противъ Козацкой сили, мусѣвъ отводомъ назадъ ку обозу уступати, звлаща же отъ збѣговъ завзялъ певную вѣдомость и самого

Дѣло подъ Межибожемъ.

Хмелницкого не въ далекомъ разстояніи зъ нещисленою Козаковъ лѣчбою оглашаючую, которая, когда и до обозу генералного, ку Костантинову тягнучого, прійшла, всѣхъ Ляховъ такъ поскромила, же якъ исперва зъ килкохъ посчастившихся оказій до далшого военого поступку завзяли были превеликую охоту, такъ опослѣ тоею-жъ вѣдомостю до горшой боязни и тривоги почали приходити, и, не хотячи утра чекати, заразъ утекати зъ обозу намѣривали; въ якую утѣчку готуючися многіе зъ нихъ уже были и конѣ понавючували, которыхъ рейментари ледво булавами не окладаючи удержовали и далѣй що чинити сами не вѣдали.

Польское войско идетъ къ Збаражу.

Ажъ нескоро по многихъ спорахъ на томъ постановили, чтобъ уступити подъ Збаражъ, куда бы въ противнихъ собѣ случаяхъ скорѣйшій могли имѣти отъ Короля ратунокъ и посилкованіе. А любо и зъ того постановленя еще горшую що разъ забирали тривогу, повѣдаючи, же когда назадъ почнутъ поминатися певнѣйшимъ тимъ себѣ нанесутъ страхъ, а Хмелницкому до жесточайшого на себе-жъ наступленія учинятъ повабъ, однакъ напотимъ, всѣ тіе оставивши контроверсіи, и заразъ къ ночи наступившой непремѣнно рушили ку Збаражю. Якое мѣсто имѣетъ свой посадъ знизу на подгоріе, отъ восходу и полудня барзо прозрочистіе и ровніе мѣстца полевіе, изъ одной сторони одинъ замокъ, самимъ каменемъ и твердими скалами мурованній, а зъ другой отъ заходу на високой горѣ другій замокъ, где бывала столица старожитнихъ Збаразскихъ княжатъ, такожъ каменній вколо скалами прикрилій и густою посѣчю опасеній, межи которими и самимъ мѣстомъ найдуется потужній ставъ, широкою греблею занятій. Отъ якого вершинъ Поляки обозъ свой зачали ставити, коломъ оного все закривши, а помянутій замокъ зъ тилу для прибѣжища певнѣйшого маючи; лечъ якая боязнь и тривога подъ Костантиномъ межи ними завязлася, такъ и подъ Збаражемъ що разъ въ нихъ болшое свое забирала умножене, а найбарзѣй отъ збѣговъ немалѣ

И располагаетъ тамъ свой лагерь.

каждой години до обозу приходившихъ и новіе все, а страшливіе о Хмелницкомъ приносивши, вѣсти, которими и самихъ Гетмановъ преражалися сердца, же изъ собою, якъ огонь зъ водою, непоеднаную мѣли незгоду о порядокъ обозовій, до того якая фортуна имъ, въ вишейвираженнихъ зъ Козаками бывшихъ военнихъ оказіяхъ, исперва служила, тая опослѣ такъ онихъ здрадила, же жадного нѣгдѣ не могли достати язика, и овшемъ, що виправовали подездомъ не одинъ въ цѣлости не повернулся, що стало напередъ всѣхъ Гулевичовѣ, которій такъ готовой вѣри мѣлъ при себѣ жолнѣрства, и подъ часъ тумонныхъ случаевъ патрафили на Татаре и Волохи, при князю Вишневецкомъ будучіе, якихъ скоро постерегли, (розумѣли що Орда), заразъ оной устрахнувшися командира своего, зъ килкома слугами оставшагося, убѣгли и утекли. Такожъ Душинскій зъ порученного собѣ подъезду самъ заледво утѣкъ, всѣхъ своихъ утративши. А подобнимъ способомъ и Сераковскій, за своею несправностю цѣлую короговъ жолнѣровъ Пѣкгловского надъ якоюсь переправою утративъ. Опрочъ того прогностиковали себѣ якійсь упадокъ изъ таковаго случаю, и онимъ горшей еще тривожилися, же зъ малой хмари ставшійся громъ ударивъ на гетманскую короговъ и все древце оной покрухоталъ; а надъ все горшое было повстало зло, ижъ челядъ обозовая, видячи межи панами своими такій непорядокъ и тривогу, бунтоватися стала, чи то не хотячи зъ ними такъ видимой предавати себе згубѣ, чили умисльне до Хмелницкого передатись мѣли. *Неудачи Поляковъ.*

О чомъ всемъ князь Вишневецкій извѣстившися, и чай имѣлъ свою противъ началнихъ обозовихъ уразу слушную за прошлое Краковское дѣйствіе, на которомъ ненависть отъ нихъ отдаленемъ отъ гетманского уряду до безчестія его привела, заразъ, для поскромленя того повсталого межи ними зла, неудержаній наветъ прошеніемъ и крѣпкимъ гамованемъ княжни и иныхъ своихъ зичливихъ пріятелей, постановилъ ити къ нимъ до помянутого енералного обозу. И когда вибрался *Вишневецкій идетъ къ нимъ на помощъ.*

зъ прибранними себѣ охочими людми и слугами, любо и въ дорозѣ уже совѣтовали его-жъ пріятелѣ, жеби въ такъ видомое не удавался небезпеченство, прекладаючи повѣсти многихъ збѣговъ, въ одно слово гласячой, же якоби и тотъ обозъ знесенъ; однакъ онъ бинамнѣй ихъ совѣта не слухаючи и не вѣрячи непевнимъ повѣстемъ, кромѣ языковъ, своими людми отъ Козацкой сторони добутихъ, непремѣнно въ намѣренній путь далѣй рушилъ, а притягнувши до Ширковецъ, недалеко отъ Збаражя, особно своимъ постановился обозомъ для латвѣйшого себѣ скоро въ походъ и легко вибравшемуся потребнихъ живностей приспособленя, а особливе, жебы тамъ въ великомъ обозѣ не здався кому быти на прешкодѣ, куда до него и молодики княжата Вишневецкіе, его-жъ синовци, зъ Збаражя зо всѣмъ віехавши, прилучилися, и онъ самъ въ такой близкости до обозовихъ началниковъ одозвался зъ вѣдомостю певною завзятою отъ вишейвираженихъ своими людми пойманихъ языковъ, которіе своими очима видѣли Хмелницкого, зъ многими Ордами въ Чолганскій Каменъ уже притягшого; чому согласовалися и инніе языки, которихъ чтири значнѣйшихъ Гадяцкихъ реестровихъ Козаковъ, за пять миль отъ своихъ таборовъ загнавшихся, Остророгъ на подездъ виправленній, подъ вечоръ заехавши, гдесь поймалъ, а надъ то еще сіи Остророгомъ пойманніе придали своею сказкою, же Хмелницкій маетъ ждати тамъ въ Чолганскомъ стягненя своихъ полковъ, которихъ былъ нарозно виправилъ ку Лвову и Люблину, зачувши, що Ляхи знову, якъ изъ подъ Пѣлявецъ, утекати будто почали, тилкожъ повѣдали недолгое его тамъ быти ожидане, але если не ближше, а запевне къ наступующой субботѣ и до нихъ Ляховъ пригостити маетъ.

Посольство къ Вишневецкому отъ Польскихъ военачальниковъ.

Прето рейментари учинивши межи собою совѣтъ, понеже все войско крѣпко желало имѣти нероздѣлно у себе и князя Вишневецкого, виправили до него зъ тимъ прошеніемъ, отъ имени всей отчизни, Лянцкоронского, передъ ко-

торимъ князь тяжко зодихнувши и пустивши зъ очей слези, любо вимовилъ тіе слова: же и онъ есть правдивимъ синомъ своей отчизни, для которой ратунку не жалуетъ остатка виляня кровѣ и своей голови положеня (не якъ объ немъ завистники розумѣли, же яко бы противностей якіихсь завзялся) однакъ для неприспособленяся собѣ живности, безъ которой, когда надолго ему прійдется зъ иншими быти въ облеженю, виживитися буде трудно, въ великомъ обозѣ запертися не можетъ; а що и тамъ ему прійдется въ военной оказіи подняти праци, дознаютъ въ немъ звиклой охоти. Лечъ чимъ болшей князь отмовлялся, тимъ прилѣжнѣй отъ Лянцкоронского прошенній, наклонился на остатокъ къ тому прошенію; и скоро пришолъ до великого обозу, заразъ за самимъ его приходомъ, и вкоренившаяся и между всѣми тривога въ охоту и отвагу обернулася, а между челядю повсталая до бунтовъ унялася завзятостъ.

А когда наступилъ день суботній, мѣсяця іюля, подлугъ нового Полского календару, 1 числа, рано заразъ войска Татарскіе зъ самимъ Ханомъ и Козацкое при Хмелницкомъ въ очи имъ Полякамъ предстали множествомъ хмаръ и незлѣчоной саранчѣ, якимъ онимъ здалося подобніе; для которихъ отпору Ляхи ушиковали свое войско такимъ порядкомъ: Конецполскій, хорунжій коронній, зъ своимъ комонникомъ взялъ самое чоло, лѣвій бокъ—Фирлей зъ Лянцкоронскимъ, для которихъ посилкованя сталъ тутъ же Синявскій и Собескій, а правую сторону Вишневецкій зъ подчашимъ Остророгомъ. За якимъ ушикованемся заразъ зачался кравій танецъ, поневажъ Татаре, не тратячи дармо часу, на передъ самій, Конецполскимъ взятій, всею потугою ударили, але не могучи оного крѣпко застановившогося знести, зъ поля сами уступити мусѣли, въ якой потичцѣ-же межи иншими утратили переднѣйшого Ханского дворянина Трунета. Болше того дня наступовати на нихъ не кусилися опрочъ гарцовъ, которими до самого вечера забавлялися, *Битва подъ Збаражемъ.*

але и въ тихъ небарзо имъ щастилося. Тимъ часомъ Ляхи стали въ меншое коло поправовати и скуповати свой обозъ, которій былъ не подлугъ мѣри войска, больше нѣжъ на милю валами осипали и въ той оправѣ цѣлую ночъ трудилися. А Хмелницкій, подъ тое время зъ арматою и зо всѣмъ своимъ таборомъ зъ вечера взявшися, ближей къ нимъ приступилъ при упережаючомъ томъ его приступѣ въ превеликомъ шумѣ и трѣску, якій на небѣ власне безмѣрнимъ дожчемъ и градомъ зъ повстаючимъ хмаръ бувати обнялъ, а потомъ, яко самій дожщу и граду навалъ, Хмелницкій зъ Козаками и Ханъ зъ Ордою отъ всѣхъ сторонъ, скоро по ночѣ слонце отъ своего всходу почало показоватися, на обозъ Лядскій стали наступовати, а найбарзѣй на Фирлея, при которомъ всего войска чоло, армата и надѣя здоровя была. Але чимъ жестоко на его тое чинили наступлене, тимъ онъ быстрѣй, хочай и старъ уже былъ, своею працуючи силою, якимъ до тоей праци даючій поводъ, отпоръ належитій чинилъ, и если бы на кого иншого такій военній импетъ виточенъ былъ, певне бы нѣхто не моглъ такъ видержати, якожъ и о немъ самомъ, когда бы далѣй продолжатися тая навалность мѣла, приходило вонпити, жебы моглъ быти избавленъ, тилкожъ болшей и Козацкое зъ Татарскимъ войско, не натираючи на него, мусѣли дати отворотъ, за що зъ Лядской сторони, воздаючи Богу благодареніе, чрезъ цѣлій день ксендзи ходили по валахъ и оборонахъ и церемонѣи свои отправовали, зъ которихъ многіе подъ тіе церемонѣи отъ напущеннихъ густо арматнихъ и ручничнихъ Козаками куль поражени зостали. Хмелницкій зась що обѣцовалъ Хановѣ конечне ночовати въ Лядскомъ обозѣ, на той заведшися обѣтницѣ и зъ такого силного на первѣмъ разѣ отпору порозумѣваючися, же около добуваня оного много впередъ потреба зажити праци, о иншомъ способѣ, якъ бы моглъ своего допяти, мислити почалъ, и добувши Лядскихъ языковъ, которіе повѣдали войско свое

уже не безъ боязни быти, еще ближей до ихъ обозу своимъ приступилъ таборомъ, и, тѣсно онихъ отъ нихъ отвсюду облегши своимъ войскомъ, отвсюду постановился, а Татарамъ далъ мѣстце отъ полудня къ замку старому. Що увидѣвши Ляхи, а якъ и повторе стали были окопуватися, и тое окопане за немѣрное и до оборони трудное быти разсудивши, новіе вали еще меншимъ на копію циркелемъ сипати зачали, и когда и первихъ и зачати вновъ не могли докончити, подъ той часъ на самомъ свѣтаню Козаками всею потугою ударили отъ води, где вали тіе не были докопани, на Розражевского, которій такожъ зъ комонникомъ самимъ отважне передъ вали тіе видавшися, а пѣхотѣ ку своей же помощи быти готовой розсказавши, нечаяннимъ упоромъ въ кроку задержался.

Татаре зась на иншіе мѣстца кинувшися, якіе могли усмотрѣти до оборони быти слабшое, до тихъ пробовалися добуватися крикомъ исперва и густимъ стрѣлъ напущанемъ, а потомъ всѣми силами единостайне зъ Козаками на Фирлея, на которомъ самій фундаментъ и голова цѣлого обозу залежала, обернулися, и же то знову жестокій давалъ отпоръ, превеликое зъ обохъ сторонъ учинилося забойство, а найбарзѣй межи Козаками, которіе силно чрезъ окопи въ обозъ добуваючися хочай немалъ трупомъ своимъ оніе заровнивали, однакъ, когда непремѣнно не на такое свое поражене и не на що не уважаючи, допинали гвалтовне навалностю своей завзятости, въ якомъ разѣ и Лянцкоронскому, такожъ Остроговѣ, силно боронячимся, премного было нужди и працѣ, и во всемъ обозѣ, крикъ и превеликое учинилося замѣшане.

Тогди Поляки, не могучи далѣй зносити такого гвалтовного на себе наступленія, почали були нѣкоторіе зъ нихъ радити до замку уступити; лечъ Вишневецкій, довѣдавшися о семъ, зъ великимъ гнѣвомъ крикнувъ: «тутъ волимо умирати, нѣжъ бы насъ Хмелницкій за ноги въ замку волочити «мѣлъ, бо нѣчого бы иншого кромѣ такой викторіи надъ

«нами одержатися мѣючой, не послѣдовало, когда до того «въ замокъ уступленя удамось, поневажъ хочай бы мы начали изъ за муровъ до часу и боронитися могли, обозъ «же и челядь где подѣти, и если годится о нихъ отбегати!» И потомъ знову когда крѣпко заволалъ на охочихъ: «ей «кому зо мною умерти мило, до мене браття, до мене!» заразъ не тилко много комонника вибраного, але и челядь мало не вся, отъ возовъ до него удавшися, зъ нимъ же посполу кинулися и, зъ окоповъ противъ Козаковъ и Татаръ висипавшися, всю силу ихъ собою воспяти. А будучи до того посилкованій отъ Собеского и Велико-Поляковъ, такое въ нихъ учинили поражене, же значне Козаковъ и Татаръ крило одорвавши, нагнала въ ставъ и кровію онихъ мало не въ полъ помѣшали воду (хочай о послѣ тимъ и себѣ не меншъ зашкодили, ижъ отъ питія такой води скорая въ нихъ стала зараза в умерщленіе). Зъ чого и прочія Поляки завзявши сердце и охоту отъ валовъ за Козаками и Ордою густо виправовалися и гонили доволно онихъ, ажъ началники сами, казавши черезъ муштуки трубачамъ отвороту оттрубити, заледво ихъ отъ тоей погонѣ воспятили. И за таковимъ то Вишневецкого поводомъ цѣлость свою и всего обозу по-трете освободивши, любо переднюю оному восписовали похвалу, однакъ тая не менше и Розражевскому, первій импетъ наступленія зъ своею компанею видержавшому, была признавана такожъ, такожъ Миселскому и Колдзѣнскому, живою до военной оказіи палаючимъ охотою, хочай и утратили цѣлую своихъ короговъ на томъ бою, въ которимъ тимъ болшей ихъ поражено чимъ запалчивѣ зъ за валовъ на войско Козацкое и Татарское кидалися, где передъ иншими того пораженя дознали старожитніи ротмистри Панскій и Понентовскій.

По такой теди цѣлодневной росправѣ Хмелницкій зъ Ханомъ ходилъ, винаходячи фортель, якимъ бы снаднѣй могли доказовати своего предсявзятя, подослали подъ Ляд-

скій обозъ отъ старшого Ханского Вейзѣра и канцлера Шафѣра Кассіяду зъ визванемъ до пріятелской такой розмови, жебы рачей до трактатовъ склонилися, нѣжъ бы, до остатней приходячи до роспачи, дармо такъ гинути мѣютъ. Якій его одозвъ Поляки хочай домишлялися не безъ здради быти, учинили однакъ на оній склонній отвѣтъ, хотячи зъ нимъ вступити въ трактати (которими одно чаяли, якъ колвекъ до себе навернути Орду, а другое, чи докажуть того, албо нѣтъ, принаймнѣй въ томъ отпочинку валовъ, около обозу своего недосипанихъ, докончити снядно могутъ). И для тихъ то трактатовъ виправили хоружого коронного Конецполского зъ обозу, зъ которимъ Вейзѣръ зехавшися почалъ залѣцати склонній афектъ ку нимъ своего Хана таковій, же совѣтуетъ зо всею Ордою Хмелницкому, ижъ бы, попереставши проливати невинне Лядской крвѣ, новому ихъ поклонился Королевѣ; якожъ и онъ латво можетъ самъ до того склонитися, ежели вина ему будетъ отпущена. Зъ якихъ Вейзѣра словъ хоружій порозумѣваючи явній куншть, отвѣтуетъ за оніе, дякуючи во-первихъ за таковій пріязній одозвъ, зъ тимъ далшимъ предложеніемъ, иже любо еще не въ остатной згубѣ и они Поляки видятся быти, маючів при боку певную бронь, звлаща когда при тоей имѣють надѣю на небѣ въ Бозѣ и знаютъ на землѣ Короля, которій въ ихъ утѣсненю можетъ додати ратунку, и для того яко не боятся войни такъ и отъ покою, якій бы тилко на ихъ сторону былъ полезній, несутъ отъ Монархи; лечъ, когда на той розмовѣ жадной тогди не учинили згоди и трактатовъ, отложили оніе до своихъ старшихъ управленія на день завтрешній, которого такожъ и прочіе ихъ пять дней віездячи помянутій Вейзѣръ зъ хоружимъ, ижъ нѣякого своей розмови даремной не учинили скутку, опрочъ того, же Ханъ, пустивши свои загони въ Полщу до Волиня, бралъ ясиру, которій до обозу своего провадячи Татаре немилостивне предъ ихъ Лядскими очима бичовали.

Разговоръ Конецпольскаго съ Визиремъ.

Хмельницкій осадилъ Польскій лагеръ.

А Хмелницкій тимъ часомъ, обежджаючи свободно всѣ ихъ же обозовіе оборони, осмотрѣвалъ, куда бы моглъ имѣти латвѣйшій приступъ, и, заступивши все обозу того ихъ чоло и боки своими таборами, а зъ другой сторони тогожъ обозу отъ ставу шанецъ значній учинивши, осадилъ оній арматами и пѣхотою, которая стала на великой Ляхамъ перешкодѣ, же и до води поточитися было трудно, такожъ и самій городъ тѣснѣй облеглъ, а особливе на иншіе три мѣстца, якіе до того розумѣлъ быти пристойніе, премного тарановъ зъ лѣсовъ позвозити и зъ онихъ штурми поробити казалъ и иншіе всякіе, якіе тилко моглъ постигнути людскій довцѣпъ до приступу, справовалъ потреби. Того ради и Поляки, не уводячися вишейвираженнимъ Вейзѣра до покою одозвомъ, а заховуючи отъ всѣхъ сторонъ, куда намѣривалъ Хмелницкій до нихъ штурмовати, чулую осторожность, докончували своихъ валовъ, якій повторе зачали були сипати и, докончивши належите спокойною ночю до онихъ уступили, и конѣ для живности въ поле вигнали, а сами зъ мушкетами такъ свои осѣли вали, дожидаючися зъ помянутого Вейзѣрского мирного розговору, що мѣлъ принести наступуючій ихъ тогдашной ночи день. А же помененній Вейзѣръ, чинячи будто своему слову, хоружому ихъ данному, за доситъ и поновляючи забираючуюся межи собою пріязнь, знову подъ обозъ ихъ подехалъ, теди до него віехалъ уже Вишневецкій зъ помянутимъ хорунжимъ, приказавши Нѣмецкому рейменту здалека, жебы не было якой зъ того зезду здради, въ готовости стати. Прето Вейзѣръ, обачивши Вишневецкого малого взросту быти, надъ которій далеко болшая слава о его воинскихъ цнотахъ была голошена, зачалъ до него такую рѣчь: «дивно мнѣ», мовитъ, «тое, жесъ такъ славнимъ въ «своей землѣ оголошенній воиномъ, а въ томъ своего обозу «маломъ замкненю жити не встидаешся, зъ якой тѣсни «хотячи я тебе освободити, а за тимъ що доброе исправити, «покой вамъ отъ Козацкой и нашей сторони обецую, если

Разговоръ Визиря съ Вишневецкимъ.

«отдасте належитій поклонъ Ханов́ѣ, покинувши свое оруже, «а кондиціи двѣ, которіе съ мене дани будутъ приняти мо«жете». «Дякуемъ», мовитъ, «вамъ за такую пріязнь и охоту, «за которую могли бысмо и зъ своею до васъ одозватися «взаемне склоностю, еслибы не зволилъ насъ даремною мо«вою, якая о покою будто во мѣсто мгли пускается намъ «въ очи. А такъ побратимъ вашъ Хмелницкій армати и «штурмъ до насъ виточуетъ, и любо принялъ бы уже отъ «насъ доселѣ за свои збродиѣ помсту, однакъ у васъ Ордѣ «свою покладаетъ уфность. Кондиціи зась отъ тебе намѣнен«віи на вѣтру, а не въ дѣлѣ еще писати можешъ, о кото«рихъ якая падетъ костка, и покажетъ фортуна, нѣхто не «згадаетъ, овшомъ волишъ о онихъ замовчати, нѣжъ вимо«вляти для забираня далшого зъ обохъ сторонъ гнѣву, бо «тогда тіе кондиціи будутъ исполнени отъ насъ, когда «шаблю свою на насъ наложите и на шіяхъ нашихъ (до «чого еще далеко) усядете тилко-жъ не важачи легко вашей «пріязни, которая бы была между нами и вами, якъ доб«рими отъ обохъ сторонъ юнаками, оздобнѣйшая, нѣжъ зъ «тимъ козацства грубянствомъ. Предлагаемъ вамъ, если тое «предложеніе наше можетъ имѣти що скутку, оставте предъся «взятую обману и зостанте нашею братіею, а если иначей, «то принамнѣй идите на насъ откритою войною, а не та«кимъ покритимъ здради способомъ!»

По якомъ отвѣтѣ Вейзѣръ, когда сталъ зъ иншой стороии свои ширити слова, Вишневецкій зъ хоружимъ, далѣй не слухаючи онихъ, отверли своими кони на сторону, и тимъ перервали и скончили Вейзѣрскую и свою розмову.

Хмельницкій возобновляетъ штурмъ.

Для чого заразъ зъ самого наступившого по дню томъ вечера, ажъ до всходу слонца, Хмелницкій всею силою и всѣми прибраними способами безпрестано штурмъ и приступъ къ ихъ обозу чинилъ, але, подъ часъ того штурму при темнотѣ нощной, якая учинилася утрата въ его войску, тую узналъ зъ Ханомъ превеликую быти на завтрешній день,

у которой заразъ передъ его-жъ, Хана призванiй будучи, поневажъ вчерась мѣлъ его упевняти такимъ обловомъ, ижъ мѣлъ за шiю до него всѣхъ Ляховъ зъ обозу приводити, але на томъ упевненю и себе и его Хана завелъ, тую отъ него учулъ рѣчъ: «а покижъ, мовить, будеши мене такъ «зводити, и въ стидъ мнѣ самому, а въ войску моемъ уронъ «чинити; прето знай тое, если скоро зъ Ляхами не розпра-«вишся и мене болшъ надъ три днѣ тутъ бавити будешъ, «самъ станешъ мнѣ за шкоду и вмѣсто Ляховъ, которими «декларовалъ еси Кримъ осадити, осадитъ онiй своими «людми».

Продолженiе битвы, 16 iюля

Що Хмелницкiй когда обявилъ чернѣ о неслиханной, тимъ оную побудили ку добуваню далшому Лядского обозу охоти и завзятости. День тогда былъ iюля 16, которого подъ позній вечеръ споражевiе ново якiе махини зъ трамовъ грубихъ, на подправленнихъ подъ ними валкахъ низкихъ, осадивши тiежъ махини людми и арматами, Хмелницкiй до обозу Лядского котити велѣлъ зъ прибраними къ тому еще високими драбинами, а при нихъ доволними цепами, осеками и иними до штурму надлежащими готовостми. Якимъ новимъ штурмовимъ способомъ Ляхи надолзѣ дивовалися, а Козаки подъ той часъ онiе подъ самiе окопи подводили наступуючихъ на нихъ неслиханимъ упоромъ, при которомъ заразъ и Орда на самое обозу чоло, комоники зась зо всѣхъ сторонъ на онiй крѣпко ударили, и любо въ томъ ударѣ и штурмахъ звлаща подъ часъ темной ночи наставшаяся, неменшимъ была онимъ препятiемъ дощевiе плюкости, однакъ такъ силно на обозъ Лядскiй наступовали, же началники оного хотѣли всеконечне до замку уходити. Лечъ

Мужество Вишневецкаго.

Вишневецкiй знову, зъ добутою голою шаблею ставши, крикнулъ: «ей, хто назадъ зъ мѣстца рушится, або самъ загинетъ, або мене потопчетъ! Для Бога не давайно непрiятелемъ тоей потѣхи, але волимо тутъ умирати!» И за тимъ словомъ, вибравшися зъ синовцемъ Димитрiемъ и зъ прочими

охочими зъ окоповъ обозовихъ, на Козаковъ напалъ, помянутіе штурми припускаючихъ, и такое въ нихъ учинилъ поражене, же ажъ штурмовъ тихъ, не могучи въ нихъ зъ калу и отъ вишвираженнихъ дощевихъ плюскотъ оставшагося ратовати, и оставити мусѣли, которіе, заразъ набѣгши челядь Лядская зъ головнями и каганцами смоляними, дивно якось и послѣ тоей мокроти, запалили и внѣвечъ обернули. Потомъ Козаки знову поправившися, принявши ратунокъ отъ Татаръ, ширулися до окоповъ, и непремѣнное, хочай и безъ штурмовъ, уже чинили на обозъ наступленіе, въ которомъ отъ Лядского даваня отпору, тяжко были громлени. Въ якомъ разѣ зъ за коповъ на ратунокъ вибралися до Вишневецкого подчашій зъ Синявскимъ, але же оного уже назадъ повѣрнувшагося зъ тріумфомъ стрѣли и сами воспятъ вовратилися. Козаки засъ и Татаре, цѣлоночною працею нѣчого не могши Лядскому обозу доказати, принуждени были зъ немалимъ своихъ упадкомъ отступити, але знову Хмелницкій, не малимъ того урону обятій будучи жалемъ, до того и отъ Хана повторное нарекане удержавши, до самого дня казалъ подъ той же обозъ подпадати Козакамъ, которіе и тогди тимъ своимъ подпаданемъ жадного себѣ не учинили помислного скутку. Чого ради Хмелницкій въ наступившій уже день велѣлъ своимъ отпочивати, а потомъ знову инших дней сколко ранимъ же на обозъ наступленемъ пробовалъ щастя, столко оному Ляхи належитій давали отпоръ, опрочъ тоей своей шкоди, которую значне отнесли въ віездившихъ своихъ охотникахъ для доказаня слави, на випоръ зъ окоповъ и для привезеня конямъ трави, понеже всѣ тіе отъ засадки Татарской пропали и до обозу не возвратилися.

На остатокъ онъ же Хмелницкій, познавши себе далеко отъ своего намѣренія, якого видомо вскорѣ допяти хотѣлъ и обѣцовалъ, отъ риноведного до скритого знову удался фортелю, такого же и самъ будто чрезъ цѣдули до того, кого вѣдалъ зъ Ляховъ себѣ быти значного, писалъ и чернь на-

мовлялъ, кричачи до нихъ, для чого бы такъ сами себѣ шкодячи не хотѣли покою зажити, для которого если бы кого зъ себе уважного прислали, то и Гетмана узнали бы до того склонного, що и Ханъ яко бы потвердилъ чрезъ своего Вейзѣра, знову ихъ до покою визиваючи, а подъ видомъ оного лучше би могли изобрѣсти еще якій до добутя Лядского обозу вымислъ. О чомъ хочай и они Лахи такожъ дорозумѣвалися, однакъ, жебы и себѣ подъ той часъ учинили мало отпочинку, виправили до Хмелницкого знову Киселя зъ двома поручниками, которихъ онъ скоро узрѣлъ и вирозумѣвъ зъ мови ихъ рѣчъ, заразъ на овую учинилъ таковій отвѣтъ, ижъ и въ мисли ему того не было, жебы якіи до покою взиваючіе писалъ до нихъ цедули, або и чернь до вишвираженного воланя намовлялъ. Овиемъ офукнувшися на ихъ, сказалъ тое, для чого бы, будучи таковіе непріятеле, смѣли ему въ очи появитися; на що Киселъ же хотѣлъ уважнѣйшою отвѣтствовати мовою, онъ знову затрясши головою крикнулъ: «немного вѣдаю, чого вы хочете— «маете просити о дароване живота, которимъ тогди даро«вани будете, когда видасте мнѣ Вишневецкого и Хоружого, «бо тіе всего зла суть причиною, а сами зъ оружа въ поле «виступите, несучи при себѣ упоминки Хановѣ належніе; а «доселѣ отъ васъ зась держуючимися, за которіе що те«перъ у себе маете суконъ и прочіихъ фантъ, все ему от«дати мусѣти свое здоровя окуповуючи тое». Теди отъ него чуючи Лядскіе посли, зодхнули тяжко, и единъ зъ нихъ отказалъ такъ: «барзо добре противъ такой рѣчи намъ пре«тивной и помогати, бо о чомъ оная отъ тебе предложена, «о семъ далѣй отнюдъ и мы говорити не хочемъ, опрочъ «поколь въ семъ разѣ зостаемъ волними, тіе коротко мусимъ «предложити, же волимо десятъ разъ умерти; отъ чого и «тутъ заразъ не отмовляемся, нѣжъ бы до такой прійти «нѣволѣ и поганскихъ въ худобахъ нашихъ шацунковъ, а «если тебе фортуна поднесла въ такъ великую гордость и

Поляки посылають къ Хмельницкому для переговоровъ Киселя и другихъ.

«силу и, въ далшомъ крвѣ пролити смаковати хочешъ, кончи «свои предъ ся взяте и шукай до оного, якихъ можешъ «винайти способовъ, сталого однакъ въ насъ анѣмушу нѣ«когда не зволишъ, и тогда отъ насъ оруже наше отберешъ, «когда напередъ руки и голови наши (отъ чого насъ надѣ«емся Богъ сохранитъ) одобрати можешъ». Гнѣвно тутъ на нихъ глянулъ Хмелницкій и безъ мала ихъ о смертъ приправити не мислилъ, еслибы не Ханъ, заховуючи въ томъ цѣлого свѣта право, казалъ ихъ безвередно назадъ отпровадити. Зъ чого знову свѣжіе зъ обохъ сторонъ завязалися ранкори, акіе барзѣй наступившая тогди надъ звичай темная показала ночь, же подъ часъ овій Орда и Козаки заразъ силно до обозу Лядского почали штурмовати, але не могучи тимъ штурмомъ самого рушити обозового чола, которого Ляхи, до оборони уже пріобикшіе, крипкого боронили на мѣсто замковихъ отъ ставу тилъ всю свою обернули силу, якой Лядская пѣхота та зъ тылу будучая, не могучи видержати на долину ближше къ обозу уступити мусѣла; а Козаки чрезъ окопи на городовіе паркани почали дратися и за малимъ уже на дахи и улицѣ не злѣзали, отъ чого и въ обозѣ превеликая завязалася была тривога, и тилко що до всеконечной не привела згуби онихъ. Однакъ когда посполство городовое зъ капитаномъ Машицкимъ немалимъ туртомъ кинулося, заразъ Козаковъ назадъ зъ валовъ въ рови збили, и тимъ не малое въ нихъ замѣшане и руину учинили, а еще на ратунокъ прибѣгли были Вишневецкій и Ляндкоронскій зъ своимъ жолнѣрствомъ до города, але же уже застали паркани городовіе мѣщанами освобожении, и Козаковъ въ ровахъ за оними побитихъ и стогнучихъ, назадъ до обозу повернулися, и значне свое войско тоею освобоженяся городового утѣшили вѣдомостю. А Хмелницкій, видячи, же нещастятця ему таковіе штурми, казалъ тоеи же ночи къ обозу Лядскому свои сипати вали, и що разъ къ оному ближше подриватися. Тое тоди Ляхи въ на- *Битва возобновляется.*

ступившій день увидѣвши, зразу зтривожилися; однакъ и тогди, не весма себе отчаеваючи, начали Козаковъ витати зъ великихъ арматъ, которими уже нечого имъ не могли шкодити, лечъ тилко дармо и пулѣ псовали. Козаки зась Ляховъ зъ за тихъ своихъ валовъ и ямъ горшей стали Поляковъ разити такъ, ижъ ледво имъ винаходилось якое въ обозѣ до ухиленяся мѣстце, бо хто тилко зъ нихъ неосторожне вичакнулъ, заразъ готовими Козацкими пострѣлами зосталъ убитій, и такимъ способомъ пропали значнѣйшая шляхта: Зборскій, Сераковскій, Зваревскій, Цетлѣнскій, Злоткій, Дзерекъ, Нарай и Подгородинскій зъ иншими людми. А отъ ставу зъ стороны Козацкой ровная арматными и носнихъ янчарокъ кулями не минала ихъ почесвая барзѣй где пригородокъ, тили войсковіе, майданъ и базари были посполитіе, за которіе не одинъ зъ нихъ Поляковъ утратою живота заплатилъ мито; наветъ хто зъ нихъ при солнечнихъ тогдашнихъ шкварахъ прагнулъ напитися води, не давши зъ кривавой своего тѣла нагороди, дармо не отійшовъ, для чого не маючи болшой води, опрочъ одной и то недоволно криныцѣ, мусѣли тую пити, якая исперва трупами и кровію зостала заражена, такъ, же не малъ половину мѣла въ себѣ живихъ червихъ. А до такой води недостатку и на хлѣбъ не меншая у нихъ стала быти скудость, ижъ борщу сирого на одного чловѣка и на еденъ разъ щегулне попоисти отъ таляра битого купити было невозможно, а щожъ говорити о самомъ хлѣбѣ иншихъ ядомихъ рѣчахъ, якихъ дорожнета таковая и недостатокъ же справовали превеликій въ нихъ голодъ, а до того прагнене подъ часъ горячихъ дней барзѣй питія, уставичній въ оборонѣ трудъ и неспане причинялося имъ, учинилися зъ тихъ мѣстъ межи инѣми незлѣчоніе хороби и смертніе заразы, якіе всему обозу безмѣрную скорбъ и тривогу почали наносити, иле когда видятъ своихъ жолнѣровъ однихъ лонта арматного удержати немогучихъ, другихъ знагла о землю падаючихъ умѣраючихъ

лѣчби уменшене, для которого поневажъ и тіе вали, якихъ двокротне и такъ уменшовали, здалися имъ быти великіе, начали совѣтовати, що далѣй чинити будутъ. А маючи на мислѣ одно намѣреніе, чтобъ въ городъ уступити поведаючи, ижъ лучше тамъ свою тую окріютъ малость и при оскуденіи уже куль и пороху латвѣй зъ за паркановъ городовихъ боронитися могутъ непремѣнно, уступленіемъ туда въ городъ хотѣли тое свое исполнити намѣреніе. Лечъ и тогди Вишневецкій тому перечилъ крѣпко, мовячи до нихъ въ тіе слова: «кому на встиду и цнотѣ мпѣй належитъ, той до «города нехай уступуетъ, а я тутъ въ своими останусь, и «если васъ тое здобити будетъ, же уже третій разъ утекати «намѣриваете, разсудѣть сами, а и въ утѣчцѣ тоей, що васъ «спасетъ, чи вали и паркани ветхіе покажутся вамъ недо«бутіе, овшемъ не о горшую ли васъ приправлять руину, «когда непріятель, где колвекъ притаеній, подкопавшися «латво, оніе отвалитъ и знагла на войско неготовое до от«пору напавши въ полъ пораженіемъ пройдетъ, або самимъ «всѣхъ викуритъ димомъ, одну якую запаливши халупу. «Если великіе вамъ быти здаются и сіи вали обозовіе, ка«жыть еще иншіе копати меншіе, а потѣхи съ тріумфу «певного надъ собою такимъ въ городъ утекомъ завчасу не «давайте непріятелевѣ набирати!»

Вишневецкій противится вступленію въ городъ.

Якимъ Вишневецкого напомнѣнемъ началники обозовіе и прочіе, хто до того уступленя совѣтовалъ, познавши свой блудъ и згубу всеконечне, еслибы въ городъ были уступили, быти имъ мѣвшую, що лучшимъ своимъ третій валъ въ меншій еще циркелъ копати около обозу, а хорихъ въ замокъ споровадити казали, и, жебы отъ поля мѣсто недобутое и вода до остатку у нихъ не отнята была для оборони, туда послали Лянцкоронского зъ полкомъ Корфовимъ. Въ якій часъ Орда сильно почала наступовати на Конецполского, которій, въ найближшомъ отъ него разстояніи мѣстца зостаючи, здался быти на великой перешкодѣ, але же не могли оного

знести, воспятившися отъ того наступленя, знову до покою будто стали Ляховъ взивати. Якому взиваню они Поляки уже не вѣрили, а будучи на той часъ штурмомъ нетурбованіи, пригоняли свое жолнѣрство докончовати валовъ потрете зачатихъ, а глубокостю въ ровахъ такожъ високостю и шириною надъ первіе и повторніе достатнѣйшіе. Въ якіе подъ часъ темной ночи постановивши силную на отводѣ стражъ, когда

Нападеніе Хмельницкаго.

почали уступати, Хмелницкій, постерегши тое своею чулостю, заразъ на нихъ чинилъ всею силою наступлене и, непомалу ихъ змѣшавши, певную часть возовъ и коней зъ людми одорвалъ, а болшого ему надъ тимъ обозомъ чого - доказати темнота нощная не допустила; то якъ скоро засвѣтило на день солнце, увидѣвши тіе повторніе окопи Ляховъ быти оставленніе, росказалъ въ оніе своимъ вступити полкамъ и знову безъ витхненя, где усмотрѣвалъ, або стражу у нихъ быти некрѣпкую, або мѣстца не такъ оборонніе, штурмовати началъ, а напередъ подъ городъ, отъ которого, а сполне изъ за новихъ валовъ, же зъ едноченіи до стислѣйшей купи Поляки силній чинили отпоръ, уступити оттоль мусѣвъ на ночъ, въ которую збивши заступами и копаницями мало не всю чернь, велѣлъ сипати зъ тилу обозу Лядского свои вали, якіе далеко вишше Лядскихъ были на кшталтъ горъ високихъ повисипани, и на онихъ позаточувавши армати не опускалъ при томъ всякихъ инншихъ, чимъ бы тилко моглъ облеженимъ зашкодити, заживати способовъ, которимъ Лядское войско весма будучи утѣснено до послѣдняго уже приходило отчаянія. Лечъ Вишневецкій еще и отъ того стривожениxъ отводилъ, и до небоязни возбуждалъ, а не маючи уже ни въ чомъ болшей надѣи, кромѣ въ рукахъ и отвазѣ, скоро почало зъ дня на ночъ заводитися, взивалъ зъ собою: «хто охочій до военной оказіи на випоръ», и за наступленіемъ самой ночи, въ которую Козаки обезпеченіи, же власне въ ихъ рукахъ были Поляки твердимъ отяготилися, звлаща многіе зъ нихъ нетрезвую отъ горѣлки и

тютюну маючіе голови сномъ. Онъ Вишневецкій подъ той часъ виправился зъ синовцемъ Димитріемъ и зъ прочими охочими отъ своихъ окоповъ, долиною тамъ будучого, до шанцовъ Козацкихъ, и тамъ, нечаянно на ихъ напавши, когда почалъ бити и поражати онихъ, превеликую тимъ во всемъ войску ихъ учинилъ тривогу и замѣшане, же сами они себѣ не вѣдали, що чинится, чи Ханъ зъ Ордою на нихъ ударилъ, чи Король, ожидаемій Ляхамъ на сукурсусъ, прибылъ; и нескоро поколь пришли до справи, князь тимъ часомъ, премногое въ нихъ учинивши поражене и одинадцать ажъ короговъ, а два Ханскихъ бунчуковъ взялъ, до обозу повернулся, тимъ знову отчаянное свое вспомоглъ и укрѣпилъ войско.

Дѣйствія Остророга, Фирлея и Лянцкоронскаго.

Такожъ Остророгъ зъ Хоружимъ тоеи ночи випершися немалій страхъ Козакамъ обезпечившимся задалъ, тилко Фирлей въ подобномъ своемъ випорѣ много товариства утратилъ. Але и тую утрату нагородилъ Лянцкоронскій, же зъ мѣста напалъ на неосторожную Козацкую чернь, и, близко тисячи оной вистинавши, взялъ чотири корогви и языковъ живцемъ пятихъ привевъ, которіе сказали Ляхамъ, же Король будто до нихъ зближается на суккурсъ, на якого конечне яко бы Татаре въ дорозѣ, гдесь близко, были натрафили, и зъ того Хмелницкій повонтпиваючи, намѣрилъ назадъ уходити, якожъ уже и вози що тяжшіе почалъ виправляти. А зъ верхъ тоей сказки и Хмелницкій наступившій тогди день, скрито новихъ воловихъ мажъ зъ хворостами много приспособивши, казалъ запрягатися въ оніе Козакамъ и, провадячи мажи тіе не велми далеко отъ Лядцкого обозу, нарочно кричати: *верни, минай, стой, ступай, далѣй, уже не будемъ Ляховъ добувати! Годѣ, годѣ, бо Король къ нимъ идетъ на помочь!* Наветъ онъ и самъ Хмелницкій здавался уходити, кидаючи уже будто и армати и оніи тяжари, але подъ той часъ скрито приближившися до Ляцкихъ валовъ, когда показался зъ своихъ валовъ, више висипаних

Хитрость Хмельницкаго.

и при нихъ поуставлялъ штурмовіе драбини, дерномъ и глиною, утрое поокладованіе, а якъ вежи якіе високіе зъ хворостомъ засъ баттеріи до арматъ и редути на кшталтъ горъ повиносилъ, зъ которихъ не тилко стрѣлбою не хибити, але перелѣчити и вибити до единой души было мощно, а звлаща въ такомъ зближеню, же одни до другихъ камѣнемъ докидали и ланцугами зъ поробленими на нихъ гаками, зъ валовъ, досягаючися схватувались; тогди Ляхамъ пришло до крайного скончення, а еще имъ Козаки и тимъ неменшои придавали бѣди, же упоруганіе кричали до нихъ виговоруючи, для чого не здаются, развѣ дожидаются далѣй снѣдію себе приготовити крукамъ и лупамъ Татарамъ: «*отъ* «*вамъ очковое, роговое, аренди, отставщини, сухомелщизни,* «*пересуди,* отъ и теперъ якъ имъ играютъ стройно *дудки* и «*музики пищать* (*)!»

Мужество Вишневецкаго.

Лечъ и въ такомъ своемъ утѣсненіи и поруганіи Вишневецкій самъ не отчаивается и иншихъ отъ тяжкого отчаянія отводитъ; овихъ потѣшаючи, инимъ своей отваги и мужества на память приводячи, другимъ вимовою услаждаючи всѣ тіе подимуючіеся бѣди, и самую смерть, кому зъ нихъ яко не безсмертному притерпѣти случится, не страшную чинячи, а фляши зъ лѣкворами остатніи вицѣжаетъ, и таковимъ подкрѣпленіемъ въ полъ власне мертвихъ воскрешаючи, Короля на сукурсѣ до себе прибути найдалѣй за три днѣ о нимъ обѣцовалъ; якожъ и отъ Львова о его прибытіи, хочай безъ певного автора, проголошалися вѣдомости. Наветъ подъ той же часъ и отъ Козацкого табору здалася быти випущенна стрѣла зъ привязанною картою пала передъ наметомъ Вишневецкого, которую онъ, зъ земли поднявши и отвязавши тую карту, въ слухъ передъ всѣми читати голосно; въ якой тое было написано: «шлях-

(*) На полѣ противъ этихъ словъ написано: «вирекають Козаки Полякамъ засци ихъ и здирства».

«тичъ естемъ, але постолитая нинѣшная нужда принаглила «мя удатися до Хмелницкого на службу, однако хочай нелзя «мнѣ ухилитися, однакъ съ природного своего ку отчизнѣ «афекту, запевную вамъ потѣху предлагаю, же Король, зъ «великимъ войскомъ на отсѣчь къ вамъ поспѣшаючій, въ «пяти миляхъ тилко отсель знайдуется. Зъ чого и Хмел«ницкій зъ Ханомъ тривожатся уже, и любо всѣми силами «теперъ не тратячи якоби сердца до васъ штурмуеть, и «хочеть къ тому якоюсь здрадою подойти, однакъ въ самой «рѣчи боится. Мѣйтеся теди въ осторожности, черезъ сіи «барзо днѣ которіе если видержите, волними быти надѣй«теся!»

Якое дѣло, если правдиве отъ Козацкой сторони было учинено, или нарочно вимислено отъ князя, тилко значную во отчаянномъ войску Лядскомъ при якой колвекъ надѣи охоту и до нездаванися справило поводъ. Звлаща же и Хмелницкій, зо всѣмъ таборомъ отъ своего рушивши становиска, на гору у замку почалъ перебиратися, а передъ тимъ переборомъ казалъ гасло тое оголошати, ижъ назадъ до Пѣлявецъ оборонно уходити маетъ, и любо тимъ фортелемъ Ляховъ снадно, якъ самой вещи увѣривши, ихъ велми ошукалъ, бо когда сталъ таборъ рушати, Козаковъ; не рушило (нерушимо?) въ шанцалахъ притаенныхъ, нарочно оставилъ, которіе, обезпеченнихъ тимъ Хмелницкого уходомъ Ляховъ, хто тилко за окопи удался, всѣхъ хватали и забивали, а потомъ и табору помянутого не провадячи Хмелницкій, яко проголосилъ до Пѣлявецъ, назадъ на помянутой къ старому замку горѣ установилъ, и такъ на око у весь оній взялъ, же жадного отнюдъ мѣстца до склоненя не было имъ безопасного, наветъ по пивницахъ и лі̂одовняхъ мало хто укритися могъ отъ арматного и инного огненного пострѣлу Козацкого доволѣ имъ додаванного. Наконецъ Козаки, подкопавшися до мѣста подъ вали, внутръ уже ухватитися скрадалися, але оныхъ постерегши лавники и, доволно огня додавши зъ оружя,

Хмельницкій одолѣваетъ Поляковъ.

заледво отпудили, тилкожъ и тіе городовіе и въ обозѣ будучіе Поляки въ непремѣнной, яко вишей виразилось, найдовалися тѣснотѣ, при которой опослѣ дознавати почали, же дарма тѣшатся, однакъ всеконечное отчаяніе отлагали, принамнѣй за тимъ, же то Хмелницкій, запевне чуючи на помощъ и ратунокъ идучого къ нимъ Короля, всей своей до нахиленя онихъ скорого рущаетъ силы.

Поляки отправляють къ Королю посланца, умоляя его о помощи.

Лечъ и при такомъ знову мнѣніи крайне почали о томъ королевскомъ сумнѣватися приходѣ, для чого заразъ учинили межи собою совѣтъ, кого до него всеконечно послати, тилкожъ и до посилки такой винайти кого и виправити онимъ, такъ тѣсно отвсюду облеженнимъ, же развѣ птахъ и то не каждій залетѣти могъ, сдалося за неподобную рѣчи поступили, однакъ началники обозовіе великую учинити нагороду, хтоби зъ особливой ку отчизнѣ горливости отважилъ свое житіе и схотѣлъ зъ писмами, даючи о томъ ихъ утрапеню вѣдати, до Короля пойти. Якожъ заразъ и одозвался до того одинъ зъ подъ якойсь корогви товаришъ, которій обувши на себе постоли и зложивши сермягу и шапку мужицкую, одобравъ отъ началниковъ листи и зъ ними безъ замоченя якось пробрался, перепливши ставъ, а потомъ, лѣзучи по травѣ, пробрався скрозь Козацкіе и Татарскіе войска, и дойшолъ до Залозецъ, за Русина себе удаючи, оттоль засъ и далѣй до Короля пробрался. А облеженіи при остатней якой колвекъ надѣи тривали еще, заложивши свое спасеніе на одной отвазѣ и самихъ забояхъ, азали по полученіи помянутихъ отъ нихъ посланнихъ листовъ прибудетъ къ нимъ на ратунокъ Король, которій тогди очекиваючи дарма стягненя войска своихъ, поколь въ томъ созваное стало посполитое рушене, уже въ Топоровѣ найдовался, тяжко зъ того печаленъ будучи такожъ, же доселѣ не имѣлъ войсковихъ столко, которими би моглъ такой великой Козацкой и Татарской лѣчбѣ видержати, а другое о иномъ своемъ зъ Гетманами войску, зъ подъ Збаражемъ будучомъ, отъ самой

оного виправи жадной не мѣлъ вѣдомости, запевне тилко о немъ тое порозумѣваючи, ижъ если не цѣле згинуло, то въ такъ тѣсномъ мѣютъ быти облеженю, что и вѣсти о себѣ не черезъ кого дати не могутъ. Якожъ и въ самой рѣчи тое было, понеже сколко Поляковъ для прислуги и нагороди одобраня отважалося такъ отъ Короля до облеженихъ яко и оттуду до него прійти, всѣ подобіемъ каменя, въ воду вмѣтаемого на днѣ пропасти засѣли. Подъ такій теди королевскій фрасунокъ прибылъ туда къ нему въ Топоровъ виправленій отъ облеженцовъ зъ подъ Баража помянутій товаришъ зъ листами.

Король спѣшитъ на помощъ къ осажденнымъ.

А сполне изъ словесного того посланца вознесеня вирозумѣвши Кролю, же хочай еще оніи облеженіи не весма пропали, однакъ о своемъ спасеніи крайне ненадежни и болше на три днѣ видержати не могутъ, не дожидался уже далѣй въ тихъ, которіе тилко що зъ домовъ невчасъ почали вибиратися, и почалъ скорѣй туда ку Збаражю номикатися, однакъ що би колвекъ еще къ нему зобратися могло войска, нарочно притягъ до Чолганского Каменя, а оттоль такожъ вибачилъ ку Лвову, але надъ все до скорого походу превеликіе оному учинилися препятія отъ збитнего черезъ цѣлій тижденъ бывшого тогди дощу и плюскотъ, и отъ нихъ умножившихся всюда бридкихъ калюжъ и рудокъ, по которихъ, провадячи таборъ и загружаючи вози, часто ставати ему было нужно. А за найгоршаго аще къ тому имѣлъ непомислность сее, же чуючій въ близкости своихъ непріятелей жадной вѣдомости и язика отъ нихъ не моглъ досягтися, опрочъ одного такого певцаго проголошеня, ижъ Хмелницкій зъ Ханомъ зедночоній въ незлѣчоной своихъ войскъ купѣ найдуются; поневажъ онъ же Хмелницкій межи иншими и тую вистроилъ штуку, заховуючи чулую осторожность, же казалъ напередъ обоимъ войскамъ въ живности всякіе доволно приспособитися; а въ то время, когда Король зближатися до нихъ мѣлъ, о

якого оберотѣ завше имѣлъ певніе чрезъ шпикги вѣдомости, загрозилъ подъ смертною казнію всѣмъ, жеби жаденъ духъ нѣкуда зъ его обозу виходити не важился, маючи тое намѣреніе, чтобы Короля своихъ на него нападеніемъ попередити моглъ. И знаючи, ижъ много всегда на взятю языковъ для вибаданяся зъ оныхъ о всякомъ непріятелскомъ поведеніи и поступкахъ до военной оказіи залежитъ потреба, въ такихъ прето непомислного поведенія термѣнахъ, Король справуючи свой военній промислъ, якъ бы мѣлъ далѣй въ томъ поступовати, долго размишлялся. Однакъ, надъ все имѣючи въ томъ размишленіи помянутихъ облеженцовъ чимъ бы моглъ оныхъ ратовати, поставилъ непремено для того оныхъ ратунку ку Збаражю марширована; якожъ заразъ туда и рушилъ зо всѣмъ своимъ войскомъ, въ которого самого наивиборнѣйшого болшей двадцятотисячную личбу уже былъ прибрался. Проводячи оное въ належитой справѣ и самъ въ немъ порядки и сторожу оглядаючи, самъ якъ стати, зъ коня умѣти, вложитися, поскочити на скинене копію и шталтне зложити, якъ держатися своихъ строевъ и пилновати ихъ обротовъ въ наступованю одного по другомъ, заезжаню, посилкованю и прочая нецвѣчонихъ зъ подивленіемъ изкуснихъ въ томъ жолнѣровъ учаетъ. А чого еще самъ управити не моглъ, устроилъ собѣ помощъ до такого управленя енераломъ великого канцлера Осолинского, которій въ военой справѣ, ораторской вимовѣ и въ даваню всякихъ здоровихъ порадъ, надъ всѣхъ былъ найбѣглѣйшимъ. Когда зась при такомъ своего войска цвѣченю и осторожности, онъ же Король прибылъ до Зборова мѣста, въ пяти миляхъ уже толко отъ Збаража разстоянимъ будучого, велѣлъ людей зъ околичнихъ тамъ себѣ позгонити и рудпи и болота, отъ вишейвираженихъ дожчевихъ плюскотъ водою наполненіе, передомъ на томъ трактѣ, куда своимъ войскомъ ити предлежало, належите погатити. А самъ, черезъ день Успеня Пресвятія Богородицы суботній установивши,

по той сторонѣ Зборова обозъ, тамъ же въ городѣ для отправленія праздничнихъ подлугъ своей реліи церемоній задержался. По которихъ заразъ созвавши сенатъ, началниковъ войсковихъ и прочіихъ старѣйшихъ отъ шляхти совѣтовалъ о далшомъ способѣ и поступку своего предъ ся взятого военного маршу; и же запевне надѣялся въ такой близкости непріятелей своихъ наступленія на завтрешній день, того ради, обездячи свое войско, чрезъ долгій часъ напоминалъ и возбуждалъ оное своею мовою до належитой отваги. Въ якое время когда хто отъ Поляковъ прибѣгши, далъ оному знати о Козакахъ и Ордѣ, не въ далекомъ разстояніи уже будучихъ; заразъ послалъ для засягненя певнѣйшихъ вѣдомостей Дасшинского жолнѣра, въ повагахъ военихъ дознаного, которому обехавшому немало поля и не могшему жадно завзяти певности, а нѣ слѣду непріятелского постерегти, назадъ нѣ зъ чимъ повернутися пришло. А Король, подлугъ вишвираженого совѣту, въ наступившій день недѣлній, оставивши що найтяжшіе при Зборовѣ вози, зъ щотиристами драгонѣи рушилъ ку Озерной при упережаючой корпусъ войсковій селной сторожи, которая для звичайнихъ подслуховъ рано еще въ ночѣ была виправлена, и по оной Керецкій зъ своимъ огромнимъ полкомъ самое войска чоло заступовалъ, при которомъ заразъ армати и пѣхоти устроени Король зась самъ въ серединѣ, огорненій густими полками, далшіи сторони, и тихъ заслоняло посполитое рушене, а Корицкій опослѣ всѣхъ ишолъ на отводѣ.

Въ такомъ теди строю прійшовши Король зъ своимъ войскомъ до переправи, недалеко отъ Зборова будучой, мусѣлъ надъ оною медлѣти много, поколь обозъ увесь перебратися мѣлъ. Тимъ часомъ прибѣгаетъ зъ поля сторожъ, даючи знати, же войска Козацкіе и Татарскіе зъ тилу ихъ уже заехали, и хочай певной лѣчби въ нихъ немощно вѣвѣти, тилкожъ досить превеликою наступуютъ силою. Поневажъ Хмелницкій тоей же ночи, осадивши черню самою *Хмельницкій нападаетъ на*

королевское войско. пѣшою Збаражскихъ облеженцовъ, бинамнѣй того непостерегшихъ, самъ зъ своимъ и Татарскимъ комонникомъ нечаянно (бо жадного отъ себе не попустилъ взяти языка) туда до Короля завиталъ, и, поколь того королевского войска половина за помянутую переправу перейшла, онъ сталъ передъ очима ихъ и, въ коло заразъ обозъ Королевскій зо всѣмъ войскомъ обачивши, зъ тилу, где надъ переправою тоею Ляхи бавилися, силною пагубою, ударавалъ въ незабавѣ превеликій бой и пораженіе, поки билъ Ляховъ, несправности въ нихъ справивше, такъ всѣхъ зтривоживши, же заразъ комонникъ и отбѣгъ, болшой части своихъ обозовихъ возовъ и немало пѣхоти, якая безъ посилкованя жадного тотчасъ знесенна, и вози зрабовани зостали, а потомъ и помянутій комонникъ, уже отбѣгшій своихъ, же уже передъ тимъ отбѣженемъ заступленій былъ отъ переправи Татарами, таковій же якъ пѣхота однеслъ упадокъ, скривши своимъ трупомъ тамъ около Зборова поля, болшей отъ милѣ разстоянія мѣючіе, по которихъ нарозно гоненій и пораженій утекалъ. Въ якомъ разѣ пропали отъ переднѣйшой шляхти, именно: Осолинскій, Урядовскій — старости, Стобнѣцкій, такожъ отъ Лвовской, Премислской и Саноцкой шляхти премногое число, которихъ жони удовами и дѣти сиротами зоставши, болшей въ домахъ не оглядали.

На тихъ теди лупахъ Козаки и Татаре заборившись, поколь на Короля самого наступовати мѣли, онъ зъ прочіимъ войскомъ, по переходѣ мененной переправи, належите ушикованій, ожидалъ того наступленія въ готовой справѣ, на которого, а въ первихъ на самое войска чоло, Корецкимъ державное, всею потугою ударили и долго не могли оного крѣпко застановлявшагося зперти, а потомъ и онъ, въ своей почавши изнемогати силѣ, поминулся помалу подъ узброеніи полки, где Король найдовался, которій тогди значное

Мужество Короля. барзѣй своей отваги показалъ дѣло. Поневажъ не якъ королевской особѣ, або принамнѣй и ротмистровѣ или кому

иншому отъ началнихъ, было прилично, але якъ жолнѣръ якій мужественній, когда увидѣлъ помянутихъ противнихъ себѣ войскъ ударъ, на лѣвій своегожъ обозу рогъ учинившійся, самъ зъ добитою броню передъ иншими видался и много поразилъ противного войска, приводячи до такой отваги и иншихъ своихъ неотважнихъ жолнѣровъ, а отступати своихъ, же якъ зъ подъ Пѣлявецъ, уже и тогди начавшихъ, заворочалъ назадъ, шаблею однихъ заганяючи, другихъ конѣ за цуглѣ пориваючи, на прочіихъ жестоко нарѣкаючи, для чого его отбѣгаютъ и для чого передъ самимъ небомъ такой не встидаются утѣчки, заледво отъ оной всѣхъ воспятилъ, а будучи отъ енерала канцлера и заднихъ полковъ посилкованній, такъ силній въ той часъ Козакамъ и Татарамъ далъ отпоръ, же отъ оного цѣле, въ своемъ изнемогши наступованю, мусѣли сами зъ пляцу назадъ уступити.

Однакъ Хмелницкій за прибитемъ отъ Збаража болшой своей потуги, жебы зъ рукъ такого облову дармо не пустилъ, заразъ коло отъ его обозу королевского нарозно порозсилалъ полки, а самъ зъ Ханомъ все чоло залегъ, обележене къ ему Королевѣ готуючи. Прето Король, не зсѣдаючи изъ коня, наскорѣ почалъ совѣтовати, що далѣй въ такомъ небезпеченствѣ чинити маютъ, бо когда прійдется имъ, якъ тимъ, що подъ Збаражемъ, быти, облеженю неподобная такъ витравати не мѣючимъ нѣ мѣсца до оборони способного, нѣ живности доволной, которая мало не вся въ розрабованихъ напередъ возахъ у нихъ уже была отнята. И розно розніи радили, а тоею радою отъ двоихъ одну бѣду подіймовати обирали: то есть его Короля тихо якъ зъ обозу виводити, а самимъ гинути, заховуючи принаймнѣй голову войска и очалоніи мнѣй дбаючи, хочай и пропадуть; або хто умѣетъ зъ нихъ хочай мало татарщини написати до Хана—покорними словами оного отъ злученя Козацкого отводячи; тилко одному канцлеру весь тотъ совѣтъ неполезній и ободва вишвираженніи способи до спасенія неподобніи, въ томъ разѣ

Хмельницкій усилеваетъ нападеніе.

Совѣщаніе Короля съ полководцами.

быти здалися, чого ради онъ самъ давалъ инакшій совѣтъ, и такожъ двоякій: або отважне всѣмъ войскомъ пойти на проломъ скрозъ противніе имъ войска и учинити тимъ проломомъ себѣ и що облеженимъ подъ Збаражъ дорогу, або не отъ рѣчи хочай и до Хана написати, тилкожъ не такъ якъ прочіи совѣтовали покорній, але належитой поваги и високости напомненій листъ, якожъ и Король, зо всѣхъ согласіемъ принявши сего повторного его совѣту способъ, написалъ до Хана въ той сенсъ:

Письмо Яна Казиміра къ Хану.

Янъ Казѣмѣръ, Король Полскій, Хановѣ Кримскому здравствовать!

Удивлятися тому мушу, же будучи много долженъ еси брату моему Владиславу, которій вязня тебе въ своей землѣ бывшаго королевско трактовалъ, и потомъ волного пустилъ до природного Ханства, которимъ и теперъ владѣешъ, а не поминаючи того благодѣянія нашого, сего часу когда я противъ своему здрайци повстаю, зъ нимъ посполу на мене подіймуешъ ранкоръ, которого хочай при своей правдѣ и надѣи, же въономъ не буду посрамленъ, не боюся, однакъ, ежели хочешъ быти моей вдяченъ пріязни, братерско оную тобѣ залѣцаю, хотячи, жебы таяжъ пріязнь и отъ тебе была ненарушима.

Король ободряетъ войско.

Зъ якимъ листомъ вязенъ Татаринъ до Хана виправленъ, а самъ Король не спячи немало тоей ночи поправлялъ шиковъ прошлодневною потичкою надвереженнихъ, обеждажаючи знаки войсковіе и корогви, и заразъ валъ около обозу сипати казалъ. Але зъ того новій въ войску уродился страхъ и тривога, будто онъ Король, перебравшися зъ старшиною тайно зъ обозу хочетъ уходити, о чомъ скоро Король довѣдался, велѣлъ позапаліовати походнѣ, при которихъ по всемъ табору ездячи, оголошалъ себе нѣкуда не-

нсходно быти, и зъ ними, если до того прійдетъ, умирати не отмовлялся, якимъ способомъ заледво моглъ утолити тую между ними повсталую тривогу.

А скоро день наступовалъ, зъ одной сторони зъ тилу отъ переправи, при якой запертіе еще Лядскіе были вози, Козаки засъ зъ другой подъ Зборовъ, где войсковіе тяжари при дракгонѣи оставлени, всею силою ударили, лечъ въ обохъ тихъ ударахъ не пощастилося онимъ. Поневажъ тутъ Король крикнувъ на охотника и челядь обозовую, якіе всѣ кинувшися до переправи, Татаръ на возахъ уже паршихъ и рабовати хотѣвшихъ не тилко отбили, але и прочъ прогнали, немало ихъ трупомъ положивши, а тамъ подъ Зборовомъ дракгонія, обачивши зъ своихъ обозовъ ихъ таковую тривогу и смѣлость, виперлися зъ мѣста также и зъ своею челядю и мѣщанами (до чого имъ былъ поводомъ езуита Лисецкій), и зъ подъ валовъ уже Козаковъ пришанцовавшихся вибили и вирубали.

Якую своихъ шкоду Хмелницкій зъ Ханомъ хотячи повстовати Орду, премногою силою на Короля ординовалъ самого, а Козаковъ зъ частю Татаръ же, обозъ заехавши зъ чола, первей на гарцъ Ляховъ визивати и оними забавляти казалъ, а потомъ скритими мѣстцами значную войска купу виправилъ подъ церковъ, тамъ же недалеко отъ обозу будучую. На которую заразъ армати и Козаковъ пѣшихъ зъ прочіею огненною стрелбою спровадивши, самъ зъ иншимъ войскомъ подъ лѣвую сторону тогожъ обозу сталъ помикатися отъ ставу, где видѣлъ валъ недоконченъ, и слабую розумѣлъ быти оборону, въ чомъ канцлеръ коронній, зъ королевскимъ указомъ прибѣгшій, любо остерѣгалъ своихъ, и казалъ докончувати валовъ, а где немощно онихъ докончувати, тамъ заслонити возами, однакъ, поколь около того заходилися, Хмелницкій все помѣшалъ, когда зъ помянутой церкви, зъ арматъ и иного оружя палити (отъ чого исперва въ Лядскомъ обозѣ тяжкое было поражене), а въ той слѣдъ заразъ и чернѣ казалъ добиратися Лядскихъ же обозовъ,

Хмельницкій возобновляетъ нападеніе.

зъ которихъ такъ силно наступовали на самій обозъ, же на вали уже килкократне схватаючихся заледво копѣями и корогвами отперли при неуставаючой зъ обохъ сторонъ зъ рану мало не до самого полудня огненой стрелбѣ.

Наконецъ видитъ Хмелницкій, же много потреба працѣ въ такомъ обозу добуваню, а уже и такъ немало трупомъ Козаковъ полегло, велѣлъ отступити отъ валовъ, и, зъ церкви той поздіймавши армати, зо всѣмъ войскомъ въ мгновеніи ока, якъ буря наглая, по полю роспустился и потомъ знову, що разъ подъ помянутій подпадаючи обозъ, когда не моглъ надъ онимъ нѣчого доказати, началъ радитися зъ Ханомъ, якъ мѣютъ далѣй поступовати; и надолзѣ уважаючи тое, жебы посполитое рушене, теперъ непоспѣшившое, опослѣ, когда бы мѣли тутъ добуваючи Короля забавитися, не пришло къ нему на сукурсъ, такожъ и Збаражскіи облеженцѣ, постерегши, же вся войска Татарского и Козацкого сила оттоль отступила и тутъ же обрѣтается, не важилися бы сюда до Короля ихъ итти и спробиватися, постановили тамъ своимъ совѣтомъ, отписати на помянутій королевскій черезъ вязня Татарина поданій листъ такимъ сенсомъ:

Письмо Хана Крымскаго и Хмельницкаго къ Королю.

«Же Ханъ много антецессоровѣ его Владиславовѣ признаетъ ку себѣ бывшой доброчинности, а що теперъ злучился зъ Козаками и зъ ними чинитъ на него наступлене, то тому не иншую даетъ причину, тилко же отъ нихъ упрошеній зосталъ, а отъ Короля таковимъ прошеніемъ (що ему за взагарду и легкое о силахъ Татарскихъ важене быти здалося) оставленій, прето уже якъ сталося ростатися неможетъ. А если Ордѣ отъ Поляковъ издревле установленніе, а черезъ много лѣтъ недаванніе упоминки будутъ теперъ всѣ даніе, и впредъ безъ такого задержаня що року ищанни, а Козакамъ вина ихъ отпущена,—и узнаетъ ихъ въ семъ разѣ Король ку себѣ пріязни».

Также и отъ Хмелницкого разомъ зпоряженъ листъ зъ тимъ вираженемъ:

«Ижъ що понесла въ нинѣшніе часи Полща руини, не есть онъ причиною, и овшемъ невиненъ въ томъ здается быти, же и теперъ на его Король самъ своимъ наступуетъ маестатомъ».

Свиданіе Визиря съ Короннымъ Канцлеромъ.

Зъ якими листами тогожъ Татарина назадъ до Короля виправили,. а зъ нимъ заразъ и Вейзѣру великому канцѣлѣру ханскому Касіягѣ Шеферу въ поле віехати казали, до которого и отъ Короля, по вичитаню помянутихъ отвѣтовъ, віехалъ коронній канцлеръ, и заразъ, не бавячи дармо часу, що въ листахъ было написано, тое и на словахъ переговоривши, до далшой своихъ старшихъ уваги розехалися, а чимъ бы до своего окончанія тотъ зачатій латвѣй моглъ прійти трактатъ, велѣли отрубити зъ обохъ сторонъ покоевое гасло; на завтрій зась день, знову обадва канцеляри зехавшися, совершено покой учинили, на тихъ власне кондиціяхъ: во первихъ Козакамъ всю вину ихъ простити, упоминки Татарамъ издревле установленніе, а черезъ многолѣтъ недаванніе, всѣ отдати и впередъ отдавати, але по оніе самъ Ханъ присилати маетъ, а не до него, якъ передъ тимъ бывало, отвозити, онъ самъ зась Ханъ за тое, когда Король требовати-меть въ якомъ случаю додавати будетъ своей войсковой помощи, теперъ заразъ Лядской землѣ болшъ оной неплюндруючи виступити, и войско ихъ зъ облеженя Збаражского въ цѣлости отпустити».

Условія перемирія Ляховъ съ Ханомъ.

Якіе кондиціи всѣ, когда на паперѣ записали и, подписомъ рукъ утвердивши, всему войску прочитали въ голосъ, радостно зъ обоихъ сторонъ крикнули: *миръ, миръ,* и оній обично на котлахъ, трубахъ и стреляню оголосили, а затимъ оголошенемъ Король зъ Ханомъ и подарками взаемне чрезъ посли почтилися.

Посольство къ Королю отъ Хмельницкаго.

Потомъ и Хмелницкій, взявши въ заставу Любомирского маршалка великого короного, виправилъ до Короля двохъ полковниковъ зъ суплѣкою отъ имени всего козацкого войска написанною, которую они полковники публѣчне въ на-

метѣ Королевскомъ передъ его-жъ ногами на землѣ положили. Теди канцлеръ Осолинскій, поднявши оную почалъ до нихъ здобячи себе виговорувати въ тіе слова: «Любо заслужилисте, мовитъ, себѣ каране, нѣчимъ неотпрошеное, однакъ Панъ зъ своей добротливой натури все вамъ прощаетъ, теперъ тилко бы вы тую свою вину, такъ тяжко пополненую, вѣрними впредъ нагорождали услугами.»

Отвѣтъ Короля.

Зъ такимъ отвѣтомъ помянутіе полковники отправлени, а пункта, въ той же ихъ суплѣцѣ вираженніе, до далшой королевской уваги и всѣхъ Поляковъ здания отложени, межи которими-же написано было и тотъ пунктъ, жебы, подлугъ давняго звичаю, Козаковъ реестровихъ дворовъ сорокъ тисячей числомъ при Гетману было, волностію ихъ належитою обдарованихъ; то и тое до исполненя гордимъ Ляхамъ здалося быти прикро, ажъ насилу помянутій канцлеръ, предлагаючи свою стародавную приповѣсть, зъ лихого торгу доситъ зъ ушима до дому, наклонилъ онихъ, иже тотъ приняли и исполнити мусѣли пунктъ.

Свиданіе Хмелницкаго съ Королемъ и слѣдствіе сего.

Прето тогди и самъ Хмелницкій, допявши всего своего хотѣнія, якое на той войнѣ закладалъ, а маючи непремѣнно въ своемъ войску въ заставѣ помянутого Любомирского, прибылъ до Короля, которому зъ належитою покорою въ ноги упавши и, спустивши зъ очей слезы, прощенія просилъ, и по доволномъ королевскомъ, на словахъ учиненномъ, когда зосталъ отпущенъ, заразъ всѣмъ войскомъ отголь отступилъ и рушилъ до своего табору подъ Збаражъ, где помянутое Лядское войско до того ажъ времени въ непремѣнномъ было облеженю, подъ часъ которого много надъ звичай терпѣли утиску, отъ непрестаннихъ Козацкихъ штурмовъ и стреляня; отъ якого, власне по садахъ подъ яблунемъ яблукъ, або въ якихъ мѣстцахъ навоженного камѣня, премногое число куль въ ихъ обозѣ всюда лежало, и нескоро уже когда довѣдалися, же виборное Козацкое войско и Орда пошли подъ Зборовъ противъ Короля, а тутъ самая ихъ чернь добуваетъ,

разомъ съ того стали и тѣшитися и турбоватися, розно розмишляючи, же або прійдетъ къ нимъ Король для освобожения, або певнѣй жебы и ему, такъ якъ онимъ, не досталося, и того ради намѣривали, але при томъ намѣреніи и боялися ити къ нему на проломъ скрозь Козацкіе и Татарскіе войска; а во первихъ князь Вишневецкій зъ Остророгомъ конечне хотѣли того локазовати намѣренія, якожъ самъ Вишневецкій, пробуючися двократне и випадалъ зъ обозу, и за первимъ разомъ много Козаковъ поразилъ, а за другимъ, когда мѣлъ виходити и, приказавши всѣмъ обозовимъ въ слѣдъ за собою ступати, скоро бы почали его труби и гасло, знову напалъ на Козаковъ; тогди любо и онихъ засталъ уже въ готовой осторожности будучихъ, однакъ такъ крѣпко ихъ натеръ, же ажъ отъ валовъ почали были уступати, а потомъ, оглянувшися назадъ, же нѣкого за собою зъ обозовихъ не обачилъ, мусѣлъ, нѣ отъ кого не будучи посилкованній, назадъ повернутися зъ утратою Ясинского и инныхъ трохъ добрихъ отъ своего двору жолнѣровъ.

Вѣсть о заключеніи перемирія доходитъ въ лагеръ подъ Збаражемъ.

Въ якое время почали къ нимъ въ обозъ одна по другой приходити вѣдомости, же Король зъ Ханомъ и Хмелницкимъ о покою трактуютъ, первей не певніе, а потомъ заразъ певнѣйшіе, же Ханскій Карашчей, нарочно за тимъ виправленній зъ за валовъ, чрезъ трембача до нихъ одозвался, мовячи въ тіе слова: «дайте Ляхи мунштулукъ, «скажу вамъ вѣсть радостную: Король вашъ зъ нашимъ «Ханомъ поприсягли на братерство, а Козаки знову до «своего къ вамъ же подданства склонилися и панщини, «отъ которой тилко сорокъ тисячей що найвиборнѣйшихъ «мѣють быти волними!»—На такій Каращея одозвъ, любо тяжко зодхнули въ обозѣ, еднакъ не конфундуючи оного отказали, же отъ Короля еще будетъ ожидати певнѣйшого о томъ увѣдомленя, и, не спускаючися на его слова, въ належитой стали ку оборонѣ готовости. Ажъ опослѣ и совершенно заразъ увѣрили, когда по Козацкихъ таборахъ

ударено на котлахъ, на трубахъ зайграно, и зо всѣхъ арматъ миръ оголошаючи палити начато. Зъ якимъ оголошенемъ обачили и самого Хмелницкого, на стройномъ Турецкомъ конѣ гарцуючого, и до своего обозу радостно зъ тріумфомъ вежджаючого, которій за тимъ своимъ уездомъ знову такъ казалъ зъ арматъ и ручного оружя палити, же за димомъ и курявою солнце на чтири години дозрѣтися, хочай и ясного дня, было тогди не возможно.

Король извѣщаетъ о перемиріи.

Потомъ и отъ Короля присланній миноръ до обозу Ляцкого подъ Збаражъ пріехалъ, и помянутій покой, на паперѣ справленній, презентовалъ, упевняючи уже онихъ всецѣлимъ освобожденемъ, зъ таковимъ однакъ словеснимъ рѣчи прилогомъ, поневажъ, мовитъ, въ такой тѣсни будучи, обѣцалисте дати Хановѣ, якъ онъ повѣдаетъ, сто тисячей талярей битихъ, теди тое мусите конечне уистити, бо иначей не маете отсюду зъ порожними руками одойти; тутъ якъ опаренніи кинулися Поляки, а во-первихъ Остророгъ любо жарливо одозвался виворочуючи тое, же мы Хановѣ не обѣцали отнюдъ нѣчого кромѣ королевской пріязни и дискреціи, и то въ той цель деклярованій, если бы схотѣлъ онъ отъ Козаковъ отступитися, а поневажъ онъ того не учинивъ, той и вишвираженая обѣтница до жадного насъ не облѣгуетъ датку, понесшихъ въ семъ облеженю своихъ войсковихъ силахъ превеликій упадокъ на здоровю утрату и въ остатнихъ худобахъ знищене, а потомъ на остатокъ еще билисмо и окуповатися мѣли, однакъ же мовою того было нельзя отбути, подлугъ сего присловя: *звитяжца завше самъ и право даетъ, самъ и тлумачитъ оное, якъ хочетъ.* Постановили наконецъ отъ Рѣчи Посполитой тую зобрати сумму, а поколь бы зовсѣмъ мѣла быти зобрана, отдати Хановѣ кого зъ можи себе въ заставу, для которой заразъ, сами доброволне, хотячи своему вѣрно послужити въ томъ отчеству, одозвалися и пошли Потоцкій и Диноффъ.

Неудовольствіе въ лагерѣ на условія.

Поляки даютъ заложниковъ Хану.

Таковимъ способомъ освобожении зъ подъ Бaража Ляхи,

а однакъ, поколь тіе мирніи трактати зовсѣмъ до совершенного пришли окончанія, не рушуючи обозомъ, ходили до представленихъ невозбрано по таборахъ Козацкихъ базаровъ куповати себѣ харчевихъ рѣчей, якій надзвичай дорого платили когда при томъ платежу сами отъ Козаковъ крадкомъ были хватани и за леда шеляги Татарамъ продавали. Одъ якого ходу далшого любо одноначалниками своими были удержованіи, однакъ для збитного голоду въ нихъ бывшаго нѣхто ихъ воспятити не моглъ и такъ на тихъ базарахъ мало не столко, сколко и въ облеженю онихъ погинуло, исполняючи барзѣй на собѣ тую приповѣсть простую: *плили, плили, та на березѣ утонули*.

Татаре засъ, не дождавшися скоро помянутого датку ущеня себѣ, якое опослѣ уже съ нимъ дошло, рушили отъ Збаражя зъ вишмененими Лядскими заставившими особами. Въ которомъ зъ Збаражя порушеню заразъ явили певній знакъ, якъ надолго имѣлъ тотъ тривати покой, ижъ опрочъ инишихъ мѣсцъ въ самихъ Ляховцахъ на пятнадцять тисячей ясиру въ неволю набрали и одойшли. А по нихъ и Козаки, загрѣмѣвши зъ гарматъ страшливое Ляхамъ поздоровлене, рушили тихо ночной пори зъ своихъ таборовъ, которіе они Ляхи рано увидѣвши бути пустіе, нѣчого въ нихъ болше не застали, кромѣ двохъ великихъ розорваныхъ арматъ и килкохъ пяницъ сонихъ, якимъ голови тамъ же поутинали, и сами зъ обозомъ одійшли девятой отъ своего облеженя недели мѣзерніи и худіи, на кшталтъ погребенихъ маръ и власне иншого свѣта людей церу носячіе, зъ которихъ же мало хто мѣлъ коня, покриваючи свой недостатокъ и соромъ, за стримена коннимъ бралися и ишли при корогвахъ по дорозѣ падаючи где кольвекъ, поколь добралися хлѣба и чистой води. А потомъ жолнѣре роспущени на волости, сами засъ старшина перебравшися до Короля, во Лвовѣ тогди опочившаго, поехали, где подяковавши належите свою нужду въ облеженю терпячую, подробну оповѣ-

Татаре и Ляхи оставляютъ Збаражъ.

вшу зостали отъ него розними почтени гонорами и урядами; то Хмелницкому самому послужило такое шасте, же цѣлую надъ Поляками одержалъ вигранную (?), а въ мовѣ Козацкимъ

Удачи Хмелницкаго.

началникамъ и всему при нихъ войску барзо непомислній предсявзятой войни были скутки, лечъ тая отъ нихъ непомисльность одного егожъ Хмелницкого вигранную за покритою можетъ быти признана, звлаща же тилко оноя еще опослѣ барзѣй узнали початокъ зась войни, и тамъ заровно якъ и въ коронѣ былъ; и конецъ самой оной былъ неотмѣнній, еслиби помянутій не зайшолъ покой щасливій, поневажъ Хмелницкій скоро одержавъ въ первей надъ гетманскимъ синомъ на Жовтой водѣ, а потомъ заразъ ихъ и надъ обома самими Гетмани викторію, якой вишевиразное

Распоряженія его.

учинилося описаніе, заразъ, на початку хотячи одорвати и Литву, которую себѣ розумѣлъ на великой быти перешкодѣ, послалъ Козаковъ во первихъ въ Бѣлую Русь и въ Полѣсе, где готовихъ уже до бунтовъ будучіе охотники и совокупившися зъ тими отъ него присланними до мѣста и дворцовъ шляхетскихъ, и тотъ часъ Стародубъ и Гомель зрабовали, а Биховъ заледво моглъ одинъ отъ нихъ оборонитися и любо хотячи онихъ отъ того предъ ся взятія воспятити

Дѣйствія Козаковъ въ Литвѣ и Польсѣ.

шляхта Литовская; Боровичъ и Горскій зъ Оршаками, и полкомъ Сопѣженскимъ завчасу почали заставлятися, однакъ же за отездомъ самого князя Радивила, Гетмана Литовского, до Варшави на сеймъ, не могли себѣ належитого вести порядку до даня не на маліе купи зобравшимся Козакамъ отпору, того ради еще болшую были они Козаки завзяли силу и не тилко оттуду зъ гори Днѣпръ и Березину, але наветъ Припетъ и Пѣну зо всѣмъ повѣтомъ огорнули, Бересте зруйновали, Кобринъ и Висничъ пречъ знесли и що разъ въ такихъ своихъ поступкахъ забирали гору, опрочъ одного тилко мѣста Слуцка, Сосновскій оборонилъ, а въ Пѣнску, поневажъ жителѣ тамошніе также были покозачѣли, Комаровскій самъ зъ грунту увесь зруйновалъ, где и полковникъ

Гладкій въ немаломъ числѣ Козаковъ зосталъ забитій, якого прикладомъ и иншіе Козаки затривожилися.

Тимъ часомъ повернулся зъ сейму и Радивилъ, которій, зобравши войска своего немалое число, удался ку Днѣпру, и тамъ подъ Бобройскомъ и Мозиремъ, мало що забавивши часу, край той увесь отъ Козацкого находу на зиму очистилъ. *Движеніе Радивила.*

А за наступленіемъ весни, и Голота въ килко тисячахъ Козацства прибранній напалъ былъ надъ Припетъ, где на Воловича, зъ войскомъ стоячого, когда и за малимъ уже оного зо всѣмъ не знесъ, тогди заразъ Гонсевскій и Фаленд-скій зъ своими корогвами дали ему ратунокъ, и такъ помянутого Голоту зъ Козаками знагла сперли, же ажъ мусѣлъ назадъ зо всѣмъ кинутися, и житія своего разомъ избулъ. *Неудача Голоты*

Потомъ также въ немалой купѣ наступилъ Подобайло, о якомъ скоро завзяли отъ сторони Радзивиловой вѣдомость, же по обохъ сторонахъ залегши своимъ войскомъ Днѣпръ поокопувался, виправили до его Кгонсевского, которій, пѣхоту въ судна посадивши, Днѣпромъ на него ударилъ и доказалъ того, же далѣй Подобайло мусѣвъ уступити отъ своихъ становискъ. Ажъ въ томъ разѣ приходитъ до Радивила, подъ Речицями будучого, вѣсть, же Кречовскій Наказній Гетманъ Козацкій въ килко десять тисячъ войска идетъ и намѣреваетъ ударити на него, теди онъ же Радивилъ, увѣдомившися зъ языка певнѣй еще о томъ его намѣреніи, готовимъ уже былъ до отпору, и любо не барзо въ томъ поступилъ осторожне, же войско свое розирвалъ былъ на трое: двѣ части на подезди зъ Павловичемъ и Комаровскимъ виправилъ, а при третой самъ остался, однакъ наступуючому на себе помянутому Кречовскому, поставилъ поля и на самомъ чолѣ казалъ стати Ходоковскому зъ готовою для посилкованя пѣхотою, которіе же первій импетъ Козацкій мужественно видержали, а къ нимъ на помощъ поспѣшили Кгонсевскій и Неваровскій зъ узброеннимъ и въ копіи и *и Подобайла.* *Дѣло Радивила съ Кречовскимъ и Подобайлою.*

иншое оруже доволним жолнѣрством, того ради Козаки мусѣли назадъ въ лѣси уступити, але и въ томъ уступленіи своимъ трохъ корогвей Лядскихъ легко на сторону поскочившихъ добре были заехали, же заледво моглъ бы которій Ляхъ зъ подъ онихъ утекти, ажъ въ томъ разѣ Комаровскій зъ вишвираженного подезду, хочай въ маломъ числѣ вернувшися, когда на нихъ случаемъ ткнулся, они розумѣючи въ засадцѣ нарочной многихъ Ляховъ быти тамъ поставленнихъ, оставивши и заеханніе уже собою тіе корогви далѣй уступали въ лѣси и луги, где заразъ за деревомъ въ коло засѣченнимъ до оборони стали, иже Ляхи на ихъ крѣпко натирати почали, многіе барзо зостали отъ доданной доволно Козаками зъ оружя огню пораженя; въ якомъ разѣ досталося тоей порцѣи Гонсевскому, которого и конь забитій и самъ школливе зосталъ порапенъ.

Що увидѣвши Радивилъ розказалъ, якъ найскорѣй комонникъ увесь свой на сторону отвести, а Полдовѣ зъ пѣхотою на засѣкшихся въ такихъ лѣсахъ Козаковъ наступовати, которій когда, отважне пошовши, сталъ посѣчъ тую очищати и къ нимъ приближатися, мусѣли отъ оного у поле виступити зъ великимъ своимъ урономъ.

А подъ той часъ Подобайло, зачувшій о помянутомъ Кречовскомъ, у близкомъ отъ себе разстояніи будучомъ, почалъ былъ къ нему въ слученіе пробиратися, и еслибы былъ моглъ зъ нимъ злучитися, певне бы предъ ними, въ силахъ войска своего зедночениними, такой викторіи, о какой ниже виражено будетъ, не одержалъ Радивилъ, которій, знаючи якая зъ того ихъ злученяся мѣла-бъ статися ему трудность, пославъ противъ его—Подобайла—Ганцкофа зъ Припковскимъ и Састерскимъ и килко перебраной Нѣмецкой кампанѣи для заступленя ему Подобайлу переправи чрезъ Днѣпръ, при якомъ же уже онъ былъ окопався. Помянутій Ганцкофъ съ прочіими почалъ заразъ до него штурмовати. Такожъ и самъ Радивилъ, осадивши въ вишвираженихъ лѣ-

сахъ Кречовского пѣхотою примѣжекомъ (?), зъ другой сторони на Козаковъ наступивъ тяжко; якому наступленію они не могли видержати, мусѣли въ Днѣпръ и куда луча утѣкати, где отъ тритисячного числа мало ихъ спаслося, оставиши тилко отъ тоей потички значки и бубни. Таборъ зась Козацкій еще былъ недобутій, на которій зъ росказу Радзѣвилового, когда Комаровскій и Ларскій ударили, и въ томъ ударѣ посилкованіи зостали, заразъ розорвали на части онихъ, которого Кречовскій, хотячи ратовати, любо зъ помянутихъ засѣковъ рушился и военою силою Ляховъ почалъ встирати, однакъ увѣдѣвъ на себе наступуючого самого Радивила, таборъ еще свой горшей порваній, армати чтири забраніе, и Козаковъ при нихъ тяжко зобиванихъ, знову въ тіижъ лѣсовіе засѣки повернутися мусѣвъ, где еще болшій позасѣкавши такъ силно зъ за оного боронился, же справнимъ своихъ Козаковъ пострѣломъ. до кого былъ примѣренъ, нѣкого не минулъ, наветъ когда еще въ посилковане до Радивила прибылъ зъ войскомъ Оттенавзенъ, и за росказанемъ его сталъ заразъ зъ пѣхотою на Козаковъ наступовати, якого прикладомъ и иншіе всѣ спѣшившися до онихъ кинулися, еще боронился; а на остатокъ, подъ часъ наступившой ночи, видитъ Кречовскій, же уже спастися ему жадною мѣрою не возможно, поневажъ около былъ огорненій, а найгоршей и самъ тяжко въ лобъ постреленій, не боронилъ всѣмъ Козакамъ, куда хто хотѣлъ, утекати, и таковимъ способомъ зо всѣмъ зосталъ розгромленъ и хотяй живъ еще до обозу Радивилового принесенъ, однакъ отъ вишейвираженной рани тамъ же заразъ лишился житія, утративши въ томъ погромѣ всѣхъ переднѣйшихъ Козацкихъ началниковъ и значковъ войсковихъ сто числомъ. Але еще мѣло Радивиловѣ прибавитися трудности и вонтпити приходило цѣле, если бы моглъ оную знести, же въ розгромѣ помянутого Кречовского знову на его отъ Припяти Козаки въ болшую далеко купу, нѣжъ при Кречовскомъ и

Смерть Кречовскаго.

Подобайлу, было зобравшися наступовали, тилкожъ въ томъ ихъ наступленіи препятіемъ стали вишеописанніе Зборовскіе мира постановленя, о которомъ прійшло уже и до нихъ подъ той часъ отъ Хмелницкого объявленіе.

Таковимъ способомъ война чрезъ два роки—тисяча шесть сотъ четиредесять осмой и тисяча шестьсотъ четиредесятъ девятій—отправовавшая, зъ видомимъ на Ляховъ, барзѣй за ихъ гордость и вимислніе збитки гнѣвомъ Божіимъ, але не безъ казни Его-жъ Божеской и на Козаковъ за грихи ихъ, скончилась.

А потомъ знову якъ слѣдуючихъ роковъ зачалася,— предлежащая явить повѣсть.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

О ВОЙНѢ КОЗАЦКОЙ СЪ ЛЯХАМИ,

ВЪ РОКАХЪ ТИСЯЧА ШЕСТЬСОТЪ ПЯТЬДЕСЯТОМЪ И ТИСЯЧА ШЕСТЬСОТЪ ПЯТЬДЕСЯТЪ ПЕРВОМЪ ОТПРАВЛЕНОЙ.

Въ которой первѣе виражается о панахъ Полскихъ, по учиненномъ покою зъ Хмелницкимъ, на Украину до разоренныхъ домовъ своихъ возвратившихся; о непослушенствѣ имъ подданихъ Украинскихъ; о подозрителномъ покою Лядскомъ зъ Хмелницкимъ, и о задатку Украинскомъ до розмиру зъ Поляками; о знесенюся Хмелницкого зъ Ханомъ Кримскимъ и Царемъ Турецкимъ и о обѣтницахъ его имъ, и прочая.

По учиненю вишеописанного покоя подъ Зборовомъ и кондицій, при немъ уставленнихъ, когда шляхта на Украину до своихъ попаленнихъ и зруйнованихъ домовъ для отпочинку повернулася, застала тамъ своихъ подданихъ не въ такомъ послушенствѣ, состоянiи, якъ прежде было, найдуючихся, але весма до оного нахилитися нехотѣвшихъ, и вишеописанныхъ покоя кондицiяхъ, которiе якъ бы имъ въ мисли некогда не были, бинаймнѣй неуважаючихъ за

11

универсалами Хмелницкого, дорого тоеюжъ шляхтою окупованними, на силу принужденіи, мусѣли оной быти послушними и то не попрежнему, якъ Ляхи, але якъ сами хотѣли, урядниковъ и старостъ отъ себе сами наставляли и суди-жъ сами себѣ отправовали. Що особливе дѣялося въ Немировѣ, где пана своего даровавши плугомъ воловъ и чтирема осмачками солоду, хотѣли по волѣ за тимъ отъ всей противъ него визутися повинности и послушенства, кромѣ щось въ годъ постановили были оному поклону готовими грошми давати.

А если кто зъ шляхти срокго сталъ ихъ по прежнему до подданства принуждати, то заразъ реестровихъ Козаковъ установленіе сорокъ тисячей, готовѣйшихъ знову до вщатя бунтовъ, ставали, которіи заразъ по всѣй Украинѣ розсипавшися такъ прилежно, жебы того людей принужденія не было, перестерегали, ижъ отнюдъ шляхта розспростирати не могли своей власти, зъ того латво было домишлятися, же не надолго мѣлъ вишвираженній содержанъ быти покой. А потомъ и явне безъ домислу жадного о тое оного содержаніе умалятися почало, когда слугъ самого Гетмана, якіесь вимисли чинити почавшихъ, одинадцять разомъ, за Днѣпромъ забито; на остатокъ Хмелницкій самъ завше, маючи тую вонтпливость, жебы за такимъ непослушнихъ шляхтѣ людей состояніемъ могли Ляхи того покоя додержати и, пришовши до себе, не ответовали своихъ шкодъ, въ заемъ совокупнимъ зъ Литвою на него наступленіемъ намислився, лучше упережати тое впредъ быти мѣвшого поведенія послѣдователство завчасними способами, нѣжъ уставичне боятися.

А такъ въ поновленіе своей зъ Ханомъ пріязни послалъ до него отъ себе листи, обѣцуючи ему увесь Полскій ясиръ и по самій Гданскъ, тилко бы знову зо всѣми Кримскими силами ставалъ въ его потребахъ на помощъ. Зъ чимъ другихъ посланцовъ виправилъ и до самого Солтана Турецкого, поддаючися вечне подъ его протекцію, и за оную отдаючи

ему держави Полской по Днѣстръ и по Каменецъ-Подольскій. Якожъ Солтанъ и латво тимъ до него зосталъ наклоненъ, же заразъ прислалъ отъ себе короговъ, булаву гетманскую и шату дорогую, и росказалъ своимъ Силистрянемъ и подъ-Дунайскимъ людемъ, такожъ двомъ Молдавскимъ воеводамъ на пришлое лѣто къ войнѣ, въ помоцъ ему Хмелницкому быти готовимъ, а особливе и Ракоцій Венгерскій, для оминувшой его Корони Полской, маючи на Поляковъ ранкоръ, готовимъ себе Хмелницкому на посилковане обѣцалъ, лечъ онъ, еще и тимъ зъ посторонними Монархами зношенемъ не будучи доволенъ, поставилъ себѣ для крѣпчайшой оборони зъ пограниченемъ якимъ паномъ черезъ приведене своему синовѣ старшому Тимошевѣ въ малженство дочки спріятелитися. Якожъ заразъ зъ совитомъ Ханскимъ и латво доказалъ зъ Господаремъ Волоскимъ тоей пріязни, когда, прибравши до себе килько надцетъ тисячей Орди наехалъ безъ вѣсти на Волоскую землю, якого такъ великіе войска лѣчбѣ устрашивувши Господаръ, и радъ не радъ мусѣвъ обѣцати видать въ малженство помянутому его синовѣ свою дочку, а веселній актъ въ Ясахъ, на якій термѣнъ отправовати назначивъ; о чомъ всемъ провѣдаючи Король, а не спускаючись уже на покой, когда казалъ стати на Подолю своему войску при Гетману Потоцкомъ, которій до того часу сидѣлъ въ Криму за неплачене отъ Ляховъ обѣщанніе датки въ заставѣ и непремѣнну вмѣсто себе своего сина тамъ посадилъ.

Заразъ Хмелницкій тимъ зосталъ якъ би затривоженній, и послалъ до него Потоцкого Кравченка якогось зъ такимъ одозвомъ, дивуючися будто, для чого бы тое дѣялося, же съ такихъ учинесе межи Полщею и Украиною покой и непріятелей, не машъ жаднихъ, которіе хочай бы где изявилися, моглъ бы онъ самъ реестровими всюда на сторожи розставлеными Корону отъ того небезпеченства освободити, а Потоцкій зъ войскомъ своимъ такъ близко

подъ его бокъ подсунувся. На якій одозвъ Потоцкій учинилъ жестокій до него отвѣтъ таковій: «нижъ нечого, мо«витъ, дивоватися Хмелницкому о томъ войсковомъ въ По«долѣ зъ нимъ приходѣ, поневажъ давнимъ то звичаемъ «ухвалено, хочай въ найлучшомъ и безпечнѣйшомъ покою, «держати тамъ войска кварцѣяного доволно. А теперъ зъ «сего покою чого певне надѣятися?»—

Дозде зъ вѣршовой книги Твардовского на гисторіялній сенсъ переводъ, благоразумнаго мужа пана Стефана Савицкого, писара полкового Лубенского, мнѣ, Самойлу Величку, случися видѣти и переписати велѣти.

III.

КОММИСІЯ ГАДЯЦКАЯ,

РОКУ 1658.

КОММѢСІЯ

МЕЖДУ

СТАНАМИ КОРОНИ ПОЛСКОЙ И ВЕЛИКОГО КНЯЖЕСТВА ЛИТОВСКОГО ЗЪ ОДНОЙ, А МЕЖДУ ВЕЛМОЖНИМЪ ГЕТМАНОМЪ И ВОЙСКОМЪ ЗАПОРОЖСКИМЪ ЗЪ ДРУГОЙ СТОРОНЫ,

ЧРЕЗЪ

ПОЛНОМОЧНИХЪ КОММѢСАРОВЪ ЗЪ СЕЙМУ,

ОТЪ

НАЙЯСНѢЙШОГО КОРОЛЯ ПОЛСКОГО И ВЕЛИКОГО КНЯЗЯ ЛИТОВСКОГО ЯНА КАЗѢМИРА

ЗЪ

ВЕЛМОЖНИМЪ ІОАНОМЪ ВИГОВСКИМЪ ГЕТМАНОМЪ И ВСѢМЪ ВОЙСКОМЪ ЗАПОРОЖСКИМЪ.

ВЪ ОБОЗѢ ПОДЪ ГАДЯЧОМЪ,

ОКОНЧЕННАЯ

16 СЕПТЕВРІЯ, РОКУ 1658.

КОММѢСІЯ ГАДЯЦКАЯ.

1658 года.

Во имя Господне, аминь!

На вѣчную память, теперь и въ предбудущіе лѣта, навсегда!

Коммѣсія между станами Корони Полской и Великого Княжества Литовского зъ одной, а между Велможнимъ Гетманомъ и Войскомъ Запорожскимъ зъ другой стороны, чрезъ полномочнихъ Станислава Казѣмира Беневского-Волинского, Казѣмира Людовика Евлашевского-Смоленского Кашталяновъ, зъ Сейму отъ Найяснѣйшого Яна-Казѣмира, Божіею Милостію Короля Полского и Великого Князя Литовского, Русского, Прускогo, Мазовецкого, Жмудского, Инфлянтского, Смоленского, Чернѣговского, а Шведского, Готского и Венденского наслѣдного Короля, и всѣхъ становъ Коронних и Великого Княжства Литовского опредѣленнихъ Коммѣсаровъ, зъ Велможнимъ Іоаномъ Виговскимъ, Гетманомъ и всѣмъ Войскомъ Запорожскимъ, въ обозѣ подъ Гадячимъ, дня 16 сентеврія, року 1658 оконченная; которая, дай Боже, благополучно и вѣчно да будетъ содержана!

На которомъ мѣсцу Велможній Гетманъ Запорозскій зъ войскомъ своимъ насъ Коммѣсаровъ, якъ надлежитъ, пристойне и вдячне принявши, и полную силу коммѣсарскую отъ Его Королевского Величества, Государя нащего милостивого, и становъ Коронних и Великого Княжства Литовского повагою сеймовою намъ данную почтивщи, обявилъ съ всѣмъ

войскомъ, что яко не по доброй волѣ, но по нуждѣ Войско Запорожское, утѣсненное разними тяжестми, до оборони своей приступило, такъ, когда Его Королевское Величество, Государь нашъ милостивій, отческимъ сердцемъ предавши все то забвенію, что здѣлалось въ смятеніи, призиваетъ къ соединенію; не презирая милости Его Королевского Величества, и милостивого Государя ласку подданнѣйше пріемля, къ той Коммѣсіи приступаютъ потомъ, до сполнихъ договоровъ, постановленія, согласія, пріязнѣ и обополной любвѣ, призивая во свѣдителство страшнихъ силъ Бога, въ томъ, что постановляется, вѣрно, правдиво и вѣчно имѣетъ быть содержано миръ вѣчній и никогда нерозорванній, постановили мы таковымъ образомъ:

Вѣра Греческая стародавняя, тая и таковая, зъ якою стародавняя Русь до Корони Полской приступила, даби при своихъ преимуществахъ и свободномъ употребленіи набоженства зоставала, пока язикъ народу Руского засягаетъ, во всѣхъ мѣстахъ, мѣстечкахъ и селахъ, такъ въ Коронѣ Полской, якъ и въ Великомъ Княжствѣ Литовскомъ, такожъ на сеймахъ, войскахъ, трибуналахъ, не токмо въ церквахъ, но и публѣчно въ процессіяхъ, въ посѣщеніи болнихъ зъ Святою Евхаристіею, въ погребеніи умершихъ, и во всемъ такъ, яко набоженства своего свободно и публѣчно употребляетъ вѣра Римская.

Тоей же вѣри Греческой дается воля свободного возстановленія церквей, законовъ, монастирей новихъ и обновленія и направленія старихъ; что же касается церквей и добръ, здавна на церкви вѣри стародавной Греческой належнихъ, при тѣхъ имѣютъ быть стародавніи Греки Православніи; которіе церкви по публѣчной присягѣ на вѣрность чрезъ полковниковъ и иную старшину Войска Запорожского въ полгода имѣютъ быть отданны коммѣсарами, зъ обоихъ сторонъ опредѣленними. А тоей вѣри, которая есть противная вѣрѣ Греческой Православной, которая раздоръ между

Римскимъ и старо-Греческимъ закономъ умножаетъ, нѣхто зъ духовнихъ и мирскихъ сенаторского и шляхетского становъ, церквей, монастырей строити, возстановляти и умножати, такъ въ добрахъ духовнихъ, яко королевскихъ, и собственнихъ наслѣднихъ, якимъ нибудь образомъ не имѣютъ; и силою сей Коммѣсіи не долженъ будетъ вѣчними часи Римской такожде вѣры въ воеводствахъ: Кіевскомъ, Браславскомъ, Чернѣговскомъ, заховуется свободное управленіе, а господа мирскіе, такъ наслѣдніе, яко и урядовіе Его Королевского Величества вѣры Римской, жадной власти имѣти не будутъ надъ духовними, мирскими и законниками вѣры Греческой, кромѣ надлежащаго пастиря.

А понеже въ сообщомъ отечествіи общіе преимущества и чести взаемно надлежати обоимъ обрядамъ имѣютъ; того ради Преосвященній Митрополитъ Кіевскій—нинѣшній и впредъ быти имѣющій—съ четирма Владиками: Луцкимъ, Лвовскимъ, Премислскимъ, Хелмскимъ, и пятимъ зъ Великого Княжества Литовского, Мстиславскимъ, по ихъ собственномъ чину, въ Сенатѣ засѣдати имѣютъ съ такимъ преимуществомъ и свободного голоса употребленіемъ, яко въ Сенатѣ засѣдаютъ Ясневелебніи Ихъ Милости духовніе обряду Римского, однакожъ мѣстца Его Милости Отцу Митрополитѣ, по Его Милости Ксендзу Арцѣбѣскуповѣ Лвовскому, а Владыкамъ по Бѣскупахъ повѣтовъ своихъ опредѣляется.

Въ воеводствѣ Кіевскомъ достоинства сенаторскія не имѣютъ быти давани, толко шляхтѣ вѣри Греческой, достойнимъ тихъ урядовъ, и въ воеводствахъ Браславскомъ и Чернѣговскомъ тіежъ чини сенаторскіе алтернатою (то есть перемѣнно) роздавани быть имѣютъ такъ: по смерти Сенатора вѣри Греческой имѣетъ наступать Сенаторъ вѣри Римской, однакъ во всѣхъ тихъ трохъ воеводствахъ тамошнимъ родимцамъ, и довелніе добра свои имѣючимъ чини роздавани быть имѣютъ, заховуючи право нинѣшнихъ посессоровъ или владѣлцовъ.

Надъ то даби любовъ обще распространялася въ мѣстахъ Коронныхъ и Великого Княжества Литовского, где колвекъ Церкви суть обряду Греческого, равно мѣщане Римской и Греческой вѣри общихъ волностей и свободъ употребляти имѣютъ, и никому вѣра Греческая до магистрату препятіемъ быть не имѣетъ.

Академію въ Кіевѣ соизволяетъ Его Королевское Величество и станы Короннiи возставить, которая въ такихъ преимуществахъ и волностяхъ имѣетъ быть, яко Академія Краковская, съ тымъ однакъ докладомъ, даби въ той Академіи жаднихъ сектъ Аріянской, Калвѣнской, Лютерской профессоровъ, учителей и студентовъ не было, сверхъ того, дабы между студентами и школниками жадного случая до ссори не было, всѣ инніе школи, которіе передъ симъ въ Кіевѣ были, въ иніе мѣста Его Королевское Величество перенести повелитъ.

Другую также-де Академію Его Королевское Величество, Государь нашъ милостивій, и стани Коронніе и Великого Княжества Литовского соизволяютъ устроити тамъ, где оной мѣсто способное усмотрятъ, которая Академія такихъ же, яко и Кіевская, употребляти будетъ правъ и волностей; но подъ такимъ же, яко и въ Кіевѣ, имѣетъ быть возставлена предлогомъ, даби въ оной секти Аріянской, Калвѣнской, Лютерской профессоровъ, учителей и студентовъ не было, а где нибудъ тая Академія станетъ, тамъ уже жадніе школи вѣчними часы не будутъ фундовани.

Гимназія (то есть учителніе доми), коллегія, школи и типографіи, сколко ихъ надобно будетъ, безъ препятія ставити будетъ волно, и свободно науки отправовати, и книги печатати всякіе, и въ преніяхъ о вѣри, толко би безъ поруганія и безъ урази маестату королевского.

А понеже Велможній Гетманъ зъ Войскомъ Запорожскимъ отъ Рѣчи Посполитой отторгненнимъ по любвѣ и Его Королевскому Величеству, Государю своему милостивому,

и собственному отечеству, отступая всякихъ постороннихъ протекцѣй, возвращается, того ради Его Королевское Величество, Государь нашъ милостивій, и всѣ станы Коронніи и Великого Княжства Литовского, что нибудь Господь Богъ на обѣ сторони попустилъ, вмѣняя то предъ Маестатомъ Его Святимъ за грѣхи общіе, вѣчною амнѣстіею, то есть запомнѣніемъ вѣчнимъ, покривають, съ утвержденіемъ всякого чину людей, отъ найменшого до найболшого, никого не изимая, такъ зъ между Войска Запорожского, яко и стану шляхетского, урядниковъ и рядовихъ людей, тихъ весма всѣхъ, которіе якимъ нибудь способомъ при Велможнихъ Гетманахъ, умершомъ и нинѣшномъ, зостаютъ, жадного отмщенія нѣ маестатъ государскій, нѣ сенатъ, а нѣ вся Рѣчъ Посполитая, наконецъ и никто съ приватнихъ противъ ихъ и каждого зособна, отъ найболшихъ до найменшихъ, не будетъ искати, но всякіе неудоволствія, и то все, что колвекъ во время войни дѣялось весма, сердцемъ христіянскимъ, подъ свѣдителствомъ страшного Бога, обосториннѣ, доброю вѣрою себѣ отпустивши, нѣякое еденъ на другого, а нѣ явного, а нѣ тайного не имѣетъ умишлять отмщенія и подлоговъ, не прелщаяся жаднимъ раздрѣшеніемъ, ежелиби похотѣли дѣлать умисли секретніе, уволняючи отъ присяги.

Сверхъ того кадукы всякіе, (то есть декрета якіе и права, во время войни данніе) такъ подъ тимъ, которіе суть между зъ Войска Запорожского, яко и подъ шляхтою, которіе при Велможномъ Гетманѣ и Войску Запорожскомъ и при Шведахъ были, отъ кого колвекъ вишрошенніе, и отъ начатія войни данніе, безъ всякаго изятія, весма, всѣ и всякіе зособно уничтожаются, и публѣчнимъ правомъ уничтожени будутъ такъ, дабы оніе ни чіеи чести и собственнихъ добръ не вредили; которіе где нибудь би явилися за уничтоженіемъ и то съ книгъ викинутися имѣются, и тихъ добръ собственнимъ владѣлцомъ свободное позволяется обнятіе,

защищати же того кадуками не имѣютъ, подъ винами инфаміи (то есть явного безчестія). А понеже яко самая сила, такъ и слово самой амнестіи должно быть утверждено и въ первобытній станъ добра и персони всякого чина людей возставляются, и до тогожъ-де соединенія, согласія, любви, права государя, якъ было передъ войною, возвращаются; того ради предостерегается ктоби нибудь дерзнулъ сіе святое соединеніе раздрушать публѣчно или приватно, въ бесѣдахъ кому бунтъ виговоривати смѣлъ, таковій яко насилникъ и разрушитель договоровъ мирнихъ винамъ подлежати имѣетъ, и въ томъ еслиби яковій случился поводъ ко охраненію пороку, прилѣжное имѣетъ быти чинено слѣдствіе зъ обоихъ сторонъ.

Вся Рѣчъ Посполитая народу Полского и Великого Княжства Литовского и Руского да будетъ возставлена въ первобытіе такъ, якъ была прежде войни, то есть даби сіи народи въ границахъ своихъ и свободахъ зоставали ненарушенни, якъ были прежде войни, и по правамъ описаннимъ въ совѣтахъ, въ судахъ и свободномъ избраніи Государей своихъ, Королей Полскихъ и Великихъ Князей Литовскихъ и Рускихъ; а ежели по нуждѣ войни зъ иностранными Государями о унятіи границъ или волпостей тѣхъ народовъ постановлено что, тое уничтожено и утвержено быть имѣетъ, а при свободахъ своихъ вышепомянутіе народи зоставати имѣютъ доброю вѣрою, яко едно тѣло едной и нероздѣлной Рѣчи Посполитой, безъ спору между собою о вѣрѣ, но якого кто исповѣданія былъ и есть христіянского, Римского или Греческого, всѣхъ въ покои и волности оставляютъ, хотя би якіе права и декрета, такъ зъ очевистого спору яко и для укору поиски правніе были виданы прежде и во время войни.

Войска Запорожского числомъ 30000 быти имѣетъ, или якъ Велможній Гетманъ Запорожскій на реестрѣ подастъ. Платного войска десять тисячей, которое такожъ, яко и Запорожское, подъ владѣніемъ тогожъ Гетмана быть имѣетъ,

и съ податей, на сеймѣ опредѣленнихъ, въ воедствахъ Кіевскомъ, Браславскомъ и Чернѣговскомъ и иныхъ отъ Рѣчи Посполитой, на тоежъ войско имѣетъ быть роздавано.

Консистенцѣя (то есть квартери) Войску Запорожскому въ тихъ воеводствахъ и добрахъ опредѣляется, въ которихъ и прежде войни зоставали; которому войску всякіо волности, привилегіями Наиясиѣйшихъ Королей Полскихъ наданніе, утверждаютъ, содержачи ихъ при стародавнихъ волностяхъ и обыкновеніяхъ ихъ и онимъ не токмо ничего не уймуючи, но еще всякою утверждаючи силою; а сверхъ того жаденъ державца добръ Королевского Величества и староста, нѣ владѣлецъ наслѣдственній и доживотній, а нѣ ихъ приказчики, урядники и иніе всякіе слуги нѣякихъ податей изъ футоровъ, козацкихъ селъ, мѣстечокъ и домовъ витягать нѣкакимъ образомъ не будутъ; по яко люде воинскіе свободни отъ всѣхъ найболшихъ и наименшихъ тяжестей, такъ же отъ всѣхъ митъ (пошлини) во всей Коронѣ и Великомъ Княжествѣ Литовскомъ быти имѣютъ, тожъ и отъ судовъ всякихъ, старостовъ, владѣлцовъ, державцовъ и ихъ намѣсниковъ имѣютъ зоставати волни, но токмо подъ самого Гетмана войскъ Рускихъ властію быти должни. Такожъ всякіе напитки, ловлѣ полевіе и водніе и иніе козацкіе пожитки, по старимъ обыкновеніямъ, при Козакахъ свободни зоставати имѣють. Особливо же ради далшого до служби Его Королевского Величества поощренія, которихъ колвекъ Велможній Гетманъ войскъ Рускихъ, представляти будетъ Его Королевскому Величеству достойнихъ клейноту шляхетского, тимъ всѣмъ безъ трудности будетъ нобѣлѣтацѣя зъ дачею всякихъ волностей шляхетскихъ, однакожъ такъ усматривая, даби со всякого полку сто могло быть нобѣлѣтованнихъ.

Войскъ жаднихъ Полскихъ, Литовскихъ или иноземскихъ никто посилати не имѣетъ въ воеводства Кіевское, Браславское, Чернѣговское, однакожъ войска платніе, подъ

властію Гетмана войскъ Руских будущіе, зъ добръ королевскихъ и духовнихъ въ помянутихъ воеводствахъ по ордерахъ тогожъ Гетмана Руского хлѣбъ вибирати имѣютъ. А когда би война быть имѣла отъ границъ Руских и потребное было въ помощъ войскъ коронних, тогди таковіе помощніе войска имѣютъ быть подъ рейментомъ Гетмана войскъ Русихъ.

А для лучшаго сихъ пактъ (договоровъ) утвержденія и вѣрности Гетманъ войскъ Руских до конца житя своего Гетманомъ Рускимъ и першимъ въ воеводствахъ Кіевскомъ, Браславскомъ, Чернѣговскомъ Сенаторомъ отпинѣ имѣетъ быть; а по умертвіи его должно быть полное избраніе Гетмана, то есть четирохъ електовъ (кандидатовъ) избѣрутъ стани воеводствъ Кіевского, Браславского, Чернѣговского, изъ которихъ едного Его Королевское Величество утвердитъ, не отчуждаючи отъ того чину роднихъ Велможного Гетмана Руского братовъ.

Менниця (то есть денежній дворъ) для дѣланя чекану и всякихъ денегъ въ Кіевѣ, или где способнѣе усмотрено будетъ, имѣетъ быти устроена.

Подлугъ оного союзу изъ особою Королевскою, общій совѣтъ и общіе сили имѣютъ быти тихъ народовъ противъ всякого непріятеля. Имѣютъ старатися тіе три народи обще всякими способами, дабы свободная была навѣгацѣя (водоплаваніе) на Чорное море Рѣчи Посполитой.

Ежели Царъ Его Величество Московскій провѣнцѣи Рѣчи Посполитой возвратити не соизволитъ, и на Рѣчъ Посполитую наступовати будетъ, то всѣ сили такъ коронніе и Великого Княжества Литовского, яко и войска Рускіе Запорожскіе подъ рейментомъ Гетмана своего соединитися и воевати будутъ.

Добра лежащіе и движиміе королевщизни, тако-жъ и сумми денежніе обивателей Руской земли, которіи хотя при Войску Запорожскомъ были, а нинѣ до отечества воз-

вращаются, конфѣскованние, имѣютъ быть возвращени, и заслуги ихъ въ войску коронномъ и Великого Княжества Литовскаго ровно заслугами войскъ коронныхъ и Великаго Княжества Литовскаго награждени и уплачени быть должни.

И уже отъ сего времени Гетманъ зъ Войскомъ Запорожскимъ, нинѣшній и впредъ будущій, оставивъ всѣ постороннiе протекцѣи, болѣе искать оныхъ не имѣетъ; но въ вѣрности, подданствѣ и послушаніи Найяснѣйшого Маестату Королевства Полского и наслѣдниковъ Его и всей Рѣчи Посполитой имѣютъ быти и будутъ вѣчними часи, однако-жъ не имѣетъ тое вредити нѣ вчемъ братерству, союзу, зъ Ханомъ Его Милостію Кримскимъ заключеннимъ.

Поселствъ жаднихъ отъ иностранныхъ пріймовати не имѣетъ и если бы якіе случились, оніе до Его Королевского Величества одсилати будетъ; такожъ и войскъ посторонныхъ затягать, а нѣ жадного зъ посторонними сношенія имѣти не будетъ, къ поврежденію Рѣчи Посполитой, развѣ за докладомъ Его Королевскому Величеству.

Особенно всѣмъ зъ обоихъ сторонъ такъ духовнимъ исповѣданія Римского въ воеводствахъ Кіевскомъ, Браславскомъ, Чернѣговскомъ, Подолскомъ; тако-жъ въ Великомъ Княжествѣ Литовскомъ и на Бѣлой Русѣ и въ Сѣверщинѣ, до бѣскупствъ, проберствъ, канонѣй, плебанѣй и добръ къ нимъ надлежачихъ такожъ законникомъ всѣмъ до костеловъ, кляшторовъ добръ, фундацѣй, яко и свѣцкимъ зъ обоихъ сторонъ, до добръ наслѣдныхъ, староствъ, державствъ и собственнихъ своихъ имѣній доживотнихъ, заложеннихъ и иннимъ контрактомъ надлежащихъ, въ тихъ помянутихъ воеводствахъ и Великомъ Княжествѣ Литовскомъ, на Бѣлой Русѣ и въ Сѣверѣ обрѣтающихся, безопасное возвращеніе и входъ до владѣнія одтворяется. Однакожъ время возвращенія и входу того, Его Королевское Величество, согласясь зъ Велможнимъ Гетманомъ Запорожскимъ, назначити имѣетъ; а способъ входу или вступленія въ добра имѣетъ быть

содержанъ такъ, дабы всякъ и до собственнихъ своихъ добръ не возвращался токмо за унѣверсаломъ Его Королевскаго Величества и Велможного Гетмана Войскъ Запорожскихъ, въ чомъ имѣетъ быть взаемное зъ обоихъ сторонъ сношеніе. А для разсужденія разнихъ справъ такъ криминалнихъ, якожъ и о точнихъ, должни имѣти въ тихъ трохъ воеводствахъ свой особливій трибуналъ, якій сами себѣ устроятъ; а кромѣ того Овруцкое и Житомѣрское староства особно судовіе быти имѣютъ. Для лутшой же вѣрности, понеже Гетманъ зъ Войскомъ Запорожскимъ и воеводства отлученіе всѣ инніе постороннихъ народовъ протекцѣи отринулъ, а доброволне, яко *волные до волнихъ, ровніе до ровнихъ и честніе до честнихъ* возвращаются; того ради, для вѣрнѣйшого содержанія сего нинѣшнего постановленія, позволяетъ тому-жъ народовѣ Рускому Его Королевское Величество и Рѣчь Посполитая, волнихъ печатарей, маршаловъ и подскарбихъ зъ достоинствомъ сенаторскимъ и инніе чини народу Руского, которіе противъ роти урядниковъ коронnихъ присягу учинити имѣютъ зъ прилогомъ того пункту, что противного нинѣшнему постановленію ничего печатати не имѣютъ, но паче того предостерегать будутъ, даби сему постановленію чрезъ конституцѣи или декрета сеймовіе и задворніе оттиски, унѣверсали, привелегія нѣчого противно не дѣлалося, до которихъ печатарей чину и канцеляріи надлежати будутъ всякіе, токмо духовніе дачи, митрополіи, епископіи, игуменства и другіе надания, до которихъ раздачи надлежитъ Его Королевское Величество, Государь нашъ милостивій, въ воеводствахъ: Рускомъ, Кіевскомъ, Волинскомъ, Подольскомъ, Браславскомъ, Чернѣговскомъ; такъ же всѣ дачи не токмо духовніе, но и мирскіе въ воеводствахъ: Кіевскомъ, Браславскомъ, Чернѣговскомъ толко; тако-жъ и суди зъ мѣстъ королевскихъ помянутихъ толко трохъ воеводствъ и декрети всякіе задворніе и сеймовіе. А чтобы противу сего постановленія війшло изъ канцелля-

ріи коронпой или Великого Княжества Литовскаго, то уничтожено быти имѣетъ и кто получитъ таковій привилей, тотъ нетокмо привилей тратитъ, но и вини десяти тисящей копъ Литовскихъ подлежати имѣетъ, о чомъ судъ назначается предъ Королевскимъ Величествомъ зъ особливаго реестру. Даби съ причини ссори съ сторони подданнихъ о своеволствахъ обвиненнихъ къ новому не приходило помѣшателству, всякіе процесси (вступленіе въ право) о представленіи подданнихъ къ суду, сторони наяздовъ, забойствъ, шкодъ, во время внутреннаго смятенія подѣланнихъ, земскіе, гродскіе, трибуналскіе, хотя би и декрета трибуналскіе на персони въ тихъ справахъ видани, особливо въ воеводствахъ, Кіевскомъ, Волинскомъ, Браславскомъ, Чернѣговскомъ, касуются. Зъ Царскимъ Величествомъ Московскимъ, если бы до заключенія договоровъ Королевское Величество и станы коронніе Великого Княжества Литовского приступили, имѣетъ охраненно быть честь и сила и нинѣшнего постановленія о Велможномъ Гетману и Войску Запорожскому.

Сію Коммѣсію Ихъ Милость господа Коммѣсари и Велможній Гетманъ Княжества Руского дѣйствителною присягою утвердили такъ, якъ роти присягъ рукою Ихъ Милостей суть подписани; а зъ верхъ того сяя-жъ Коммѣсія присягою персоналною зъ Сенату чрезъ Ясцепревелебного Его Милости отца Архибѣскупа Гнѣзненского, Примаса коронного и Его Милости Ксіенза Бѣскупа Вѣлинского, тако-жъ Ихъ Милостей господъ Гетмановъ четирохъ короннихъ и Великого Княжества Литовского и печатарей обоихъ народовъ, и чрезъ Маршалка кола поселского, отъ сторони кола рицерского на сеймѣ, которій имѣетъ быть якъ наискорѣй созванъ въ присутствіи пословъ отъ Велможного Гетмана и войска Запорожского отправленнихъ, утверждена будетъ.

А что касается присяги Его Королевского Величества, Государя нашого милостиваго, тую по милости своей госу-

дарской на покорное прошеніе Войска Запорожского учинити изволитъ Его Королевское Величество и въ томъ Ихъ Милость господа Коммѣсари обнадеживаютъ.

Присяги Полковниковъ, Сотниковъ и всей Старшини Войска Запорожскаго, по сеймѣ, на которомъ здѣлается удовлетвореніе нинѣшнему постановленію предъ Коммѣсарами, къ тому опредѣленними, будутъ исполнени.

И даби сія Коммѣсія вѣчную мошъ и силу имѣла такъ яко въ себѣ имѣется, зъ начала до конца, въ право общое, то есть, въ конституцѣи внесена, сеймомъ утверждена и за вѣчное и непремѣнное право почтена и содержана будетъ.

На булаву великую Рускую надлежати имѣетъ Чигиринское староство такъ, яко изображено въ привилегіи покойному благородному Богдану Хмелницкому отъ Его Королевского Величества данной, а Гетманъ войскъ Рускихъ отъ резиденцѣи при Его Королевскому Величеству имѣетъ быть волнимъ.

Созваніе воеводствамъ Кіевскому, Браславскому Чернѣговскому по сеймѣ предбудущемъ (дастъ Богъ), якъ найскорѣе отъ Его Королевского Величества, Государя нашего милостиваго, унѣверсаломъ объявлено будетъ.

Дѣялося, яко вишей упомянуто въ таборѣ подъ Гадячемъ дня и року вишеименованнихъ.

Станиславъ-Казъмѣръ Беневскій, Каштелянъ Волинскій, Богославскій Староста, Коммѣсаръ Его Королевского Величества и Рѣчи Посполитой.

Людовикъ Казъмѣръ Евлашевскій, Каштелянъ Смоленскій, Коммѣсаръ Его Королевского Величества и Рѣчи Посполитой.

Иванъ Виговскій, Гетманъ войскъ Запорожскихъ, рукою власною, именемъ всего войска.

ПОДТВЕРЖДЕНІЕ КОММѢСІИ ГАДЯЦКОЙ.

Понеже Войско наше Запорожское, оставя посторонніхъ протекцѣю, до насъ собственного и природного Государя и Рѣчи Посполитой возвратилось, того ради Коммѣсію Гадяцкую зъ Гетманомъ и Войскомъ нашимъ Запорожскимъ по дѣлу и числу оной подъ Гадячомъ, дня 16 сентеврія, недавно прошедшого году 1658, чрезъ Велможнихъ Станѣслава Казѣмѣра Беніевского, Каштеляна Волинского, Богуславского Старосту нашого, Людвика Казѣмѣра Евлашевского, въ то время Каштеляна Смоленского, а нинѣ Воеводу Брестского, Коммѣсаровъ отъ насъ и Рѣчи Посполитой опредѣленнихъ, постановленную и такъ въ то время присягою тихъ же Коммѣсаровъ нашихъ и Гетмана войскъ Запорожскихъ, яко и на сеймъ нинѣшній чрезъ насъ и превелебнѣйшого Ксенза Арцѣбѣскупа Гніезвіенского, тако-жъ Велможнихъ Гетмановъ и печатарей обоихъ народовъ и благородного Маршалка Поселского, а отъ сторони отъ Велможного Гетмана и Войска Запорожского чрезъ Обозного, Полковниковъ, Сотниковъ и иную старшину Войска Запорожского до насъ и Рѣчи Посполитой присланнихъ, утвержденную во всѣхъ пунктахъ, раздѣленіяхъ и обѣщаніяхъ такъ, яко въ себѣ имѣетъ, ее и утверждаемъ, и за права вѣчно имѣти хощемъ и въ книги правъ отъ слова до слова вносимъ зъ обереженіемъ договоровъ зъ Княземъ Его Милости Курфирстомъ Бранденбурскимъ. А хотячи волности войска того чрезъ насъ такъ помянутую Коммѣсію виpаженніе, яко издавна отъ Наияснѣйшихъ предковъ нашихъ наданніе, вѣчно содержати права, которіе зъ якои нибудь причини могли бы винайтися, той

волности войскъ нашихъ Запорожскихъ противніе, особливе конституцію 1638 году и писмо, до архиви данное, яко постановленію нинѣшному противное, по милости нашей, отставляемъ и уничтожаемъ.

Присяга.

На утвержденіе Коммѣсіи между Наияснѣйшимъ Яномъ Казѣмиромъ, Божіею милостію Королемъ Полскимъ, Шведскимъ, Великимъ Княземъ Литовскимъ, Рускимъ, Прускимъ, Мазовецкимъ и протчая и Рѣчю Посполитою зъ одной, а Великимъ Гетманомъ и Войскомъ Запорожскимъ зъ другой стороны, подъ Гадячемъ, року 1658, септеврія 16 дня, подлугъ Римского календара, а подлугъ Руского 6 дня, того-жъ мѣсяца постановленной, а отправленной въ нинѣшнемъ 1659 году, въ день Вознесенія Господня, чрезъ Его Королевское Величество и Ихъ Милостей господъ Сенаторовъ нижеименованнихъ, въ избѣ сенаторской, на сеймѣ главномъ Варшавскомъ, при присутствіи всего Сенату и пословъ земскихъ, тако-жъ пословъ зъ Войска Запорожского и многихъ Козаковъ такимъ описаніемъ учиненная:

Я Янъ Казѣмиръ, Божіею милостію Король Полскій, Великій Князь Литовскій, Русскій, Прускій, Мазовецкій, Кіевскій, Жмудскій, Волинскій, Инфлянскій, Смоленскій, Чернѣговскій, а Шведскій, Готскій, Венденскій наслѣдній Король, присягаю Господу Богу Всемогущему, во Тройцѣ Святой Единому, передъ симъ Святимъ Евангеліемъ Господа Іисуса Христа, что Коммѣсію, которая отправовалась подъ Гадячемъ, дня 16 септеврія, 1658 году, зъ Войскомъ Запорожскимъ нашимъ и Рѣчи Посполитой именемъ войскъ топ Коммѣсіи пунктахъ, параграфахъ (раздѣленіяхъ или означеніяхъ), заключеніяхъ пріймую, утверждаю и той Коммѣсіи во всемъ довлетворити и оную содержати исполняти и обере-

гати обѣщаю, нѣчего не уменшати, но еще оную защищати буду, которой Коммѣсіи и всѣмъ еи пунктовъ, а въ нихъ правъ, преимуществъ, волностей вѣри Греческой Великого Княжества Русского и волностей общихъ жадніе подлоги умисловъ людскихъ вредити не будутъ, тако-жъ а нѣ привилегіи давніе и недавніе, а нѣ жадніе статути, конституцѣи сеймовіе, прошліе и предъидущіе не могутъ и не будутъ могти вредити и нѣ въ чомъ нарушати вѣчными часы, но паче я самъ оную нѣ въ чомъ ненарушенную, подъ присягою моею Королевскою, крѣпко берегти и содержати обѣщаю и повиненъ буду, и наслѣдники мои Короли Польскіе нѣ въ чемъ ненарушне содержати и соберегати будутъ вѣчними часи и оную присягу утверждати, да при томъ правосудіе обивателямъ Великого Княжства Русского чинити безъ жаднихъ отлагательствъ и смотренія персонъ по правамъ ихъ и обыкновеніямъ буду. А ежели бы чего, не дай Боже, въ чемъ я сію мою присягу нарушалъ, то жадного подданства мнѣ народъ Русскій отдавати не будетъ долженъ, паче же тимъ самымъ ихъ отъ послушаня и вѣрности, Королю должной, свобождаю, жадного разрѣшенія отъ той присяги моей ни отъ кого не требуя, а ни пріемля оной. Тако мнѣ Господи помоги и сіе Святое Евангеліе Господа Іисуса Христа!

Присяга Его Милости Ксенза Арцѣбѣскупа Гніезніенского.

Я Вацлавъ зъ Лешна, Божіею Милостію Арцѣбѣскупъ Гніезніенскій, Примасъ Королевства Польского, присягаю Господу Богу Всемогущему, въ Тройцѣ Святой Единому,именемъ своимъ и всего духовенства Короны Полской, что Коммѣсію подъ Гадячемъ, 6 дня септеврія, року 1658, именемъ Его Королевского Величества и всей Рѣчи Посполитой зъ Войскомъ Запорожскимъ и цѣлимъ народомъ Великого

Княжества Руского отправовалась, во всемъ предоберегать буду и наслѣдники мои Арцѣбискупи довлетворить оной будутъ, нѣ въ чомъ ей не нарушая, а нѣ нарушать допуская, такъ самому Его Королевскому Величеству, яко между Королевствомъ какой нибудь власти людемъ, и нѣ явними, нѣ тайними манѣфестацѣями, протестацѣями (и волними челобитями) и клятвами не дѣлая оной недѣйствительною, которіе сею-жъ присягою кассую и уничтожаю, и жадного разрѣшенія ниже самъ въ нарушеніи сей Коммѣсіи никому, а нѣ принимать нѣ отъ кого не буду. Тако мнѣ Господи Боже помоги и сіе Святое Евангеліе Господа Іисуса Христа!

Присяга Его Милости Ксенга Яна Завкшы, Бѣскупа Вилинского, въ такой же силѣ въ якой и высшепрописанная Арцѣбискупа Гніезніенского, именемъ его и всего духовенства Великого Княства Литовского.

Присяга Ихъ Милостей господъ Гетмановъ.

Мы Станѣславъ зъ Потока-Потоцкій, Воевода Краковскій, Великій Гетманъ, Юрій Любомѣрскій Маршалокъ Великій, Гетманъ Коронній Павелъ Сапѣга, Воевода Вѣлинскій, Гетманъ Великій Великого Княства Литовскаго, присягаемъ Господу Богу, во Тройцѣ Святой Единому, что Коммѣсію, которая подъ Гадячемъ, дня 6 септеврія, року 1658, именемъ Его Королевского Величества и всей Рѣчи Посполитой зъ Войскомъ Запорожскимъ и цѣлымъ народомъ Великого Княства Русского отправовалась, во всемъ предостерегать будемъ и оной довлетворить должни нѣ въ чемъ ей не нарушая, ниже нарушать допущая и совѣтомъ нашимъ и войскомъ, паче же ктобы тое что намъ постановлено нарушать хотѣлъ зъ тѣмъ, яко съ непріятелемъ Рѣчи Посполитой по-

ступать будемъ, жадного разрѣшенія ни отъ кого въ сей присягѣ нашой не требуя и не пріемля. Тако намъ Господи Боже помози и сіе Святое Евангеліе Господа Іисуса Христа!

Присяга Ихъ Милостей господъ Печатарей.

Мы Николай Пражмовскій Канцлеръ Великій, Бугуславъ Налешнопъ Подканцлеръ Коронній, Криштофъ Пацъ Канцлеръ Великій, Александръ Нарушевичъ Подканцлеръ Великого Князства Литовского, присягаемъ Господу Богу, во Тройцѣ Святой Единому, что Коммѣсію, которая подъ Гадячемъ, дня 6 септеврія, 1658 году, именемъ Его Королевского Величества и всей Рѣчи Посполитой зъ Войскомъ Запорожскимъ и цѣлымъ народомъ Великого Князства Руского отправовалась, во всемъ предостерегать будемъ и оной довлетворить должни жаднихъ листовъ, привелегій, заказовъ, грамотъ подъ якимъ нибудь образомъ той Коммѣсіи, или которому колвекъ опой пункту противнихъ зъ канцеляріи видавать не позволимъ и совѣтовать противно тоей же Коммѣсіи Его Королевскому Величеству и Рѣчи Посполитой нѣчего противного не будемъ, паче же совѣти противніе отвращать должни будемъ, жадного разрѣшенія нѣ отъ кого въ сей присягѣ нашей не требуя и не пріемля. Тако намъ Господи Боже помоги и сіе Святое Евангеліе Господа Іисуса Христа!

Присяга Его Милости господина Маршалка Посельской избы.

Я Янъ Гнѣнскій Подкоморій Поморскій, Маршалокъ изби Поселской, именемъ кола Поселского и всего стану воинского всѣхъ воеводствъ Корони Полской и Великого Князства Литовского и провѣнцѣй, къ намъ належащихъ,

присягаю Господу Богу Всемогущему, во Тройцѣ Святой Единому, что Коммѣсію, которая подъ Гадячемъ, дня 6 септеврія, 1658 году, именемъ Его Королевского Величества и всей Рѣчи Посполитой зъ Войскомъ Запорожскимъ и цѣлымъ народомъ Рускимъ отправовалася, во всемъ предостерегать будемъ и наслѣдники наши довлетворити будутъ, нѣ въ чомъ ей не нарушая и нарушатъ не допущая, вѣчними часи жадного разрѣшенія нѣ отъ кого въ сей присягѣ моей не требуя и не пріемля. Тако намъ Господи Боже помоги и сіе Святое Евангеліе Господа Іисуса Христа!

Которіе присяги понеже вскорѣ напечатани быть не могли и оніе, руками нашими подписавши, за печаттю коронною выдать мы росказали.

Дѣялось въ Варшавѣ дня 10 іюня, 1659 году.

IV.

РЕЕСТРЪ

ИМѢНІЯ

СЕМЕНА ПАЛЪЯ.

РЕЕСТРЪ

всего описанного

при бытности пана Димитрія Полоцкого,

Войта Магистрату Кіевского

и пана Яска Кривого, Бургмистра Кіевского,

по указу

его ясневелможности

Гетмана Мазепы,

имѣнія

СЕМЕНА ПАЛѢЯ.

учиненъ

1704 году, октября 12 дня.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Кіевъ, декабря 1 дня, 1853 года.

Цензоръ Новицкій.

РЕЕСТРЪ

всего отъ мала до велика имѣнія Семена Палѣя, по указу ясневелможного Его Милости пана Іоанна Мазепи, войскъ Его Царского Пресвѣтлого Величества Запорожскихъ обоихъ сторонъ Днепра Гетмана и Кавалера, подлугъ учиненной подробну ревѣзіи, черезъ пана Юрія Затиркевича, судію полкового Черньговского, и пана Зигуру Стилевича, значного товариша войскового; при бытности притомного пана Димитрія Полоцкого, войта маґистрату Кіевского, и пана Яска Кривого, бурмистра уряду Кіевского-жъ мѣского, писаній року 1704, октоврія 12.

АРІЕНТЕРІЯ.

Рострухановъ сутозлоцѣстихъ пять, два тилко зъ накришками. Ваги въ ныхъ гривенъ шест ровно.

Знову рострухановъ три безъ накришокъ, важатъ гривенъ пять.

Кубковъ Венкгерскихъ пстрозлоцѣстихъ пять, вага лотовъ 12, а гривенъ 3.

Чара срѣбрнаяп уклястая, важитъ полъ осми гривни и лотовъ 14.

Лоханя пстрозлоцѣстая, вагою гривенъ сѣмъ ровно.

Кухонка сребрная, то есть чарка зъ столцемъ, важитъ гривенъ 7 и лотовъ 7.

Коновокъ зъ накришками 6, вага полъ осмнадцеть гривни.

Коновокъ двѣ болшихъ также срѣбнихъ, зъ накришками, важатъ полъ 13 гривни.

Пуаровъ шесть, ваги десять гривенъ и лотовъ шесть.

Кубковъ вибіянихъ пстрозлоцѣстихъ болшихъ и меншихъ десять, и двѣ накришки, вага полъ осми гривни.

Кубковъ девять: болшихъ внутръ золоченихъ чтири, а пять въ цапу, крайки тилко золоченіе, важатъ гривенъ пять и лотовъ 12.

Кубковъ самихъ срѣбнихъ гладкихъ пять, вага—полъ пяти гривни.

Пуаровъ пуклястихъ пстрозлоцѣстихъ зъ накришками два, вага—гривенъ 3, лотовъ 4.

Корабликовъ пара сутозлоцѣстихъ, и волъ зъ накришкою, гривенъ 6, лотовъ 2.

Чарокъ срѣбнихъ чтири, вага—гривенъ три и лотовъ десять.

Ковшиковъ три, лихтаръ, сосудцовъ, що пьютъ горѣлку, чотири, ваги въ нихъ шесть гривенъ и лотовъ чтири. Тіежъ такъ специфѣкуются: ковшъ одинъ болшій позлоцѣстій, а два меншихъ бѣлихъ однакихъ; лихтаръ бѣлій же, еденъ келишокъ злоцѣстій, кубочокъ бѣлій безъ одного кгузика, и двѣ чарочки една меншая, а другая болшая.

Корчиковъ два срѣбнихъ и ложка, ваги полтори гривни и лотовъ пять.

Ложокъ двѣ тузнѣ шліонскихъ срѣбнихъ подъ гербомъ Палѣевимъ, гривенъ 7.

Ложокъ пятнадцетъ пстрозлоцѣстихъ тутейшой роботи, гривенъ пять ваги.

Ложокъ розной роботи три тузнѣ, вага полъ одинадцати гривни.

Ложка една великая подъ бляхмалъ позлоцѣстая.

Сумма всѣхъ въ срѣбрѣ гривенъ сто тридцятъ осмъ и лотовъ три; а то вкупѣ зъ ложкою едною великою позлоцѣстою подъ бляхмалъ кромѣ предъидучихъ рѣчей:

Зекгарокъ столовій зепсованій.

Зекгарковъ срѣбрнихъ, то есть пекторaликовъ три, зепсованихъ.

Штучокъ срѣбрнихъ позлоцѣстихъ ронзиковихъ 3 и 8, ваги гривенъ 3, лотовъ 14.

Срѣбра горѣлого ламаного гривенъ пять.

Кгузѣковъ позлоцѣстихъ пятдесятъ, а бѣлосребрнихъ двадцетъ.

Ноженка зъ ножикомъ позлоцѣстіе оправніе въ камушки.

Другіе ноженка Московскіе подъ бляхмалемъ.

Знову ноженокъ двое срѣбрнихъ зъ камушками, едни зъ ланцушкомъ, другіе ни.

ПОЯСОВЪ СѢМЪ:

Еденъ на бѣломъ ременю пстрозлоцѣстій, другій на юхтовимъ ременю позлоцѣстій, третій позлоцѣстій зъ мохрами зеленими, четвертій позлоцѣстій же зъ мохрами папужими, пятій дощатій позлоцѣстій, шостій Венкгерскій злоцѣстій на кгузикахъ, камушки червоніе, семій Турецкій, а до его шестнадцетъ штучокъ такихъ же въ мешечку, осмій зась кушакъ Турецкій на тисмѣ, злотомъ и срѣбромъ тканой, а по концахъ штуки злоцѣстіе.

Зброи или рѣчи воинскіе:

ШАБЛѢ ОПРАВНІЕ.

Первая гладко въ срѣбро оправная, старая знаками пуклястими.

Другая такъ-же старая въ срѣбро оправная, крижъ желѣзній.

Третая—ординка срѣбромъ подъ позлоту оправная.

Четвертая—паски сутозлоцѣстіе и муштучекъ, крижъ засъ, брайцари и оковекъ желѣзніе, а ренкоисть червоная.

Пятая—Турецкая подъ бляхмаль оправная, ренкоисть бѣлая безъ сковки на концѣ.

Шестая—булатная Арапская вся въ желѣзо оправная, ренкоисть деревяная.

Семая—Шамская червоная, ренкоисть, потреби на ней булатніе, злотомъ набіяніе.

Осмая—въ срѣбро оправная, желѣзко Турецкое, ренкоисть роговая чорная, паски старіе пуклястіе.

Девятая—Турецкая въ срѣбро оправная, рукоисть бѣлая, желѣзко по половинѣ склееное, паски пуклястіе.

Десятая—оправа срѣброзлоцѣстая подъ черню, ренкоисть гебановая чорная, паски едвабніе зе злотомъ тканіе.

Единадцетая—въ срѣбро сутозлоцѣсто оправная, паски едвабніе.

Дванадцетая—Турецкая подъ бляхмалъ оправная зъ камушками, паски Турецкіе едвабніе.

Тринадцатій—Мултянъ на аксамитѣ червономъ въ сребро злоцѣсто зъ туркусами оправній.

Четернадцетій—пувналъ Турецкій, ренкоисть чорная, ножка въ срѣбро подъ бляхмалъ оправніе.

Мусатъ оправній зъ ланцужкомъ срѣбрнимъ.

Пѣстолетовъ Шліонскихъ костю саженихъ, паръ чотири.

Пятая пѣстолетовъ пара Липскихъ зъ каптурками срѣбрними.

Шестая пѣстолетовъ пара Липскихъ, оправа орѣховая, ручки злотомъ маліованіе, а ненабѣяніе.

Еще пѣстолетъ еденъ срѣбромъ набіяній.

Олстра старіе сутогаѳованіе.

Гамалѣйка старая сутогаѳованая.

Еще пѣстолетовъ паръ двѣ простихъ.

Янчарокъ Турецкихъ сѣмъ.

Знову янчарка зъ ладунками желѣзними.

Пара кгулдинокъ Венкгерскихъ.

Мушкетъ Московскій.

Кгвѣнтувокъ осмъ.

Двѣ фузіи, една дворучная, а другая поединковая.

Мушкетовъ сѣмнадцетъ и ручница зъ рогомъ.

Фузія долгая на саженъ и двѣ пяди.

Списъ, въ которомъ и стрелба найдуется.

Пѣрначъ Турецкій срѣброзлоцѣстій подъ бляхмалемъ.

Пѣрначъ желѣзній злотомъ набіяній зъ камушками.

Топорецъ зъ оправкою срѣбрною, пѣрначъ простій.

Пѣрначъ старій злоцѣстій безъ едного пера, отъ Дубрицкой принесеній.

Мисіюрка една сутозлоцѣстая, другая подъ бляхмалъ злоцѣстая-жъ.

Двѣ мисіюрки зъ бѣлосрѣбрними денками.

Пятая мисіюрка безъ срѣбра,

Шостая мисіюрка Петрова.

Карваши едни новіе срѣбромъ накладаніе зъ лапками.

Другая карвашовъ пара старихъ срѣбромъ накладанихъ, отчасти полупанихъ.

Третая карвашовъ пара отъ лапокъ и локтей срѣбромъ накладанихъ.

Четвертая карвашовъ пара срѣбромъ набіяная.

Знову пять паръ карвашовъ срѣбромъ понакладанихъ; и тіе всѣ семъ паръ карвашовъ безъ лапокъ.

Панцеровъ шѣстъ, и при панцерахъ одни карваши, и лапокъ паръ двѣ.

Лубя сагайдачное оправное, першое пстрозлоцѣстое, и пуклями злоцѣстими округъ саженое, зъ пасками.

Другое подъ бляхами пстрозлоцѣстими-жъ безъ пасковъ, пуклями бѣлими вколо осаженое.

Третое лубя пстрозлоцѣстоо зъ квѣтомъ вибіянимъ, зъ сережками срѣбними.

Четвертое старое, подъ бляхмалъ оправніе штучки, вколо гаѳъ.

Пятое пстрозлоцѣстое зроста гладко оправное.

Шестое лубя пстрозлоцѣстое старое, вколо гаѳъ въ три паски.

Семое подъ срѣбними гладкими штучками безъ пасковъ.

Осмое лубя Калмуцкое, подъ штучками злоцѣстими зъ бляхмалемъ, на кшталтъ лвихъ головокъ.

Девятое штучками сутозлоцѣстими згуста на аксамитѣ червономъ саженое.

Десятое лубя старое пстрозлоцѣстое.

Одинадцетое лубя Петрово, злоцѣстое, слуги Палѣевого.

Дванадцятое лубя бѣло подъ срѣбро оправное гладко.

Тринадцетое лубя подъ срѣбро сутозлоцѣсто оправное.

Луковъ чтири маліованихъ.

РОНДЗИКИ.

Еденъ гузарскій сутозлоцѣстій, подокгоне иншои роботи.

Другій сутозлоцѣстій же, штучки отливаніе дробніе, поводи зъ тасми зеленой.

Третій злоцѣстій на саѳянѣ червономъ пуклями саженій.

Четвертій гузарскій сутозлоцѣстій штуки отливаніе подъ огонь, иншои работи, на ременѣ.

Пятій бѣлій, пуклями саженій, на ременѣ.

Шестій бѣлій же пуклями на ременѣ саженій.

Семій бѣлій на ременѣ зеленомъ пуклями саженій.

Осмій кгончій старій, бѣлими пуклями дробними саженій, а цифки на немъ злоцѣстіе.

Девятій бѣлій на ременѣ пуклями саженій.

Десятій бѣлій пуклястій, безъ поднаперсня.

Одинадцатій рондзикъ бѣлодробними пуклями саженій безъ наперсня также, тилко зъ подокгоніемъ.

Муштукъ Турецкій самій безъ поднаперсня и безъ подокгоня, сутозлоцѣстій, а поводи зъ тасми фіялковой.

Другій муштукъ Полскій безъ паперсня и подокгопя, злоцѣстій, пуклями саженій на червоной едвабной тасмѣ.

Третій муштукъ кгончій бѣлій пуклястій, уздечка кгончая бѣлая, старая пуклястая; пасокъ отъ сагайдака, штучками зрѣдка саженій, которій Добрицкая принесла.

КУЛБАКИ.

Кулбакъ двѣ, въ которыхъ ленки побиваніе позлоцѣстими бляхами. Подушка на едной аксамитная зеленая диравая, на другой суконная кгранатовая мало злотомъ гаѳованая, тебенки на обохъ старіе маліованіе, стримена желѣзніе.

Два арчаки старіе Полскіе, еденъ сафяномъ прикритій, срѣбромъ гаѳованій, ленкъ, насажованій злоцѣстими штучками, тебенки маліованіе новіе, а стримена мосіондзовіе. У другого на ленку девятъ штучокъ срѣбрнихъ, подушка кармазиновая старая, гаѳованая срѣбромъ, а стримена желѣзніе зъ тебенками старими.

Двѣ кулбаки Волоскіе червоніе кармазиновіе, тягненимъ золотомъ гаѳованіе, една новая, а другая старая, зъ тебенками маліованими; а стрѣмена желѣзніе и платъ до едной кармазиновій, злотомъ тягненимъ гаѳованій.

Кулбака червоная аксамитная Турецкая, тягненимъ злотомъ гаѳованая, и платъ до оной аксамитній червоній; злотомъ тягненимъ гаѳованій; стрѣмена желѣзніе срѣбромъ набіяніе.

Еще кулбакъ двѣ, на едной ленкъ злотомъ маліованій, подушка пурпуровая, гаѳованая срѣбромъ, тебенки старіе маліованіе безъ стрѣменъ, у другои ленкъ срѣбромъ маліованій подушка кармазиновая негаѳованая, тебенки маліованіе старіе-жъ и покровецъ простого сукна блакитній.

Кулбака зъ покровцемъ бѣлимъ габянимъ,

Арчакъ зъ покровцемъ суконнимъ; простіе.

Потниковъ шесть, а семій лѣпшій и платовъ три.

Сакви подорожніе зъ фляшками жестяними.

Пара новихъ тебеніокъ.

Короговъ китайчанихъ рожнихъ пять.

Церковъ войсковая наметная двощоглная.

Наметъ круглій невеликій, и полатка Московская.

Шоръ паръ пять зъ лѣцами и кантарами.

Казанковъ мѣдянихъ чтири, такъ же казанъ мѣдяній великій силѣтряній диравій.

Казанковъ знову мѣдянихъ чтири, а пятая кановка мѣдяная.

Лоханя мѣдяная.

Казановъ салѣтранихъ два великихъ, казановъ горолчанихъ пять, а шостій войсковій зъ лужкою, алембикъ, баня, и трубъ шестъ.

КЛЕЙНОТИ И СПЛЕНДОРИ ЖЕНСКІЕ.

Штучка една кшталтомъ орла зъ рубѣнками, зъ чотирма шмаракгдами, а другая круглая зъ рубѣнами.

Запонка до сукнѣ приличніе щерозлотніе.

Манисто перловое, въ десятъ нитокъ низаное, по концахъ червонихъ золотихъ чтири.

Другое манисто перловое, въ пять нитокъ низаное, на которомъ червонихъ золотихъ шесть, а на концахъ штучки золотіе.

Третое манисто у пять нитокъ, перенизанное шестма червоними золотими.

Четвертое манисто перловоежъ, болшенною перлою перенизаное, въ нитокъ сѣмъ, на концахъ штучки золотіе.

Пятое манисто перловое у шѣсть нитокъ, на концахъ по три зерна кораліовихъ.

Ланцушокъ щерозлотній тонкій у три нитки, на манисто едвабномъ превязаній.

Манисто кораліовое, на которомъ крестъ зъ рубиновъ и шмаракгдовъ насаженій, и чтири червонихъ великихъ по десятъ червонихъ, шесть подвоинихъ, а поединковихъ чтири загненихъ.

При манистѣ червоній золотій десятинній.

На шнурку едвабномъ червономъ тринадцеть червоныхъ золотихъ, а четвертійнадцетъ по серединѣ болшій.

Червонихъ золотихъ пять гненихъ.

Пара сергъ щерозлотихъ, по концахъ перла, по сродку рубѣнки.

Перстеневъ щерозлотихъ тринадцетъ зъ каменцями рожними.

Колко перлами гаѳованое.

Квѣтокъ зъ злотомъ паръ двѣ.

Три стенги злотомъ тканіе и по концахъ заробляніе.

Стёнжекъ зе злотомъ двѣ.

Стенгъ золотихъ локотъ чтири и чвертка.

ОДЕЖА МУЖЕСКАЯ И ЖЕНСКАЯ.

Кунтушъ самого суконній барщовій, куницами подшитій, окгонками соболѣми опушеній.

Кунтушъ небозжчика Стефана суконній барщовій, шлямами лисѣми подшитій, другій легкій папужовій.

Кунтушъ блакитній Французскій суконній.

Жупанъ цекглястій, матерія пасковатая зъ квѣтомъ золотимъ, подшитій крашениною блакитною, кгудзиковъ сѣмъ.

Кунтушъ аксамитній цекглястій, гаѳки тилко въ поясѣ злоцѣстіе.

Кунтушъ самого лудаповій блакитній, шлямами подшитій.

Два жупани старіе, одинъ матерія Перская простая зъ кгузиками едвабними, а другій матерія Нѣмецкая рабая, кгузиковъ сѣмъ.

Кунтушъ злотоглавній на бѣломъ канавапу, опонки въ поясѣ позлоцѣстіе, а у верху бѣліе срѣбрніе, нѣчимъ неподшитій.

Кунтушъ помаранчовій адамашковій, зъ частими срѣбрними квѣтами, подшитій луданомъ попелятимъ.

Кунтушъ старій шахмарану Венецкого сломястій, гаѳки въ пояси среброзлоцѣстіе, а у версѣ меншіе.

Кунтушъ Венецкого злотоглаву червоній зъ кгузиками золотими дванадцятма, а въ кождомъ кгудзику по рубѣну, чирвонимъ киндякомъ подшитій.

Кунтушъ аксамитній жолтокгоронцій, гаѳки въ поясѣ сребрнозлоцѣстіе, а у верху бѣліе сребрніе, неподшитій.

Куншушъ папужій суконній, лисами подшитій.

Кунтушъ кармазиновый старій.

Кунтушъ кармазиновій мармуромъ опушеній.

Шапка старая соболяя аксамитная.

Чоботъ пара жовтихъ Турецкихъ, зъ мештами жовтими Турецкими.

Кунтушъ приношеній Венецкои адамашки, блакитній, куницами подшитій, самой зоставили ходити паннѣ.

Кунтушъ лисами подшитій гвоздиковій суконній зоставилижъ ходить.

Кунтущъ лудановій сломястій паненскій, шлямами подшитій.

Кунтушъ паненскій терциналіовій цекглястій зъ коринками золотими.

Шапка паненская аксамитная червоная соболяя зъ коринками золотими.

Кунтушъ кармазиновій паненскій лисами подшитій зоставили.

Кунтушъ злотоглавній блакитній, сѣбѣрками подшитій, окгонками соболѣми и кгаліонами обложеній, зъ кгузиками позлоцѣстими.

Кунтушъ паненскій червоній табиновій подшитій въ по-

лахъ куницами, въ плечахъ лапками, коронками золотими и окгонками обложено.

Куртина злотоглавная блакитная, сибѣрками подшитая, полы соболями опушени, коронками золотими обложенная.

Кунтушъ лудановій зеленій, подшитій лапками соболѣми, и шматъ на засобку футра куничого лобякового, обложено соболемъ и корунками золотими.

Гусарка женская пасковатая, квѣтъ на ней малій злотій.

Кунтушъ аксамитній Венецкой жолтій зъ кгузиками срѣбними, подшитій кунѣми кгарлами, окгонками соболѣми опушеній и кгаліонномъ срѣбнимъ обложеній.

Кунтушъ цекглястій табиновій, подшитій кгарлами кунѣми, окгонками соболѣми опушеній и корунками обложеній, зъ кгузѣчками срѣбними.

Кунтушъ жолтогоронцій табиновій, кгарлами кунѣми подшитій, окгонками соболѣми опушеній, корунками золотими обложеній, кгузики зъ жемцужками.

Кунтушъ кармазиновій зъ блакитними лиштвами.

Сукна темнозеленого тонкого портище.

Сукна травястаго тонкого-жъ портище.

Мусулбесу червонного штукъ двѣ.

Тузинку блакитного портище.

Червоного шиптуху портище.

Китайки кусулбаской блакитной на портище.

Лудану фіалкового портище.

Лудану червоного болшой руки косякъ.

Лудану зеленого болшой же руки полкосяка.

Лудану блакитного болшой руки полкосяка.

Лудану меншой руки червоного полкосяка.

Табину червоного на портище.

Матеріи цекглястой зъ квѣтами золотими на портище.

Кунтушъ влосовій едвабній зъ квѣтами золотими и едвабними, срѣброзлоцѣстими корунками, обложеній, подшитій крашениною червоною, женскій.

ФУТРА.

Соболей сѣмъ безъ хвостовъ.

Куницъ двадцетъ чтири и брушокъ куничій.

Футро соболее зъ подкунтуша старое.

Рись еденъ. Лисицъ тринадцетъ. Вовковъ два.

Футра шматъ чамрового лисіого, шматъ завійкового и двѣ полѣ завійковихъ же.

Футро рисіое хрибтовое старое зъ подкунтуша.

Футро старое лисіое зъ подкунтуша.

Шматъ футра нового куніого.

Футро кунее зъ подкунтуша, обложенное окгонками соболѣми, соболѣе карваши.

Шматъ футра лисіого нового лобякового.

Футро старихъ бѣлихъ соболей зъ подкунтуша.

Полътора блама попеличого футра.

Футро зъ подкунтуша полушковое соболее, рукава кунѣи.

Футро соболее доброе зъ подкунтуша, зъ рукавами кунѣмижъ.

Футро соболее пятое зъ подкунтуша, въ которомъ рукава лисіе, а плечи куничіе.

Полфутра сѣбѣркового не цѣлого.

Шматъ футра лисіого хребтового.

Футро лисіое старое.

Медвежихъ шкуръ двѣ, виправная една, другая ни.

ЦѢНЬ.

Талѣрокъ цинованихъ двадцетъ осмь и двѣ приставки.

Полумисковъ цѣнованихъ девять.

Куманцовъ цинованихъ шѣсть, два безъ накришокъ.

Фляшъ цинованихъ двѣ, велика и меншая.

Знову полумисковъ пятдесятъ рожнихъ, малихъ и великихъ и приставка.

Такъ же и талѣрокъ знову цинованихъ рожнихъ сѣмъ десятъ и девять.

Лечъ зъ тоей цини оставили Палѣевой па ей прошеніе для потреби дворовои: талѣрокъ двадцетъ и чтири, полумисковъ зась девять.

Два кумани цинованіе, еденъ тилко зъ ручкою.

Талѣрка една.

Кухоль, круколѣика цинованіе.

Еще лихтаровъ мосендзовихъ два: еденъ пятеристій, другій двойчастій.

КИЛИМЫ.

Коберцовъ новихъ три, четвертій притертій, а пятій старій.

Килимовъ Турецкихъ новихъ сѣмъ.

Килимовъ чтири тутейшой работи и старій Турецкій.

Килимъ Турецкій на столѣ, два зась Шліонскихъ настѣнѣ, тамже и третій Шліонскій же.

Три килимы Турецкой роботи.

А иніе килимы межи фантами написаны.

ОБРАЗИ.

Образовъ осмъ Московскихъ оправнихъ, а неоправнихъ Московскихъ же и нашихъ Рускихъ пятнадцять.

Панагирки и маленкій образокъ, а великихъ въ рамахъ десять.

ГРОШЫ.

Таляровъ битихъ чтириста и шестнадцять и чвертка,

Левовъ битихъ сорокъ и три.

Чеховъ золотихъ сѣмъсотъ.

Палѣевой зась по ей прошенію надъ тіе гроши дали золот. сѣмдесятъ на расходи и потреби домовіе.

Червоних золотихъ всѣхъ тилко знайшлося тисяча, то есть градскихъ, чтириста двадцять и шесть, дукатовъ подвойнихъ пятдесятъ сѣмъ, Венкгерскихъ пятдесятъ и еденъ, а остатокъ зась до тисячи сполнихъ розмаитихъ, которіе въ едномъ мѣшечку запечатаны смулкою печатію Палѣевою и бурмистровою.

Еще грошевая сумма Палѣева, на должникахъ рожнихъ зависаючая, показалася ведлугъ сихъ облѣкговъ:

Першій облѣкгъ пана войта Кіевского, на тисячу сто и десятъ зол: чехами, а на талярей битихъ сто тридцятъ.

Другій облѣгъ Касабуцкого, на двѣ тисячи и триста золотими чехами.

Третій пановъ Василія и Романа Якимовичовъ, на вусѣмъ тисячей и пятьсотъ золотими чехами.

Четвертій пана Іосифа Скородка, на три тисячи чотириста и шестьдесятъ золотими чехами.

Пятій Клима Шереметенка, на золотихъ сто сѣмдесятъ.

Знову мамрамъ Ивана Петровича Кужинца, давій на сумму тисячу сто сорокъ и два золотихъ, подписаній зась съ тилу, же зъ того долгу одобрано уже золотихъ шестьсотъ пятьдесятъ и три.

Другій мамрамъ отъ Александра Остапіевича на таляровъ битихъ сто.

Контрактъ отъ Лукіана Ивановича, сотника Новгородского данній Палѣеви на вапно, въ которомъ написано, же онъ сотникъ отъ Палѣя принялъ коней двое гнѣдихъ, по шесть таляровъ ценою, и готовихъ грошей взялъ сѣмдесятъ талярей, черезъ Андруга целюрика, при писару полковомъ Игнату Голицкомъ.

П. П. Якимовичи реестровне показали, же зъ довгу, которій подлугъ облѣку Палѣеви винни, отдали рожними часи и рожними товарами тисячу триста сорокъ и два золотихъ и пять чеховъ, а три тисячи еще дали небожчику Стибровскому и Яковицю, що и сама Палѣева признала, ижъ за-

вѣдомостію еи тая часть довгу одобрана.

Обявила Палѣева, ижъ ей зависаетъ долгу на панѣ Тарнолистовой таляровъ сто битихъ; а левовъ пятдесятъ безъ облѣка.

Тутъ же докладается, ижъ панъ Тарасъ Желѣзникъ Грушъ, бурмистръ Кіевскій, освѣдчался, же Палѣй взялъ отъ его на кредитъ вапна сто осмдесятъ осмачокъ на муроване церкви въ Бѣлой Церкви, осмачка вапна по два золотихъ, за що ему еще не оддалъ грошей.

Тутъ же Тарасъ прекладалъ, же всего были заставлени отъ Мотовиловскихъ жителей два крести, ангелъ и келихъ, за талярей битихъ осмнадцятъ; которіе рѣчи Палѣй отъ его взялъ и субмѣтовался гроши ему, въ чомъ оніе рѣчи были заставлени вернути, а не вернулъ до сего часу.

Онъ же Тарасъ у самого Палѣя за камень спижи, талярей десятъ, претендуетъ, а у Палѣиви копъ десятъ допоминается, лечъ она твердитъ, будто ему тые десятъ копъ одовгала.

ФАНТИ И РѢЧИ РОЗНЫК.

Баволницъ старихъ чтири.

Фарботъ зеленихъ до подушекъ осѣмъ штукъ.

Конповъ злототканихъ до баволницъ приличнихъ два.

Чепповъ на полотнѣ злотомъ гафтованихъ три.

Басаманъ зъ злотимъ на чтири подплаща.

Полотна Швабского штучка.

Баволницъ сѣмъ.

Кабатовъ два, оденъ на атласѣ, червонимъ злотомъ гафтованій зъ гапликами позлопѣстими, а другій аксамитній зеленій зъ корунками золотими.

Корунокъ марцѣпановихъ шматовъ три.

Шнурувка ксиглястая злотоглавная.

Рукавецъ оксамитній зъ корунками пстрозлопѣстими окгонками, соболѣми обложеній.

Запасокъ табѣновихъ двѣ, блакитная и зеленая.

Чепець, на атласѣ червонимъ злотомъ гафтованій.

Чепець, на полотнѣ злотомъ же гафтованій.

Три шляки до баволницъ злотомъ и срѣбромъ гафтованихъ.

Баволницъ пять у ручникъ уверчени.

Рубокъ початій.

Чтири чепцѣ: два на аксамитѣ червономъ, третій на аксамитѣ зеленомъ, а четвертій на атласѣ зеленомъ, злотомъ гафтованіе, въ ручникъ уверчени.

Аксамиту червоного локоть.

Кошуля Турецкая едвабная.

Ручниковъ рожвихъ дванадцять.

Шнурувка аксамитная зеленая зъ кгаліономъ золотимъ.

Рубку шматовъ три.

Запаски двѣ: една табиновая зеленая, а другая полутабиновая цекглястая.

Рукавовъ паръ двѣ: одни шовкомъ зеленимъ, а другіе чорнымъ шитіе.

Сподниця старая вишневая матеріалная зъ квѣтами золотими.

Сподниця лудановая приношеная зъ потребами въ долѣ золотими.

Куртинка катайчаная зеленая.

Сподницъ двѣ: одна адамашки Венецкой, съ корунками въ долу золотими, а другая лудановая вишневая зъ басейманами черними едвабними.

Шнурувка аксамитная зеленая, зъ потребами марципановими, двѣ гафтки на ней позлоцѣстіе.

Поясовъ два старихъ.

Запона козулбаская, едвабная, полосистая зъ квѣтами безю блакитною подшитая, тако-жъ матерій шматъ некгодніи пятъ.

Другой запони пстрой китайчаной три полѣ.

Споднпця ношеная безъ шнурувки на матеріи червоной зъ кветомъ частимъ золотимъ, подшитая киромъ бѣлимъ, обложеная корунками въ долу марципановими.

Кабатовъ два, на аксамитѣ червономъ злотомъ гафтованіе, старосвѣцкіе, а въ обоихъ гафтокъ сѣмъ.

Плахотъ двѣ: одна червоная, а другая блакитная шовковіе.

Плоціенко на колдру пстрое, дрилаху нецѣлая штука.

Обрусъ Шліонскій.

Крашенини рожнихъ штучокъ тридцять, которую оставилисмо самой Палѣевой, бо повѣдали, тежъ тая крашенина есть у жида заграблена.

Килимъ старій узористій Турецкій.

Коберець тутейшое роботи притертій, другій такій же новій, а третій старій.

Коберцовъ пара Турецкихъ старихъ.

Килимъ Турецкій заживаній.

Килимъ Шліонскій великій, а три малихъ Шліонскихъ же, вкупѣ нерозрѣзованихъ, а єдинъ поединковій.

Скатертій дванадцать.

Ручниковъ суветъ простихъ.

Ручниковъ чтири поединковихъ зъ заполочю.

Наволочекъ десятъ.

Простиръ три: одна червонимъ шовкомъ шитая, другая Волоская пасковатая, розними шовками шитая, третяя заполочная, а четвертая простира старая, шовкомъ червонимъ шитая.

Полотна Швабского полштуки.

Полотнажъ Швабского штукъ двѣ цѣлихъ.

Рубку штукъ одинадцять.

Полотна простого два суветци.

Убрусовъ Шліонскихъ шматъ на двѣ скатертѣ.

Ручниковъ Шліонскихъ штука одна цѣлая, а другій шматъ.

Простира Швабского полотна, зеленимъ шовкомъ зъ злотомъ шитая, до тоей простири наволочокъ чтири, такъ же шовкомъ зеленимъ зъ злотомъ шитіе.

Простира полотна Швабского чорнимъ шовкомъ зъ злотомъ шитая, и наволочокъ къ тойже простирѣ Швабскихъ чтири, чорнимъ шовкомъ шитіе зе злотомъ.

Чотири наволочки полотна Швабского зъ фарботами бѣлими, а простира до нихъ старая полотна Швабского зъ фарботами бѣлимижъ.

Лиштовъ до наволочокъ чтири, червонимъ шовкомъ зе злотомъ шитіе.

Ручниковъ три штучки зъ заполоча тканіе.

Кошуль паніенскихъ новихъ Швабскихъ сѣмъ.

Двѣ плахтѣ зъ едвабомъ тканіе, една червоная, а другая синяя.

Запасокъ три табѣновихъ; одна червоная, другая жовтогорачая, а третяя ружовая.

Хустокъ двѣ на едвабницахъ фарбованіе червоніе Турецкіе зъ квѣтомъ шитимъ срѣбрянимъ.

Ручникъ Турецкій, концѣ позашиваніе шовкомъ зъ злотомъ.

Поясъ Турецкій.

Хустокъ рябихъ едвабнихъ.

Поясъ зеленій секизкій, квѣтъ на немъ адамашковій.

Простира старая шовкомъ червонимъ зъ злотомъ шита.

Кошуля музская Швабская, шовкомъ фіалковимъ розмережена.

Баволницъ три зъ пругами и зъ концами золотими, еще баволницъ чтири: двѣ поединковіе, а двѣ вкупѣ зъ концами золотими заверчени.

Хустокъ розмаитихъ шовкомъ зе злотомъ шитихъ пятдесятъ и шѣсть, тіе всѣ хустки въ ручникъ зашити.

Хустокъ самимъ злотомъ зъ срѣбромъ шитихъ тридцять и одна.

Хустокъ Турецкихъ, на едвабници шитихъ, двѣ: една шовкомъ зе злотомъ, а другая самимъ шовкомъ.

Волоскихъ хустокъ двѣ: една злотомъ нитковимъ, а другая тягненимъ зъ едвабомъ шитіе.

Три хустки Турецкіе на баволницѣ самимъ едвабомъ шитіе.

Ручникъ Турецкій, конци шовкомъ и злотомъ зашитіе, тіе всѣ хустки въ скатерть зашити.

Ковдра матеріи пасковатой, луданомъ ружовимъ лиштви обложени.

Другая ковдра на полю атласовомъ жолтомъ, штуки зъ злотоглаву пасковатого накладаніе, а лиштви дволичною китайкою обложени.

Третяя ковдра плоціенковая, лиштви червоніе мусолбесовіе, безю блакитною подшитая.

Запони двѣ полѣ папужіе штаметовіе.

Пологъ зъ тафи чирвонія и товтій шитій старій.

Коверъ тутейшое работи зъ дѣркою.

Бочалка патоки. Меду простого бочка неповная.

Еще три бочки меду. Осьмъ куфъ салѣтри.

Куфа меду. Два полубочки муки житной.

Куфа жита. Кругъ воску. Сѣмъ бочокъ муки.

Найшлися гроши, въ четирохъ глекахъ закопанніе въ землю:

Въ першомъ глечку розбитомъ: двѣ тисячи шестьдесятъ и два талярей битихъ, чтири полталярки и левъ еденъ.

Въ другомъ розбитомъ глеку: тисяча двѣстѣ двадцетъ и пять талярей битихъ и полталяра, межи которими въ той же лѣчбѣ девятнадцетъ полталярковъ и талярь лихій.

Въ третомъ глеку цѣломъ: тисяча двѣстѣ и пятьнадцетъ талярей битихъ и полталяра, а межи ними въ личбѣ полталярками пятдесять талярей и еденъ и полталяра.

Въ четвертомъ гладишу: осѣмсотъ талярей битихъ безъ едного, а межи ними два тилко полталярки.

Сумма чинитъ: пять тисячей талярей битихъ двѣстѣ осмьдесятъ и чтири и левъ еденъ.

Червонихъ золотихъ найшлося въ першомъ мѣшечку тисяча и шесть; межи которими въ личбѣ государскихъ шестьдесять и еденъ, Венецкихъ сто тридцетъ сѣмь, а остатокъ рожнихъ.

Въ другомъ мѣшечку дукатовъ подвойнихъ пятдесять осмь, а великихъ дукатовъ (зъ которихъ въ кождомъ по пяти червонихъ) пятъ, а поединковихъ сѣмнадцетъ.

Гнущихъ засъ червонихъ на манистѣ чорномъ поединковихъ двадцетъ.

На кораліовомъ другомъ манисту гнених же червонихъ осѣмнадцетъ, на нитцѣ засъ червоній золотій дукатъ, мѣючій въ себѣ пять червонихъ, а три поединковихъ гнутихъ.

Соли волоскихъ дробувъ девять.

Каретка, коляса и возовъ пять, палубовъ засъ три.

РЕЕСТРЪ, ОСОБНИХЪ РѢЧЕЙ ПЕТРОВИХЪ ВЪ КОМНАТѢ БУДУЧИХЪ, НАЙПЕРВѢЙ.

Грошей таляровъ битихъ деватдесятъ, а червонихъ золотихъ пять.

Козлина жовтая. Хустокъ рожнихъ пять.

Сподниця гарусовая. Глечикъ Шлıонскій.

Кармазину портище и локоть лудану на лиштви и шнурокъ злотомъ и срѣбромъ перевіаній на кунтушъ и шовкъ.

Киндяку темнозеленого штучка.

Соболецъ зъ окгонкомъ.

Мешти Турецкіе жовтіе.

Кунтушъ попужій, старимъ шлямомъ подшитій.

Кунтушъ бѣлій тонкого сукна.

Шапка папужая соболцевая.

Жупанъ злотоглавній ношеній.

Кунтушъ цинамоновій тонкого сукна новій.

Жупанъ луданові барщевій.

Кунтушъ темнозеленій сибѣрками подшитій.

Шапка старая кармазиновая.

Знову левовъ битихъ тридцять: зостановили Петру-жъ на харчъ талярковъ битихъ три.

Вовчихъ шкуръ виправнихъ пять, а лисицъ сѣмъ.

Жупановъ два кусолбаской китайки.

Пара чоботъ сафяновихъ.

Пара баранковъ чорнихъ.

Рондзикъ бѣлій пуклястій зо всѣмъ зъ подналерсемъ и подокгонемъ.

Ладовница, срѣбромъ и злотомъ сутогафтованая.

Шѣстолетовъ пара костю саженихъ.

Палашъ Полскій въ срѣбро оправній.

Два луки дзукгрованихъ, стрѣлъ десятковъ чтири.

Ручницъ чтири, а фузѣй три, кулбакъ зовсѣмъ простихъ чтири.

Ярмолукъ тузѣнковій, пологъ полотняній.

Килимовъ старихъ три, а четвертій новій Турецкій.

Кеца старая, медведковъ два малихъ.

Казанковъ три и коракъ мѣдяній.

Дѣжечка патоки.

Шабель двѣ простихъ.

Лужниковъ два.

Обувовъ два.

Уздечокъ простихъ зъ обротми рамѣнними чтирнадцетъ.

Рогъ зо всѣмъ риштункомъ.

Штучокъ срѣбрнихъ пстрозлоцѣстихъ на сагайдакъ малихъ и болшихъ осѣмдесять и сѣмъ.

Лихтаръ мосіондзовій троистій.

Образовъ Московскихъ шесть.

О ВОЙНѢ ОСТРАНИНОВОЙ

ЗЪ ЛЯХАМИ

НА УКРАИНѢ МАЛОРОССІЙСКОЙ.

О войнѣ Остраниновой зъ Ляхами на Украинѣ Малороссійской,

Отъ априля 25 до августа 13, (*) подъ Голтвою, Лубнями и Жолниномъ зъ великимъ кровъ человѣческой разлитіемъ точившойся, а на устѣ рѣчки Старца, въ Днѣпръ упадаючой, въ старинныхъ окопахъ Козацкихъ, при другомъ Гетману Гунѣ, чрезъ трактатъ Войску Запорожскому непомислній, доконченой.

Року отъ Рождества Христова 1638, то есть передъ Хмелничиною въ лѣтъ десятъ, для которихъ тежъ причинъ тая отъ Войска Запорожского противъ Ляховъ война повстала, зъ манѣфесту, албо универсалу обявителного, Остраниновогo, въ Малую Россію, по обоимъ сторонамъ Днѣпра достаючую, засланного. Всякъ чтій зразумѣти можетъ, якій унѣверсалъ отъ слова до слова въ себѣ такъ имѣется:

Стефанъ Криштофъ зъ Острога и Остра Остранинъ по ласцѣ Божой новоучиненій Гетманъ зо всѣмъ войскомъ Запорожскимъ.

Ознаймуемъ симъ унѣверсаломъ нашимъ вамъ всѣмъ шлахетне урожонимъ Козакамъ, братѣ нашей, отъ многихъ лѣтъ премногими рицерскими дѣлами и отвагами во всей

(*) Противъ этихъ словъ на сторонѣ находится замѣчаніе; а въ Полскомъ діаріушѣ пишется отъ Мая 8 до Августа 1-го.

подсолнечной прославшимся, по обоимъ сторонамъ реки Днѣпра, въ Малой Россіи, отчизнѣ своей, зъ предковъ своихъ, отъ давнихъ временъ мешкаючимъ, тутъ же и всему посполитому народу Малороссійскому; ижъ яко прошлихъ временъ такъ и сего лѣта зъ великимъ сердечнимъ жалемъ и болѣзнію не моглисмо переслухати и изреестровати безпрестанно доносячихся намъ Войску Низовому Запорожскому отъ васъ скаргъ и плачливихъ суплѣкацей о дѣющихся вамъ обидахъ, утискахъ, разореніяхъ и незносниxъ налогахъ отъ Ляховъ, во всей Молой Россіи по обоимъ сторонамъ Днѣпра консистуючихъ. Не спецѣфѣкуемъ ретелне тутъ того, что они Ляхи, сихъ недавнихъ временъ, почавши отъ лѣтъ пяти или шести (давнѣйшее бо ихъ всѣ зборнѣ и злие учинки занехавши), аки нехристіяне вамъ, Православнимъ Христіянамъ виброили и учинили; а именно въ городахъ и повѣтахъ Козелскомъ, Боришполскомъ, Басанскомъ, Березанскомъ, Гоголевскомъ, Яготинскомъ, Острицкомъ, въ Нѣжинскомъ, Борзенскомъ, Прилуцкомъ, Варвинскомъ, Сребрянскомъ, Красноколядинскомъ, Конотопскомъ, Любецкомъ, Березинскомъ, Менскомъ, Сосницкомъ, Коропскомъ и Кролевецкомъ, въ Лубенскомъ, Лукомскомъ, Лохвицкомъ, Пирятинскомъ, Чигринъ - Дубровскомъ и Роменскомъ, Переясловскомъ, въ Гадяцкомъ, Миргородскомъ и во всѣхъ иниxъ, гдѣ тилко ихъ небачная и милости народъ Христіянскій (sic) неимущая зоставала и зостаетъ консистенція. Сами вы въ перечнихъ городахъ и повѣтахъ мешкаючіи, братя наше, доносили о томъ, знаете яко самовидци и вамъ о семъ томъ жалобливіи доносители; виражаемъ еднакъ и ко болѣзнямъ вашимъ печаль и болѣзнь нашу прилагаемъ, которая дойшла насъ на сихъ часехъ вѣдати зъ Остра, зъ дому отца нашего, чрезъ родного брата нашего, зъ выбитимъ тиранско отъ Ляховъ окомъ, тутъ, до Сѣчи Запорожской къ намъ прибылого, которой зъ ревними и неутомими слезами такое намъ и всему Войску Низовому Запорожскому въ радѣ учинилъ

донесене о своемъ и всего дому нашего бѣдствіи отъ Ляховъ и разореніи, сказавши виразне тое: ижъ неякійсь Геродовскій, консистуючій въ Острѣ, сеи сходячои зими предъ радостними Свѣтками Рождества Господня при иншихъ всякихъ доволствахъ ему зъ иншимъ товариствомъ; отъ Козаковъ (надъ права и слушность) и отъ мѣщанъ Острицкихъ выстатчаемыхъ (*), яковуюсь особную ко отцу моему, шляхетскимъ козацкимъ правомъ зъ продковъ своихъ щитящемуся, завзявши ненависть и ранкоръ, приказалъ сурово ему, отцу моему, на кождій мѣсяцъ, не для себе, но для хортовъ, своихъ братовъ, вистачати по три вѣдри сира, а по четвертому масла; чого кгди отецъ мой не исполнилъ, не для чого иного, тилко для власнихъ недостатковъ домашнихъ, теди онъ, за тое узлившись, въ самій тотъ радостній Рождества Господня праздникъ, жалостію и плачемъ наполнилъ домъ нашъ, кгди отца моего, семдесятное время въ совершеннихъ сѣдинахъ жизнь свою провождающого, приказалъ катамъ, слугамъ и братамъ своимъ, вложити въ тинъ шіею на цвинтарѣ церковномъ, въ самую морозную и снѣжную тогда заверуху, и потоль зъ того неэносного и ругателного вязеня не повелѣлъ отпустити, поколь зъ службы Божой не війшли, и поколь всѣ люди въ церквѣ бывшіе тому (хочай то было зъ ихъ жалемъ) не посмѣялися.

После того такъ тяжкого и нестерпимого безчестія, отцу моему престарѣлому учиненого, тотъ же Геродовскій, албо власній, христоненавистній Иродъ, третого, чили четвертого дня, набѣгши пяній и безрозумній зъ подобною себѣ компанѣею въ домѣ отца моего, потребовалъ, аби его частовано виномъ Венкгерскимъ; а кгди того отецъ мой не моглъ ис-

(*) Съ этого мѣста начинаются слова подлинника, ибо начало Универсала Гетмана Остряницы въ подлинномъ спискѣ Лѣтописи Велички утрачено. Оно заимствовано нами изъ списка Лѣтописи Велички, принадлежащаго г. бывшему Предсѣдателю Временной Коммиссіи М. О. Судіенкѣ.

полпити, за небитностю въ Острѣ вина Венкгерского, теди онъ на пеню началъ частовати отца моего горѣлкою своею оковитою, и, наливши оной чарку срѣбную, малъ не въ кварту будучую, велѣлъ випити всю старушковѣ отцу моему, за здорове Королевское и Рѣчи Посполитой. Чого гди отецъ мой не моглъ учинити, теди онъ паній, за тое узлившись, не тилко на всеконечное поруганіе отцу моему, сѣдинами цвѣтущую, займаючи и тѣла, урѣзалъ браду, мало къ тому зачепивши и горла; але и тяжкимъ надто и смертоноснимъ своимъ обухомъ, безъ жадного респекту и литости, по плечахъ и грудяхъ килконадесятъ сотворилъ ударовъ. Отъ которихъ отецъ мой болшъ надъ шесть дней непоживши, мусѣлъ переселитися во вѣчную жизнь отъ жизни сея, насъ дѣтей своихъ печалнихъ и плачевнихъ всегдашнему, а непрестаемому вручивши сиротству.

Но и тимъ отца нашого убійствомъ онъ, Геродовскій, иродового христоненавистного племени проклятій потомокъ, не вконтентовавшися, по погребеніи отца нашего, четвертого чили пятого дня, взялъ кгвалтомъ зъ дому брата моего, на порошу, въ часъ трискучихъ и незноснихъ тогда морозовъ, и, всадивши его охляпъ на свою водовозную бирбигу, далъ ему на смичѣ хортовъ пару. Віехавши зась въ поле, кгди роспустилъ мисливс.ва, и кгди спужено нѣсколько зайцовъ, въ тотъ часъ еденъ служка его Геродовского прибѣгши, велѣлъ пустити брату моему зъ змича хортовъ, якіи были въ него,—знатно учинилъ тое по приказу пана своего; а Геродовскій, тиранъ и мордерца людскій, неувидѣвши хортовъ на смичѣ въ брата моего, наскочилъ на него конемъ и испитавши: где хорти? ударилъ тиранскимъ замахомъ канчукомъ по головѣ того брата моего, въ якій часъ канчукъ концемъ своимъ и око вилупилъ оному.

Отъ которого тиранского и безчеловѣчного удару кгди братъ мой полумертвій зъ бербиги Геродовского упалъ на землю, теди онъ Геродовскій еще доволно служкамъ своимъ

велѣлъ его канчуками по всѣмъ тѣлѣ немилостивнѣ зранити. А наконецъ, вмѣсто мертвого и бездушного человѣка, яко мѣхъ зъ пашнею якою, зрипувши черевомъ на-туюжъ бербигу свою, велѣлъ едному слузцѣ своему отпровадити до дому нашого и предъ воротами яко непотребного и мертвого изрипути трупа.

Що многопечалная и неисказанною болѣзнію обятая старушка, матка моя увидѣвши, другимъ братамъ и сестрамъ моимъ велѣла внести до хати того тиранскоубитого и скалѣченого, и мало въ себѣ духа имѣющого брата нашого, и заледво отмореженіе руки и тварь возмогли ему отвѣлжити и до першой приспособити бытности. По якой тиранской чести, заледво въ килко недель тотъ окалѣченій братъ мой вгди почалъ приходити до здоровя, знову почулъ на себѣ отъ того-жъ мордерци Геродовского происходячіе пофалки. Которій уходячи, и остатную частку здоровя своего уносячи, прибылъ тутъ, до Сѣчи запорожской еще хорій, и знаки тиранскіе (кромѣ вибитого ока) на тѣлѣ своемъ имѣющій: и о всемъ томъ, щося зъ нимъ и небожчикомъ отцемъ моимъ дѣяло и тутъ виразило, словесную, жалости и неутомимихъ слезъ полную, всему Войску Запорожскому учинилъ реляцію, которою не тилко ми новообраній Гетманъ, лечъ и все Войско Запорожское жалостію великою взрушени будучи, постановилисмо згодною порадою и совѣтомъ рушити зъ Коша Запорожского зъ войскомъ на Украину Малороссійскую, для вндвигненя при помощи Божой васъ, народа нашого Правословавного отъ ярма, порабощенія и мучителства тиранского Леховского, и для отмщенія починенихъ обидъ, разореній и мучителскихъ ругателствъ вамъ братѣ нашой шляхетне урожоной и всему посполству рода Руского, въ Малой Росіи по обоимъ сторонамъ Днѣпра мешкаючого.

Ви прето, братя наше, вичитавши сей отвористій листъ нашъ, обачте разума своего очима и уважте, если ми зъ Войскомъ Запорожскимъ неслушне затѣваемъ дѣло военое

противъ Леховъ, непріятелей и ворогоѡвъ вашихъ, и если еще вамъ не допекли ихъ збиточніи на консистенціяхъ вашихъ вимисли, о корми и напитки. И если вамъ мило видѣти отцовъ и матерей своихъ всегда ругаемихъ и безчестимихъ, также братовъ, сестръ и женъ тиранско забиваемихъ, роскривавляемихъ и мордуемихъ, поломкахъ ледовихъ въ трискучіе морози понуряемихъ и обливаемихъ, въ плугъ аки воловъ (чого подъ слонцемъ неслихано) запрагаемихъ, а чрезъ жидовъ Христоненавистникъ, поприказу ихъ Леховскомъ, бичуемихъ и поганяемихъ, аби добре тягли и голій ледъ безпотребне, на едно посмѣвиско и руганіе, орали и рисовали. Що все и множайшое (чого и виразити писмомъ встидно и неприлично) дѣялося и теперь дѣется въ городахъ и повѣтахъ вашихъ, въ початку сего листа нашого коротко намененихъ.

А що найболша, же и хвала Божія въ церквахъ Православнихъ нашихъ Греко-Рускихъ, отъ начала крещенія Руского отправуемая, и аки солнце непозиблемимъ въ части свѣта Европійского благочестіемъ сіяющая, отъ тихъ же непріятелей нашихъ, отщепенцовъ и геретиковъ Леховъ хощетъ и усиловуется премѣнити, и до заблужденія Римского, на Унѣю обернути и гвалтовне преклонити, чого уже и певніе по нѣкоторихъ городахъ Украинскихъ суть знаки и документа.

А такъ ви, братя наша, шляхетне урожоніи Козаки, по обоимъ сторонамъ рѣки Днѣпра на Украйнѣ Малоросійской жіючіи, со всѣмъ мещанскимъ и сѣлскимъ посполитимъ народомъ, все тое, що тутъ вкратцѣ написалося, зрозумѣвши и уваживши, приклонѣте сердца ваша до сердецъ нашихъ и желанія ваша до желаній нашихъ, и совокупившися зъ нами (кгди зъ Войскомъ Запорожскимъ на Украину прибудемъ) со полнимъ оружіемъ, при всесилной помощи Божой, изволте усердно противъ Леховъ, непріятелей своихъ, военое зачинати дѣло и промислъ. Для чого, нимъ ми зъ войскомъ

прибудемъ на Украин., изволте готовати и кормити конѣ свои, также имѣти и приспособляти доброе, исправное оружіе зъ належитимъ до него припасомъ, то есть порохомъ и кулями, и харчь себѣ въ походную потребную приспособляйтежъ. Жаднихъ тежъ Леховскихъ прелестнихъ и оманчливихъ писмъ и унѣверсаловъ не слухайте и имъ не вѣрте, и вѣдомостемъ ихъ лживимъ, въ народъ, на устрашеніе его разсѣгаемимъ, нимало не вѣрте и плутовства ихъ не бойтеся. Ани Кумейская, такъ (*) рочная Войска Запорозского зъ Лехами война нехай васъ не устрашаетъ: бо они фалшиве и не праведно розголошаютъ тое (що рѣчъ есть неподобна), что будто тамъ подъ Кумейками на голову Войско Запорозское поразили и на полмилѣ шляхъ трупомъ козацкимъ услали. Кгди-жъ если би такъ было, то съ кимъ би они Лехи тогди трактатъ чинили и покой завѣрали, развѣ зъ мертвими козацкими трупами? И хиба они Лехи тое описуютъ за поражку на голову Войска Запорозского, же (и то сталося за несправностю обозного тогдашного) часть обозу Козацкого зъ трома штуками арматъ урвали, а въ лудехъ Войска Запорозского мало зашкодили, благодареніе Богу: бо по ревизіи того Войска Запорозского явилося забитихъ товариства— сѣмсотъ девятдесятъ пять, а ранихъ осмсотъ пятнацять.

Що тежъ трупомъ Козацкимъ Лехи на полмилѣ усланій именуютъ шляхъ, то подобно албо не досмотрѣлися добре, будучи въ военомъ тогда опалѣ, чіимъ найболшей тотъ шляхъ усланъ былъ трупомъ; албо нарочно лгутъ, и тую ложъ свою въ городахъ и селахъ для всенародного устрашенія произносятъ и разсѣваютъ. А ми вамъ истотне ознаймуемъ, же ихъ, Леховъ въ десяторе болше отъ нашихъ на той Кумейской войнѣ пало трупомъ, значного рядового товариства и служокъ ихъ. Поневажъ въ пять, чили въ шесть недѣль по войнѣ оной, два товариши значнихъ, а третій

(*) Того (?)

близкій служка писара Гетманского, Снѣжинскій, уходячи за свое певное проступство належитого караня, прибыли до Сѣчи Запорозской, и ни тилко словесную всему войску учинили реляцію, але и на писмѣ подали изчисленіе побитого Леховского товариства зъ служками; где показалося число палихъ труповъ дванацятъ тисячъ и двацятъ человѣковъ, кромѣ раненихъ тожъ числа немалого.

Прето, яко више наменилося, не вѣрте Ваша милость, братя наша, жаднимъ таковимъ Леховскимъ плевелемъ и пострахамъ, и безъ жадноѣ вонтпливости готуйтеся и прибирайтеся въ совокупленіе зъ нами, Войскомъ Запорозскимъ, на войну противъ ихъ. Однакъ тотъ приборъ, свой чинѣте скрито и невѣдомо, и сіи листи наши между собою вичитуйте подъ присягою, тайно, межъ людми своими добрими поуфалими, и всего добра упадаючой отчизнѣ своей Малоросійсвой желаючими. А Козаковъ реестровихъ, отродковъ и отщепенцовъ нашихъ, для власнихъ користей и приватъ своихъ, о упадокъ отчизни недбаючихъ, яко ядовитой ехидни стережѣтеся и крійтеся; бо скоро би тилко они о сихъ листахъ и о намѣреніи Войска Запорозскаго провѣдали и Лехамъ обманчливимъ панамъ своимъ о томъ извѣстили, то заразъ би интереса наши военіе мусѣли въ своихъ прокгресахъ шванковати, и до непомислнихъ (чого не дай Боже!) скутковъ приходити; а вамъ би окрутніе нанеслися мордерства отъ Леховъ, о сихъ листахъ нашихъ допитуючихся. Кгди-жъ и Кумейская война, зъ ними Лехами отправленая, не для чого инаго, толко для простоти и неосторожности братѣ нашей, въ домахъ своихъ жіючой, наволокла, хочай невеликое, Войску Запорозскому безчестіе и неславу: же листи тогдашного Гетмана Запорозского, въ народъ Малоросійскій посланіе, симъ листамъ нашимъ подобніе, вскорѣ неналежне досталися рукамъ Козаковъ реестровихъ, а отъ ихъ—Лехамъ; которихъ они силу зрозумѣвши, научилися совершенно якъ запобѣгти наступуючому злу своему, и якій

учинити встрентъ импрезѣ Войска Запорозского. И повторе теди пилно и горячо жадаемъ и совѣтуемъ до войни наступаючой прибѣратися, а Козаковъ реестровихъ, недруговъ своихъ и згубцовъ отчизни нашой власнихъ, зъ тимъ всѣмъ, щося тутъ виразило, яко искри злой стерегтися; и уповайте несумѣнно на милость Божію, покаравшую и помиловати насъ грѣшнихъ готовую! Чого всеусердно жичачи, желаемъ васъ, братю нашу, здоровихъ и радостнихъ въ совокупленіи зъ собою вскорѣ на Украинѣ оглядати и витати. Данъ зъ табору Войска Низового Запорозского, отъ Базувлука, року отъ Рождества Господня 1638, марта 20.

Остранинъ, Гетманъ
Войска Запорожскаго рукою (M. B. Z.)

Такихъ унѣверсаловъ шесть Гетманъ Остранинъ, презъ Козаковъ умнихъ, исправнихъ, розослалъ въ Украину Малоросійскую, по обоимъ сторонамъ рѣки Днѣпра зостаючую; а именно въ повѣти: Черкаскій, Бѣлоцерковскій, и Уманьскій: также по другой сторонѣ Днѣпра—въ Переяславскій, Нѣжинскій и Лубенскій, приказавши и научивши своихъ посланихъ, аби зъ помѣненихъ повѣтовъ и въ иншіе всѣ повѣти и уезди Малоросійскіе тіе унѣверсали Остраниновi розвозили, и скрито знаемимъ и поуфалимъ, а отчизнѣ своей Малоросійской зичливимъ людемъ вичитовали, и ко намѣренію Войска Запорозского ихъ на войну противъ Ляховъ совѣтами своими, при унѣверсалахъ онихъ, возбуждали и заохочали. Що любо исправили подлугъ науки посланіи Остраниновi, однакъ шило у мѣху не утаилося; поневажъ вскорѣ о тихъ унѣверсалахъ Остраниновихъ Ляхи чрезъ Козаковъ реестровихъ провѣдали, и яко взаемне во всю Малую Росію, по обоимъ сторонамъ рѣки Днѣпра зостаючую, розослали, завстягаючи народъ отъ наступаючихъ бунтовъ и устрашаючи великими и немилосердними каранями, свои

унѣверсали. Такъ и войска, по далшихъ консистенціяхъ бывшіи, въ купу до Лубенъ зтягнувши, знайдовалися въ належитой чулости и поготовости до даня встренту и отпору Остранинови, зъ войскомъ его Запорожскимъ, смотрячи недрементелнимъ окомъ туда, отколь найболше чаяли на себе козацкихъ вихровъ.

Положилемъ напредѣ унѣверсалъ Остраниновъ не для чого иншого, толко для того, же въ немъ отчасти суть виражени причини, для которихъ отъ Войска Запорозского противъ Ляховъ война чрезъ Остранина вщалася: бо, читаючи предлежащій, войну Остранинову описуючій діаріушъ Полскій, автора Околского, жадной причини въ немъ не видѣлемъ, для чого бы тая война зачалася; едно тилко ганба, ребеллѣя, укоризна и всякое безчестіе войску Запорозскому, а Полскому честь и хвала приписуется, зъ придаткомъ многихъ отъ автора ласканій и похлѣбствъ. Претожъ хто колвекъ будетъ читати діаріушъ той Околского, зде полагаемій, войни Козацкой зъ Поляками и унѣверсалъ Остраниновъ, можетъ войну тую зрозумѣти и признати, же зъ причинъ слушнихъ и отмщенія годнихъ, вибухнулъ огнь войни оной Козацкой противъ Поляковъ. Кгди-жъ если безсловесніе звѣри, будучи въ запертю, при всякомъ доволствѣ отъ господъ своихъ, натуральнимъ правомъ звикли все тое доволство уничтожати, и всякимъ способомъ, вожделѣнной себѣ ищучи свободи, яритися и устремлятися на ихъ, господъ своихъ: то кое диво и кой грѣхъ, же козакъ, человѣкъ разумній и въ Православной вѣри церкви Святія Восточнія безъ зазору обрѣтаючійся, за свои обиди и незносніе бѣдства поднеслъ свое оружіе на обедителей и отщепенцовъ Ляховъ, чаючи чрезъ тое доискатися прежнихъ своихъ желаемихъ волностей? Прочее же, для лучшого вѣденія тоей зъ Поляками Остраниновой войни дѣянія, полагается здесь копія діаріуша пречечоного Полского; занеже

въ лѣтописцахъ Козацкихъ не обрѣтохъ ни единого, войну тую досконале описати восхотѣвшого. А нимъ зачнется тотъ діаріушъ, полагаю тутъ зъ Козацкой и Лядской сторони имена персонъ тихъ, которіе въ обоихъ войскахъ были начальниками, и, до нещадной крвѣ человѣческой, пролитія предводителми.

Въ тое время, то есть 1638 року, былъ Королъ Полскій и Шведскій Владиславъ четвертій, иже коронованъ въ року 1643. А Гетманъ великій Короній былъ Владиславъ на Конець-Полю Конець-Полскій; но ни Король, ани Гетманъ сей въ той войнѣ не знайдовалися.

Были зась на войнѣ оной зъ сторони Полской:

Миколай зъ Потока Потоцкій, Воевода Брацлавскій, Гетманъ Полній Короній, Генералъ Подолскій, Каменецкій, Лятичовскій, Нѣжинскій Староста.

Станиславъ зъ Потока Потоцкій Воеводичъ Брацлавскій; братъ родній Гетману Полному, Воеводѣ Брацлавскому, Ротмистръ Его Королевской Милости. Сей отъ брата своего, Гетмана Полного, на Украинѣ зъ войскомъ Полскимъ зоставленъ былъ тогда Енералнимъ Полковникомъ надъ всѣмъ войскомъ. Онъ же, Енералній Полковникъ, въ небытности власнихъ Полковниковъ, учинилъ иныхъ чтирохъ Полковниковъ; а именно: Поручника Пана Воеводи Подолского Блажеіовского; Длоровского; Поручника Княая Еремѣя Вишневецкого, Владисла́ва Ташицкого; Поручника Маргграби Старости Гродецкого; Кохана Ротмистра—Обознимъ, а Ротмистра иного чулого поставилъ стражникомъ.

Особно зъ войскомъ своимъ былъ Князь Еремѣй Вишневецкій, а Князь Домѣникъ Владиславъ былъ тамъ зъ войскомъ канцеляриной и конюшиной.

Гетманъ зась Полній зъ войсками множайшими, конними и пѣхотними, и зъ арматою отъ Кіева и Переяславля прибылъ уже лѣтомъ, на устю Старца, до окоповъ Козацкихъ.

Зъ стороны Козацкой на той войнѣ тіи были началники:

Гетманъ Стефанъ Остраниинъ: а по немъ Гетманъ другій Дмитро Гуня.

Полковники при нихъ бывшіе:

Скиданъ, Гиравій. Шекеравій, Павлюкъ, Пожарскій, Иванъ Пешта, Иванъ Бояринъ, Василь Соколъ, Филоненко и Романъ Пешта.

Другіи Полковники, которіи не пришли до злученняся зъ войскомъ Остраниновимъ, но на розныхъ мѣсцахъ чрезъ Ляховъ зостали розгромлении:

Путивлецъ, Мурка, Рѣпка: сіи подъ Лубнями, по виданю Ляхамъ Путивлца, чрезъ пароль зостали розбити отъ Ляховъ. Солома, Сава Кіовлянинъ: сіи на инщихъ розныхъ мѣсцахъ суть разгромлени чрезъ Поляковъ и реестровихъ Козаковъ.

По виданю Путивлца Полякамъ подъ Лубнями, поставленъ былъ въ войску Козацкомъ на мѣсцу его Полковникомъ Иванъ Василіевичъ, которій войско Путивлцево приводилъ кланятися Полякомъ, и самого Остранина мѣлъ на тое-жъ привести; но не дождалъ того исполнити: положивши свою голову тамъ же, где и все войско Путивлцево надъ пароль отъ Ляховъ свои голови положило.

И теперь недалеко отъ Лубенъ есть урочище, Путивлецъ називаемое, для того, же тамъ войско Путивлцево чрезъ здраду Лядскую розбито зостало.

ЗАПИСКИ

МАТВЕЯ ТИТЛОВСКАГО

1620—1621.

ИСТОРІЯ

о двухъ Султана Турецкого Османа Гордаго: о первой— при урочищѣ, називаемомъ Цѣцора, 1620 года подъ видомъ мира коварной, а о другой 1621 года насилственной, недалеко города Хотина съ Поляками и козаками бывшихъ войнахъ; такъже и о иныхъ, тогдашнихъ и въ посьлѣднія вьремена, по 1638 годъ произходящихъ, важнихъ приключеніяхъ, историка полскаго Тимофея Титловскаго и на вѣрнихъ руськихъ лѣтописахъ

УТВЕРЖДЕННАЯ

и абшитованимъ полковымъ обознимъ Стефаномъ Василевимъ синомъ Лукомскимъ, ради полезнаго удоволствованія любопитнаго читателя, слѣдующимъ по годамъ порядкомъ,

СОБРАННАЯ

въ городѣ Прилуки 1770 году.

ИСТОРІЯ

о двухъ походахъ Султана Османа Гордаго.

1620 — 1621.

Сія исторія доказивать имѣеть разнія минувшаго вѣка годовия въ Руссіи, въ Украинѣ, въ Полшѣ и индѣ произсшествия такимъ порядкомъ, какъ слѣдующия краткия выписки изьяснять и въ самой исторіи предводительствовать будуть:

1606 году Петръ Конашевичь Сагайдачній городъ турец- 1
кій Кефу вьзялъ и многихъ Християнъ отъ неволи осьвободилъ.

1620 года гетманъ Самойло Кошка на урочищѣ, прозива- 2
емомъ Цоціора, Турьками убитъ и въ городѣ Каневѣ погребенъ.

Тогожъ года насталъ по немъ гетманомъ Бородавка, 3
Кримъ онъ воевалъ, котораго Петръ Сагайдачній убилъ. Онъ, Сагайдачній, гетманомъ отъ козаковъ избранъ, понеже его не токмо козаки, но и Поляки любили.

Тогожъ 1620 года турецкій Султанъ, Гордій Османъ воз- 4
двигъ противъ Поляковъ и козаковъ первую коварную, подъ

видомъ мира, войну; на той войнѣ гетманъ коронній Жолковскій убитъ, да и многіе Поляки и козаки Турками побити, а оставшиеся въ живихъ, едва бѣгомъ спаслися, тамъже и Ми-
5 хайло Хмелвицкій, сотникъ Чигиринскій, отецъ Зѣновья Хмелницкаго Турками убитъ, а синъ его, Зѣновій въ неволю попался, котораго однако козаки выкупили.

6 Тотъ Михайло Хмелницкій реченаго сина своего Зѣновія отдавалъ въ наученіе въ латинскія школи: перво въ Кіевъ, а потомъ въ Ярославле, что надъ рѣкою Саномъ. Тамъ нѣкоторое объ немъ провѣщаваніе Езуиты изъясняли, а какое, исторія скажетъ.

7 Тогожъ 1620 года гетманъ Сагайдачъвій просилъ короля Жигмонта третьяго, дабы унія у нихъ, со всей Руссіи и изъ Украины сънесена была, но король, толко проволоку дѣлая, никакой резолюціи на его прошеніе не учинилъ, однако патриярхъ Иерусалимскій, Ѳеофанъ, будучи тогда въ Киевѣ, митрополитомъ кіевскимъ Іова Борецкого, а въ другие епископства епископовъ православнихъ, на мѣсто въладиковъ униятскихъ, посвятилъ и такъ тую проклятую унію со всей Руссіи и изъ Украины прочь прогналъ.

8 1621 году тотъже турецкій султанъ Османъ, желая Полшу нетокмо овладѣть, но и поглотить, своего войска: Турковъ 300,000, а ханъ кримскій Татаръ 100,000, и того 400,000 собралъ и держалъ въ готовосты.

Король Жигмонтъ III, о семъ изъвѣстясь, также своего войска собралъ 136,000, а съ синомъ его принцомъ Въладиславомъ 30,000, и того 166,000, въ томъ числѣ съ гетманомъ Сагайдачнимъ козаковъ 40,000 и, определя надъ оннмъ Карла Ходкевича главнокомандующимъ, до Хотина отправилъ тое войско. Переправлясь чрезъ рѣку Днѣстръ, недалеко онаго города лагиромъ расположилось; особливожъ онъ, король Богдана Зѣновия Хмелницкаго съ 10,000 козаками на Чорное море, Днѣпромъ, въ судънахъ, для дѣланія и тамъ надъ Турками поисковъ, послалъ.

Турецкій султанъ Османъ, прибивъ къ оному полскому войску съ несказанною горъдостію и надменнимъ устращеніемъ, самъ свои обози, предь очима всего полскаго войска заводилъ; и такъ сентября 2 числа сию войну насилственную началъ, которая до заключенія октября, по 2 число продолжалась, какогожъ тамъ повседневнія сраженія многочисленьния убійства и отъ труповъ турецкихъ смради и другия тяжчайшия нужди происходили, и какой миръ обѣ сторони заключили, и какимъ обрядомъ, по заключеніи онаго мира, другъ отъ друга разлучились, о томъ въсемъ история слѣдующая перескажетъ, да и сколко отъ какой сторони на всѣхъ сраженияхъ убито и ранено, съ той же исторіи явственно будеть.

Принцъ Владиславъ, по отходѣ Турковъ, стоячи съ войскомъ еще на старомъ лагирѣ всѣ турецькие лагирния укрѣпления осматривалъ, а потомъ, на новій лагирь перешедь, войска польскаго болнихъ и раненихъ въ домы отпустилъ; веселился онъ съ генералитетомъ (а Ходькевичь естественною смертію умре) и зъ прочіними чинами при пушечной и ручной палбѣ, гетмана Сагайдачного раненаго посѣщая, многими дорогими вещми и напитками дарилъ; да и козаковъ вьсѣхъ болнихъ, раненихъ и зьдоровихъ, съ собою оставленихъ, напитками и харчами доволствовалъ, а потомъ гетмана Сагайдачного и все войско козацкое въ доми отпустилъ, но токмо 5,000 козаковъ въ Хотини оставилъ, да и санъ со всѣмъ полскимъ войскомъ октября 24-ого числа въ Краковъ къ отцу королѣ пошолъ. 9

Какъ гетманъ Сагайдачній съ онаго походу прибилъ въ домъ въ Киевъ, то козаки, съ нимъ же пришедшіе, жалились ему на господъ первѣйшихъ полскихъ и на ихъ прикажчиковъ, что матерей женъ и дѣтей ихъ, по отсшествіи ихъ въ тотъ походъ, къ господскимъ работизнамъ, вязаніями, біеніями и развими мученіями силно принуждали, толкожъ тѣ ихъ жалобы ничего не успѣли, а между тѣмъ во скорѣ жаловане отъ короля Жигмонта III съ грамотою его, при нарочномъ къ нему, гетману, на все войско козацкое, для подѣлки прислано, а 10

по сколко, и на какіе чини, и какою монетою, и въ какой силѣ оная грамота, слѣдующая исторія раскажеть.

11 1622 году февраля 15 числа гетманъ Сагайдачній благодарилъ государу королю Жигмонту за присылку объявленнаго жалованья и за доктора, которій его въ походѣ и въ домѣ лѣчилъ, при томъ же короля просилъ, чтобы козаки были содержани при прежнихъ правахъ и волностяхъ не нарушно и чтобъ козаки отъ него, короля въ томъ особливо строгими указами были защищени, дабы оны чего новаго, какъ то уже и поговариваютъ, не зачали. Какіяжъ Поляки имъ порабощенія начали дѣлать, о семъ изъяснить слѣдующая исторія.

12 Тогожъ 1622 года, въ маи мѣсяцѣ гетманъ Сагайдачній преставился и въ Богоявленскомъ Кіево-Братскомъ монастирѣ погребенъ, по егожъ завѣщанію, о чемъ таяжъ исторія скажеть.

13 По смерти онаго гетмана Сагайдачнаго, какія несносныя бѣдствія и какія во всей Украинѣ, по обоимъ сторонамъ рѣки Днѣпра горестнія отягощенія отъ Поляковъ козакамъ и народу православному происходили, о семь таяжъ исторія раскажеть.

14 1628 году козаки, собравшись, избрали себѣ гетманомъ козака Тараса, напротивъ того гетманъ короннiй многую своихъ силу виправилъ. Козаки, вьступя съ ними въ сраженіе подъ Переяславлемъ, всѣхъ почти до единаго побили и знамя ихъ гусарское сьтрѣлбою своею все подиравили, какъ таяжъ исторія раскажеть.

15 1629 году Богданъ Хмелницкій двухъ Контимировъ Турецкихъ согласьщиковъ, словивъ, королю плѣниками отдалъ.

16 Тогожъ года Поляки, во отмщеніе козакамъ за переясловскую надъ собою побѣду, какія козакамъ убійства явно и тайно, а украинскому народу жесточайшія отягощенія дѣлали, о семъ раскажетъ таяжъ исторія.

17 1631 году митрополитъ кіевскій Іовъ Борецкій преставился, а на мѣсто его посвященъ архимандритъ печерскій Петръ Могила; читать туюжъ исторію.

1633 году былъ гетманомъ Запорожскимъ Сулима, какіяжъ отъ него воинскія дѣйства происходили, и какъ онъ городъ турецкій Азовъ възялъ, и коею смертію умре, читать тужъ исторію. 18

1637 году козаки избрали гетманомъ Павлюка, какіяжъ отъ него противъ Поляковъ военія дѣйства происходили и коею такъ же поносною смертію умре, о семъ таяжъ исторія раскажеть. 19

Тогожъ года козаки запорожскіе, согласясь съ донскими, городъ турецкій Азовъ штурмомъ взяли и тѣмъ сія исторія окончивается. 20

ИСТОРІЯ

НАСТОЯЩАЯ

*) 1606 году Петръ Коношевичъ Сагайдачній, отозвавшись гетманомъ, хотячи своего щастія отвѣдать, ходилъ съ войскомъ запорожскимъ водними судами подъ Кефу, городъ турецкій, 1
тотъ городъ своевавши и съ неволѣ многихъ Христіянъ освободивши, съ пребогатими користми изъ Чорного моря въ Украину возвратилъся, ради которой знатной прислуги его, Поляки зѣло его возлюбили и козаки, его весма почитая, ему доброжелателствовали.

1620 года гетманъ Козацкій Самойло Кошка съ козаками, при гетманѣ коронномъ Жолковскомъ, во время Султана 2
турецкаго Османа Гордаго, на коварной, подъ видомъ мира съ Поляками, на урочищѣ, прозиваемомъ Цоціора, войнѣ на-

*) Русская Лѣтопись достовѣрная.

ходился, но взятъ ли онъ Турками въ полонъ и викупилиль его Козаки изъ того полону, такъ какъ Зѣновія Богдана Хмелницкого или ни, неизвѣстно, токмо сіе за подлинно вѣстимо, что онъ гетманъ Кошка въ городѣ украинскомъ Каневѣ погребенъ, чего въ доказательство тамъ его гробъ свѣдителствуетъ.

3 Тогожъ года, по гетманѣ Кошкѣ избранъ Козаками гетманомъ Бородавка, которій Кримъ воевалъ, однако его, за непостоянство и за пянство его Петръ Конашевичъ Сагайдачній убилъ, и онъ, Сагайдачній, гетманомъ отъ козаковъ избранъ и отъ короля Жигмонта III подтвержденъ, понеже его какъ више сего сказано не токмо Козаки, но и всѣ Поляки любили.

*) Тогожъ 1620 года Султанъ Турецкій, помянутій Османъ съ королемъ Жигмонтомъ III, чтобъ отъ обоихъ сторонъ, происходящія до сего въремени нападенія и разоренія разобрать и, прекратя онія, миромъ успокоить, обще чрезъ обостороннихъ комисарей на томъ и постановили, но Султанъ оній подъ тѣмъ видомъ, желая королевствомъ Полскимъ овладѣть, къ той комисіи опредилилъ человѣка прехитраго и кровы Христіянской ненаситнѣ жаждущаго, Скендеръ-Пашу, которому секретно повелѣлъ многочисленную армію собьрать и съ Поляками настоящую войну начать, а для вида далъ ему толко 4,000 Турокъ. Тотъ Скендеръ-Паша, виступя въ походъ, войска: Турокъ 70,000, и Волоховъ 20,000, Мултянъ 10,000, Венгеровъ 7,000, всего 107,000 и велѣлъ имъ за рѣкою Дунаемъ стоять въ поготовности, а самъ, съ тѣми 4,000 Турокъ, переправлясь чрезъ Дунай и за рѣкою ставши, польскаго комисара наджидалъ, король Жигмонтъ гетмана короннаго Жолковскаго, къ томужъ разбору и примиренію комисаромъ назначилъ. Тотъ гетманъ, не требуя Запорожскихъ Козаковъ, но самихъ толко городовихъ и при нихъ гетмана ихъ Кошку и Поляковъ, коихъ въсѣхъ не было больше какъ сѣмъ тисячь, взялъ съ собою, къ

*) Историкъ Полскій Титловскій.

рѣкѣ Дунаю пришолъ и тамъ оніи Скендеръ-Паша съ гетманомъ Жолковскимъ, по общому между собою согласію, для съезду избрали мѣсто на урочищѣ, прозиваемомъ Цеціора.

*) Скендеръ Паша, усмотря при гетманѣ Полскомъ малолюдство, со всѣмъ онимъ многочисленнимъ своимъ войскомъ Полскій обозъ нечаянно окружилъ и со всѣхъ сторонъ (разорвавши съ Полшею миръ) на тотъ обозъ такъ силно какъ непріятель наступилъ, а Поляки и Козаки не хитростію, но отважнимъ духомъ, по поощренію своего гетмана, тогожъ дни три раза, толь храбріи противъ своихъ непріятелей отпоръ чинили, что ихъ и отъ себе отбили, и себѣ къ обратному маршу дорогу очистили, и такъ, съ того въремени чрезъ 23 дни обратно къ Днѣстру слѣдуя, и въ пути непрестано отбиваясь, непріятелскаго войска около 30,000 умертвили, наконецъ 24 дни весь обозъ полскій непріятелми възятъ и многіи Поляки и Козаки, да и самъ гетманъ полскій Жолковскій побиты, (а о гетманѣ козацкомъ, Самойлѣ Кошкѣ выше сего подъ номеромъ 2-е сказано). Чтоже Поляковъ и Козаковъ въ живихъ осталось отъ той Турецкой побѣди, тѣ разними путы въсякъ, въ отечество возвратились. Тогда вся Полша, о такомъ нечаянномъ отъ вѣроломнаго непріятеля пораженіи, неутолимо плакали и всѣ единодушно кричали: мы хотя всѣ помремъ, однако вѣроломному тому непріятелю мстить готовы. 4

**) Михаилъ Хмелницкій, сотникъ Козацкій, которій съ Чигирина съ Козаками тамошними, въ вишереченій походъ былъ възятъ, тамъ же убитъ, а синъ его, Михайла—Зѣновій Хмельницкій съ нимъ, отцомъ, въ тотъ же походъ для присматриванія къ военному дѣлу былъ възятъ, онаго живаго непріятели въ полонъ възяли, одънако по двухъ годахъ козаки плѣникомъ же изъ той неволи его викупили. 5

***) Историкъ Польскій Веспасіянъ Коховскій виводитъ начало 6

*) Матвей Титловскій въ своемъ діаріушѣ или въ повседной запискѣ.

**) Лѣтопись Русская.

***) Историкъ полскій Коховскій.

рода Михайла Хмелницкаго изъ Жмудской земли; а по иныхъ свѣдителетву и по Руской лѣтописи *) онъ, Михайло Хмелницкій—родомъ изъ Украинскаго города Лисянки, и когда старинній городъ Козацкій—Чигиринъ, отъ короля Полскаго въновъ на староство переменень, и тое староство воеводѣ Рускому, Ивану Даниловичу Жолковскому жаловано, то онъ, Михайло Хмелницкій, пришедъ туда, съдѣланъ былъ писаромъ, для записки податей, изъ народа тамошнего оному старостѣ принадлежащихъ, въ которомъ званіи мало поживъ, сплодилъ сего сина Зѣновія, котораго отъ младихъ лѣтъ отдалъ въ наученіе: первѣе въ Кіевъ, а потомъ въ городъ, что надъ рѣкою Саномъ, въ Ярославле, до Езуитовъ и тамъ, въ наученіи проводилъ свои лѣта до совершеннаго возрасъта. Будучомужъ ему тамъ еще отрокомъ, приключился такой случай удивленія достойній: когда онъ около костела съ соучениками прохаживался, то вихоръ изъ той компаніи, его самаго бѣгающаго, ногами подхватя, трижды въкругъ онаго костела обнесъ и на томъ мѣстѣ, изъ котораго подхваченъ, опять его поставилъ. Езуиты сіе странное, небывалое приключеніе разніи розно разсуждали, однакожъ, тѣмъ согласно заключили, провѣщавая: будетъ де отъ сего отрока великое на костелъ Римскій гоненіе. И такъ онъ, Хмелницкій Зѣновій, окончивъ тамъ свои ученія, къ отцу своему Михайлу, въ Чигиринъ возвратился.

7 **) Тогожъ 1620 года гетманъ Петръ Конашевичъ Сагайдачній, къ королю Жигмонту III писалъ съ прошеніемъ, чтобъ унія изъ Русѣ была изънесена и, хотя король ему въ прошеніи его не отказывалъ, однако, проволѣкая, ничего не зьдѣлалъ, однако гетманъ Сагайдачный тую унію такимъ образомъ опровергъ: святѣйшій патріярхъ іерусалимскій, Θеофанъ, едучи изъ Москви, прибылъ въ Кіевъ и, за позволеніемъ короля Жигмонта, нѣсколко времени прожилъ въ Кіевѣ. Гетманъ Сагайдачній, яко ревнитель святаго благо-

*) Русская Лѣтопись достовѣрная.

**) Русская Лѣтопись достовѣрная.

честія, его, святѣйшаго патріярху радостьтію принялъ и со сподручними своими, православними Руссами онаго патріярха упросили, чтобъ онъ имъ православнихъ на мѣсто уніатскихъ въладиковъ посвятилъ тѣхъ, коихъ они сами чесних и умнихъ согласно избрали. Святѣйшій патріярхъ, увидѣвшись съ экзархомъ престола апостолскаго Константинополскаго, тогда въ Кіевѣ бывшимъ, тѣхъ особъ избраннихъ, а имянно: Іова Борецкаго на митрополію Кіевскую, а въ другіе епископства достойнихъ людей, хиротонизовалъ, когдажъ тотъ святѣйшій патріярхъ изъ города Кіева, въ Грецію отъездилъ, то гетманъ Сагайдачній, за вѣдомомъ короля Жигмонта, даже до границы волоской, съ козацкимъ войскомъ его проводилъ, со всякимъ отъ всѣхъ благодареніемъ и такъ, отъ святѣйшаго онаго патріярхи получа со всѣмъ войскомъ благословеніе, въ домъ свой въ Кіевъ возвратился.

*) 1621 года король полскій Жигмонтъ III заподлинно извѣстился, что султанъ турецкій, помянутій Османъ гордій Полшею нетокмо овладѣть, но и поглотить оную желая, войска собравъ: Туровъ 300,000, а Татаръ 100,000, съ онимъ на Полшу иттить крайне изъготовляется, созвалъ сеймъ въ Варшаву; на томъ сеймѣ Карлъ Ходкевичъ, мужъ великой храбросты и искуства въ воинскихъ дѣлахъ, главнимъ надъ всею полскою арміею генераломъ избранъ; съ того сейму посилано было до околичнихъ потентатовъ христіянскихъ, съ прошеніемъ помощи, токможъ оной ниоткуду не прислано. И такъ король Жигмонтъ виправилъ козаковъ 10,000, опредѣливъ надъ ними главнимъ предводителемъ Богдана Зѣновія Хмелницкаго, на Чорное море въсякіе турецкіе припаси перенимать и государство турецкое разорять. Генералъ Ходкевичъ войска полскаго собьралъ: конницы въ латахъ желѣзнихъ съ копіями 10,000, панцѣрнихъ 3,000, козаковъ съ гетманомъ козацкимъ Петромъ Сагайдачнимъ 40,000, пѣхоти полской 30,000, Прусовъ и Помаранцовъ 50,000, 8

*) Историкъ Полскій Матвей Титловскій.

Венгеровъ платнихъ 3,000, всего 136,000. Съ тѣмъ войскомъ, переправлясь чрезъ Днѣстръ, въ волоской землѣ, недалеко отъ города Хотина, на мѣстѣ пристойномъ, послѣдняго числа августа, свои обози поставилъ, перваго числа сентября окопами и рвами укрѣпилъ.

Тутъ реченій авторъ, Титловскій описиваетъ сію войну повседневними числами, начавъ сентября отъ 2 числа, а окончиваетъ въ октябрѣ слѣдующимъ образомъ:

Сентября 2 числа. Генералъ Ходкевичъ предъ симъ восмаго дни виправилъ нѣсколко тисячъ козаковъ, чтобъ непріятелю, къ нимъ слѣдуючому, по дорогамъ, на кривизнахъ, наездами своими пакостили, кои козаки повеленное охотно исполнивши, и, сего числа съ непріятелми сражавшись, даже къ обозамъ ихъ, за ними прогнались. Султанъ турецкій Османъ предъ очима полскими самъ свои обози заводилъ, партія турецкая, подъ обозъ полскій подступая, непрестанними наездами съ полскимъ войскомъ перестрѣливались, изъ которой партіи Турковъ 1080 пало и многіи изъ нихъ изблизка копѣями и саблями, а издаль пушками полскими раненіи, въ своемъ обозѣ умирали, а въ полскомъ обозѣ толко 50 человѣкъ убито, а 30 ранено, Османъ турецкій султанъ передъ вечеромъ прислалъ къ генералу полскому Ходькевичу нѣсколкихъ Волоховъ знатьныхъ, якобы привѣтствовать его, а въ самой вещи, чтобъ зажечъ полскіе обози, изъ коихъ Волоховъ, одинъ въ полскомъ обозѣ, съ зажигатѣлными матеріялами съловленій, на питкѣ сказавъ, что де онъ и товариши его, точно для зажженія обозовъ полскихъ нарочно прислани, коимъ всѣмъ Волохомъ, такъ секретно голови отсѣчени, что мало кто и съ Поляковъ вѣдалъ, а Турки вовся незнали. Генералъ Ходкевичъ ноччю, въкругъ обозу своего, на многихъ мѣстахъ сухихъ дровъ въ кучи наносить и запалить повелѣлъ, козаковъ 8,000, изъ обозовъ вывелъ, а пехоту прускую на челѣ засадилъ. Султанъ турецкій,

---

Тотъ же Историкъ Полскій.

увидя въ обозѣ полскомъ огнѣ высокопаляющіе, и думая, что посланіи его Волохи обозъ полскій запалили, войско свое на обозъ послалъ. Скоро тѣ Турки къ обозу полскому близко пришли, заразъ козаки ихъ окружили, изъ другой сторони пруская пѣхота обще ихъ рубыли, кололи и убывали. Турки, не могучи опертись, иніе въ огонь убѣгали, а другіе живіе, между трупами своихъ мертвихъ укривались, а иніи къ своимъ обозамъ утѣкали; однако чаусы назадъ до бытвы ихъ гонили и такъ чрезъ всю ночь козаки и пѣхота пруськая Турокъ жестоко убивали; даже день обѣ сторони отъ сей войни разъвелъ, остатокъже до обозу своего убѣжали.

3-го числа султанъ турецкій, видя что Поляки его прошедшой ночи отманули, съ троихъ сторонъ, то есть на саміе козацкіе обозы, даже до послѣднѣйшаго полку полской дивизіи устремително многихъ Турковъ наслалъ и, чрезъ весь день, жестоко обѣ сторони былися, пока Турки передъ захожденіемъ солнца, въ свой лагиръ ступили и такъ въчерашней ночи и сего дни Турокъ болше 20,000 убыто.

Сегодни свѣтлѣйшій принцъ Владиславъ, короля Жигмонта III синъ, съ 30,000 легкаго войска и съ многими припасами къ лагеру полскому пришелъ благополучно.

4 числа султанъ рано, по восхожденіи солнца, въсѣми силами перво на козацкій лагеръ напалъ. Турки въ тотъ лагиръ съ ручного ружжа и съ пушекъ ужасно палили, а козаки изъ лагира весма великодушно отбивалися. Сей бой съ козаками продолжался чрезъ пять часовъ, пока Турки отступили. Въ другой разъ на полское войско напали, толкожъ и тамъ яничари всѣ сперты и до единаго побыты. Въ третой разъ еще отважились на козацкій обозъ ударитъ всѣми силами, но и тамъ великій уронъ получивши, хотя и притворно уступили. ибо какъ бы за часъ предъ захожденіемъ солнца Туркамъ каза-

---

Тотъ же Историкъ Полскій.

лось, будто Козаки къ своимъ обозамъ уступаютъ, жестоко на нихъ опять натерли, но козаки пѣшіи, здѣлавъ изъ своего обозу вилазку и совокупясь съ конницею полскою, на помощъ къ нимъ отъ генерала Ходкевича присьланою, въ силное кривавое сраженіе съ Турками вступивши, многихъ ихъ трупами положили и, кто изъ нихъ живъ остался, даже до обозу ихъ пригналы и, гоначи, ихъ пещадно кололы и сѣклы; на томъ сраженіи много турецкихъ пушекъ взяли и съ великою добычею въ обозъ свой возвратились. Тотъ ужасній бой заохотилъ было и самаго султана на опій же присматриваться, но, видя великое своихъ паденіе, въ лагиръ свой убѣжать принужъденъ былъ. Въ томъ цѣлодневномъ сраженіи пало Турковъ болше 15,000, самихъ яничаръ убыто 3,000, а въ полскомъ обозѣ не великій уронъ явился.

5 числа состоялось съ обоихъ сторонъ согласное для погрѣбанія мертвихъ перемирье, чтобы смрадъ, изъ труповъ происходящій не повреждалъ обоихъ войскъ; ибо сего дны жаръ солнечній толь сылно дѣйствовалъ, что рады онаго смрада въ день погрѣбать мертвихъ ни какъ было возможно, чего для Турки съ факалами труны своихъ погрѣбалы и сегожъ дни на свѣжое мѣсто лагиромъ назадъ поступили.

6 числа изъ турецкаго лагира козакъ, бывшій въ неволѣ сѣмь лѣтъ, въ лагирь полскій убѣжавъ, разсказивалъ, что на прежде бывшихъ приступахъ убито самихъ яничаръ 4,000, спеговъ 300, а Турокъ и Татаръ болѣе 40,000, рады котораго де урону султанъ велмы сьмѣшался, ибо де и голодъ въ нихъ такой начинался, что Турки, лагиръ покинувши, утѣкать хотѣли, коихъ султанъ, заохочивая къ воинскимъ подвигамъ, едва жалованьемъ удержалъ, а лагирь свой, по пригоркамъ разведеній, тѣсняе поставить повелѣлъ; да тотъже козакъ плѣнникъ и сіе прибавилъ: Турки де между собою разговариваютъ, что козаки на Чорномъ морѣ суденъ турецкихъ, пушками наполненихъ,

---

Тотъ же Историкъ Полскій.

двадцять разбыли, а въ морѣ потопили, дай около Цариграда, подъ стѣни городскіе подбѣгая суднами, многихъ царигородцовъ перестрашили; на утреннiй день Туркамъ къ приступу въ лагирѣ пріуготовлятся велено. Тоже и пойманіе Турки подтверждали.

7 числа, какъ толко день насталъ, многочисленніе турецкіе полки, ужасній крикъ учинивши, и скоро на лошадяхъ бѣгучи, на обозы козацкіе напали и, противъ нихъ на гору стоящую, пушки стащивши, съ онихъ горючими пулями на козаковъ стрѣляли. Козаки тѣ штурми турецкіе, изъ полтараста пушекъ на нихъ непрестанно гримящихъ, витерпѣвши, мужествено противъ нихъ стояли и, хотя малую часть своихъ потеряли, одьнако, имѣючи при себѣ прусскую пѣхоту, силній отпоръ имъ дѣлали. Турки по полудни, отъ козацкого войска отступля, сьвѣжимъ своимъ войскомъ на Поляковъ ударилы и и на лагирь ихъ, какъ слѣпіи, на полское оружіе сами жесьтоко лошадми прискакивали, на вали и на болварки обозовіи съ лошадей бросаясь, възлазивали, а Поляки ихъ какъ скотину кололи, сѣклы, убывали, козакижъ, отъ другой сторони своего лагира, чрезъ трупи ихъ въ кучахъ лежащіе, какъ чрезъ болото кровію ихъ наполненно, переступая, Турьковъ и Татарь даже до лагира ихъ гонячи, мертвили. Такой ужасной бой чрезъ сей весь день продолжался, полегло сего дны трупамы Турокъ и Татаръ на полѣ и во рвахъ болѣе 40,000, а отъ сторони полской не болше какъ 300 человѣкъ, да тамъже двухъ нашей убито, Турки въ третіемъ часѣ ночи великими толпамы на томъ полѣ, на которомъ сраженія происходили, со свѣчами ходя, воплилы и, ридая, трупи своихъ побытихъ во рвахъ и въ ямахъ хоронили, да при томъ, нѣкотораго знатнаго Турчина убитаго, тѣла между трупами искалы, о семъже Турки пойманніи Полякамъ говорили, что имѣетъ быть сей же ночи отъ турецкаго войска, къ полскимъ обозамъ силній приступъ. Генералъ

Тотъ же Историкъ Полскій.

полскій, во мѣсто посѣщенія гетмана козацкого Петра Сагайдачного и козаковъ ранениxъ пришедши въ обозъ козацкій, и о томъ турецкомъ приступѣ извѣстясь, имъ совѣтовалъ, чтобъ они, часто, оружейно, на лошадяхъ сидя, были въ крайнѣйшей готовности, и придалъ къ нимъ еще полкъ пѣхоты пруской, которая межъ козаками заразъ была и разставлена; толкожъ тая ночь тихо пройшла.

8 числа рано партія турецкаго войска на полѣ битвы стала въ чолѣ, а по обоимъ сторонамъ Татаръ великое множество, въмѣстѣ совокупясь, и учиня крикъ ужасній, на лагирь козацкій, противъ ихъ лежащій, сильно устремились; а козаки на своемъ мѣстѣ тихо стояли, дабы непріятели, къ нимъ ближе прискакавши, способняе поражени быть могли ихъ стрѣлбою козачею; Татари, ихъ обьежжая, на нихъ стрѣлки изъ луковъ пускалы, яничары во рвы козацкіе въскакивали, козаки, стройно ставши, такой силной огонь съ мушкетовъ на нихъ сблизка далы, что обозы козацкіе, огнемъ горащіе, казались тутъ въ диму и въ пилѣ. Битва сперва казалась сомнительною, потомъ Татари, безъ оружій отъ обозу козацкого утѣкають, яничари на приступѣ крѣпкомъ стоять, а после и плечи начали показывать и убѣгать, изъ коихъ: однѣхъ козаки какъ скотъ гонять, другихъ пруская пѣхота ломить, иніижъ къ своимъ обозамъ утѣкають, изъ мертвыхъ и раненихъ кровъ потоками ліется. Сіе пораженіе непріятелей, съ великимъ крови ихъ пролитіемъ, около четирехъ часовъ продолжалось и такъ передъ обозомъ козацкимъ, въ самихъ рвахъ: яничаровъ 3,000, спаговъ 300 полегло, кои трупи пруская пѣхота, далѣе отъ обозовъ отволокши, а ободравши, на кучи складали и, смрадъ отъ онихъ происходящій, огнемъ отгонилы, отъ козачей же и отъ полской сторони немного было урону.

9 числа султанъ турецкій, отъ полунощи вывелъ все войско свое въ поле; генералъ полскій отъ бастилий (sic) неотгова-

---

Тотъ же Историкъ Полскій.

ривался. Войска съ обоихъ сторонъ въ готовности стояли, толькожъ ничего не дѣйствовалы, кромѣ изъ окоповъ и болверковъ перестрѣливались, однакожъ яничары подъ лагиръ козацкій усилно штурмовались, коихъ козаки, переночовавши, прочь прогнали. Той же ночи передался къ полякамъ Бутъ, который говорилъ, что спаговъ, въ передъ Яничаровъ на приступъ шедшихъ, около 200, а яничаръ 2,000 убито.

10 числа. Сей день Турки, бѣдами утружденіи, опочивали, а Ханъ кримскій, мостомъ, отъ Поляковъ прежде здѣланнимъ, съ многочислѣнными ордами, чрезъ рѣку Днѣстръ переправясь, на самимъ главномъ въ Полшу тракту лагиромъ сталъ и, отдѣливши часть кримской орди, въ Подолію, городы и села ограблять и пустошить, послалъ. Сія новая вѣдомость Поляковъ весьма устрашила и въ такое отчаяніе привела, что имъ ни въ Польшу съ обозу, ни съ Полши къ нимъ всякія пересилки дѣлать будетъ уже трудно, да и сія имъ опасность слѣдовала, что войско полское, отъ голоду силу потерявши, моглобъ непріятелю здатся, къ томужъ и сами Поляки видятъ, какія дими отъ зажженія Татарами городовъ и селъ происходять, какъ Татари стада скотовъ и овецъ гонять, а сами голодомъ помирають, подлинно Поляки уже были вознамѣрились проломомъ уходить на Татаръ и очистить путь чрезъ Днѣстръ свободний, однакожъ на томъ пристали, чтобъ войско не раздѣлять, но тутъ, съ божескою помощію, противъ непрітеля, на одномъ мѣстѣ стоять, хотя и до послѣдняго. Сегожъ дни свѣтлейшій принцъ Владиславъ и генералъ польскій Ходкевичъ, отъ непрестаннихъ неспаній и невигодъ тяжкою лихорадкою занемогли, отъ чего вьсе войско полское крайне опечалилось, понеже на нихъ вься сила войска королевскаго зависила.—

11 числа. Сего дни Турки, вишедши изъ лагира, а Татари отъ онаго въ половину нѣмецкой милѣ—въ поготовности стояли. Генералъ полской Ходкевичъ, хотя и боленъ, трубою всему войску извѣстивши и наездниковъ передомъ отправивши, потомъ тотъ часъ половину войска своего, образомъ орла, кры-

ла простирающаго, по давному полскому обикновенію устроеннаго, къ баталіи самъ вивелъ. Султанъ, знамена полскія увидя, и, что Поляки, къ баталіи готовы, стояли неподвижно чрезъ нѣсколько въремени безъ веякого поиску, а потомъ, знамена свои звинувши, Турки возвратились въ свой лагеръ, войско же полское чрезъ весь день такъ стояло и, хотя голосомъ трубнимъ Турковъ многажди къ баталіи визивали, однако Турки, какъ тогдажъ вообще говорено, нѣкоторимъ злополучія своего предзнаменованіемъ устрашась, баталіи дать не похотѣли, но толко отъ противъ лежащаго, днѣстровского берега, на обозы козацкіе, съ пушекъ непрестанно палили, однако ни въ людяхъ, ни въ лошадяхъ знатнаго урону не сдѣлали, а Татаръ нѣсколко тисячъ, на другомъ берегѣ рѣки, съ великимъ крикомъ устремившись, мостъ полскій разорвать силились, однако двѣстѣ пѣхоты полской, которая того мосту берегла, онихъ Татаръ прочъ отъ мосту отгнали.

12 и 13 чиселъ никакое воинское дѣйство отъ обоихъ сторонъ не происходило, потому что мертвихъ погребали.

14 числа въ лагирѣ турецкомъ опять носилась вѣдомость, что козаки изъ флота турецкаго нѣськолко суденъ въ Чорномъ морѣ потопили, отъ чего султанъ разярясь, велѣлъ своему войску на приступъ къ полскимъ обозамъ готовится.

15 числа скоро толко солнце възошло, заразъ Турки и Татари на обозы полскіе и козацкіе, съ троихъ сторонъ навернули и такъ много и силно съ пушекъ и съ ручного ружжа палили, что и самая земля трасслася и горѣвшою казалась; самъ султанъ, на височайшомъ мѣстѣ стоя, смотрѣлъ и, нимало людей своихъ не жалѣя, какъ скотъ безсловесній на приступъ, безъ пощадѣнія гонить повелѣлъ. Сей насилственній приступъ чрезъ весь день продолжался, но Всесилній Богъ его султанское намѣреніе превратилъ, ибо хотя непріятелское нападеніе было преужасное, однако мало вреда Полякамъ и козакамъ причинили, а султанъ такого насилственнаго устремленія отвѣдавши, и своего войска: спаговъ 30,000, а янычаръ 3,000

потерявши, затрубить на отворотъ и назадъ уступить Туркамъ повелѣлъ; какъ же Поляки и козаки, наполненние непріятелскимъ трупомъ, поле увидѣли, то отъ радости еще лучшой набули смѣлости и такой отваги, что не толко воротами изъ обозовъ къ бою випирались, но чрезъ рви и вали свои перелѣзши, съ Турками былися.

Въ семъ сраженіи, города Панонія (sic) паша, мужъ славній и отважній, въ чело пулею убытъ; онъ, на сію войну идучи, похвалялся, что имѣетъ отъ Магомета такое щастіе дарованное, что полскій обоз разорветъ и всѣхъ Поляковъ вигубыть. Подобнымъ же образомъ и Носафъ паша, мужъ дѣлній и отважній убытъ.

Султанъ по сихъ обоихъ пашахъ такъ горко плакалъ и скорбѣлъ, что ничего и не кушалъ, либожъ изъ такого извѣстія, что король полскій съ многочисленнимъ войскомъ сюда слѣдуетъ своимъ на помощъ, чемъ перестрашенъ будучи, еще отвѣдать щастія покушался и повелѣлъ войску своему на приступъ, къ полскимъ обозамъ опять изготовится, однакожъ, что войско его било голодомъ уже истощенное, непрестаними трудами истомленое, тое свое повелѣніе отмѣнилъ.

16 числа генералъ полскій, созвавъ своего войска гетмановъ, полковниковъ и сотниковъ, чтобъ войску своему, голодомъ утѣсняемому, какую ползу промислитъ, совѣтъ съ ними держалъ, многіе подавали совѣти: иніи совѣтовали всеконечно отважитись и дать баталію непріятелю, не усомнѣваясь о далшой непріятелской силѣ, хотя ему и фортуна служитъ, на которой совѣтъ почти вьсѣ согласились; а нѣкоторіи приговаривали уступить до Каменца Подолскаго, самимъ Богомъ основаннаго и укрепленнаго и тамъ бы войско живностію подкрѣпивъ, дожидаться отъ короля помощи, наконецъ вьсе войско закричало: лутше намъ вьсѣмъ умереть на сей войнѣ, нежели и найменшую стопу ножную уступить нашему вѣроломному непріятелю, уже, какъ видимъ, оскудѣвшему.

17 числа нѣсколко сотенъ козацкого войска, въ обозъ ту-

рецкій, ноччю, тихо вышедши, въ наметахъ болше 1,000 Турокъ безъ стуку, безъ крику и безъ шуму саблями вирѣзали и всѣ добувшись, и ни единой души не потерявши, въ цѣлости возвратилисъ. Той же ночи, у мосту, Турками здѣланнаго козаки Царемія пашу, которій къ береженію того мосту былъ опредѣленъ, и при немъ множество Турокъ и янчаровъ находящихся, выкололи и, живыхъ нѣсколко захвативъ, съ многою добычею въ цѣлости прибыли въ лагиръ.

Все войско полское найпаче желали видѣть свѣтлѣйшаго принца Владиславь въ первомъ здравіи, какъ найскоріе на лошадѣ, къ мужественнимъ его воинскимъ подвигамъ.

18 числа другимъ разомъ козаки въ обозъ турецкій, ноччю, тихо вышедши, болше 600 Турокъ убили; въ томъ обозѣ много изряднихъ наметовъ, лошадей турецкихъ, драгоцѣннихъ одѣяній, верблюдовъ, буйволовъ, золота, серебра и два янчарскія знамена добувши, и въ цѣлосъты въ лагиръ свой возвратившись, богатіе дари свѣтлѣйшому принцу Владиславу поднесли.

Изъ сего числа даже по 25 легкій бой съ Турками и съ Татарами бывало приключается.

24 числа генералъ полскій Кярлъ Ходкевичъ, будучи тяжкою болѣзнію разслабленъ, преставился. Султанъ турецкій, получивши о смерти его вѣдомость, возрадовался и сказалъ: теперь де Ляхи утратили собѣ щастливаго, отважнаго и великодушнаго вожда, которій войска часто поражалъ, да и на сей войнѣ много доказивалъ; и такъ заключилъ: потерялижъ де Ляхи уже и свое щастіе.

25 числа свѣтлѣйшій принцъ Владиславъ, будучи самъ немощенъ, по смерти онаго генерала Ходкевича, князю Станиславу Любомирскому, единому въ отечествѣ мужу великодушному и исправному, за согласіемъ всего войска, главное надъ всѣмъ войскомъ правителство поручилъ, сегожъ дни султанъ турецкій, всѣми силами своими, такъ конними, какъ и пѣшими на обози полскіе наступалъ, коихъ главній правитель князь

Любомирскій, за помощію Божескою, отъбилъ, что турецкого войска болше 8,000 на ономъ приступѣ пало.

26 числа султанъ турецкій уже отчаевалься своего благополучія, видя что полскаго обозу, по замислу своему пожерти и побѣдити не можеть, а его войско день отъ дня умаляется, шесть храбрихъ и славнихъ пашей, такъже многіе тисячи Турокъ и Татаръ потерялъ, которій передъ симъ ярмо работи на шеи Поляковъ возложить гордо клялся, а теперь клятвопреступникъ, уже мира желая, прислалъ въ обозъ полскій съ грамотою Баптисту Венелея, Италіянина, чтобъ обновить, чрезъ нѣсколько лѣтъ, съ дворомъ полскимъ бывшій, покой, Поляковъ наговаривалъ и востребовалъ бы комисарей, для утвержденія онаго мира, якоже сія война въ такой конецъ и происходила, чтобы заключить покой. Поляки сего учинить хотя и отрицались, но, видя войско свое голодомъ измореное, принуждени тоежъ подтвердить, толикобъ не было въ томъ какого обману.

27 числа султанъ турецкій могъ бы получить тотъ миръ, еслибы самъ, будучи не укротимъ, обозовъ козацкихъ съ многихъ пушекъ сильно не доставалъ, которими пушками никакого вреда козакамъ не здѣлалъ, однако еще приступъ къ нимъ учинилъ, но козаки, къ войнѣ всегда будучи готовы, вишли за свой обозъ и такой съ Турками силной бой сдѣлали, что Турки съ своимъ урономъ отъ нихъ отступили, на томъ сраженіи козаки многочисленнимъ турецкимъ трупомъ поле устлали и, пребогатую съ нихъ взявши користь, до своихъ обозовъ въ цѣлости возвратилися.

Сего дни свѣтлѣйшій принцъ Владиславъ, виздоровѣвшій отъ своеи болѣзни, всѣ свои обозы на лошадѣ объежалъ съ неизреченною всего войска радостію.

28 числа, сего дни султанъ турецкій въ послѣдній разъ вознамѣрился крайнего своего щастія войною отвѣдать, и такъ, первѣе о семъ хану извѣстилъ, потомъ, при восхожденіи солнца, войско свое великими шеренгами заводить началъ и, какъ вѣнцемъ, всѣ обозы полскіе, со всѣми ихъ укрѣпленіями окру-

жилъ, пушки тройма частми на онія обозы устроилъ, особливожъ 30 пушекъ, на тую сторону рѣки Днѣстра переправя, по берегамъ поставилъ, изъ коихъ чрезъ нѣсколко времени и палба производилась, толкожъ съ онихъ трохъ человѣкъ полскаго войска убыто, а отъ двоихъ частей, отъ турецкого обозу съ многихъ пушекъ по султанскому повелѣнію сътрѣлба на полское войско производилась, но и главный полского войска правитель, князь Любомирскій, своимъ додавая помощи, непріятелямъ силній отпоръ чинилъ. Турки, съ лошадей схвативаясь, яничаръ своихъ вспомогали и всѣ, какъ звѣри ярящіеся, на Поляковъ и козаковъ нападая, насъкакивали, разсуждая, что самою своею яростію Поляковъ и козаковъ въ одинъ часъ розорвуть, однакожъ, рви въ шанцяхъ полскихъ и козацкихъ своими трупами выровнявши, въвалились было въ полскіе обозы, по той причинѣ, что Поляки толь были утруждени, что ни колоть, ни рубыть, ни убывать ихъ уже не смогши, отъ валовъ своихъ уступать были начали. Сіе усмотря, главній правитель князь Любомирскій къ нимъ, съ войскомъ прибѣгши, сказалъ: не допускайте славніи полскаго войска воини отвагѣ своеи пропадать на вѣкы, видите, что непріятель нашъ уже изнемогаеть, сей часъ одынъ съ другимъ помрѣмъ, а непріятелю отъпоръ дадѣмъ, ибо онъ теперъ отважно крайняго и послѣдняго своего щастія отвѣдиваетъ, а болше уже съ нами воевать и баталій давать не будеть; и такъ оный правитель, князь Любомирскій, отворивши обозовіе ворота, самъ съ двойма войнами, чрезъ оніе вискочилъ, а за нимы конного войска полскаго вооруженнаго, многими тисячами вишли и такъ съ Турками чрезъ цѣлый день мужественно былись, а съ обозу, всѣми обозовими улицами, такъ охотно и радостню выходили, что всѣхъ Турковъ, на себе наступающихъ, сломивши, съ поля збыли и ихъ къ обозамъ ихъ прогнали, а своего вожда, князя Любомирскаго, непріятелей поражающаго, съ нимъ будучіе воини, едва удержали, сказивая ему: уже солнце заходить, пора де до своего лагира воротится; и такъ въсе пол-

ское войско съ поля въ обозы свои возвратилося, въ то же самое время и изъ той стороны рѣки Днѣстра, многажды, ноччю, на сюю сторону непріятели переправливатся покушалися, однако Поляки, въ своемъ строи осторожни будучи, безъ боязненно стоячи, такой отпоръ здѣлали, что ихъ многихъ помертвили. Сего дни, на сраженіи Турковъ болѣе 20,000, спаговъ и яничаръ 5,000, а Поляковъ и козаковъ не болше какъ 200 человѣкъ убыто, но толко многихъ ранено.

29 числа сей день весма тихо прошолъ, токмо съ обоихъ сторонъ трупи мертъвихъ погрѣбали.

30 числа султанъ турецкій, уже усерднѣе, у Поляковъ сталъ искать мира. Прислалъ онъ отъ себе къ Полякамъ своихъ знаменитихъ двухъ персонъ въ заставу, требуя отъ Поляковъ присылки комисарей; Поляки, требуемыхъ комисарей изъ межъ себе опредѣля, съ ними 200 человѣкъ команды къ турецкому обозу виправили, коихъ турецкіе комисарижъ, на срединѣ поля, между обоими обозами стоя, ожидали; когдажъ оніе комисари, вмѣстѣ сошедшись, другъ друга обыкновенно привѣтствовали, то одинъ изъ полскихъ турецкимъ сказалъ: миръ и брань вамъ и вашему повелителю принесемъ. Противъ сего изъ турецкихъ сказалъ: миръ намъ и повелителю нашему вожделѣнній принесѣте; и такъ всѣ совокупно, къ обозамъ турецкимъ поехали, когдажъ Поляки въ тѣ обозы вездили, то очи вьсѣхъ Турковъ на себе обратили и благоусердно турецкимъ султаномъ приняти, а о состояніи мира передъ всѣми Турками розговоръ имѣли.

Октября 1 числа, сего дни капитанъ полскій, прозваніемъ Виленскій, съ Камянца Подолскаго, съ хлѣбними припасами, хитримъ весьма образомъ, мимо Татаръ, коихъ около города вездѣ было много, прошедши и чрезъ Днѣсьтръ переправившись, въ полскій обозъ пришолъ благополучно.

Тогожъ дни, Донскіе Козаки правителю войсковому, князю Любомирскому писмо вручили, съ тѣмъ, что Донскихъ Козаковъ 20,000 идутъ къ нимъ на помощъ; князь, имъ благо-

годаря чрезъ нарочнаго, отписалъ и требовалъ, чтобъ они къ нимъ, съ распущенними знаменами приходили, какимъ образомъ они пришли, коимъ своимъ пришествіемъ, Поляковъ какъ бы изъ мертвихъ воскресили. Султанъ турецкій, потерявши свою надежду всю, какъ возможняе старался, чтобъ не губыть болше своего войска, о заключеніи съ Поляками мира.

Октября 2 числа пойманніе Поляками Турки для язика, да и тѣжъ Турки, кои къ Полякамъ предались, въ одно слово Полякамъ говорили, что султанъ турецкій, изъ сей войни весма печаленъ, а всѣ его началники прошеніями къ тому наклоняютъ, чтобъ онъ съ Поляками помирился, также и войско полское въ великомъ провянта оскудѣніи находится и лошадѣ свои зеленимъ листомъ дубовимъ кормили и многіе господа, ради безкормицѣ, лошадей отпали, которіе во всемъ оскудѣніи и ихъ: миритесь, а не угоняйтесь за незвѣстною побѣдою, побуждало; въ разсужденіи, что лучшій и безопаснѣйшій, честній покой, нежели надѣемая побѣда.

3, 4, 5, 6 и 7 чиселъ упражнялись обѣ сторони въ сочиненіи пунктовъ мирнихъ.

8 числа, передъ вечеромъ, отъ обоихъ сторонъ миръ заключенъ, на слѣдующихъ постановленіяхъ:

1, Чтобъ султанъ турецкій сьвой скотъ и со всѣми орудіями своими, по состояніи мира четвертаго дни, во первихъ съ битви двинулъся и все свое войско немедленно привелъ въ Ѳракію, а когда онъ рушати будеть, все войско полское стоялобъ такъ, какъ бы къ войнѣ въ готовности.

2, Городъ Хотинъ и затокъ волосъкой земли, какъ къ турецкому государству приступъ къ полскому государству надълежалибъ вѣчно.

3, Всѣ плѣнники, какъ въ прошедшихъ, такъ и въ ниньшней войнахъ въэятіе, дабы были обоимъ сторонамъ возвращени.

4, Волоская земля управлялаcябъ по давнимъ узаконеніямъ

короля полскаго Казимѣра Ягелла и отъ Магомета, турецкаго императора наданнимъ.

5, Татари въ земли полскіе, а козаки въ государство турецкое, рады добычи не набѣгалибъ, а ежели въпредь, за нападеніемъ онихъ, кому послѣдують какіе обиды, за то виновная сторона награждать будеть.

6, Ханъ кримскій съ ордами, на всякую короля полскаго потребу, во всехъ военихъ виправахъ, на непріятеля королевства полскаго, чтобъ въ помощь въсѣгда былъ готовъ королю полскому, и за тую вѣрную услугу хану кримскому король польскій по 30,000 злотихъ давать имѣеть.

7, Отъ сторони султана турецкаго паша одинъ, а отъ сторони короля полскаго сенаторъ королевскій, сей до Порты Отоманской, а тотъ до короля полскаго прислани быть и на сихъ пунктахъ присягнуть имѣють и такъ, ствердивши сей миръ, султанъ при дворѣ корони полской, а король при Портѣ Отоманской, своихъ резыдентовъ да имѣють и такимъ способомъ, вѣчную межъ собою пріязнь да сохраняють, если сіе отъ какой нибудь сторони разорвано не будеть. Кои пункти другъ другу вручивши, Турки чрезъ всю ночь, а Поляки сначала дни пушечною палбою торжествовали.

9, 10 и 11 чиселъ между обоими лагирами полскимъ и турецкимъ купля и продажа въсего была свободна.

12 числа октябра, сей день турецкимъ обозамъ съ поля уступать въ мирнихъ пунктахъ назначенъ.

Правитель войска полскаго, князь Любомирскій, одѣтъ въ порфиру, поставилъ все свое войско вооруженное на полѣ баталіи и устроилъ оное, по древнему полскому своему обыкновенію, примѣромъ орла, крила простерщаго, въ такомъ паратѣ или въ готовносты, какъ бы до брани, а самъ сталъ въпередѣ на лошадѣ.

Султанъ турецкій передъ часомъ полуденимъ и свое войско вывелъ на тоежъ поле баталіи и на подобіе половинной

луны оное устроилъ; самъ такъ же впередѣ всего войска на лошадѣ сталъ.

Итакъ обѣ армѣи чрезъ цѣлій часъ стояли неподвижно, потомъ султанъ лошадь дивной величины, въ богатомъ наборѣ, князю Любомирскому въ подарокъ прислалъ; възаимножъ и князь Любомирскій, даръ за даръ султану турецкому, лошадь такъже въ богатомъ наборѣ и двѣ пушки благохудожно здѣланъніе, болшіе отправилъ, кои дары отъ обоихъ сторонъ доброхотно и дружелюбно припяти, наконецъ Турки, шеи свои и знамена къ земли наклонивши, съ Поляками попрощалисъ; възаимножъ и полское войско, равнимъ головъ своихъ и знаменъ паклоненіемъ, честь имъ отъдали; и такъ султанъ турецкій со всѣмъ своимъ войскомъ подлежащій путь свой воспріялъ, а Поляки и козаки еще тутъ до времени осталися.

И такъ, по исчисленію, находилось подъ Хотиномъ войскъ христіянскихъ, а именно: Поляковъ и козаковъ, Прусовъ, Помаранцовъ и Венгровъ 136,000; а съ принцомъ Владиславомъ прибывшихъ 30,000, всего 166,000; съ того числа убыто 753 человѣкъ, а множайшихъ ранено. Турокъ 300,000, а Татаръ 100,000, вьсего было 400,000; съ того числа убыто 208,000 рядовихъ, пашей 6, и нѣсколько знаменъ такъже и пушекъ Поляками и козаками вьзяты.

А донскихъ козаковъ 20,000 тогда уже къ полскому обозу пришли, когда уже Поляки съ Турками начали миритися и не были они ни на одномъ съ Турками сраженіи. Особливожъ подъ предводительствомъ Богдана Зѣновія Хмелницкаго было на Черъномъ морѣ козаковъ 10,000, кои суденъ турецкихъ, пушками и разними припасами наполненихъ, болше 20 на томъже морѣ потопили. Здѣсь кончится исторія Титловскаго.

9 *) Часто упоминаемій свѣтлѣшій принцъ Владиславъ, главній войсковій предводитель, по отшествіи Турокъ и Татаръ, заразъ своихъ болнихъ и раненихъ куда кому надлежало съ

*) Русская Лѣтопись достовѣрная.

подъ Хотина въ доми отпустилъ, а самъ съ виборнѣйшимъ и зъ дворовимъ полскимъ войскомъ, а съ козаками всѣми, въ томъ числѣ съ болними и ранеными въ старомъ своемъ лагирѣ остался и перво, рады любопитства, всѣ непріятелскія укрѣпленія: рви, окопи и другія мѣста осматривалъ, потомъ изъ своего онаго лагира просмердѣвшаго, въ полъ милѣ, на свѣжое мѣсто, лагиръ свой перевелъ, всякую предосторожность учредивши, въ семъ новомъ лагирѣ съ генералитетомъ, съ полковниками и съ другими полскаго войска офицѣрами, при пушечной и мушкетной палбѣ разнихъ увеселеній употреблялъ, котораго увеселенія и козаковъ участниками зделалъ: ибо отправилъ онъ къ нимъ, въ ихъ лагиръ, на вистрѣлъ съ лука отъ полскаго отстоящій, въ которомъ гетманъ козацкій, Сагайдачній раненій лежалъ, разнихъ съ харчевими припасами, напитками, какъ то: волоскаго вина, меду питейнаго, горѣлки простой, по нѣскольку десятковъ бочокъ; прислалъ гетманужъ Сагайдачному виборнѣйшихъ харчей, такъже разнихъ конфектовъ (или заидокъ) и большой ящикъ съ штофами серебраними, пестро визолоченими, водками аптекарскими наполнеными, винъ разнихъ по бочкѣ, а венгерскаго, самаго первѣйшаго седмъ анталовъ и свою палатку подарилъ, междужъ тѣмъ, посѣщая само—персоналпо его, Сагайдачного и, увидя простой возокъ, ковромъ покритій, которимъ его раненаго везутъ, подарилъ ему коштовную свою, подъ балдахиномъ, коляску и лошадей пару съ шорами богатими, визолочеными, а сверхъ того потретъ въ семьдесятъ червонцовъ, на которомъ отца его, короля Жигмонта персона, съ одной сторони рубѣнами, а съ другой гербъ короны полской: орелъ одноглавій, шафѣрами дорогими осипаніе, пожаловалъ, на него самъ сложилъ и, въ голову его поцѣловавши, къ ручкѣ допустилъ и при томъ, такъ его, гетмана, какъ и все войско козацкое, подъ Хотеномъ и на Черномъ морѣ бившое, тѣмъ обнадежилъ, что онъ для

Русская Лѣтопись достовѣрная.

нихъ у короля, отца своего, испросить жалованье, которое и прислано къ нимъ быть имѣетъ; и такъ съ нимъ, гетманомъ, какъ и со всѣмъ войскомъ козацкимъ простился, однакожъ козаковъ, 5,000 при хотинскомъ гарнизонѣ, на время оставилъ, а прочіихъ съ гетманомъ Сагайдачнимъ въ Украину отъпустивши, самъ съ полскимъ войскомъ сегожъ октябра 24 пошолъ въ Краковъ.

10 По прибитіи гетмана Сагайдачного въ домъ свой, въ Кіевъ, козаки съ нимъ изъ Хотина пришедшіи, заразъ ему начали жаловатся на господъ полскихъ и на ихъ старостовъ или прикащиковъ, что они, по отходѣ ихъ въ походъ къ Хотину, въ домахъ ихъ, матерамъ, женамъ и дѣтямъ ихъ несносніи обиды дѣлали, мучили и къ работизнамъ госъподскимъ ихъ принуждали. Гетманъ Сагайдачній за болѣзнію сьвоею о тѣхъ козачіихъ обидахъ докладивать королю до свободнаго въремени поудержалъся, однако принцъ Въладиславъ, за прибытіемъ своимъ въ Краковъ, его, гетмана Сагайдачного и козаковъ, храбріе ихъ дѣйства и вѣрніи услуги, отцу своему, государу королю зѣло восхвалялъ, представляя, что достойними они за тѣ свои кровавіе труди великого награжденія, и такъ у его величества по обѣщанію своему исходатайствовалъ имъ доволное жалованье, которое къ гетману Сагайдачному, въ Кіевъ и прислано, при грамотѣ королевской, 1622 году, генвара 1 числа на полскомъ языку, такого на россійскомъ діалектѣ содержанія:

Жигмонтъ третій, Божіею милостію король полскій, великій князь литовскій, руский, пруский, мазовецкій, кіевъскій, жмудскій, волинскій, инфляндскій, смоленскій, чернѣговскій, готскій, вандалскій дѣдичній король.

Урожденному, намъ вѣрнолюбезному и искрено желателному Сагайдачному, войска запорожскаго гетману, со всею старшиною и съ цѣлимъ рицарствомъ козацкимъ украинскимъ, милость и поздъравленіе наше королевское.

Въ сей грамотѣ своей король Жигмонтъ, такъ его, гетмана Сагайдачнаго, какъ и всего войска запорожскаго непоколебимую къ нему, королю, и коронѣ полской вѣрности, а противъ непріятеля вѣри христіанской богатырскую козачію храбрость и дѣлность весма похвфляя, права и волности ихъ randомe стародаваніе отъ антецессеровъ своихъ, какъ то: отъ великаго Казимера, отъ Стефана Баторія и отъ другихъ королей полскихъ наданіе и утвержденіе, подтвердилъ и при томъ подтвержденіи жалованіе, а имянно: на Козаковъ съ ихъ старшинами такъ на тѣхъ, кои подъ Хотинемъ дѣйствовали, какъ и на онихъ, кои съ Хмелницкимъ на Чорномъ морѣ въ проискахъ воинскихъ находились, а кто съ нихъ убитъ или въ тѣхъ походахъ натуралною смертію умре, то на ихъ свойственниковъ, а всѣхъ на 50,000 человѣкъ, чрезъ подскарбія своего надворного, въ равній подѣлъ 400,000 талярей битихъ, къ гетману Сагайдачному, въ Кіевъ, а ему, гетману и старшинѣ войсковой 400,000 червонцовъ на подѣлъ, подъ разсмотрѣніе его, гетмана, присилалъ. Самомужъ ему, гетману знамя свое королевское и булаву, цѣноюже 1,000 а портъретъ, въ 500 талярей битихъ пожаловалъ и впредъ, такъ его, гетмана, какъ и все войско Запорожское украинское, во всякихъ ихъ нуждахъ и прошеніяхъ своею королевскою милостью и благопризрѣніемъ обнадежилъ.

Тогожь 1622 году февраля 15 Сагайдачній листомъ своимъ королю Жигмонту III за присилку на войско козацкое, подъ Хотинемъ и на Чорномъ морѣ, съ Хмелницкимъ бывшее, съ старшинами ихъ, такъ же и ему, гетману и старъшинѣ войсковой денежнаго жалованія, а особливо за знамя, и за булаву и за портретъ всеподанѣйше благодарилъ, чтобъ войско запорожское украинское содержимо и сохраняемо было при своихъ правахъ и стародавнихъ волностяхъ, отъ королей полскихъ имъ наданнихъ и утвержденныхъ; да при томъже онъ, 11

гетманъ Сагайдачній жалился ему, королю, на господъ полскихъ на Вишневецкихъ, на Конецъполскихъ, на Потоцкихъ, на Калиновскихъ и на иныхъ, представляя, что они въ предвѣчной козацкой отчизнѣ власть свою широко распространяють, хотячи козацкую славу погребти въ пепелѣ, а ихъ, козаковъ, братію свою, королю, государю своему и коронѣ полской слугъ вѣрнихъ, въ подданство поработиты, къ томужъ и сіе прибавилъ: не такъ де жалко Козакамъ на тѣхъ господъ, какъ на ихъ прикащиковъ, пяницъ и сустратцовъ, ни къ чему годнихъ, кои ни Бога не боясь, королевскихъ указовъ не слушаясь, какъ только козаки въ походъ подъ Хотинъ и на Черное море изъ домовъ выступили, такъ тотъчасъ они женъ, дѣтей и матерей ихъ на всякія господскія работизни гонить, вязать и мучить начали, а козакамъ, изъ службы королевской съ ранами еще не улѣченними и червей полними, въ доми пришедшимъ, толь тяжкія сьвоихъ мученія видѣть и слишать такъ было несносно, что едва и утѣрьпѣть возмогли, къ томужъ, сюда вѣсти приходять, что Татари Азовскіе, Кубанскіе Черкескіе, вышедши, намѣревають напасти на Украину, а безъ козаковъ, кои для оборони Украини всегда потребни и нужни стоять, противъ тѣхъ непріятелей, весма былобъ трудно; того ради гетманъ Сагайдачній тѣмъ листомъ у короля Жигмонта наусерднѣйше просилъ, отъ такихъ лядскихъ напастей строгаго защищенія, представляя, ежели де козаки отъ того защищени не будуть, то чтобъ отъ нихъ (какъ то уже пошемрують или поговоривають) не возросла какая новость, ради которой не только господа, но и все Ляхи сами на себе выпредъ нарекать и жалѣть будуть принуждени; при семъ же онъ, гетманъ Сагайдачній, надѣясь себѣ уже близкой смерти, того доктора, котораго принцъ Владиславъ еще при Хотини въ лагиръ, для излѣченія его ранъ ядовитыхъ, ему далъ былъ, къ королю Жигмонту съ глубочайшимъ благодареніемъ отправилъ.

Русская Лѣтопись достовѣрная.

Тогожъ 1622 году, оній Петръ Конашевичъ Сагайдачній, славній гетманъ войска запорожскаго украинскаго, великій церкви Православнія, Каволическія, Апостольскія поборникъ и ревнитель, Кіевскаго братскаго монастыра ктиторъ и школъ латинскихъ любытель, въ маи мѣсяцѣ, въ Кіевѣ, на подолѣ жизнь свою на смерть переменилъ. Въ трапезѣ того монастира тѣло его православнимъ митрополитомъ кіевскимъ, Іовомъ Борецкимъ честно погребено, съ неутолимымъ всего войска запорожскаго украинскаго и всѣхъ людей православнихъ плачемъ и риданіемъ. 12

Посмерти гетмана Сагайдачного и прежде его смерти князя воеводы и старосты, въ Кіевѣ и въ другихъ украинскихъ городѣхъ и мѣстахъ, церкви Божія православнія украинскія, благочестно почитали, сами будучи православними и народу благочестивому украинскому, найпачежъ козакамъ никакихъ утѣсненій и озлобленій не дѣлали, когдажъ на Ляховицахъ поженились, то отъ благочестивой, апостолской, кафолыческой вѣри отступивши, къ костелу римскому, по прошенію тѣхъ своихъ женъ, присоединились и тогда церквы руские и православнихъ къ той же уніи или присоединенію съ костеломъ римскимъ силою приводить, а подданимъ своимъ великія труды и податы налагать начали. Къ томужъ гетманъ короній, Конецполскій рады болшаго народа православнаго украинскаго отягощенія, по окончаніи съ Шведами войни, въ кіевскомъ воеводствѣ полское войско виведши, на Украину, въ городахъ и въ селахъ на квартирахъ розставилъ, кои постоялци еще тяжчайшіе народу православному украинскому обыды причиняли, каковаго народнаго отягощенія козаки не возмогли утерпѣть и, вмѣстѣ собравшись, Ляховъ постоялцовъ такъ побѣдили, что оставшіись въ живыхъ, куда кто улучивъ, разбѣглись. 13

1628 году козаки, всѣ собравшись, гетманомъ себѣ знатнаго заслугами козака, именемъ Тараса, избрали. Гетманъ 14

коронній Конецъполскій, о семъ собраніи козаковъ послишавши, многую полскую силу на нихъ виправилъ. Козаки, при своемъ гетманѣ Тарасѣ, съ оними Ляхами подъ Переясловлемъ въ баталію въступивши, толикое ихъ число побыли, сколько ихъ чрезъ многіе года во всей шведской войнѣ не побыто. Сверхъ же того и золотое ихъ гусарское знамя, за Днѣпромъ, въ бору, стрѣлбою своего все подиравили и разъбыли; однако наконецъ Ляхи сказали, чтобъ имъ и Русѣ никакихъ обидъ не дѣлать, помирились.

15 1629 году, Богданъ Зѣновій Хмельницкій, при другихъ своихъ службахъ, двухъ Канътемировъ привелъ и отдалъ плѣнниками королю полскому, отъ коихъ король много о тайнихъ турецкихъ на Полшу замисълахъ увѣдомился.

16 Въ тѣже и въ слѣдующіе въремена Ляхи, желая козакамъ отъмстить, подъ Переяславлемъ, надъ собою приключшуюся отъ нихъ побѣду, первѣе убогихъ людей податьми и постоялцами начали жесточайше отягощать, а потомъ козаковъ знатьнѣйшихъ тайно, а начальнѣйшихъ явно захватывая, различными смертми убывалы.

17 1631 году Іовъ Борецкій православній митрополитъ кіевскій преставился и погребенъ съ монастырѣ кіевскомъ святомихайловскомъ, а на мѣсто его посвященъ митрополитомъ кіевскимъ архимандритъ печерскій, воеводичъ молдавскій, Петръ Могила, великій поборникъ греческаго православія и защитникъ вѣры благочествія. Сей очистилъ церковь митрополитанскую святіи Софіи отъ Униатовъ.

18 1633 году Сулима, гетманъ войска низоваго запорожскаго, въ моноксилях или въ судахъ веселнихъ морскихъ, изъ Сѣчи по Днѣпру, чрезъ Босфоръ Киммерійскій въ Меотическое илы Азовское море заплившы, прекрѣпкій въ Азіи городъ Азикъ или Азовъ въззялъ. Сему гетману Сулимѣ король Владиславъ IV голову отсѣкти повелѣлъ въ Аршавѣ, по жалобѣ на него, за взятіе Азова отъ Турковъ.

*) 1637 году козаки, чувствуя на себе отъ Ляховъ очевид- 19
ную, всекрайнѣйшую погибель, опять собравшись, избрали изъ межъ себе Павлюка гетманомъ своимъ, пошли подъ Кумейки, гдѣ гетманъ полскій, Николай Потоцкій, съ Ляхами, козаковъ оболстивши, декабря 6 числа побѣдилъ, а потомъ подъ Боровицею миръ съ ними заключилъ; но вскорѣ гетмана козацкаго, онаго Павлюка, лестно словивши, въ Варшаву его отослалъ, гдѣ Ляхи ему голову отърубили съ повелѣнія королевского.

Тогожъ 1637 году согласились 4,000 человѣкъ храбрихъ козаковъ, которіе, часто помянутихъ, лядскихъ утѣсненій болѣе нести не могли, искать своего щастія въ другихъ краяхъ, пошли къ Персіянамъ, чтобъ на войнѣ противъ Турковъ служить. Они прошли чрезъ кримскіе и нагайскіе орды со всякою осторожностію, къ Дону и имѣли на дорогѣ частой случай сражатся съ Татарами, тамъ вьстрѣтились они съ 3,000 человѣкъ Донскихъ козаковъ, которіе приняли ихъ весьма пріятно и притомъ освѣдомились о ихъ намѣреніи и походѣ; услишавъ причину онаго, представляли тамъ они имъ опасности похода чрезъ толь многіе народы и сомнѣніе свое, что найдуть ли они у Персіянъ то, чего желають, они говорили имъ: мы де имѣемъ для васъ, браття, запасу доволно, чего вы такъ далеко искать намерени, то найдете вы у насъ, будемъ другъ другу вѣрни. Вотъ Азовъ, когда мы возмемъ этотъ городъ, то будемъ имѣть способной проходъ въ Меотическое или въ Чорное море, гдѣ мы въ одинъ походъ можемъ столко взять добычи, сколко вы во всехъ кровопролитіяхъ . . . . сраженія у Персіянъ никогда не получите.

Запорожскіе Козаки, посовѣтовавъ между собою, согласились на послѣдокъ на предложеніе Донскихъ, пошли они вмѣстѣ подъ Азовъ, гдѣ турецкій гарнизонъ, котораго отъ трехъ до четирехъ тисячь человѣкъ было ихъ предпріятія осмѣялись (sic).

*) Русская Лѣтопись: извѣстія Азовскія.

Козаки начали тотъчасъ въ землю врыватся и продолжали день и ночь сьвою работу, съ такою ревностію, что они, при непріятельской стрѣльбѣ отъ яничаръ, въ городъ вошли и непріятеля принудили отступить въ замокъ. Яничари находились тогда въ столь великомъ страхѣ, что и замокъ немедленно здали, хотя козаки толко четире фалконеты при себѣ имѣли, которими бы никакого пролому учинить не могли. Они ограбили городъ и здѣлали тотчасъ надлежащее учрежденіе: Донци овладѣли Азовомъ, а Запорожци съ добычами въ Сѣчъ возвратилися.

ДНЕВНИКЪ

СИМЕОНА ОКОЛЬСКАГО.

1638.

КОПІЯ ДІАРІУША

ЕКСПЕДИЦІЕЙ ВОЕННОИ

одъ ихъ милостей пановъ гетмановъ коронныхъ и рицерства полскаго зъ козаками ребелѣзуючими отправленой въ року 1638, а описаной презъ велебнаго отца Симона Околскаго. Въ Краковѣ до друку (подана), року 1639.

I.

КОНТИНУАЦІЕИ ДІАРІУША ВОЕННАГО ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

РАЗДѢЛЪ 1.

О важномъ опатреню гиберни и становискъ войску коронному по тогорочной викторіей надъ Павлюкомъ и своволенствомъ козацкимъ.

Завше високій въ радѣ былъ Плютархъ, меновите еднакъ in apophtegmatis dac mu dank, *) а звлаща где острожнимъ гетманомъ припоминаетъ зъ якою увагою становиска назначати рицерству маютъ. Принадлежитъ имъ не тилко въ чолѣ, але и въ тилу голови мѣти бистрое око; въ правду на уконтентоване жолнѣра досить ока въ головѣ цѣлное указати ему становиско, иле зась смотрѣти на безпечность корони и славу гетманомъ призвоистую, на обидвѣ сторони око потребное: Ясне велможній его милость панъ Краковскій, великій Гетманъ ко-

*) Онъ заслуживаетъ признательность.

ронній, яко звикле зъ великою увагою, такъ и теперъ, для безпеченства ġрунтовного рѣчи посполитой и усмиреня зачатого пожару, становиско за Днѣпромъ преднѣй опатрити ясне велможному его милости пану воеводѣ брацлавскому, гетманови полному коронному полѣцилъ; частю же нѣчого шкодлившого быти не можетъ, яко непріятелемъ, би найподлѣйшимъ, гордити, ащожъ говоритимемъ о непріятелю лежачомъ въ самой отчизнѣ, которій, ġди хочеть, снадно быти и въ великой лѣчбѣ може и достатечнимъ въ армату военную, и при малой оборонѣ, хворостѣ, болотѣ; не заразъ есть улякненого серца, частю ижъ непріятеля еднакого завше стерегтись треба, а звлаща которій татарскіи военніи сили перестриваетъ и переходитъ, не страхается голоду, зѣми и вшелякихъ невчасовъ, але тежъ незмордованою працею своею понекондъ потужнихъ нѣдерлянскихъ батарій, парапетовъ, валовъ и шанцовъ доходить и на бистрой водѣ до чужоземскихъ обичаевъ, фортеловъ и селъ морскихъ, прикрими *) чолнами своими приступаетъ; частю ижъ непріятельскіе сили барзѣй витончени быти не могуть **), яко даннима становисками въ релѣей ***) адверсаровъ, а звлаща въ той релѣгіи, бо яко зъ натури суть непріятелями народи грубіи, погане—христіяномъ, а не своей релѣгіей, такъ праве Русинъ Поляковѣ. Прето ġди ложиско за Днѣпромъ жолнѣровѣ въ ложиску козацкимъ назначать, где ихъ суть жони, дѣти, пасѣки, бидло, футори и инніи достатки, барзѣ и своеволного звоевати нѣхто не можеть и, ежели ся тамъ знову скупить и, на Господа Бога своего не помнячи, на подданство и подъ часъ присягу учиненую, уже тамъ въ запалѣ забойца, забиваючи, не будетъ грѣшити, а забитій вѣчне згинетъ, не тилко теди въ томъ бистрее око мѣлъ ясне велможній панъ Краковскій, але праве

Не хотячи залѣцаетъ козаковъ.

*) Въ подлинникѣ Окольского сказано: płytkiemi czołnami т. е. плоскими суднами.

**) Въ подлинникѣ Окольскаго здѣсь слѣдуетъ фраза: i wszystkie kupy swawolne prędzej rozerwane—и всѣ своевольные отряды скорѣе разсѣяны.

***) Въ под. Окол.: въ колоніи противниковъ.

аргументъ *) такъ становиска порядне споряжаючи, бо тимъ и въ цілости отчизнѣ, и достоинству его королевской милости, пану нашому милостивому, и покоевѣ рѣчи посполитой, и славѣ жолнерской, и силамъ поганскимъ при Украинѣ кочуючимъ, вчесне забѣжалъ, **) (гдѣ Панни Маріи претекстомъ нѣякихъ привилеовъ и якогось писма якоби именемъ всего стану Рѣчи посполитой одъ когось себѣ даного Гданскъ претендовалъ и общихъ . . . . . . себѣ подъ утратою горла затягаючи), роздѣлилъ войска короннии его милость панъ Краковскій, и, осадивши жолнѣрствомъ заднѣпре и преддчѣпре, опатривши и шляхи при Днѣпре, становиска другимъ ротамъ и преднимъ въ Полщи и ку Прусомъ ближше, аби были сторожею отчизни, показати рачилъ, а ясне вельможному его милости, пану ваеводѣ Браславскому, колледзѣ въ войнѣ и покою, диспозицію далшую Украини, замисловъ и обостреня хлоповъ на отчизну и пановъ своихъ подалъ въ диспозицію, которій, росправивши ихъ мосцовъ пановъ рицерство зъ подъ Веремѣевки и Ирклѣева до дому, козаки реестровіи въ послушенствѣ зоставивши, жолнеровъ по становискахъ розсадивши, на мѣстцу своимъ родного себѣ, его милость пана Станѣслава зъ Потока Потоцкаго, воеводича Браславского, ротмистра его королевское милости полковникомъ зоставилъ, якожъ вѣрнѣйшого зоставити не могъ и такимъ способомъ и чуле опатрнимъ становискомъ чимъ болшую часть людей заховалъ въ веселости.

---

*) Подражалъ аргусу, съ величайшею бдительностію сторожилъ.

**) Въ оригиналѣ Околь. слѣдуютъ слова: Aże zachodził rumor niemały i pewny nowego buntu w Prusiech, gdzie dominium maris, pretextem niejakich przywilejow i jakiegoś pisma, jakoby imieniem status communis regni od kogoś sobie danego, Gdańsk pretendował i obcych tutoruw sobie, etiam submissione colli zasięgając, classicum insonabat.—А такъ какъ распространилась достовѣрная молва о новомъ возмущеніи въ Пруссіи, гдѣ городъ Данцигъ заявилъ притязанія на господство надъ моремъ подъ предлогомъ какихъ-то привиллегій и какого-то документа, кѣмъ-то ему выданнаго, будтобы отъ имени штатовъ королевства, и, заискивая иностранныхъ покровителей, и преклоняя передъ ними главу, затѣвалъ морскую войну, то...

РАЗДѢЛЪ 2.

Що былъ за емолюментъ рѣчи посполитой за занятємъ становискъ жолнѣровъ назначоних.

Найдуется пѣякаясь ассимиляція доброго медика до чулого гетмана, бо якый доброго медика естъ урядъ у хорого и термѣнъ, такое естъ оффиціумъ гетмановъ чулихъ, яко бовѣмъ овіи слабостъ здоровя хорого, такъ они цѣлость отчизни тримають и заховують; училъ того Демостенесъ, даючи раду хоримъ: треба приложити великой пилности въ рекуперованю здоровя. Мѣлъ теди учинити, якожъ и учинилъ немалий емолюментъ отчизнѣ и рѣчи посполитой таковий становискъ ординансъ, не тилко бовѣмъ рекуперовали покой утрачоной въ Украинѣ обивавателѣ, о которимъ не одному повонтпити приходило, а звлаща входячи въ поселенія внутреніе своеволнихъ Козаковъ, которіи тилко брегъ Днѣпру по той сторонѣ жолнѣровѣ позволити на становиско и то тилко до Роси рѣки на умыслахъ позволяли. И не тилко такимъ становискомъ тиранство надъ дворами, персонами, маетностями шляхецкими, гдѣ уже себѣ за розисланемъ кіiовихъ регментовъ сила обѣцовали, усмирили, не тилко аппаряти костелніи розшарпаніи и келѣхи светіи костеломъ одискали и отдали *) и подъ мечъ кари и юстицію гетманомъ, княжатамъ и паномъ власнимъ поотдавали, але тежъ за такою оккaзіею становискъ, ихъ мосць рицерство жадному свиволенству, не тилко купитися, але и въ злихъ замислахъ ширитися не допускали. Сидѣлъ такъ каждій сваволній

---

*) Въ. ориг. Окол. слѣдуетъ фраза: nie tylko turbatorów ojczyzny i buntowników wyszpiegowali—не только розыскали нарушателей спокойствія въ отечествѣ и мятежниковъ.

козакъ. смотрячи на жолнѣра такъ покорно, яко не сидить покорне волкъ, gди въ яму впадеть, и услуговалъ, и встидался и дружину проклиналъ. Може хтось себѣ dogma Julii Cesaris tu za proklama ważyć, ktory libro 2 de bello civili pisze: qui incolumes non potuerunt resistere, non resistent perditi. Ale niech obaczy, że to on de bello civili *) (написалъ) ale in servili bello, где яко въ персонахъ грубянство, такъ in gerendis bestialitas маеть поважнѣйшее мѣстце и вшелякая конфузія хлопская, уже иначей писати и розумѣти потреба и не такъ далеко розумомъ, яко шаблею и каркомъ власнимъ справи рисовати, где иначей parta tueri не есть рѣчъ можна. Болшъ за занятемъ становискъ и то емолюментъ не благій, але великого въ гетманахъ ихъ мосцѣ поваженя годніи: всѣ козацкіи предкѣйшіи мѣстца, уходи, фортифѣкаціи отъ Днѣпра до шляховъ молдавскихъ, а оттуду ку Запорожю и въ поля дикіи произдрѣли жолнѣромъ и помѣрили такъ, ижъ що самъ правній козакъ старожитній вѣдалъ, а за то полковництва, старшинства отбѣралъ въ нагороду, то уже леда чура жолнѣрскій на Украинѣ во внутренностехъ осѣдлостей козацкихъ тогожъ свѣдомъ и повѣстъ, и покажетъ. Хитрость военная аще не перемѣнится, а будетъ потребна, нестрашна, написалъ незлѣ Касіодоркъ; а наконецъ тую рѣчъ добрую однесъ рѣчѣ посполитой спораженой такъ гиберни, ижъ початкомъ новой седиціей заразъ на початку забѣгли и онее персами своими на тихъ мѣстъ зносити охотне почали, до чого за одлеглимъ становискомъ не толко трудно имъ было (бы) приступити, але и барзо не безпечно; и такъ рицерству коронному, якоби въ дому утарчку якую, вшелякую навалу суровую легко зносити приходило, бо если тое бываеть, ижъ трепещетъ сердце, приходячи до подканя, яко то de re militari libr. 2 Veget. mowi, теди далеко болшей трепещетъ той, которого spes omnis refugii, consilii, presidii, ab ad-

*) Въ ориг. Окол. слѣдують слова: w którym najdzie się nie tylko zdrowy, ale i jasny i pod czas użyteczny ojczyznie rozum,—въ которой бываетъ здравый и ясный разумъ, по временамъ полезный для отечества.

versario vel iam cognita, vel pene adempta est. Кто абовѣмъ лѣпшій надъ того, такъ о силахъ своихъ, яко о непріятельскихъ судити будетъ моглъ, а за тимъ хто надъ него вщелякой викторіи прудшей сподѣватися можетъ? Самъ я себѣ Геркулесъ, самъ я себѣ Cesar.

РОЗДѢЛЪ 3.

Яко за резолюцею земи, славута козацкій, Днѣпръ много отухи своеволству придалъ.

Фортель литовскій противъ непріятеля.

Не единъ себѣ способъ обѣраетъ военникъ на поконане силъ непріятелскихъ: литевскіи княжата давніи кгди не могли подолати моци решской *) всѣ достатки подданихъ своихъ на миль шестьдесятъ и далѣй, до варовнихъ замковъ болшъ казали звозити и людъ тамъ переносити, а ꙃди войска непріятелскіи наступовати мѣли, поля зеленіи пожаромъ, а огражденіе мѣстъ, и весей Вулкановѣ офѣровали; ꙃди тамъ непріятель вторгнулъ, запустившися далеко, аби пожари и пустинѣ минулъ, зголоженій и струженій, яко би звоеваній, не найдуючи травъ и живности, одходилъ, а подчасъ въ землѣ своей о спустошеніи великомъ презъ Литву, авѣжи **) одержалъ. Стриковскій килкохъ королевъ при пруских мистрахъ такъ звоеванихъ спо-

---

*) Въ ориг. Окол. rzeskiej, производное отъ слова rzesza—толпа—rzesza niemiecka, называлась у польскихъ писателей—германская имперія т. е. толпа германскихъ владѣтелей,—здѣсь въ этомъ именно смыслѣ употреблено слово rzeski, которое должно понимать—германскій.

**) Въ ориг. Окол. awizy т. е. извѣстіе, предостереженіе.

минаеть, другіи, индей мѣрячи, а индей бючи, скоро зносили адверсаровъ, другіи, надѣю въ мурахъ и въ окопахъ, въ живности и въ стрѣлбѣ кладучи, непріятеля воевали; и много инихъ способовъ такъ въ иолѣтиковъ, яко и въ марціалѣстовъ обачити можешъ; але козаковѣ, такъ надъ Дономъ, яко надъ Днѣпромъ живучому, надѣя и отуха вшелякая есть вода, рѣка, болото и прето Днѣпръ славутою, то есть гутою, або кузнію назвали, а Донъ—панемъ, Донъ; где козакъ води не маетъ, болота, або яру згинувъ. При томъ много доказуеть, безъ того—глухій, нѣмий, нѣчого не умѣеть и якъ муха гинеть и для того зѣма, же ся уже копати не може и водою уходити, естъ ему сроgій непріятель, и если воевати прійдетъ, лихая то у него пора, але весна, лѣто, и почасти осѣнь, то его хлѣбъ, скарбъ и достатки и вшелякая фортуна. Gди ся теди росплывати рѣки и Днѣпръ зачиналъ, такую отуху имъ учинилъ, ижъ умерлую и подъ Кумейками загребленную славу воскресити и оживити замыслили. Прето, обравши себѣ на Запорожу Остранина за старшого и при немъ Скидана, зъ посередъ себе, до козаковъ Донскихъ, о помощъ просячи, виправили, потомъ до монастировъ и мѣстъ, козаки слинучихъ, писма и листи розислали поповъ, чернцовъ до Подоля, Покутя и Волиня, аби анѣмовали и коммововали на войну, ужили, которіи зъ тимже поселствомъ и до шляхти релѣгіеи грецкой приходили, наветь и черницъ на тое заживали, а наконецъ до Криму посли свои виправили, подали кондицію, ижъ всю Украину поддамо, ижъ що колвекъ теперъ достанемо мѣстъ, замковъ, именемъ его доставати будемо; ово згола не тилко всякій подвизали камень, але тежъ, би могли, до Плютона вислати о помощъ, пораду кого, противъ пана своего, маестатовѣ и рѣчи посполитой, теди би были вислали, биле тилко могилою притисненую силу козацкую презъ ясне велможного его милости пана Миколая Потоцкого, гетмана полного коронного такъ рокъ (sic), якимъ способомъ виратовали. До такой отухи ламане ліодовъ на Днѣпрѣ и рѣкахъ презъ наступуючую весну сваволенство приводило, але,

Днѣпръ славута.

Остранинъ и Скиданъ на Запорожю старшими обрани.

Отъ Дону и Криму помочи потребуютъ.

пилне око на тое маючи, его милость панъ полковникъ на мѣстцу гетманскомъ зоставленій, велможній панъ Станиславъ Потоцкій, gди ему много новинъ до непокоя обвѣщаючихъ приносять, нѣчого иншого по ввесь часъ не мислилъ, тилко въ отриманной побѣдѣ якъ поступати, що и показалъ на томъ региментѣ всему рицерству и свѣту, яко зъ прогресу далшого снадно обачити каждій можетъ.

РОЗДѢЛЪ 4.

о рушенью зъ Запорожа своеволнихъ Козаковъ.

Розумѣлъ, въ Запорожу будучій, козакъ, ижъ, на влости Украинской розгощеній, жолнеръ латво прійдетъ въ побѣжденіе, яко Аннѣбалъ военній нѣкогда пришелъ, ubi Annibalis virtus campanis deliciis emolita est *). Подобно, пане Козаку! не такіе беванди и фрукти видаваетъ компанѣя якіе влость Украинска: брага, горѣлка, медъ, водыпайцетводъ (sic) **), пивище зъ дрожчами—делѣціи Украинскіи. Не мѣлъ на чомъ жолнѣръ отмѣнитися, але рачей мѣлъ на чомъбися до военной праци загартовалъ. Рачей то на сердцахъ, мѣсто делѣціи якихъ, вичитати для невчасу сроgого было ***). Війшолъ теди уже зъ Запорожя

---

*) Въ ориг. Окольского слѣдуютъ слова: M. Claudius Marcellus, ad Nollam facto proelio, docuit, Anibalem posse superari—Маркъ Клавдій Марцеллъ, доказалъ сраженіемъ при Нолѣ, что и Анибалъ можетъ быть побѣжденъ.

**) Не понятное слово это употреблено въ подлинникѣ Окольского и въ переводѣ Величка.

***) Въ ориг. Окол. слѣдуютъ слова: Persequar inimicos et conterram et non revertar. donec consummam eos—Буду преслѣдовать и губить враговъ и не возвращусь, пока не уничтожу ихъ.

Остранинъ, яко би то ужъ огромне, страшне, невычайно стало, же при арматѣ приспособленой, же досить маютъ обѣцанныхъ ратунковъ, много околичне видятъ себѣ добре зичачихъ, а рѣчи посполитой здрайцовъ: едни порохи готуютъ, другіе людей, тіи гроши, тіи провіянтъ; уже шпиталь свой Терехтемировъ опатрили, уже имъ монастиръ Межигорскій applaudet, уже пещери голдуютъ, уже на водахъ переходи готовіи, уже до Остранина: veni, vide, vince, то естъ: прійди, обачъ, звитяжи рѣки: Псолъ, Сула, Старець и Днѣпръ отуху односятъ; смотрячи теди на тое Остранинъ лiондомъ и чолнами ку влостямъ приступаетъ, але, вспоминаючи на ексорбитанцію передъ собою старшихъ, вздригнувся и на сагайдаку своемъ регулу Вегеціуша написалъ *): (тримайся тепла) Всѣ тобѣ тіи обѣтницѣ добріи, але найлѣпша надъ все жити: гетмановалъ Наливайко, гетмановалъ Подкова, гетмановалъ Косѣнскій, гетмановалъ Павлюкъ и тоею волностію якою я теперъ; если тежъ и менѣ наконецъ быти на палю яко онимъ **) (теди ти естесь жабою и критися въ болотѣ) привести теди всѣхъ, але самого тилко одвести—вся теди мисль его и рада таемная ***). Уже виходилъ зъ поль и до влости входилъ таемно и украдкомъ, аби о нимъ невѣдано, ѕдижъ въ малой еще купѣ былъ, але, лучшій надъ него будучи, его милость панъ полковникъ, взявши предъ тимъ здоровую отъ колле̑говъ раду, аби ростропностю радныхъ охоту до битви въ жолнѣру заострилъ, давши о томъ небезпеченству вѣдомость, его милость панъ гетманъ полній коронній, аби въ томъ имбуатъ воинство пилно, збрѣлъ къ Срѣбрной, хотячи его еще во полю застати, але онъ. перестереженій, ку Кремен-

Остранинъ війшолъ зъ Запорожя.

О чтирохъ гетманахъ предъ Остраниномъ.

Промислъ Остраниновъ

*) Въ ориг. Окольского: Sis callidior quam fortior—предпочитай хитрость храбрости.

**) Въ ориг. Околь.: tedyć melius est być żabą i kryć się in palude, quam in palo dać wystawić—и такъ лучше быть лягушкою и прятаться въ лужѣ, чѣмъ дозволить посадить себя на колъ.

***) Въ ориг. Околь. слѣдуютъ слова: ..:była, curare quid retro, quam ante—....была, стараться больше о отступленіи, чѣмъ о движеніи впередъ.

чуковѣ во влость впадши, на конѣ здобувшися, Кременчукъ, Хороль, Омельникъ злупивши, загнавши зъ собою, ку Голтвѣ, мѣсту князя его милости Еремѣя обернулъ и тамъ замкнулся и уфортифѣковалъ.

Въ Голтвѣ Остранинъ.

РОЗДѢЛЪ 5.

О наступованю ку Голтвѣ войска коронного зъ его милостю паномъ воеводичомъ Брацлавскимъ, полковникомъ енеральнымъ.

Ижъ непріятель замкненій въ мѣстѣ мало не такъ есть безпечній, яко риба въ матнѣ, не хотѣлъ той окказіей омешкати его милость панъ полковникъ, але, персвадуючи рицерству *), анѣмовалъ ихъ до прудкого наступованя, и поневажъ тамъ уже ввойшолъ непріятель, за зближенемъ войска полского анѣ суплементъ якій, анѣ сердце такъ гордее и смѣлее, долго въ хлопѣ быти не можетъ, а скоростю нашою можетъ быти розорваніи. Въ томъ такъ ся охотно ставило его милости пану полковниковѣ рицерство, ижъ нѣгди охотнѣйше быти не могло—безъ контроворсіей, омешканя и вшелякого респекту, не хотячи вѣдити того, же ихъ заслуги крвавіи презъ килка лѣтъ не тилко не доходятъ, але и прислуга и страта подъ Кумейками и Боровицею жадной имъ контентаціей не принесла, и то были готови и горла свои при достаткахъ остатнихъ положити, аби въ тимъ борзѣй освѣдчили готовность службъ своихъ отчизнѣ и королевѣ его милости, пану своему

*) Въ ориг. Окольск. слѣдують слова: quod homini non potest dari majus, quam gloria, laus et aeternitas:—что величайшіе дары для человѣка—это слава, хвала и вѣчность.

милостивому и рѣчи посполитой. Але то дивна въ той охотѣ ихъ милости пановъ рицерства была, ижъ еденъ другого на пляцъ и оказію потреби упережалъ и, первше небезпеченства аби бралъ, просилъ: едникъ ку тому стимуловала омешкана подъ Кумейками потреба, аби то надгради́ли, другихъ анемовала первшая слава, аби до слави—слави придавали. Мило вспомнѣти прешліи праци и фатиги, мовитъ Сенека, а якожъ не будеть мило, gди за високую працу несмертельною памятію кого оздобять и домъ его вивишшають? щасти Боже такее рицерство! нехай корона полская ними здобится, нехай при несмертелной славѣ оффити нагороди и контентаціи одъ маестату его королевской милости и рѣчи посполитой одбирають, нехай приступають до обронцовъ отчизни ротмистровства, полковництва *) на оздобу домовъ и фамилѣй своей осягають, будучи такъ убезпеченій уже его милость панъ полковникъ и уконтентованій такъ великою охотою, уживаеть ихъ мосцовъ, аби въ томъ ему и радою, и полковниковъ, и иннихъ рейментаровъ, въ небытности власнихъ войску, опатрили, назначивши теди зъ посродку себе ихъ за полковники: поручика его милости пана воеводи подолскаго—Блазеіовского, поручика его княжацкой милости Еремѣя, пана Длотовскаго, поручника его милости маргграбія, старости гродецкого, пана Владислава Ташицкого; подавши стражництво ротмистровѣ чулому, обозництво пану Кохановѣ, спѣшно ку Голтвѣ зъ арматою коронною и салдатескою нѣмецкою обернули, аби тамъ кровію своею и шаблею на каркахъ козацкихъ вирисовали, що написалъ Духъ Святій. Proverb. 16: не есть рѣчъ слушная учинити кривду невинному **). Поспѣхъ войскъ полскихъ до Голтвы.

---

*) Въ ориг. Околь. слѣдують слова: i po innych wojskowych honorach, hetmaństwa—а послѣ другихъ военныхъ почестей, гетманства.

**) Въ подлинникѣ Окольск. слѣдують слова: nec percutere principem, qui recta judicat.—и поражать вождя, судящего по справедливости.

РОЗДѢЛЪ 6.

О уфортифѣкованю Голтви отъ Остранина и козаковъ.

Кому памятна козацкая на Кумейкахъ clades, мусить домисливатися великой на Голтвѣ учиненой фортификацією. Кромъ теди самой оборони мѣстца, бо мѣсто Голтву обходить Псіолъ рѣка и Хоролъ съ другой сторони, а тая рѣка Псіолъ есть въ болотѣ, яко Дѣжа въ Волохахъ, обляла мѣсто въ семи-циркулъ, а за водою лѣси и въ томъ семи-циркули мѣсто *) единъ тилко мостъ отъ замку презъ воду есть, надъ тими зась рѣками предъ мѣстомъ суть глибокіи яруги и хрости. До такой оброни валъ за палями усипали, брами затарасовали моцно и закопали, въ замку тожъ учинили, предъ замкомъ и мѣстомъ, отъ рѣки до рѣки кинули валъ потужній, а передъ валомъ могилу на шанцъ потужній обратили, аби, gди войско наступить, бо ни откуду инуду наступовати не могло, тамъ свои сили обращали а до мѣста не доходили, тисячами на вали позаводили человѣка, гарматою шанцъ опатрили; сотнями башти и брами обваровали, чаровницъ и чаровниковъ, аби инкантаціи на прохи, стрелбу, повѣтре и огонь чинили, по високихъ дахахъ, аби упатровали, розсадили. Щожъ мнѣ о той фортецѣ скажете? уже бимъ я реклъ, що Акисъ, лацедомонскій князь, поусмотрѣвши нѣgдись на Коринфяновъ мури високіи и башти мовилъ: що то за невѣсти замкнулися? даючи якоби знати, ижъ дѣлному мужевѣ муровъ не треба, онъ самъ муромъ и валомъ есть, але лѣпше реку: твои то одважніи перси, цнотливій жолнѣру полскій таковіи вали и фортификаціи славять и

Крѣпость Голтвы.

Остранинъ возкомъ укрѣпилъ Голтву.

Заклинаня.

---

*) Въ подл. Околь. слѣдують слова: ...osadzone, ma zamek potężnie palami tak obwarowany, że jako i miasto — ...построено, въ немъ замокъ, крѣпкимъ палисадомъ окруженный, и подобно городу...

оповѣдають. Вѣдоми суть не едною експедиціею уже сили твои, сили лве, перси твои, перси зъ твердой скали мармуровой скованіи; уступають мури, сиплутся вали, нищіють окопи, где тилко наступуешъ, для тогожъ незвичайнихъ способовъ, працовитыхъ фортификацій противъ себѣ шукають и шукати не престають, бо волѣ съжаловати щастя, а нежели бити звитяженимъ и встидитися.

РОЗДѢЛЪ 7.

О угрунтованю обозу коронного подъ Голтвою.

Розніи народи розныхъ на войнахъ фортификацій въ обозахъ заживають, але жолнеръ полскій коронній, ижъ правѣ весь есть зобраній зъ домовъ шляхетскихъ и крвѣ, обози тежъ свои такъ фортифѣкують: шишакъ зъ шишакомъ, шаблю зъ шаблею, бокъ зъ бокомъ, копито зъ копитомъ ставляють, а при томъ наслѣдують по великой части Артура, кроля Британіей, который головною шаблею обозъ отачалъ, которую ɡалѣбурнумъ ɡлядіумъ звалъ, ижъ нею розныхъ непріятель на войнѣ чтириста сѣмъдесять мужей забилъ, долгою копіею полки въ немъ дѣлилъ, а на тарчи своей образъ пренайсвятейшой панни, которой обозъ свой отдавалъ, носилъ. Пѣхота, яко то голота, звикла болшъ себѣ при арматѣ полской якій окопокъ становити и то для пришанцѡваня до стрѣлби, которыи кинувши и тутъ валокъ отъ рѣки до рѣки и шанцовъ три предъ нимъ учинили, добре обваровали, а его милость панъ полковникъ, споряженій уже видячи обозъ и на мѣстцахъ назначенихъ коругви, мостъ на рѣцѣ Псолѣ готовати казалъ и по- Промислъ Поляковъ подъ Голтвою.

чалъ, висилалъ подъслухи, засадилъ плацовую стражу, послалъ по языкъ свѣжій, положене непріятеля и мѣстца уватровалъ и шпѣговалъ, хотячи для утрешного, мая 6 експериментъ учинити, а же часу дня того еще збувало, учинилъ пробу его милость панъ полковникъ, запровадивши на другую сторону Псіола рѣки пѣхоти нѣмецкой два регименти: его милости пана обозного Бѣгановскаго и его милости пана капитана нѣмецкого, который по ономъ великомъ богатиру Жолковскомъ, рейментъ собѣ отданій мѣлъ (Въ двохъ рейментахъ онихъ за Псіолъ виправленихъ, любо не вспоминаетъ списателъ сего діяріуша, велебній Симонъ Околскій личби товариства, знать встидаючися написати правди, для побѣди отъ войска Остраниноваго надъ ними станулой, однакъ я въ рукописномъ козацкомъ лѣтописцу вичиталемъ тое, ижъ было товариства въ двохъ помененнихъ рейментахъ полскихъ девять тисячь и осмъсомъ), реестровихъ при пану Иліяшу, полковнику старшимъ килка тисячей и его милости пана Мелецкого хороговъ, обратити ихъ ку замковѣ казалъ и ку мосту; внетъ шанцы кинули рейменти и въ нихъ замкнулися, а Иліяшъ, яко добрій юнакъ, зъ товариствомъ своимъ скочилъ по мосту, аби моглъ браму убѣгти, але навалностю стрѣлби зраженій и самъ постреленимъ зосталъ; а они въ томъ огонь подъ мостъ, подложивши, огнемъ его знесли, еднакъ не малую тамъ конфузію въ немъ справили, омилную надѣю свою розумѣючи зъ такой жолнера охоти и своихъ нарушеня, щось иншого зачинали мислити, еднакъ тое все ночъ розирвала и замкнула, день утрешній тое укажетъ, що Prov, и написалъ Богъ нашъ: презъ мене кролеве кролюють.

Примѣчаніе Величка.

Початокъ битвы.

РОЗДѢЛЪ 8.

Роспрaва жолнѣра коронного зъ Остраниномъ у Голтви

Военне досить до расправи зготовался его милость панъ полковникъ, але мѣетъ много той предъ адверсаромъ, который себѣ поле до потреби обѣраетъ и тамъ адверсара чекаетъ, зъ малой албовѣмъ тамъ рѣчи шванковати тому, которому поле не есть по руцѣ, прійдетъ; болшъ ежели будетъ еденъ наступовалъ конемъ, а другой будетъ наступовалъ яромъ, болотомъ, хмистомъ; еденъ явне и отврыто, другій скрито и скрадаючися, уже тамъ фортуна едному певнѣйша. А ежели зъ самихъ тилко шанцовъ стрѣлбою ручною доходитися прійдетъ, тому конецъ ажъ зъ витворною приходить. Постерѣгалъ тое и видѣлъ на око его милость панъ полковникъ войска коронного, ижъ драпѣжство мислять и здраду уста ихъ глаголють, прето осторожнимъ казалъ быти, и рейментомъ засаженимъ въ белюардахъ, и реестровимъ, а чулость обозовимъ прекладалъ, мостъ чимъ прудшей кончити наказовалъ, вислали теди ночю Остраниновыхъ чрезъ Псолъ и лѣси килка тисячей и еднимъ ку рейментомъ ити росказали тихо, а дороги колодами и голями деревними заваляти, аби ихъ конми не псовали, другимъ ити по яругахъ, вертепахъ казали противъ обозовѣ коронному, двома сторонами и до дня зачинати зъ Нѣмци научали. Смотрѣтежъ прошу якій маетъ торъ свой хлописка война: за нѣзащо у нихъ есть трактатъ, лучше побѣжденну быти, нежели безчестно побѣдити; не учинили бы они того, що уважніи гетмани и рейментари чинять. Сарматовъ на хлѣбъ запросивши Луціушъ Pius consul, справедливій райца, ужилъ ихъ и до такого аффекту хлѣбомъ приведлъ, ижъ Римовѣ поддалися, услишавъ то римскій сенатъ и заволавши его, казалъ

Остраниновъ промислъ.

ему сокирою утяти шію, мовячи: Римяне ошукати непріятеля не хотели, бо спросна рѣчъ здраздливе звитяжити, але въ хлопской войнѣ то слава. Наступуючи еднакъ справою ку мѣсту и козацкимъ валомъ и здрадомъ ихъ, его милость панъ полковникъ коронній зъ ручной стрѣлби и дѣлъ до козацкихъ шанцовъ випустить, тожъ учинять и тіи въ шанцахъ; они озвавшися, оразъ ночно висланіи козаки почнутся оголашати ку рейментомъ, а рейմента ку нимъ, зъ мушкетовъ и арматокъ козаковъ зносячи, великую въ нихъ шкоду учинили. Розюшоній козакъ, якъ недвѣдь на ишоли такъ они на Нѣмцовъ, барзѣ густѣй и тяжшей зъ за дубовъ и колодъ наступовалъ, але не преламанаго сердца елѣоровѣ Нѣмцѣ, до самаго неспору зносячи непріятеля, ажъ имъ на остатокъ олова не стало, преціе еднакъ, аби въ руцѣ непріятельскіи не приходили, волѣли до едного единъ на другомъ умѣрати (и такъ сталося свѣдительствуетъ лѣтописецъ козацкій, же при нестаню олова, нестало и обоихъ тихъ рейментовъ нѣмецкихъ, чого отецъ Околскій, складачъ сего діяріуша не виразилъ для жалю, чили для встиду зъ такъ значного людей своихъ упадку, бо зъ девяти тисячъ и осми сотъ товариства, въ помененнихъ двохъ рейментахъ бывшаго, заледво зъ полтораста человѣкъ живихъ до своего обозу, ни зъ чимъ, въ еднихъ тилко кошуляхъ приволоклося). Смотри короно на слуги твои, любо чужоземскіи, яко за цѣлость, здоровье твое и гоноръ твой границѣ кровю обливають и славу твою печатають, щасте въ отчизнѣ своей отпустивши, коронѣ полской щастя шукали и то щасте познали, аби при славѣ таоей найяснейшій кролю пане нашъ милостивій мѣли високіи свои вспомненя, былъ тебѣ тамъ не малій оршакъ людей зоставленій, поневажъ мосту такъ прудко выставити не поспѣшили, але въ такъ густомъ лѣсѣ блатномъ, колодъ повномъ, ратунку имъ додати не могли, умѣрали теди тамъ яко великие люде, яко зацніи рицерѣ, яко високіи баронове, о которихъ Демостенесъ подобно писалъ: которіи на войнѣ гинуть, между звитяжцями полѣчени мають быти. Въ еденъ же разъ, gди войско коронне наступовало ку

Война у шанцахъ подъ Голтвою.

Примѣчаніе Величка.

валомъ и зносили ихъ всѣ посилки, зъ онихъ яровъ и лѣсовъ, вышедши козаки, въ тилъ войску зашли, до которихъ корогви ꙋди нѣкоторые обернулися, въ доли и лѣси яко до ямъ якихъ утѣкали; пало тамъ козаковъ около двохъ тисячей и нашихъ по части, а то найзалостнѣйша, же компанѣи погинули и зноситися для неспособнаго до войни конной мѣстца (не могли) и назадъ дня третого отвернути мусѣли. Я бымъ радъ научитися, чому въ такъ справедливой войнѣ и за волѣю кроля его милости и рѣчи посполитой зачатой, такъ острій отъ Бога початокъ сталъ. Не разумѣйте, аби презъ тою остросmь, Остранина мѣлъ Богъ виславяти, бо дальшіи сукцесса войни его, утѣчка и конецъ нещасливий иначей то показуютъ, алѣ мнѣмаю, ижъ то учинилъ на томъ початку Богъ для двохъ рѣчей, первая ижъ много было зъ одлеглихъ пановъ, которіи тую хлопскую войну легко собѣ клали и хлопство козацкое за овчаровъ або сѣчкаровъ своихъ судили, а за тимъ доброму жолнѣровѣ и гетманомъ слави уймовали; показалъ теди первшою тою утарчкою Богъ, ижъ любо межъ козаками не машъ жадного княжати, сенатора, воеводи, зъ которими ся въ потребѣ жолнѣръ галасовалъ, але еднакъ таковіе суть хлопи, же, кгдиби права не заграждали, противъ посполитихъ учиненіи, яко предъ тимъ было, налѣзли би ся и такъ годніи, аби ихъ и Квѣнціушови Цѣнцѣнатови, которій отъ плуга на урядъ былъ возваніи и Тѣмѣстоклѣви подобними називано, а не тилко рицерство и гетмановъ ихъ милостей уражала та мова, але и Бога, которій зъ ними при горсти малой pro regno воевалъ и прето хотѣлъ, же то такъ не блага была война, людемъ показати; другая Богъ указовалъ, ижъ поданихъ война такъ бываетъ срогая, ижъ ꙋди гору свою возмутъ, Богъ тилко самъ погамовати оную можетъ, псуютъ права, рвутъ *) (потугу зносятъ) пановъ, зрушаютъ корлевства, бо у нихъ не трудна есть не тилко о тайніи пуинали и о вшелякій накладъ и здраду, але и до манти-

Шкода у компанѣи полской.

Уступлене Поляковъ отъ Голтвя.

Не плоха война зъ козаками.

*) Въ под. Окол.: swą potęgą—своимъ могуществомъ.

ки (sic) войну подносять. О чемъ противими слови, але регелтинни его королевская милость въ писании своемъ до его милости пана гетмана полного коронного барзо святобливе выразилъ Служебничии войни царствамъ тяжкія и небезпечни и такую въ знесеню своволенства прислугу тутъ кладемо, ижъ годная есть несмертелной слави и нагороди неошацованой. Дотнулъ того и навижшій король: Лука 11: всякое царство раздѣливнееся на ся запустѣваетъ. Ухиляючи теди Богъ охоти жолнѣрской, а на часъ отволочаючи тую ихъ веселую смѣлость, пустилъ руборемъ на ихъ замисли завзятія, а якъ бы пожаловалъ годнихъ кари, кдиби за оборотомъ неба не пріишолъ на нихъ часъ згризливой, tempus edax, гдижъ самое зло о Божой муцѣ забиватися мусить. Любо и жолнѣрская диспозиція на войну маеть быти неледа яка, але яко въ псалмѣ 58 выражено: державу мою тебѣ сохраню Господи.

РОЗДѢЛЪ 9.

Потреба кровю виписана цнотливого рицерства коронного у Голтви.

Хорогвъ ясне велможнаго его милости пана воеводи краковскаго. Товариство его милости пана воеводи подолсвого. Его милости пана полковника Его Королевской милости. Его милости пана Вихровскаго, мечника Галицкого. Его милости пана Петра Потоцкого, воеводича брацлавского. Его милости пана Казановского. Его милости пана Бориславского. Компанѣя его милости пана Бегановскаго обозного. И изъ иныхъ хороговъ много товариства таковую войну и потребу кровю печатовали.

Нагробокъ цному рицерству коронному.

Iest plac, iest żołnir, tryumph nastąpuie
    Cne serce, dobre tu się deklaruie
Żyie, umiera, odnosi koronę
    Bog tego y krol nie rzuci na stronę.

Нагробокъ чужоземскому.

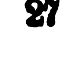
Zwiedzieć obce narody, y nauki dostać,
    Godna rzecz, większa ich dzielnosci sprostać
Przeszlismy Niemce, Prusy, Litwę, Rus, Koronę,
    Panstwa Polskiego, Hołtwo swiadcz, day nam obronę.
Tu są wszczepione serca, siły, męztwa nasze
    Zrodzą się tam Niemcy, gdzie się rodzą potasze.

Нагробокъ козакомъ реестровимъ.

Saletrą palilismy, saletrą stawamy,
    Z takiey naszey zabawy ten pożytek mamy,
Jż wierni bylismy, nie wstyd nas iuż będzie,
    Daiąc pokłon Krolowi, upadniemy wszędzie.

Лѣтописецъ козацкій.

Хоча и при концу девятого сего роздѣла, предъ нагробками композиторъ сего діаріуша, отецъ Околскій положилъ такое слово, что и изъ иныхъ корогвей много товариства таковую войну и потребу кровю печатовали, однакъ не виразилъ того именно, колько власне тамъ подъ Голтвою полского пропало жолнѣра, чи то ни мѣлъ о томъ певной реляціи, чили оспалѣла была ему на тотъ часъ рука его, же не написалъ правди тоеи, ажъ подъ Голтвою, отъ войска Остраниновогo козацкого, (которого всего на тотъ часъ ищислялося на двадцать тисечъ) забито Поляковъ розного gатунку, то есть товариства значного, пахолковъ и лознихъ полчварти тисячи злишкомъ, кромѣ козаковъ реестровихъ, бо по отходѣ войскъ полскихъ отъ Голтви, знайшлося въ шанцахъ полскихъ, около Голтви починенныхъ, и по инныхъ розныхъ мѣстцахъ, ярахъ и долинахъ, не погребенныхъ труповъ полскихъ на три тисячи, а погребенныхъ, исчисляючи могилки, явилось на пятсотъ злишкомъ, по единому тилко человѣку рахуючи въ могилцѣ. Прибавленіе Величка.



II.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

ПРОGРЕСЪ ВОЙНИ ПО ГОЛТВЯНСКОЙ ДО ПОТРЕБИ ПОДЪ ЛУБНАМИ

РОЗДѢЛЪ 1.

О уступленю отъ Голтви.

На доброй консулціи gди проgрессъ военній ставаеть, двѣ рѣчи тамъ суть на оку: внійти и винійти надарится, бовѣмъ подъ часъ же винійти умѣти щасливѣй ся поведетъ нѣжели находити. Отколь за диктеріумъ писмо святое (взято): утѣкаючій знову будетъ битися. Здоровою радою одъ Голтви одведши войско, его милости панъ полковникъ ку Лубнямъ удался, где тежъ Остранинъ индуковати мислилъ найбарзѣй. Былъ то день одинадцятій мая и, винѣдши въ поле ожидалъ день и другій немаль, ежели зъ фортелю Остранина вивабить, але зъ разу твердо сидѣлъ, gди далѣй поступилъ его милость панъ воеводичь, зъ войскомъ удавъ своимъ, ижъ сромотно уйшовъ, а оттуль рачей рушитися ку Лубнямъ, где суть шляхи и средокъ товариства, где живность, и скуплене людей, и оборона есть, нежели тутъ мешкати; обѣцовалъ себѣ много и своимъ за

онимъ блисненемъ ошуковаючой фортуни у Голтви и правѣ реестръ добродѣйства формовалъ и на трохъ мужахъ становилъ, аби, яко свѣтъ земскій ови три мужи на трое дивидовали: всходъ зъ Greціею дали были Антонѣушовѣ, Африку Лепѣдовѣ, заходъ и волоскую землю Октавѣушовѣ, такъ они уже Украину дѣлили: едному Переяславль, другому Кіевъ, третему Волинь, отъ которихъ би други бенефѣція брали, оддавали. Станулъ теди миль чтиринадцять одъ Голтви его милость панъ воеводичъ и тамъ ся обозомъ подъ Лубнями надъ рѣкою Сула уgрунтовалъ, оттуду послалъ до Бару и на Покуте яко найпрудшей вѣдомости до ихъ милостей пановъ гетмановъ. Заледво отправилъ почту, ажъ дають вѣдомость, ижъ Остранинъ рушился зъ Голтви и змѣряеть ку Лубнямъ; ради гостямъ жолнѣре готуються на банкетъ пріймовати, витати ребеллѣзаита и кривоприсяжцовъ, охотни беруть лѣпшую отуху и надѣю и каждою оккаsіею зближеня ея ку обозовѣ болшей надѣею остратся. Всѣ тіи, що приходили для зламаной присяги, для подпошеня руки на пана, не люде, але тѣнь людей были, а за тимъ добре себѣ рицерство тушити мѣло.

Вѣдомость, же Остранинъ зъ Голтви ку Лубнямъ рушилъ.

РОЗДѢЛЪ 2.

О наступованю Остранина подъ Лубнѣ.

Уже мѣлъ не малій задатокъ Остранинъ до наступованя, бо не толко вислалъ Скидана ку Чигриновѣ, где козацтва чолнѣйшого естъ обориско то есть загорода, але взялъ былъ певную вѣдомость, ижъ ему на помощъ килка полковъ заразъ надходитъ; еденъ ему провадилъ Путивлецъ и виборного правѣ

Путивлецъ въ помощъ Остранину.

въ своей волѣ и въ бунтахъ, между которими Дунскій козакъ
Другій Шеке- цвѣчоній на войну приходилъ; другій провадилъ Шекеравій;
равій. инпіи полки зъ той сторони (отъ) Кіева — Солома и другіи
збѣрали, ово згола лѣчба не малая бокомъ къ нему приходила.
Една рѣчъ неgрунтовная у нихъ и небезпечна завше: до войска
половъ своихъ не припускають, а за тимъ мало о Богу ми-
слять, але, яко безрозумніи, въ силѣ своей дуфають, а попъ
повѣдѣлъ би имъ що Богъ зъ Паралипоменона 25 до войско-
вихъ вождовъ: ежели маешъ уфность въ великости войска,
Богъ тя зтлумить, Богъ даеть побѣду на войнѣ, Богъ даеть
звитязство. Gди уже отъ обозу коронного есть въ милѣ, або
полтори, видить, же ему нѣчого не прибуваеть людей значно,
анѣ онихъ полковъ не видить, хочъ ся около Лубень быти по-
вѣдають; далѣй наступовати треба, але ему щось не смачно,
казалъ теди горѣлки дати и по квартѣ албо ковшовѣ до стар-
шины на добре сердце випилъ зъ другими, мовячи: милости-
вій пане воеводо, старосто, судя, теперь же такъ будемо ся
витати, поспѣшайможъ ку нимъ. Властна та мова, якая была
Каимова, gди на рѣзь виводилъ (Авеля), реклъ Каимъ до Авеля,
брата своего: війди въ поле и, gди війшли въ поле, забилъ
Каимъ Авеля брата своего. Такъ Остранинъ, зведши много ре-
естровихъ, притиснувши убозшихъ, загнавши зъ мѣстъ, зъ селъ
по неволѣ невинныхъ людей, шубъ, срѣбра, коней, здобичи вше-
лякои имъ по вигранной наобѣцовавши, потомъ, gди ихъ до по-
треби приведлъ, gди обачилъ же уже тисячми лежать, мяса
досить и стерву, самъ утѣкати отъ нихъ мислилъ. Справивши
теди и опатривши добре таборъ, наступовалъ подъ Лубнѣ, гдѣ
его, его милость панъ воеводичъ и полковникъ генералній
войска коронного зо всею компанѣею охотно чекалъ. А gди
ся уже въ плацу затримовалъ таборъ, повипрягавши конѣ, ко-
леса до колесъ чепилъ; поле аби дано, у его милости пана
полковника коронного въ труби, въ бубни ударено. Мѣй уф-
ность цній жолнѣру, милость отчизни нехай тя вспѣраеть, жаль
деспектовъ маестату Короля Его милости пана нашого мило-

ставого нехай силъ додаваютъ; наступай, маешъ справедливую— и поганинъ иначей судити не будеть.

РОЗДѢЛЪ 3.

Крвавій конгресъ войскъ коронних и запорозскихъ.

Станувши войска на плацу военномъ, и едни ся зичливимъ мѣстцомъ, другіе прешлою фортуною тѣшачи и до силъ анѣмуючи, почнуть до себе зъ арматокъ и стрѣлби густой потрави пресилати. Не ровна то рѣчь въ правдѣ была, ґди еденъ за зослоною, за возми и привалкомъ мужества доказуеть, другіе отврито пѣхото албо конно, але то на болшую славу, на указане незморщенного сердца крвѣ шляхецкой было. Далеко болшей о томъ жолнѣру, которій окопи, стрѣлбу, вали проникаеть, безъ валовъ и окоповъ, розумѣти високо треба. Наступовалъ потужно его милость панъ полковникъ, беручи въ томъ помѣръ частью зъ прешлой викторіей его милости пана гетмана полного коронного, родного своего подъ Кумейками, частю зъ ради полковниковъ своихъ и положеня мѣстца, частю зъ урожоной индустріей, которую взялъ весполъ зъ кровю зъ валечного добродѣя своего родича и зацного дому ихъ милостивыхъ пановъ ґрабевъ Терновскихъ зъ Тернова. Натиралъ теди на таборъ, набѣгалъ на стрѣлбу, отачалъ войскомъ, козакомъ реестровимъ до своихъ фортелевъ улейґрадовъ (sic), аби ихъ не ражено, удатися казалъ, зъ килка сторонъ теди натираючи, мордовалъ ихъ сили, мѣшалъ замисли, оборочалъ якъ въ котлѣ, много що разъ разивши стрѣлбою, гордіи ихъ мисли о землю ударялъ: прериванiй таборъ ледво ратують, але то еднакъ не безъ нарушеня нашого войска, зраженя коней и забитя

Битва подъ Лубнями

много. Чекають еднакъ, усилують много и моцно надъ кимъ декретъ свой Богъ укажеть и кому викторію подасть. Уже ся тое игриско добре кровю облило, уже взяло часу зъ полудня (добре), уже неспори минають, а еще Марсъ въ своей порѣ стоить, знову, заведши рейменти насправнѣйше мѣстце, аби лавою таборъ вдолжъ порушити могли, а хоругви имнетъ свой ку нимъ аби рушали росказалъ, и такъ Марсъ зъ Сатурномъ ажъ до смерку бало ін белло отправовали, нощъ ґди надходить, вѣнцемъ непріятеля оточено, але ижъ нощъ темная стала и людъ змордованій по части, мнѣмали коронніи, ижъ нощъ оная осторожностю и въ нокою зніидеть, а дня утрешного сѣмнадцатого мая на снѣданя запросити, але Остранинъ, которій былъ зъ тою фантазіею зъ Голтви війшолъ, ижъ ся тилко мѣлъ въ полю присмотрѣти войску и страхомъ все справити, а не бити, той же ночи мѣстцемъ несподѣванимъ, блотами и багнами уйшолъ *). Уже была фантазѣя змѣнилася голтвянская Остраниновѣ въ томъ конґрессѣ крвавомъ, потреба была еще, абя надъ нимъ зъ другими усипано могилу, алежъ его срожшій страхъ чекаеть: паль острая, або висока шубеница, яко между лотри найболшому. Повѣдаеть писмо святое 4 Reg: Охозіяшъ кроль, ґди себѣ надламалъ карку зпадши зъ гори, послалъ до Веелзевула о пораду, идѣте порадтеся Веелзевула ежели живъ буду. Кеди уже надламалъ карку, самъ пойшолъ Остранинъ до Веелзевула, утѣкаючи по мѣстѣ, бабъ чаровницъ питалъ, если жити будетъ, о тое ся въ Лохвицѣ по потребѣ той, а потомъ въ Миргородѣ, уходячи, питалъ. Нужднику! чекають тебе кайдани и муки, не утече хочъ ся проволоче.

Остранинъ утѣкаетъ зъ подъ Лубень.

*) Въ подлинникѣ Окольскаго слѣдуютъ слова: Ale poczekać było do jutra, ażebyś był to otrzymał, co Marcellus consul ad Venusium otrzymał był. Wyszedł przypatrzyć się obozowi Anibelowemu; wnet straż postrzeże, oskoczy, zabije; usypałci mogiłę nad nim Anibal. — Нужно тебѣ было дождаться утра, для того чтобы постигла тебя участь, подобная участи консула Марцела при Венузіи. Онъ вышелъ разсмотрѣть лагерь Аннбала, но тотчасъ былъ примѣченъ стражею, окруженъ и убитъ—Аннбалъ-же насыпалъ надъ его тѣломъ могилу.

РОЗДѢЛЪ 4.

Що 16 мая по уществіи Остранина учинено.

Три рѣчи потребніи суть по кождой розгромленой въ войску христіанскомъ: напредъ аби Господу Богу, которій силъ додаеть на войнѣ и ради, по оной виграной и отриманю пляца, всѣ весполъ дяковали. Учинили то христіанстіи жолнѣре и кождій Господу Богу вота шлюбленіи, аби утверждалъ при мши святой, або отдавалъ; зачалъ абовѣмъ Богъ декретъ свой на томъ то пляцу зъ Остраниномъ и надъ всѣмъ своволенствомъ виконивати и расчитивати Proverb. 14: справедливость албовѣмъ подносить народи, грѣхъ засъ мѣзернихъ чинить. Другая: товариство побитое, яко обокъ зъ собою на войни будучее, одни до гробовъ проводили, другіи in depozytum отдавали, другіи ратунки офѣръ за нихъ куровали; бо ежели завзятость непріятельская звитяжаеть людзкость и цноту, ижъ ихъ гребемо; далеко болшей зичливости звичай и звязокъ христіанства мѣетъ насъ къ тому возбуждати. Третяя консулту учинено, що далѣй чинити? пустити утѣкающимъ золотій мостъ чили не давати купитися, але кончити сили его. Рада станула аби за нимъ слати, аби остатня гирша не была первой. И вислалъ его милость панъ полковникъ: его милости пана Гижицкого ромтистра, его милости пана Павловского, его милости пана Казанового—хорогви и регстровихъ килко сотъ, которіи вищедши за обозъ шляхомъ за имъ, аби стороною ити, радячи собѣ рекли, аби на всѣ сторони мѣти око зъ многихъ причинъ и не могли лѣпше радити. Добра рацѣя зъ нѣба натягненой мудрости. **Погоня за Остраниномъ.**

РОЗДѢЛЪ 5.

Реестръ кровю писаній подъ Лубнями мужества жолнѣра короннаго.

Хороговъ ясне велможного пана Канцлѣра коронного.

Хороговъ его милости пана гетмана польного коронного.

Хороговъ его милости пана старости Виннѣцкого.

Хороговъ его милости пана Хростовского.

Хороговъ его милости пана Гижицкого.

Хороговъ его милости пана воеводы Чернѣговского.

Хороговъ его милости пана старости Трембовелского.

Хороговъ Гелѣяша Четвертенского.

Хороговъ его милости пана Мелецкого.

И много инного товариства зъ подъ розинхъ хороговъ такій рестръ крвавій писали.

III.

ЧАСТЬ ТРЕТЯЯ.

О НАСТУПОВАНЮ И ПОБИТЮ ПУТИВЛЦА.

РОЗДѢЛЪ 1.

Кгди дорогу по Остранину его милость панъ Гижицкій зъ компаніями себѣ злѣценими взялъ, нѣмъ его милость панъ полковникъ войска коронного рушилъ обозъ и войско, вислалъ двохъ коморниковъ за его милостю паномъ Гижицкимъ, аби подъ Миргородомъ убѣжалъ мостъ; они gди спѣшать, постерегуть войско и, болшей о непріятелскомъ нежели о своимъ розумѣючи, назадъ обернутся ку его милости пану полковниковѣ, которого не застали, а онъ килка хороговъ его милости пана гетмана полного коронного, хороговъ козацкую и хороговъ свою (отправлялъ), где имъ неяко ординансъ ку Спѣкороду давалъ. Тамъ gди вѣдомость дадуть о войску, близко подшедши подъ войско зъ двома хоругвами, почали *) конейктуровати, же непріятель. Вишлетъ о язикъ, которыи пилнуючи

*) Въ подл. Околь: obscurorum conjecturam ex evidentibus colligere — заключать по извѣстнымъ даннымъ объ неизвѣстныхъ.

ходу и способовъ рейментаровъ войска, познали ретелно, же непріятель; постаравшися теди о языкъ, привели до его милости пана полковника, которій повѣдалъ же Путивлецъ, Мурка и Рѣпка вождове, людь виборній и добріи стрѣлци есть между ними; Донцовъ пятсотъ, другіи суть отъ границъ запорозскихъ, іедуть Остраниновѣ на помоцъ. Прето росказавши хорогвамъ онимъ ихъ забавляти, випровадити що прудшей войска поспѣшилъ; задерживалъ тамтую навалу козацкую его милость панъ Комаровскій, поручникъ его милости пана гетмана полного коронного зъ его милостю паномъ Творіянскимъ, поручникомъ его милости пана полковниковимъ до толь, ажъ войско коронное наступило. Щасти Боже и дай войску твоему тую погоду,

Путивлецъ зъ иними въ помочъ Остранину.

РОЗДѢЛЪ 2.

Наступоване войскъ коронних ку путивлцевѣ.

При оборонѣ и на добромъ оку заставивши обозъ, его милость панъ воеводичъ війполъ шикомъ въ поле противъ непріятелевѣ; сердце въ товариствѣ дрижить, еще не натѣшилися зъ оногдашной забави зъ собою, але утѣхи до утѣхи (прибуваетъ); доброму абовѣмъ жолнѣровѣ, которому не страшна есть непріятелска шабля и навала, утѣшнѣйша рѣчь быти не можетъ, яко виходить на плацъ рицерскій зъ непріятелемъ отчизни и покою посполитого. И не мовлю для того, ижъ власне то есть живо жолнѣра аби aequitatem боронилъ, бо Александеръ Северусъ казалъ былъ въ обозахъ своихъ волати: що тобѣ не мило другому не зичъ, але жеби въ рѣчи самой показалъ тое, же есть жолнѣромъ правдивимъ, а иначей показати того не мо-

жеть, едно gди жадной оккавіей военной не омешкиваеть и на пляцъ ку неприятелевѣ веселѣй нѣжли въ танецъ виходить; такъ охотно и весело виходило рицерство, любо не вытхнувши себѣ, ку Путивлцевѣ. Обачивши войско Путивлець опустилъ крило, розумѣлъ бовѣмъ, ижъ то все, що его забавляли и былъ отчасти смѣлій, ово еднакъ скоро осипавшися, смѣлшимъ зоставалъ; то еднакъ ихъ не тѣшило, же безъ води станути мусѣли, уфали еднакъ, ижъ ся приткнути въ порадцѣ не трудно имъ будетъ. Але слабо собѣ тушилъ, gди на войну до Германѣей виходилъ Алексаидеръ Северусъ; една ворожка и значна такъ ему ворожила: не уфай въ мощи войска твоего, звѣтязства не будешъ мѣлъ. Я, gди сроgую фортуну надъ Путивлцемъ вижду, въ той зачатой потребѣ, якъ бимъ въ зверцадлѣ видѣлъ: не сподѣвайся викторіей, не дуфай въ жолнѣру: — и проиграти мѣлъ и власнее товариство гакъ ему зготовало; ведлугъ злой вѣри, зле ему сталося.

РОЗДѢЛЪ 3.

Друга потреба подъ Лубнями зъ Путивлцемъ.

Кгди Путивлець наступаючій видить хоругви коронніи, не понижился, не тилко далъ знати, ижъ есть ребелѣзантомъ, але заострилъ охотнаго жолнѣра на ся. Таборъ, въ которомъ уфалъ, такъ угрунтовалъ: вози густо споивши, оглоблѣ на кшталтъ списовъ обернулъ, аби и до колясъ самихъ приступъ не былъ. Оконъ кинулъ, а in figuram ovalem таборъ спорадилъ; много мѣлъ зъ янчарками стрѣлцовъ и добрихъ. Обигналъ его его милость панъ воеводичъ около правѣ, аби если перервати не прій- (Битва подъ Лубнями зъ Путивлцемъ.)

де табору, принамнѣй зтруждени, безъ престанку силуючися, уставати, а за тимъ уступовати поля мусели. Сро́га то рѣчь была до такъ великой десперацiей впровадити непрiятеля, где подъ часъ отважнiй здоровъемъ доказуетъ, але на потужного, звязлого и огнистого—огнисто тежъ наступовати потреба было. Зо всѣхъ правѣ сторонъ въ таборъ мѣрено, бито (бо) въ щиримъ полю и ровнинѣ перешкоди не было. Малая потичка не великую приносить славу. Не омешковалъ тежъ и непрiятель, але прибѣгаючихъ ку таборовѣ богатировъ и персами своими и конскими, борзѣй нѣжли якими таранами розбиваючихъ таборъ, сро́го и густо разили. Долго зъ обохъ сторонъ еднакая битва трвала: частю для справи таборской и доброго стрѣлца, частю для що разъ жившого натартя рицерского и звлаща тамъ, где небезпечно стати было. Вибѣрала курява очи, порохъ нѣтилъ прагнене, солнце витискало сили, безъ спочинку зъ працею години бѣжать, а преціе чоло войни чоломъ зъ обохъ сторонъ и крокомъ пляцу не уступують. Але ґди наклоненіе солнца зачинаетъ, наклоняется и война. Обачили ребеллѣванти, же за прiйстемъ ночи прiидеть и смерть, будучи въ праци безъ посилку, але еще и того по собѣ знати не дають. Пало не мало въ таборѣ: раннихъ и пострѣлянныхъ много есть, немалое зтенкане людей и коней найдуется въ таборѣ и у нашихъ значна того часточка, еднакъ квѣтнеть война. Наступуй еднакъ потужнiй полковнику, недайся ледаякому щастю турбовати, въ дому зацномъ Потоцкихъ поточнiи справи и валнiи точилися, бачить тое каждiй, где колвекъ окомъ на погранични краи поиздрить. Знось, наступи и трiумфуй надъ непрiятелями отчизни и его королевской милости, пана нашого милостивого ласки kontemptorami. *) Повѣдаетъ Hesychius о мужехъ знаменитихъ, ижъ Eratosthenem прозвано было другою лѣтерою грецкою—вѣта, ижъ большимъ (близокъ) и во всякомъ ро́дѣ военного искуства другой былъ *); вижу я, велможнiй пол-

---

*) Т. е. пренебрегающими.

*) Въ ориг. Околь. ео, quod summis proximus in omni genere disciplinae secundus teneret. Въ рукописи Величка переведено съ пропусками.

ковнику, ижъ по ясне велможномъ гетманѣ полномъ теперъ мѣсте тримаешъ, естесь постъ альфа—вѣта. Прето ежели онъ билъ и зносилъ непріятеля, того тобѣ уже бити и зносити, яко на его мѣстцу будучому, за щастемъ его королевской милости пана нашого милостивого и превагою твоею того непріятеля приходить. Хто беззаконіе сѣеть, пожнеть злая: фурѣя та хлопская имъ же будеть на взгарду. Наступовалъ его милость панъ полковникъ, преломилъ сили и шики сваволніи; просять милосердія, удаются до покори, нарѣкають па свои несщасніи справи, присяги обѣцують. Але въ томъ погамовавши шаблѣ свои, на око обступленихъ, отступити не хотѣли и ночъ цѣлую на пилнѣйшомъ ову, научени справою остраниновою, онихъ мѣли и до дня пришлого додержали. Однось новину шпѣgу остраниновѣ и его злому товариству, ижъ ему уже правую рувѣ оттято, gди такого люду купу и зъ рейментарами утратилъ, однось, же и око стратилъ, бо, за такою вѣстію, не сегодня обачить такого юнака, однось, же и голову стратилъ, бо себѣ щиршаго надъ нихъ зналѣзти не моглъ, однось, же и душу стратилъ, бо тая невинная кровъ о помсту на него волаеть до неба. Упокоряется Путивлецъ Полякамъ.

РОЗДѢЛЪ 4.

Суплекации войска Путивлцового и резолюцıя ихъ.

Ясне велможний мосцѣ пане полковнику войска его королевской милости коронного, пане нашъ милостивий!

Упадаемо до ногъ вашои милости мосцѣ пану пашому милостивому, ми утрапленіи найнижшии слуги и подножкове; подъ тін нещасніи бунти и своволенство не моглисмо потра-

фити, где кинутися, сила насъ такихъ нещасннхъ слугъ и подножковъ короля его милости, пана нашого милостивого знайдовало, чуючи такое писане вашей милости пана и добродѣя нашого пошлисмо были до старшого, полковника войска его королевской милости запорозскаго, Гелѣяша Караимовича, ажъ насъ не потѣшная и не пожитечная вѣдомость стрѣтила у перевозовъ, же Остранинъ листи заслалъ такіи свои, еслиби не мѣли де него пойти, огнемъ и мечемъ хотѣлъ насъ казнити; за грѣхи наши смертельніи мусѣло намъ такъ статися, жесми невинніи люде пошли, мѣновите то насъ найгоршая споткала невиннось, жесми увѣрили листовѣ остраниновому, въ которомъ писалъ, же уже трактати дойшли зъ велможностю вашою, нашимъ милостивимъ паномъ и добродѣемъ и росказалъ вашъ мость до себе ихати, аби въ купѣ войско было, а меновите до реестровъ. Ми невинніи люде сидѣли дома, а кгди грѣхъ стался якійсь, якъ крилами налетѣлисми на кровъ, которой сила мусѣло вилитися зъ людей невинныхъ, присягаемо на Богъ живій; жесмо не на войну ишли и не мислили и руки подеймовати на кроля его милости пана нашого милостивого и на рѣчъ посполитую и противко вашой милости, милостивого пана и добродѣя. Улѣтуйся ясне велможній милостивій пане и добродѣю надъ нами, невинними людми, не дай намъ всѣмъ погинути и крвѣ невинной болшей ся лити, которая кровъ невинная волаетъ до пана Бога, бо въ томъ не наша воля была, але тихъ, которіи недавно зъ Запорожя війшли, намъ мешкаючимъ на самомъ краи зъ обохъ сторонъ, але отъ Запорожцовъ меновите, которіи частокроть прохожаются. На тое милосердіе нехай будеть вашои милости ясне велможного милостивого пана, нехай бисми ся до домовъ своихъ вернули и Господа Бога за щасливое пановане вашей велможности просили и до Остранина не мислимо ити. Змилуйся милостивій пане, рачъ насъ пустити до домовъ своихъ, а зъ домовъ своихъ готовисми на услугу вашей милости, нашого милостивого пана и старшого своего пана полковника, которій намъ естъ

жеданій зъ росказання его королевской милости и ихъ милостей пановъ гетмановъ коровнихъ и вашей милости, милостивого пана нашого. И тое тежъ вашей милости, милостивому нашому пану ознайменуемъ, же старшогосми собѣ нинѣшнього дня упросили—Ивана Василевича, которій на тое приводить, аби до ногъ упасти вашой милости, милостивому нашому пану и старане хоче мѣти, жеби и Остранинъ зъ своею компанѣею упалъ до ногъ; о що и повторе и подесяте упадаемо до ногъ вашей милости, милостивого пана нашого о милосердній ратунокъ. Дано зъ окопу ве сроде.

Ясне велможности вашой, а намъ милостивому пану найнижшіи подножкове

Иванъ Василіевичъ.

На такіи суплѣки, таковій респонсъ отъ его милости пана полковника одержали.

Не тилко зъ того смѣлаго прогрессу вашого и руки поднесенія на Его Каролевскую милость, пана нашего милостиваго и войско его познати то, зъ якою интенціею, и куды, и на що есте ишли, але изъ самаго того писанія вашого, жесте волѣли гултая Остранина, а нѣжели Кроля Его милости, пана нашего милостиваго и его полковника слухати, за що негодны есте и милосердія; едно ижь такъ часто присите, поневажь отступилисте старшину, которая васъ тутъ привела, а иних обиралисте себѣ, я учиню оное зъ вами, але за таковими кондиціями: первая, абисте старшину давную видали, то естъ: Путивлца и Рѣпку, другая абисте заразъ на службѣ при Гелѣяшу полковнику зостали, вѣрность присягою затвердивши.

Отписують козаки: ижъ то суть люде невинніи, Богомъ свѣдчимо, болшъ то суть въ службѣ Его королевской милости и потомъ волно ихъ взяти будеть, а Рѣпка, раннимъ барзо будучи и подданимъ вашей милости, милостиваго пана нашого зъ Кременчука, въ рукахъ будеть на службѣ; заразъ оставатися не можемо, бо много хорихъ маемо и забитихъ, одвезши ихъ

до дому, за полъ тижня ставимося вашей милости, милостивому пану нашему, где роскажешъ. Але его милость панъ полковникъ иначей до милосердія не приступовалъ, прето они на завтре, 19 мая, оджаловавши Путивлца и Рѣпки, одислали ихъ его милости пану полковникові и такъ милосердіе найдовали. Памятна мнѣ есть наука кролевой Молошовъ, которая зъ Греціей утекаючого Темистоклеса, аби его быль король ей принялъ подъ оброну и давніи ему неприязности отпустилъ, такъ короля просити научила, gди король ворочатися будетъ зъ провидки, заступи ему въ брамѣ, а возми сина его на рудѣ, а поднесши его противъ нему мовъ такъ: презъ того сина прошу тебе, пріими, отпусти, не видавай. Учинилъ тое Темистоклесъ и ласку одержалъ. То учинили казаки: за свое сваволенство годны были смерти, але же ихъ научено, аби для милосердія Путивлцемъ заслонилися, випровадили нуждника и отдали: нехай твоя голова за всѣ наши голови, прощай насъ сподару.

Путивлецъ и Рѣпка отдани Полякамъ отъ своихъ.

РОЗДѢЛЪ 5.

О висѣченю табору Путивлцового.

Кгди отдавши старшину, зъ его милостю паномъ воеводичомъ посланніи козаки о далшее милосердіе просячи, розмовляются, а рицерство оточеніи таборъ войскомъ, на себе поглядаючи и подъ хорогвами много товариства своего для зраненя и забитя не видять, коней своихъ позабиваниxъ много подъ таборомъ бачать, жалемъ великимъ здятіи, до гнѣву побудилися и, впадши до табору, всѣхъ вистинали и такъ не тилко надъ Путивлцемъ, але и надъ всѣми своволними кривди Его короле-

За Путивлцемъ и его войско пропало.

вской милости и своей зомстилися. Въправдѣ и непріятелевѣ доховати треба вѣри, а звлаща ꙃди интенція рѣчи посполитой не инпая была, толко ускромити козаковъ, але не вигладити. И подобно въ томъ и нѣякіе его милости пана полковника коронного будеть разумѣлъ не ушановане, але дати мѣстце мусить и жалевѣ не утоленному жолнѣрскому при такой нуждѣ и шкодѣ; або тежъ то тую справу прійдеть самому Богу и Его диспозиціей приписати, котрій суровій гнѣвъ на кривоприсяжцовъ и турбаторовъ покою посполитого оглашаеть: не ровняйся зъ людми злими и не хоти быти зъ ними Proverb. 24. Болшъ и такая справа, аби были до домовъ пошли, яко напиралися, не малую би трудность принесла была, поневажъ Остранинъ зъ войскомъ былъ готовій ку запорозскимъ границамъ, а ꙃди ихъ такъ знесено, страшнѣйша рѣчъ сталася всему непріятелевѣ. Аннѣбаловѣ незвитяженому кгди предъ очи и обозъ кинено голову брата его Аздрубаля, обачивши збитое войско и брата голову, сердце и сили отъ него отступили. Такъ ꙃди Остраниновѣ кинуть предъ очи Путивлца и такъ много головъ, Шикиравого голову, и Скадана, и инныхъ бунтовниковъ прійдеть на него перепастница подъ литки и утѣкати мусить, чого сподѣватися и по Остранинѣ за такимъ такъ чолнихъ козаковъ побитъемъ: «Се злое предъ лицемъ Господнимъ» Jud. 3. Чистимъ полемъ уже обернули хорогви ку обозовѣ, аби за Остраниномъ поступили; на путь правій да наставить васъ Господь!

РОЗДѢЛЪ 6.

Реестръ печатаровъ потреби зъ путивлцемъ.

Хороговъ его милости пана Каменецкого.

Двѣ хорогвѣ его милости пана маргграбіого, старости Гродецкого.

29

Хороговъ его милости пана Вишневецкого Еремѣя.
Хороговъ его милости пана Вишневецкого Александра.
Хороговь его милости пана старости Ляцкорунского.
Хороговъ его милости пана Павловского
Хороговъ его милости пана Загоровского
Хороговъ его милости пана Гдалинского.
Хороговъ его милости пана Мочарского.
Хороговъ его милости пана Коморовского.

И много инного товариства зъ подъ розних хорогвей, такъ квартіалнихъ яко и панскихъ, тую зъ Путивлцемъ потребу печатовали.

Нагробокъ рицерству коронному.

Jak śliczne słonce sprosna ziemia tłumi,
    Tak szlachecką krew chłop nikczemny gromi.
Patrz servilia bella co umieią:
    Mężnie się potykasz, a oni śmicią;
Stań senatorze wysoko zrodzony!
    Smielszy chłop będzie y nieukorzony:
Nam Bog na niebie uchyli zasłony,
    Zniesie ecclypsim y da wieczne trony,
Bo dla oyczyzny y Boga samego
    Padniem na placu bez żołdu wszelkiego.

IV.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ.

О НАСТУПОВАНЮ ЗА ОСТРАНИНОМЪ.

РОЗДѢЛЪ 1.

Осторожность его милости пана полковника по отриманомъ звитязствѣ.

Осторожность Поляковъ по виграной.

Для осторожного житя и поступку въ справахъ вшелякихъ хвалебного, права, даного себѣ, зъ пилностю стражи перестерѣгали, между которими правними правилами мѣли тежъ и тую едну регулу, даную отъ Кронида: хто въ домъ дѣтемъ своимъ мачуху приведеть, той не чести, але безчестія достоинъ, яко домашной незлагоди причинца. Остре право то еднакъ въ христіянствѣ не маетъ уваги, анѣ мѣстца, бо и Евангелией право и юридика свѣцкая загородила тимъ дессенсіомъ. Еднакъ до полковниковъ и рейментаровъ войскъ отвернутися можеть. Той, которій есть на мѣстцу гетмановъ, такъ острожнимъ быти маеть, яко отець, пилнуючій вшелякого припадку синовъ своихъ,

аби яко за отчимомъ домъ, такъ за нимъ войско не упало. Перестѣрегалъ его милость панъ полковникъ вшелякой оказіей противной, отдавши теди Господу Богу дяки, послалъ на чату его милости пана Хростовского ку Днѣпровѣ долному, въ другую его милости пана Длотовского, частю аби заборопяли купъ, частю аби зкупленнихъ розгромили. Вишедши на чату въ килку сотъ коней, нижей Сокирной подъ Еремѣевкою засталъ сто тридцяти сваволенства панъ Хростовскій, которіи, постерегши людъ, до двохъ халупъ замкнулися и боронили, дойшолъ ихъ панъ ротмистръ и огнемъ знеслъ 22 мая; оттуду отшедши, а видячи прейсте волнее, вислалъ зъ половину чати ку Кіеву, Захаріяша и Залѣского реестровихъ 25 мая, а самъ ку Терехтемирову поступилъ, обигнавши береги надъ Днѣпромъ чатою, взяли вѣдомость, ижъ по за Днѣпромъ есть щось сваволенства, але тутъ не маешъ, принесли и то, ижъ у Терехтемирова мають пе-перепраоватися, дойшли и того, же князь Вишневецкій Еремѣй зъ людомъ немалимъ уже переправился презъ Днѣпръ; одислалъ тую вѣдомость до его милости пана полковника коронного, а самъ до Терехтемирова поспѣшилъ 6 іюня, напавъ на людъ козацкій ниже Терехтемирова, которій до гори водою ишли, тамъ ся зъ ними галасовалъ день цѣлій, бороначи перейстя; гинули якъ бестіи, але еднакъ, конно берегомъ ходячи, трудно было заборонити, и самого пана Длотовского мало тамъ зъ самопалу не назначено. Вернулся зъ чати и засталъ князя его милости Еремѣя, 7-го іюня, зъ людомъ своимъ и князя его милости Домѣнѣка и зъ людомъ ей милости паней канцлириной, зъ людомъ ей милости паней конюшиной, прійшолъ подъ обозъ коронній и осмого іюня до обозу входилъ, которое его прійсте такъ велце милее было струженому рицерству, ижъ якоби ангелъ якій зъ неба до нихъ, отъ Бога посланій, пришедъ, не потреба тамъ было питати: кто естесь, чи жолнѣръ, чи шляхтихъ, кто яко пріехалъ, але диоватися потреба было, смотрячи на шляхту родовитую и достатнюю, досвѣдченого жолнера: ишла изда усарская не преламанихъ

Полскіе чати розослани.

Подъ Еремѣевкою знайдено козаковъ 130 и знесено мая 22.

Чати полскіе по надъ Днѣпромъ.

У Терехтемирова промиселъ военній.

Посилокъ войскъ зъ полски прибилъ до обозу.

силъ, ишли козаки арматніи, ишли сагайдачніи, ишло пѣхоти виборной гуфцами не сотнями, ишолъ зъ ними той, которій умѣлъ радѣти *), въ маломъ тѣлѣ великихъ силъ и неуляквеного сердца, которому найнебезпечнѣйше мѣстце игриско было. Дають такую повагу его княжеской милости въ справахъ военнихъ и рицерство коронное и чужоземскіи войска, а надто ясне велможній его милость панъ воевода Брацлавскій и гетманъ. Прето такой зичу слави въ далшомъ прогрессѣ вашой княжой милости, аби тое писано о вашой княжой милости, со apud Carionem de Alcibiade piszą: Alcibiadis fuit excellens ingenium, fortitudo, industria et felicitas in praeliando tanta, ut semper ea pars, cui adfuit, vicerit.

РОЗДѢЛЪ 2.

Компутъ войска, которее пришло подъ Лубнѣ зъ княземъ его милостю Вишневецкимъ Еремѣемъ.

Его милости пана воеводи краковского усарѣ: панъ полковникъ Брозовскій, панъ Гризовскій, панъ Чорній, подстаростій бѣлоцѣрковскій; козаки, панъ Островскій и двѣ другихъ хоругвей; пѣхоти чотириста, Зазновицкій, драгуновъ сто. Людъ ей милости паней Канцлириной, которихъ проводилъ панъ хорунжій брацлавскій, Дикъ—чотириста. Людъ князя его милости Владислава Домѣника Острожского, конюшого коронного: полковникъ его милости Хоецкій. Людъ князя его милости Вишневецкого: драгуновъ 100, козаковъ двѣстѣ, Венгровъ сто, Украинскихъ людей тисяча, арматъ шисть. Ей милости паней конюшиной коронной Вишновецкой зъ паномъ стражникомъ: уса-

*) Въ подлин. Околь: Qui his omnibus imperare noverat—который умѣлъ всѣми ими распоряжаться.

ра 100. Панъ Дубенскій Еразмъ и козацкій панъ Барановскій— пѣхоти 200. Усарѣ: Хороговъ его милости пана Адама Калушовского. Его милости пана Андрѣя Черамѣнского 100. Его милости пана Стапѣслава Горского 100. Пятигорцѣ: пана Чечеля Семена 100, пана Ивана Вороновского 100. Пана Андрѣя Русиновского 100, пана Андрѣя Олдаковского 100. Козаки: Пана Прилуцкого 200, пана Стефана Липского 200, Татаровъ двѣстѣ. Драгуновъ съ капитаномъ Петерсаномъ 200. Пѣхота: его милости пана Дубовского 100, пана Андрѣя Севлюка 100. Пана Лягевнецкого 100, пана Лукаша Венгрика 100. Арматъ 6 зо всѣмъ оппаратомъ военнимъ.

РОЗДѢЛЪ 3.

Новина зъ обозу и до обозу отъ гетмановъ ихъ милостей.

О знесеню Путивлца зъ немалимъ ущербомъ коронних.

Дня 24 мая, чинячи досить повѣреному себѣ урядовѣ, его милость панъ полковникъ коронній въ томъ пляцу военномъ, одислалъ вѣдомость о Путивлцу ихъ милостемъ паномъ гетманомъ и о немаломъ нарушеню коронних, але, ижъ таковая битва, иначей не умѣетъ, толко зъ обохъ сторонъ уражати, дали ихъ милость панове гетмани коронніи тую надѣю войску: напередъ его милость панъ краковскій, ижъ ся уже зъ Полши на Подоле обертаетъ; другая, ижъ его королевская милость потребуеть по его милости пану гетману полномъ аби, до войска на Украину, яко напрудшей поспѣшилъ, для забѣженя купомъ своволнимъ; третая, ижъ рѣчъ посполитая для рицерства много учинила на сеймѣ, чверть даровано, банѣціи позношено, донатіумъ постреленнимъ и заплату всѣмъ въ остатнѣхъ

днахъ августа обмислено, на що все его королевская милость унѣверсалъ рицерству дать таковій рачилъ:

Владиславъ четвертій зъ Божой ласки, король полскій, великій князь Литовскій, Рускій, Прускій, Мазовецкій, Жмудскій, Инфляндскій, Смоленскій, Чернѣговскій и Шведскій, Готфскій и Вандалскій дѣдичній король.

Всѣмъ вобецъ и кождому зъ особна, кому тое вѣдати будеть належало, меновите: полковникомъ, ротмистромъ, капитаномъ, поручникамъ и всѣмъ стану рицерского людемъ, на службѣ нашей и рѣчи посполитой будучимъ, вѣрно намъ милимъ, ласку нашу королевскую. Вѣрне намъ милiи! за прибитемъ пословъ вѣрности вашой на сеймъ близко прешлій, вирозумѣвши постулата всего войска до насъ принесеннiи, на то, що колвекъ до уконтентованя вѣрностей вашихъ нележало, охотнюсмы, за зезволенемъ всѣхъ, на права рѣчи посполитой присмотруючися, при офѣрованню далшой всему рицерству ласки нашой, позволили, зоставуючи въ службѣ вѣрность вашу, которая почалася первого марта, окончитися маетъ первого сентеврія, напоминаючи при томъ и мѣти тое по вѣрностяхъ вашихъ хотячи, абисте ся вѣрность ваша при вшелякой скромности, безъ утяженя людей убогихъ заховали, а перестерѣгаючи артикуловъ военнихъ, жадной до ускаржаняся причини не давали, що ми, яко инніи прислуги, отъ вѣрностей вашихъ мило принявши, онимъ ласку нашу панскую, въ подаваючихся окказіяхъ, офѣруемо. Данъ зъ Варшави. Дня 5 мая, року 1638 панованя королевствъ нашихъ: полского и шведского 7. Владиславъ король.

Іоанъ Гембицкій С. К. М.

Уконтентованіи такимъ писаніемъ отъ ихъ милостей пановъ гетмановъ коронних и его королевской милости пана своего милостиваго, цнее рицерство и синове коронніи, правѣ всѣхъ трудовъ и небезпеченства непріятелского позапамятували и, якоби отживленіи якою найкоштовнѣйшою алхимитскою вод-

кою, новіи сили взяли и, ку непріятелевѣ сили заостривши, службу его королевской милости пану своему милостивому и рѣчи посполитой цѣле и кровю освѣдчали; и нѣgди инной нагороди не мѣлесь сподѣватися цній военнику и обронцо корони полской по такъ много ласковымъ и добротливомъ пану и королю милостивомъ и при уважномъ сенатѣ его, би толко твоя была персеверанція, помѣръ часовъ узнавши, въ кроку своемъ задержоватися, за которою все доброе и жолнѣровѣ идетъ, о которой и самъ Бернардъ святій въ епистоліи 169 такъ мовить: терпѣти подъ часъ такъ есть пожитечно, ижъ нѣчого пожитечнѣйшого быти не можетъ; жолнѣровѣ кинешъ на сторону тую цноту терпѣнія и почеканя и прислуга твоя не возметь слушной нагороди и мужество твое не сдержить подобной слави.

РОЗДѢЛЪ 4.

О наступованю за Остраниномъ ку Спѣкороду и взятю Шеккравого.

Іюня 10 зъ подъ Лубень рушиловойско полское ку Остранину.

Кгди надъ сподѣване, за волею знать Бозскою, на кару сваволенства, а славу войскъ коронних, Путивлець зъ людомъ упрятненіи, заразомъ его милость панъ полковникъ, знесшися зъ ксіонженцемъ его милостю Вишневецкимъ и инними старшими надъ людми паньскими, обернулъ ку Спѣкороду сподъ Лубень 10 іюня, бо Остранинъ хотѣлъ всѣ сили обернути ку обозови, пришедши одъ Лукомля на тую сторону ку Спѣкороду, виправилъ былъ Гиравого, полковника своего подъ обозъ и на инніи сторони чати потужніи, самъ въ малой купѣ на

Шикородѣ зоставили. Не малій то ерорь былъ у Остранина, знать ижъ Богъ нань бичъ готовилъ, же ся такъ барзо злегчилъ. Приспѣшитъ полкъ коронній передъ войскомъ: хороговъ его милости пана Четвертенского, его милости пана Мелецкого, его милости пана Казановского ку Спѣкороду, задержуютъ ажъ войска наступять, о полуднѣ учинять ассалтъ, але, видячи себе въ щуплой горсти для розысланя на чати, (Остранинъ) боронячися ку ночи, уйшовъ ночю до Лукомля, ачъ Богу сѣющій не злагоди между братіею *) есть неблагопріятенъ. Наступилъ, за уступленемъ Остранина зъ пляцу немалій полкъ зъ Шикеравимъ своеволнихъ подъ обозъ, а ижъ въ ночи прійшолъ, для лѣпшого розезнаня що за обозъ и людъ, одшедши отъ своихъ для гуку, на дуба вплялся и такъ присмотрувался. Постерегли того реестровіи козаки и, прискочивши, взяли и князю его милости Вишневецкому отдали, былъ то давній козакъ, свѣдомий моря и бунтовъ принципалъ; много умѣлъ здрадъ и чаровъ на повѣтря, на стрѣлбу, але кому идеть на погибель и ворожка не допоможе; тѣшило то немало реестровихъ, же его достали и, якоби уже самого мѣли Остранина, такъ контентовалися. Людъ, которій былъ зъ Шекеравимъ—до полтори тисячи, видячи же стратили марне старшого, о себѣ почали радитися, ушедши на певніи болота и хворости, засѣклися и нѣякіи заслони починили, а кгди ихъ тамъ въ ночи козаки добували реестровіи, не врадивши имъ, отступили; на завтрее 11 іюня наступають драгуни князя его милости Владислава Домѣника Острогского и барзо великій импетъ учинять на засѣченихъ, приходить инна пѣхота ку нимъ и такъ козакомъ ліонтами докучили, ижъ, зъ пляцу уступуючи, въ далшіи болота поухожали, а же на нихъ що разъ наступовали, съ обохъ сторонъ пасти мусѣло: полеглъ тамъ великій иджинѣръ и капитанъ его милости князя Домѣнѣка, полегло немало такъ оффѣцеровъ, яко и пѣ-

Остранинъ до Лукомля уступилъ.

Шекеравій на его мѣстце прибылъ зъ чати.

Шикеравій взятъ въ руки Поляковъ.

Шекеравого залѣцене.

Войско Шекеравого.

Промислъ надъ нимъ Поляковъ.

Ущербокъ Полякамъ.

*) Въ подлин. Околь. слѣдуютъ слова: a temże słowem nazwać i principes regni—а подъ этимъ словомъ можно разумѣть первенствующихъ въ государствѣ (т. е. дворянъ).

Погоня за Шикеравцами.

хоти, а же наступовати за непріятелемъ треба было и то было росказане его милости пана полковника, бо и тіи роспрошени Шекеравого мѣли зъ себе кари, (sic) поневолѣ имъ кватеръ позволеній былъ, за которимъ своеволній козакъ утѣкати, охочій жолнѣръ за непріятелемъ наступовати часъ мѣлъ; наступуючи теди за непріятелемъ розними дорогами на купи, стягаючіися

У Александровки битва.

ку Остраниновѣ, напали а меновите у Александровки, где и товаришъ добрій его милости Гижицкого—Микулинскій запечатовалъ и инніи того снѣданя скоштовали, любо то болшей завше своеволнихъ людей ку себѣ чортъ притягалъ. Ислалъ теди передъ войскомъ его милость панъ полковникъ коронній килка хороговъ зъ его милостю паномъ Єдержинскимъ, ротмистромъ за Остраниномъ ку Лукомлю, а меновите для переправи у мосту на рѣцѣ Сулѣ. Догонила чата своеволнихъ,

Чата полская утѣкала.

опановала мостъ, але ижъ малая горсть на купу тисячами козаковъ, уступити мусѣли отъ мосту и заледво уйшли на Лубнѣ, а ижъ наступовало войско коронное тимъ же торемъ и передъ ними полкъ упережалъ, опановати мостъ усиловали, але козаки, додержати не могучи, огонь положили подъ мостъ и запалили, еднакъ такъ жартко ся люде его милости пана Казановскаго, его милости пана Гижицкого, его милости пана Коморовского, увіяли, ижъ отгромили мостъ и угасили; на-

Остранинъ ку Жолнину уходить.

ступовало теди войско и переходило, а Остранинъ ще пруд-шей ку Жолнину уходилъ, еднакъ охотнѣйшій жолнѣръ его утѣчкою зостаючи, охотнѣй наступовалъ и догонило его войско нижей жолненскихъ млиновъ, которого и до дня пришлого додержали тамъ, що Господь Богъ покажеть и справити будеть рачилъ, моцно, и мудре, и мѣрно зносити.

V.

ЧАСТЬ ПЯТАЯ.

О ПОТРЕБѢ ЗЪ ОСТРАНИНОМЪ ПОДЪ ЖОЛНИНОМЪ И ЗЪ ГУНЕЮ.

РОЗДѢЛЪ 1.

Уже перестережоное будучи подъ Спѣкородомъ рицерство, ижъ уже утренки не чекаетъ Остранинъ, але хочетъ самимъ ухожденіемъ змордованое рицерство и надъутленои конѣ доконувати, ажби погоду усмотрѣлъ, барзо рано попередять ихъ и, въ справѣ ставувши, до неба о помощъ восхтнули, и о таборъ козацкій ударилися, наступовали тамъ такъ горячо хорогви такъ кварцѣяніи, яко панскіи, ижъ не розизнати было, хто певнейшимъ былъ наступовати, за ровнимъ сердцемъ, едностайнимъ мужствомъ, зъобополною охотою, не смотрячи шкоды, уразы, смерти, розирвали таборъ, моцно скрепленій и огнемъ, рогатинами добре обостреній, дотолъ ажъ болшую половину розирвали, арматъ осмъ и порохи опановали, таборъ, якъ пустинею

Битва зъ Остраниномъ.

Таборъ взятъ.

всврозъ переходили. Останинъ, обачивши гвалтъ и упадокъ свой, презъ рѣку Сулу вплавъ перейшовъ, при едномъ бунчуку толко зоставши. Щасливий заправди початокъ дня того тринацятого, але Богъ еще викторію задержалъ, чили ижъ еще досить справедливости не сталося, чили на ихъ еще упомненіе, чи що таковаго при томъ розриванію табору бозскій маестатъ образило, не розумѣю о томъ такъ далеце, але розумѣю, ижъ необичайное загнанеся за утекающими, що не тилко щуплело войско короное, але и допустило часу, аби ся запертіи въ таборѣ позостали, а ти, въ диспирацію впадши, за наступованіемъ за собою, аби знову до табору и исправи пришли, що когда сталося, учинилась такъ крвавая потреба зъ обохъ сторонъ, ижъ срожшая быти не могла; полегло великаго тамъ сердца люду немало, между которими давній и добрѣ заслуженій поручникъ его милости пана Миколая Гербурта, каштеляна каменецкаго, старости скалского—панъ Билина, его милости пана маргграбіого поручникъ—панъ Владиславъ Ташицкій *), полегло такъ много товариства, такъ рицерства кварціалнаго яко и панского, ижъ веловѣковѣ жаль и перомъ онихъ вспомнити (недопускаетъ) **)

Шкода въ Полякахъ.

*) Въ подлинникѣ Окольскаго слѣдуютъ слова: poległ porucznik, wojsku koronnemu dóbrze świadomy jego mosci pana Bałabana, starosty trembowelskiego, pan. Wróblewski.

**) Въ подлин. Околь. слѣдуютъ слова: Patrzcie proszę, jako pomieszaną sprawą czoła swego i wojska, do srogiej rezoluciej przyszli, ktorych ani tytuły szlacheckie, ani dygnitarstwa godne, ani szerokie jakie domy, familje, majętności do tego upomnieć nie mogły, tylko hardość chłopska, niejaki pretext wolności, a uchrona zdrowia. Trudnoż tych do postanowienia sejmowego nachylić, według upomnienia ich mościów panów hetmanów i woli jego królewskiej mości pana naszego miłościwego, jako się w pisaniu swojem z Baden oświadczał, których nie rozum, ale upor przy swawoleństwie na szańc razi i skupiwa.—Взгляните-же до какой они ужасной рѣшимости пришли, послѣ переворотовъ, происшедшихъ въ войскѣ ихъ и въ предводителяхъ; они уже не удерживаются почтеніемъ къ шляхецкому званію, къ высокимъ должностямъ, къ стариннымъ родамъ, и къ богатымъ помѣстіямъ, ихъ руководитъ единственно дерзость мужицкая, какая-то мнимая свобода и желаніе безопасности. Потому то и трудно убѣдить ихъ повиноваться сеймовому постановленію, какъ этого желали Гетманы и Король, (изъявившій это желаніе въ посланіи своемъ, присланномъ изъ Бадена); ибо ихъ не разумъ, но упорство, удерживаетъ и подстрекаетъ къ своеволію.

усиловали еднакъ такъ потужно ихъ милость панове рицерство, аби ихъ доставати, але они, нового себѣ старшого обравши, Дмитрия Гуню, при которомъ такъ суровій себѣ Марсъ станцѣи записовалъ, до ночи тривали и въ ночи таборъ около табору кинули. Зайшла нощъ, gди тое утишила; въ день чотирнадцатій знову зачалася война, шанци засажаеть князь его милость Вишневецкій Еремѣй, самъ себе не шануючи, приводитъ своихъ до охоти, дають огня досить, рицерство короное кровю братіи и шляхти побуждено, наступаетъ въ такъ великомъ теди сердцу и силѣ шляхецкой; пригасла смѣлостъ хлопская, просять о милосердіе, аби толко до нихъ послано для розмови усилують. Задержить руку его милость панъ полковникъ и сили князя его милости милосердія позволять, пошлють имъ его милости пана Дика, хоружого брацлавскаго зъ его милостю паномъ обознимъ князя его милости Еремѣя, которій тамъ пріехавши, подали имъ кондиціи покою козаки: 1) аби Еліаяша Кораимовича полковника вѣрного и найпервейшаго реестровихъ козаковъ самошестого видано; 2) аби имъ новіи хоругви дали, 3) аби имъ армату, взятую подъ Кумейками вернено, 4) аби имъ того конфѣрмовано на старшинство, кого они захотять, а потомъ трактовати далѣй будуть. На тое речеть его милость панъ хоружій: впакъ ви естесте которіи о милосердіе просите, не войско короннее, а чемужъ такъ гардо поступуете. Не дали болшей говорити его милости пану Диковѣ, але ему скоро отъихати казано, потимъ зпитають: якъ вашу милость зовуть. Речеть: Дикъ. Здумѣвшися, рекли: Дикъ, идижъ, щоби дикованя зъ тебе небыло, заледво на стрѣленіе зъ лука отъ окопу ихъ отъихалъ, випустили за нимъ зъ два тисяча стрѣлби, где подъ конюшимъ коня забито. Уважтежъ гардость хлопскую и правду. Уважне на тое сеймъ коронній поизрѣлъ быль, але до того трудно приспособити буйволоватую шію, которая збороняеться роботи власной и доколь не принаглишъ и не примусишъ, немного справишъ, еднакъ такой смѣлости додала окказія тая хлопомъ, ижъ дано имъ певную вѣдомость же Скиданъ, которого віслалъ былъ Остра-

По Остранину учинили себе старшимъ козаки Дмитра Гуню.

Знову битва.

Козаки просять милости.

При такихъ кондиціяхъ.

Отправа пословъ полскихъ зъ обузу козацкого.

О Скидану вѣдомость у козаковъ.

нимъ до Черкассъ для суккурсу и аппарату военного болшюго, уже переправуется презъ Днѣпръ и тоейже ночи мѣетъ до нихъ приходити, якожъ и прибывалъ. Вѣдалъ о томъже его милость панъ полковникъ и вислалъ чтири хорогви квартіалніи козацкіи зъ Елѣяшомъ и реестровими, кгди моцно его потикали, ѕди ся одсунувъ отъ Днѣпра, човни при Днѣпрѣ зоставлени и стражу надъ ними, посекли, попсовали. Пришла въ томъ вѣдомость до

Вѣдомость у Поляковъ о гетманахъ ихъ зъ войсками къ нимъ идучихъ.

обозу, ижъ его милость панъ гетманъ полній прибылъ ку Кіеву, дороги позаступованіи отъ небезпеченства очистилъ, людей гроно: полковниковъ и ротмистровъ за нимъ идеть, а за нимъ скоро его милость панъ краковскій, которій уже зближился ку Подолю, наступуеть, дойшло то вѣдати и свиволенству, прето, аби не чекати пристя гетманского едни радять, другіи еще щастя спробовати при Скиданѣ зичать. Шистнадцятого теди іюня знову его

Знову битва зъ Гунею и Скиданомъ Поляковъ.

милость панъ полковникъ, знесшися зъ княжескими и панскими людми, о таборъ ударить людъ свѣжій и змордованій, досить маючи пороховъ и людей остросги, добуваеть, рицерство въ чулости своей и сердцу не звитяженимъ (наступаетъ, многихъ козаковъ) враже-

Скиданъ раненъ.

но, прето о себѣ радити почали и о мѣстцу оборонѣйшомъ промишлювати, а Скиданъ между забитими знайденій живъ, до Чигирана одосланій, але внетъ тое винюхали реестровіи, бо и смокъ не будетъ смокомъ, ажъ смока згрижеть, вислано килка хоргвей зъ реестровими на чату, аби тамъ Скидана шпѣѕовано, где и човни

Не престаетъ война.

козацкіи, познаходивши, порубали и попалили. Дня 17 не престаеть его милость панъ воеводичъ кончити неприятеля, виславши на чату ку Терехтемирову и монастирю его милости пана Хростовского ротмистра, которій на завтре зъ передною стражою ихъ стрелялся и, нападши на чолны ихъ гултайскіи, оніи порубалъ, потопилъ, самихъ, змордованихъ алтернатою, псовати и топити не преставалъ и любо волали милосердія, уже за першимъ своимъ поступкомъ негодни его были, але годніи, аби были мечемъ виглаждени. Гди такъ щоденна утарчка за прихожденіемъ сваволенства

Гетманъ полній конно прибилъ въ Переяславль.

множится, дадуть знать 10 іюня, ижъ комонникомъ его милость панъ гетманъ, армати и кулѣ и инніи тяжари зоставивщи подъ

Кіевомъ, до Переяславля прибѣжалъ. Увеселился велце жолнѣръ коронній и людъ князя его милости зъ княземъ Іеремѣемъ миле пріймовалъ новини, але своеволній козакъ, которій прибылъ до монастира того дня въ полтретѣ сотъ чолновъ, а тисячи ѣзди, розсипался розно, а Гуня въ своемъ обозѣ, ꙉди тое услишалъ, ночю, мост себѣ скоятивши, къ устю Старца рѣки, где въ Днѣпръ впадаеть, уйшедлъ зъ войскомъ. Мѣстце обороннее то есть, мѣло окопъ готовій здавна, ꙉди на томъ мѣстцу, яко намъ Себестеяновичъ поведилъ козакъ, передъ тимъ былъ обозъ, где тежъ доставалъ козаковъ князь его милость Вишневецкій, староста черкаскій, якожъ и теперь тамъ найдовано остроги старосвѣцкии; мѣетъ тое мѣстце досить води, дровъ и паши для коней и берегъ Днѣпру безпечній, которое теперъ такъ есть уфортефиковане и внутръ и отъ поля, ижъ брама ихъ завше отворена бывала; дивовался тамъ не еденъ инджен ѣръ праци и доброй инвенціей грубого хлопа, смотрячи на укрунтованіи вали, шанци, батеріи, заслони, бо хочажъ би войско коронное бистростю коней и вспанялостю сердцъ преникало было ихъ долини, перекопи земніи, дири, а персами ламали дубовніи ихъ палѣ и густіи коли, привалки и вали мужне перейшли, еще болшихъ силъ потреба было и новой отваги зажити *). Але не дивъ, же такой заживали праци, ꙉдижъ десперати казусъ учинять и великого богатира, и силного мужа, а до того ꙉди надъ собою видѣли гримящую руку Вишняго, которій, боронячи помазанца своего, его королевскую милость маестату, на каждомъ пляцу сромотне имъ гинути, сромотнѣй уходити росказовалъ; не вѣдаючи теди, що чинити таковіи обороти, не такъ для наступованя, яко для своего заслоненя чинили, яко то частніи суплѣйки ихъ, жаданя милосердія показують. Такимъ способомъ поступовалъ себѣ онъ ребелѣзантъ великій пану своему, Атеніонъ пастухъ, которій на пана своего зрадливую и бережную

Новее войско козацкое.

Гуня ушовъ зъ войскомъ до мѣсца обороннѣйшого.

Мѣстце оборонное козакомъ.

Прикладъ зъ Атеніона на козаковъ.

---

*) Въ подлин. Окольск. слѣдують слова: ...opanowawszy ich wały, zażyć na to, aby ich wewnątrz dostać miano.— ...для того, чтобы, завладѣвши валами, взять укрѣпленія внутри оныхъ находящіяся.

подниесши руку, окрутне его замордовалъ и, виламавши съ турми вязнѣ, взялъ на себе пурпуру и срѣбній кій взялъ въ руки; потомъ зобравши ℥мѣнъ хлопства, веси, мѣстечка, замки, найзжалъ, лупилъ, видиралъ, которого такъ не тилко фортуна пѣстовала, ижъ два крати зражалъ войска преторовъ, а два кратій обозъ одибравъ. Але ижъ то память несправедливости была, которую завше Богъ ображался, докладаеть Флорусъ Liber III, ижъ подалъ его Богъ на вѣчную ганбу: анѣ великость хлопства, анѣ оборони твердость, анѣ стрепѣтъ армати, анѣ сприсяженіи на злое замисли нѣчого его ратовати не могли. Наступилъ на него Аквѣріусъ Императоръ и такъ войскомъ оточилъ, ижъ дати отпору не могли, а послишавши, ижъ на нихъ наступовати не хочетъ, толко зморенихъ голодомъ, живо взявши, допере карати, устрашени караня стро℥остю, которого слушне сподѣвалися, сами себе забивали и отъ рукъ своихъ гинули, а оного вожда, видираючи его себѣ жовнѣре и вѣкторесъ, въ рукахъ розшариали, тогожъ сподѣватися было и тому рейментаровѣ новому, Гунѣ зъ его своволнимъ козакомъ; не маешъ горшой неслушностѣ яко тихъ, которіи, барзо согрѣшаючи, мняться бити добріе, але не утече мужіе хочъся одволоче, лучше Господь хочъ не скоро.

РОЗДѢЛЪ 2.

Кто есть той Гуня, рейментаръ своволнихъ козаковъ по Остранину.

О старшинахъ козацкихъ.

Удавають козаки, що рейментa подносять и волають до купи, ижъ кождий старшина у нихъ леда хто и не дають ему доброго слова, ℥ди на нихъ падаеть нещасте, а то для того чи-

нять, аби дѣлность, gдп обачуть въ немъ якую посторонiи, много о ихъ войску розумѣли, а еслиби нещасте припало на него, аби его висвободити латвѣй могли, а себе оборонити. Еднакъ кто на старшинство войздрить, мусить признати, ижъ не леда шевлюга на тое обирается або не леда херавца (sic) между собою обѣраютъ и звлаща кгди руку на пана своего и его гетмани и жолнѣра подносять. Уже теди старшій надъ сваволенствомъ не толко маеть бути нѣчти не вѣри, где пориваетея хлопъ и подданій на пана своего и короля, але тежъ маеть быти и отважного на каждомъ пляцу здоровя, аби о паль не приходилъ. Гуня той мѣлъ у нихъ и передъ тимъ немалое имя, бо и подъ Кумейками такъ рокъ (sic) онъ зъ остаткомъ войска и зъ парою арматъ, ночю билъ уйшедлъ ажъ до Боровице, где былъ ся знову зъ Павлюкомъ злучилъ, а оттоль зъ Скиданомъ уйшолъ былъ на Запороже, где они козаки на Зопорогахъ взяли его себѣ за старшого. Той зневажилъ и посланаго на Запороже его королевской милости, Мелецкого, той и реестровихъ здеспектовалъ былъ и обѣцовалъ на влость винійти за першою резолюціею Днѣпра. Учинилъ и то, же смѣлъ писати и виправити посли до солтанъ Калги, татарского гетмана, поддаючися ему, яко то листу того копія, зъ Криму до его королевской милости присланая, показуеть.

Гуня.

Кумейская война.

Гуня зъ Павлюкомъ и изъ Скиданомъ на Запорожю.

Гуня до Калги Султана писалъ зъ Запорожя.

Велможній милостивій султанъ Калга

пане, пане нашъ Милостивій!

Службы наши рицерскіи залѣцаемо пилно милостивой ласцѣ вашой царской, пана нашого милостивого, зичачи здоровя доброго и во всемъ фортуннаго поводженія отъ Господа Бога всемогущаго Вашей Царской Милости на часы долгіи. На славу и на пріязную обѣтницю Его Царской Милости и вашой, нашого милостиваго пана зъ нами заховати; теди и ми, заховуючи пріязнъ вѣрную зъ Вашою милостю, милостивымъ

Листъ Гунинъ до Калги Солтана, желаючи о посилокъ войска.

паномъ нашимъ, посилаемо умислне до вашой милости пана нашого милостиваго товаришовъ двохъ нашихъ: Гришка Горѣлого и Андрѣя Ожеженка, просячи и жадаючи Вашей Царской Милости, аби ваша милость ласкаве учинити рачили, а намъ войсва своего прислати рачили на посилокъ, бо непріятелѣ наши певне идуть на насъ. хотячи насъ зносити, за що ми повинни будемо вашей Царской Милости отслуговати на каждую потребу и росказане вашей Милости, где толко ваша Милость роскажешъ и войску вашей милости, еднаково здобуватися и перевозъ готовій безпечній будеть. О що пилно и повторе просимо Вашей Милости, а ежели то будеть ласка вашой милости, товариства не бавячи, рачь до насъ отправити. Отдаемо притомъ служби наши рицерскіи милостивой ласце вашой милости. Данъ на Запорожу 26 февраля, року 1638.

Вашой Царской Милости во всемъ слуги поволніи Дмитро Тимошевичъ Гуня, гетманъ войскъ его корол. милости Запорозскихъ.

Гуня окопался на устю Старца.

Той Гуня, немалую пробу мужства взявши, такъ цного жолнѣрства, яко своихъ, подъ Жолниномъ потомъ на устію Старца ставши, зъ войскомъ окопався, а барзо оттоль грозилъ, але охотного рицерства коронного тамъ досить дознавалъ. Памятнѣй бовѣмъ было, що великій гетманъ (Макавей до своихъ мовилъ): отъ словесъ мужа неправедна не убойтеся, слава бо его гной и червіе есть.

Канцлѣрѣ войни Жолнинской.

Число Поляковъ подъ Жолниномъ побитихъ одъ козаковъ.

Поручникъ усарскій его милости пана каменецкого Гербурта (панъ Билина). Поручникъ его милости пана маркграбѣ старости гродецкого усарскій, Владиславъ Ташицкій. Поручникъ его милости пана старости трубовелского, его милости пана Балабана—Вробловскій. Товариства съ подь инныхъ хоругвей барзо много, также зъ подъ усарскихъ хорогвей его милости пана воеводи подолского. Его милости воеводи чернѣговского, стражника коронного. Печатовали тую войну и панскіе люде и шляхта на ординаціяхъ осажона. Зъ людей князя его

милости Домѣнѣка, конюшого коронного. Зъ подъ хоругви его милости пана Броновского, пана Добринского хоружого забито. Забито: пана Островского, пана Стадницкого, пана Ремчицкого, пана Мучинского, пана Приборовского, пана Зелязовского, челяди пяти; пана Грохолского пострелено. пана Лаского, пана Красносѣлского ранено. Зъ подъ хоругви пана Калушовского челядника зъ армати забито *). Чуровского, Козицкого пострелено. Зъ подъ хоругви Прилуцкого, самого ротмистра пострелено и килко козаковъ забито. Зъ подъ хоругви пана Олдаковского самого пана ротмистра забито. Зъ подъ хоругви Русиновского: Чарняховского, Стрелницкого, Михарицкого, Белецкого пострелянo. Зъ людей князя его милости Еремѣя немало людей забито и пострелянo. Зъ людей ей милости паней канцлериной не еденъ помнить козацкую войну. Зъ людей ксіонжни Вишневецкой конюшиной не безъ шкоди вернули.

Нагробокъ шляхтѣ коронной.

Niewiem zkąd niesiesz przewisko Żołninie twoie,
    Od rzeki, czy od ptaka, lecz ci to oboje
Nowym przezwiskiem żołnierz Niemiec dziś zatłumił,
    Gdy rospustę kozacką pod tobą rozłomył.
Żołnin od żołnirza y zołdata iuż będzie
    Zwany u Polszcze, u Rusi, w Ukrainie wszędzie.
Bo nietak bystro Żolnin swe krople w Dniepr toczy,
    Jak bystro się rospędzał zołnierz we dnie, w nocy;
Bezecnego kozaka z Hunią z ostrym w pola
    Goniąc, siekąc zbiegałych, wszystkich niszcząc zgoła.
J żołna choc upstrzona iest z natury slicznie,
    Patrz pióra gdy swe rostrzmi. Lecz nie tak rozliczne

*) Въ подлин. Околь. слѣдують слова: pana Szczurowskiego, pana Rokickiego postrzelono.

Farb swych pokazac może, iako dziś zmalował
Pola twoie, szlachecką Bog krwią uhaftował.
Nie trawę, ale szkarłat, gdyż słonce łaskawe
Oko cnym iuż podało, nieprzyiaznym zwadę
Dawać będą pola twe xiążency Żołninie,
Gdyż tych co krwią skropili, sława w niebie słynie.

VI.

ЧАСТЬ ШЕСТАЯ.

О ПРИСПѢШЕННЮ ЕГО МИЛОСТИ ПАНА ГЕТМАНА ПОЛНОГО КОРОННОГО КУ ОКОПОВЪ НА СТАРЦУ.

РОЗДѢЛЪ 1.

Кдги ся спѣшно уходилъ Гуня зъ арматою своею, осмію арматъ, до валовъ и окопу надъ Старцемъ одъ Жолнина, дня 22 іюня входить до окопу и тѣшится мнемаючій, ижъ такъ споро короное войско не поспѣшить за ними и часъ будуть мѣли уфортификованя своего; але надъ все ихъ мнемане тогожъ дня комонникомъ одъ Кіева подъ вали его милость панъ гетманъ полній короній прибудеть и позосталому козаковѣ, которій еще въ вали билъ не вточился, далъ битву; въ маломъ томъ часѣ охотное товариство много на пляцу шаблею положили, всѣ ихъ правѣ замисли помѣшали; и здрожно себѣ оминова-

У Гунѣ толко осмъ арматъ. Гетманъ полній короній до окопу Гуниного прибилъ.

ти почали. А ѓди ся старшина дивуетъ, же такъ скоро за ними наступили, раніи козаки дають знати, ижъ гетманъ полній самъ; постерегли тое по томъ и по хоругвахъ, але уже озябліи серца въ нихъ бити зачали; щожъ прошу инного на сваволенство падати мѣло надъ страхъ, боязнь о викорeнене свое, за прійстемъ его милости пана гетмана (полного). Пришедлъ гетманъ той, що шаблею острою усмѣрилъ козаки подъ Кумейками, той що старшого запорозского усмѣрилъ у Боровици, той що голдовниками и плугатарами списалъ, учинилъ и присягою обовязалъ тисячу юнаковъ украинскихъ, той пришолъ своеволніи и кривоприсяжцѣ Богу и королевѣ! и вѣдаете о томъ, ижъ для щегулной надъ нимъ стражи и ласки Божской, суровшіи писма надъ кумейскіи на карках вашихъ кровію и шаблею запишеть, усмирить и звитяжить *). Ѓди нощъ витаня годину розирвала, войска короніи надійшли, панскіи и князя его милости люде Еремѣего обрали себѣ становиско чоло и крило подъ самимъ окопомъ, тамъ где едною линѣею станулъ шанець нѣмецкій, а потомъ батерія была далѣй збудована, обозъ коронній оточилъ ихъ правѣ отъ води до води. На завтрее 24 отдано его милости пану гетману Скидана, которій былъ ранній, до Чигирина запроваженіи; отдавалъ его товаришъ его милости пана Ловчинского, стражника (обозового)—панъ Доброшовскій, была и тая рѣчь. Великій былъ знакъ радостного благополучія. Учинити казалъ его милость панъ гетманъ для того импетъ конній зъ килка хоругвей ку витѣчцѣ козацкой, кгди отъ полудня до вечера забавка была и правѣ каждій день безъ престанку утарчки и мордованя зъ обохъ сторонъ бывали, чинено то, аби отпочинку не маючи, своволній порохи свои ницилъ, а за тимъ аби коронная армата наступовала, подъ Кіевомъ зоставлена, але щожъ болшей Господь Богъ давалъ, бо и ротмистри збѣгли до войска, и панячихъ войскъ прибувало

Боязнь козацка.

Похвала гетману.

Погрозка діарушисти.

Всѣ войска полскіе въ окопу.

Скиданъ отданъ гетману.

Война щоденна въ окопу.

*) Въ подлин. Окольск. слѣдуютъ слова: et vos non stipendiarios sed aratores regis faciet.—И сдѣлаетъ васъ пахарями царскими а не солдатами.

до обозу, и зухвалий козакъ зкидалъ роги, бо починалъ милосердія у его милости пана гетмана просити; але gди до остатного дня іюня нѣчого не зачинано; статечно козаки въ той потребѣ своей о милосердіе знову лѣпше обирають покой нежели войну. Мусѣлъ рушитися знову его милость панъ гетманъ и умоцнилъ его Богъ противко имъ.

РОЗДѢЛЪ 2.

О войскахъ панячихъ и о арматѣ свѣжой Коронной.

Кди іюлъ зачался, пришла армата коронная зъ подъ Кіева, которую провадилъ зъ великою осторожностю и працею между небезпеченства серединою его милость панъ Петръ Комаровскій, ротмистръ Его Королевской милости, а при ней много товариства и поручниковъ и пѣхоти Венgерской 150 его милости пана гетмана полного зъ реgементами входило. Армата и войска короннія новоприбыли до окопу.

Прійшовъ его милость панъ Петръ Потоцкій, воеводичъ браславскій, ротмистръ его королевской милости усарскихъ хоруговъ, зъ которимъ коней сто, козаковъ пѣхоти осмѣдесять и дворъ людній; потомъ зъ его милостю паномъ Лящемъ, стражникомъ короннимъ людей чтириста. Потомъ людъ его милости пана воеводи краковского: пѣхоти килка сотъ, усаровъ и козаковъ килка сотъ. которіимъ становиско индей показано отъ обозу коронного зъ другой сторони Днѣпра для посилковъ козацкихъ, аби не приходило до окоповъ и стражи безпечнѣйшой по Заднепру отъ козаковъ.

Пришолъ его милость панъ староста хмелницкій, Миколай Стоgневъ, полковникъ и хорогви его королевской милости по-

ручникъ, впровадилъ своимъ коштомъ козаковъ сто, драгуновъ сто; войшла зъ нимъ до обозу хороговъ его милости пана старости ляндскронского, пана Зебридовского и, на краю обозу становиско взявши, уставичне инкурсіе отъ козаковъ зносилъ.

Его милости пана суди кіевского и такъ провадилъ сто шѣстьдесять коней, панъ Висоцкій, которій идучи до обозу зишолся зъ людми его милости ксонженца бискупа кіевскаго и зъ квартиялними хоругвами, которихъ былъ его милость панъ гетманъ послалъ зъ паномъ Побиятинскимъ, ротмистромъ его королевской милости ку Димировѣ, слишачи тамъ о купѣ своволной килканадцятисотъ при Пожарскомъ, тамъ его розгромили, много въ вязене побрали и самого Пожарского его милости пану гетмановѣ припроводили и взялъ суровое каране.

Пожарскій зъ козаками розгромленъ около Димира.

Его милость панъ Олѣзаръ полтораста конних припроводилъ и, яко завше чули на кажду експедицію и рѣчи посполитой людей виборнихъ припровадилъ и наражался зъ ними непріятелевѣ зъ похвалою рицерства. Ксіондзъ Елецъ езуита коней сѣмдесять зъ той маетности, которую онъ Богу и законови консекровалъ, вибралъ.

Его милость панъ Немиричъ, идучи до обозу, взялъ тую провинцію, аби зъ тамътой сторони Днѣпра, одкуль онъ приходилъ, не допустилъ селитися своеволнимъ, анѣ ку обозовѣ спѣшити, що пожитечно было обозовѣ. Виглядаючи теди своеволное хлопство зъ обозу, а що день такіи полки лѣчачи, а до себѣ нѣкого приходячого не видячи, едни аби милосердія просити радили, другіи, а звлаща виннѣйшіи, единъ на другомъ гинути волѣли, еднакъ и онъ Гуня, що то свою гуню атласомъ былъ и гетманскимъ повлеклъ, знялъ ю зъ себе и перестал писатися гетманомъ. Даючи такую суплѣку до его милости пана гетмана полного.

Рада козацка зъ Гунею

Копія листу отъ того гултяйства до его милости.

Унижоніи а во всемъ поволніи служби наши рицерскіи залѣцивши, яко найпилнѣй у милостивую ласку велможности вашой пана, а пана нашого милостиваго.

Зъ великою радостію очекивалисмо на далшую милостивую ласку вашей милости нашого милостиваго пана, котораго былисми дня оногдайшого презъ универсалъ вашой милости нашого пана потѣшени, розумеючи, же уже яко колвекъ милостиве а ласкаве конецъ тому замешаню, той невиной крвѣ христіянской, пролитой ужалившися, яко панъ христіянскій досить хотѣти рачишъ учинити, за чимъ и войска запорозского нѣгде не роспускалисмо, не хотячи уже смотрети болшой на такое незносное крвѣ невинной пролите, где подобно не можемо иначей розумѣти, жесся ваша милость панъ нашъ милостивій, не для якой згоди и помиркованя, тутъ у плавлѣ, подъ войско запорозское надближити рачилъ зо всѣмъ войскомъ своимъ, але нобно и до остатного хотячи насъ вигубити, чати свои распустивши, которіи надъ невиною кровею христіанскою паствятся горше, аниже якій непреятелъ Креста Святого; але яко у сродихъ тирановъ, знать не маешъ тутъ правди анѣ боязни Божой: нехайби зъ нами, зъ войскомъ запорозскимъ, которіисми уже здоровя наше отважили и на волю Найвишого Бога, за нашіи крвавіи заслуги и за тую невиную кровъ нашу проливаную спустилисмо, войну точили, а невинимъ, правѣ беднимъ, утрапленимъ людемъ дали покой, которихъ голосъ и невиная кровъ пролитая о помсту до Бога волаеть и насъ до того побуждаеть, въ чомъ за наши крававіи заслуги, права и волности одъ святой памяти королевъ полскихъ здавна надапіе, теперъ презъ здрайцовъ нашихъ змазаніи и зо всего убозства здавна набитіи, власне чрезъ шаблю, а не отколь инуду оголоченіи, готовисмо помрити и еденъ другому голови положити, анижели такое примире, якое зъ подъ Кумеіокъ мѣти, которое бодай недди не ворочалося. Однакожъ якосми первей презъ наше писане ознаймовали вашъмосцѣ, мосцѣ пану, такъ и теперъ мудрому и уважному розсудковѣ зспустивши, просимо, рачъ ваша милость, милостивій панъ нашъ, здарити, тое невиное розлите крвѣ христіянской занехати, а насъ войсво запорожское въ милостивой ласцѣ своей ховати, жебисмо уже такихъ бѣдъ и утяженя болшей не поносили и знову при першихъ правахъ и волностяхъ

Невинныхъ людей руина.

Примире кумейское не помыслное козаковѣ.

Милости просять зъ окопу козаки.

нашихъ, здавна набитихъ за кровавіи наши заслуги, які предъ тимъ, такъ и теперъ зоставали. Певне же не звичелибисмо уже болшей смотрѣти на тую кровъ невине пролитую, толко насъ то зводитъ, же ваша милость, нашъ милостивій панъ тутъ поближившися, анѣ примирья, анѣ войни правдивой не рачишъ чинити доскональе, бо насъ уже такъ дарма трудно взяти; прето абисмо не били въ томъ обвинени, єднакъ ми яко слуги и подножкове вашей милости, нашого милостивого пана зъ вашою милостю, зъ нашимъ милостивимъ паномъ битися не хочемо, але хто на насъ наступить, боронитися мусемо, прето просимо рачъ ваша милость, нашъ милостивій панъ, въ нами такъ обійтися, якоби зъ славою вашой милости, милостивого пана нашого и безъ утяжменя такъ насъ яко и убогихъ людей, безъ розлитія крвѣ; ми яко на отца спускаемо, авали яко панъ бачній, своимъ мудримъ баченемъ той простунокъ нашъ покривши, до первшой милостивой ласки свой панской насъ приняввши, обронцею и милостивою причиною до его королевской милости и рѣчи посполитой рачишъ быти, а ми, поки живи, за щасливое пановане вашой милости, пана нашого милостивого и добродѣя Бога просити и всѣмъ добримъ нагорожати. Отдаючися при томъ въ милостивою ласку нашого милостивого пана зъ унѣжоними послугами нашими, просимо унѣжоне о скорій отписъ любъ зъ добримъ, любо яко воля вашой милости и милостивое бачене вашой милости, нашого милостивого пана, єднакъ то на мудрій и уважній розсудокъ вашой милости, милостивого пана нашого зпущаемо, просимо, абисмо дня нинѣшнего были увѣдомлени.

Вашой милости, милостивому пану нашему во всемъ повочніи и униженіи слуги—Дмитро Тимошевичъ Гуня, старшій надъ войскомъ его королевской милости запорозскимъ.

Повторное козацкое желаніе о волности.

Отписалъ на тое его милость: Уже волности давніи для своей волѣ, порваняся на маестатъ его королевской милости стратилисте, але тую волность будете имѣти, которую вамъ рѣчъ посполитая и его королевская милость подали.—Они, того не слухаючи, знову

тожъ пишуть: ижъ яко давніи мѣлисма одъ королевъ полскихъ права, тихъ хочемо.—Gди того долго било, десятого іюля доставати ихъ почалъ его милость панъ гетманъ. Gди теди охотно товариство подъ вали непріятельскіе подпало, зъ арматъ до окопу одъ его милости зъ едной сторони, отъ шанцовъ нѣмецкимъ зъ другой стороны вѣмѣрено, тамъ много охотному товариству его милость панъ гетманъ далшой охоти додаючи, самъ подъ вали подпадлъ, где и коня подъ его милостю забито; тривала тая забавка ажъ до ночи. На завтре посилають о милосердіе зъ писанемъ, въ которомъ тилко просять о милосердіе, еднакъ абы, що незвичай, надъ ними не витягалъ его милость панъ гетманъ *). Послали до нихъ посли зъ конституціями сейму року настоящаго, аби ихъ онимъ прочитано, ижъ я не наступую на ихъ волности, але волю его королевской милости и рѣчи посполитой чиню. Послове били ихъ милость панове: Коровскій, Колонскій, Жолдовскій писаръ Лятичовскій, Келчовскій и инніи, которихъ до окопу gди впроважено, далъ знати Гуня, аби были до ради готови козаки, потомъ, впровадивши ихъ посередь кола, где бубонъ и бунчукъ былъ, казалъ Гуня вязанку сѣна принести и по земли розислати и посадилъ близъ себе пановъ пословъ, потомъ казалъ принести хлѣба и риби вареной, аби или просилъ. Людскости чинять досить и тимъ освѣдчають, же вѣрніи суть добримъ жолнѣромъ и королевѣ пану своему послушни. Принесеной води пилъ до нихъ Гуня, потомъ казалъ принести горѣлки и самъ випилъ незлій пугаръ за здорове гетманское и рицерства, про-

Гетманъ въ окопу достаетъ козаковъ.

Подъ гатманомъ конь забитъ.

Милости козаки просять зъ окопу.

Посли отъ гетмана въ окопу зъ конституціями.

Пріймоване Гунино пословъ въ окопу.

---

*) Въ подлин. Околь. слѣдують слова: ale żeby w dawnych wolnościach byli, dokładają, ażeby tym rejestrowym, którzy są przy boku jego, nie wierzył, bo ci jedli chléb z nami i sól, a nas zdradzili i jego zdradzą. — Żeby nie był u nich w surowém rozumieniu jego miłość pan hetman—...чтобы имъ остаться при прежнихъ привилегіяхъ; докладываютъ притомъ, чтобы гетманъ не вѣрилъ тѣмъ реестровымъ козакамъ, которые при немъ находятся, ибо они съ нами хлѣбъ—соль дѣлили, и, несмотря на это, измѣняли намъ, потому измѣнять и гетману. Не желая, чтобы козаки считали гетмана крайне строгимъ...

силъ аби они пили. Зобрано хлѣбъ и почнеть мовити до молодцовъ Гуня, о чомъ послове суть: повѣдаеть же волю королевскую хотять прочитати. Читано конституціи, але на тое своеволство и черпь велце сиркнула и роздрухъ великій учинила; отповѣдь отложили (до завтрого), прето Гуня реклъ до пословъ: ꙃди ся зъ собою розмовимо, дамо знати;—зъ тимъ отшедли спокойне панове послове. Але якъ вижу, козаки просять о милосердіе зрадливе, до шаблѣ ся нориваютъ и крвѣ шляхетской невинне прагнуть, але прідеть тая война — и плакати, нарѣкати будете, ижъ ꙃди такъ добротливого гетмана въ Тулеуша непріятелского обращаете и до того побуждаете, аби на ваши сили и потуги, доми, уходи повернулъ и васъ до плуга и рала приневолилъ.

Читане конституціи.

Справа пословъ зъ окопу.

РОЗДѢЛЪ 3.

О роспущаню чатъ на козацкіи осади и о наступованю на окопъ.

Кгди долго звлоку чинять въ окопѣ козаки, рачей хотячи до нужди войска паначіи и до шкоди въ коняхъ жолнѣра припровадити, а нежели о трактатахъ ретелне и широце мовити, зажилъ ради его милость панъ гетманъ полній славного презъ войну пелюнонесъяцкую Перѣклеса: той ꙃди не моглъ Лацедемончиковъ вистрашити одъ спустошеня Аттики, ани ихъ шикъ преламати, вислалъ чати въ граници Лацедемонскіи, а самъ зъ ними забавлялся, которіи широко и долго пустошать ихъ отчизну, що ꙃди услишали, отвернули ку домовѣ, а потомъ вѣчній покой заварли. Вислалъ и его милость панъ гет-

Для отвлоки козацкой, гетманъ розислалъ чати на жилища козацкіи.

манъ чати въ близлежащія села, огнемъ и мечемъ зносити казалъ*), але зъ окопу щире суплѣки прозби и лямента приходять **) Црето до окопу знову зъ арматъ зо всѣхъ шанцовъ бити росказано, пѣхоти, рейментамъ и вездѣ пилновати оказіи и бити въ справѣ; подпали подъ вали, браму, виїжджали, аби своего кождій моглъ справити, угождали. Трвала тая витѣчка ажъ до ночи, але и ночъ не била спокойная и овшемъ такъ чулого чинила военика, ижъ презъ недѣль пять зброи и панцера не складати научила. Дня пятого іюля вишелъ Гуня зъ окопу, пробуючи щасте, але ся далеко одъ окопу отсунити не хотѣлъ, вали опасували едни, другіи подъ валами хотѣли щось чинити, але ихъ зражено съ фортелю, казалъ бовѣмъ его милость панъ гетманъ до Гунѣ и его знаковѣ зъ трохъ арматокъ випалити, где того, которій надъ нимъ бунчукъ носилъ, забито и ажъ самъ бунчукъ порвалъ и носилъ, а потимъ его иншому козаковѣ далъ ***) На завтре той же утѣхи заживали, въ обохъ сторонъ Марсъ рейментомъ погрозилъ, бо и приходячое войско отъ Домонтова его милости пана воеводи краковскаго (его милости пана стражника коронного), чистили отъ купъ своеволнихъ гостинцѣ и покой въ поляхъ, яко въ посредку якого мѣста чинили и въ утарчцѣ нинѣшной подъ окопомъ не подлѣйша была Беліона. Тамъ ґди зъ поля зхожено, жартъ прешлій отновилъ Гуня: зъ пари арматокъ до знаку его милости пана гетмана випустилъ, где подъ паномъ Жолтовскимъ коня забито, которій о бокъ зъ его милостю паномъ гетманомъ ехалъ, а подъ его милостю паномъ гетманомъ на пилку дѣлную конь, передъ ко-

Самъ добувавъ окопу.

Чулость польска пятинедѣльна. Гуня зъ окопу віѣхавъ.

Бунчучній Гунинъ забитъ.

---

*) Въ подлин. Околь. слѣдуютъ слова: ognie wielkie gdy się ukażą.—Когда показались большіе пожары.

**) Въ подлин. Околь. слѣдуютъ слова: jednak, lubo to ich pobudziło do kommizeracji, do skutecznego jednak upokorzenia i żalu za zbrodnie, a zatem do poddania się, nie wielie.—Однако, хотя это и вызвало у нихъ сожалѣніе, но не произвело раскаянія въ преступленіяхъ и не побудило къ сдачѣ.

***) Въ подлин. Околь. слѣдуютъ слова: Mieli tam swoją uciechę i rejestrowi kozacy i piechota różna Принимали участіе въ битвѣ и реестровые козаки и всякая пѣхота.

торимъ у паля грификъ вискочилъ (sic). Gди такъ превлоклий часъ сторонамъ обомъ (острость) освѣдчилъ, мислилъ своеволній, нжъ такъ частими витѣчками нощними и денними мѣлъ уприкрене чинити войску, а за тимъ собѣ учинити фолgу, але консилѣумъ его милости пана гетмана иншое стануло, аби презъ дней десять, не смотрячи на суплѣкацін ихъ здрадливін, беспрестанку, въ день и въ ночи, спорядивши на тое для витхненя хорогви на розніи часи усилованя на нихъ и витѣчки были, а на остатокъ, аби не далеко шанцу нѣмецкого, подъ рейментомъ его милости пана Жолтовского была збудована батарія зъ дубовъ, а на горѣ зъ землѣ висталеніи блякавзъ, на которий запроважено армати, отъколби до ихъ обозу могли добре пушкарѣви гажати. Была тая рѣчъ смачная и своволенству страшна, бо такою же одвагою нѣgди Шклова Москва достала была, прето для тяжкого разу и на такуюжъ манеру, збудовавши въ замку Шкловскомъ нѣgди вежу часу облеженя, обивателе гетмана московскаго зъ ней забили, а за тимъ войска роспрошили. Тоежъ была учинила Москва, gди Жикмунтъ третій король полскій облеглъ былъ Смоленскъ: осмотрѣли едну високую вежу, зъ которой на всѣ сторони обернути и вимѣрити могли. Молимося аби Господъ Богъ ствердилъ раду твою.

Замислъ гетманскій.

Прикладъ Поляковъ зъ Москви.

РОЗДѢЛЪ 4.

О десперацієй козацкой.

О десперацієй козацкой.

Нищо такъ скоро и во остатній непоратованій упадокъ не можеть человѣка впровадити, яко дисперація, але gди хлопу о дисперацію приходить еще тамъ болшій упадокъ, бо зъ едной

сторони видить за зброднію свою суровую наготованую кару, которой не можно уходити, зъ другой видить, ижъ умирати мѣзерне приходить. Певне прето зъ десперацін, або себе рукою своею забиваеть, або где суровшая шабля, тамъ скорѣйше смерти шукаеть. Обачивши такъ новую махину страшную зробленую и усипаную, зъ которой въ окопѣ всѣ кути, фортелѣ, пересопи видяно, едни утѣкати, другіи пробиватися скрозъ войско радили; чернь виелала съ прозбою: ижъ всѣ поддаемося; а дукове ихъ, видячи тое, зажили таковою стратагема: двадцять второго іюля, въ ночѣ вислали козаковъ килкохъ до шанца, которій былъ предъ батареею, удаваючи ижъ идуть для языка ку окопови, аби зрозумели що есть за гасло. Пришло ихъ теди килка вибранцовъ до обозу и смѣле, яко би реестровіи до нихъ приступляють, радять, висилають претекстомъ языка, а въ томъ и въ гаслѣ взяли вѣдомость, однесли своимъ, ажъ за полгодини, учинивши засадску, килко десять ихъ прійдеть ку шанцомъ; рекуть: мѣй гасло,—отповѣдять: N. И спитаеть козакъ, що былъ зъ вибранцями: а маете ли языкъ?—одповѣдять: есть и ни едень. Єди такъ розмовляются, впадуть зъ боку на вибранцовъ и такъ висекли пану Соколовскому пѣхоти не острожной, сила вѣрующой, килкодесять. Хотѣли тою астуціею батерію знести, заносовати, на ней бляказъ и армати нарушити, якожъ впали были на верхъ; але ижъ гукъ чужее войско на мѣстце припровадилъ, а скоро, мусѣли козаки зъ батеріи нижній спекати, щастемъ здорове ратовати *). Учинился былъ тоей ночи великій роздрухъ въ обозѣ и все войско въ поготовѣ стало; жаловали подобно такого учинку козаки, бо не толко надъ ихъ мнѣмане въ сила мнею войско стануло, але ихъ на ономъ же плацу, здися ихъ зъ окопу килка тисячей, розумѣючи же въ обозъ убѣгли и що гучного тамъ справили, вирипуло, много полегло. Тривалъ той роздрухъ ажъ на день самій, здижъ трудно тамъ было успокоится скоро.

Блаковзъ въ войску полскомъ на окопъ козацкій здѣланъ.

Отъ чернѣ прозьба до гетмана.

Шпѣги козацкіи въ шанцахъ полскихъ.

Витѣчка козацка зъ окопу въ ночи на шанцы.

До [illegible] для роздрухъ былъ.

*) Въ подлин. Околь. слѣдують слова: niżli jch zaskoczono; прежде чѣмъ-бы ихъ окружили.

Десперація козацка зъ розбитя Сави Кіевлянина.

Наступила другая десперація на хлопи: слишали вжъ людъ имъ идеть на посилокъ зъ килкохъ сторонъ, мѣли отухи немало, але мѣсто посилковъ новина: Сава Кіевлянинъ въ килку сотъ модей збитій и самъ пойманій, а о иниxъ и послуху не маешъ. Немалая то оказія до десперацієй; сидижъ въ окопѣ якъ въ клѣтцѣ! прійдеть тутъ не спѣвати, але вити якъ собацѣ, а що болшая борошна не стаеть, а працовати день и ноцъ, а не мѣти толко воду на посилокъ *)—не великая надѣя здоровя. Смотрячи на тое теди и видячи, ижъ спросне всѣмъ гинути приходить, щѣрѣй о милосердіе почали просити: едни отъ черни приходили висланія, а другія отъ старшини до его милости пана гетмана, просячи, але преціе старихъ на Круковской списаниxъ артикуловъ себѣ просили, докладаючи, а въ томъ яко будеть воля, але то нонъ либентеръ, видячи его милость панъ гетманъ, ижъ козакамъ докучило, далъ часъ до розмови: допущалъ зъ прозбою до себе, розважалъ, аби дуфали волѣ его королевской милости и рѣчи посполитой; показовалъ, ижъ тое на сторону ихъ есть, ижъ комисара войску запорозскому его королевская милость подаваеть, также и полковниковъ, шляхту, не иншая бовѣмъ интенція того есть, тилко покой аби не розирваній въ войску былъ запорозскимъ, gдижъ они судовъ, бунтовъ, волностей вашихъ сторожами будуть и оборонцами, але они еднужъ пѣсенку спѣвали и едножъ писали до его милости пана гетмана полного коронного, чого тутъ копію кладу.

Щирей всѣ козаки просять милости въ окопу.

Круковскіе артикулы.

Увещенне гетманское козакомъ въ окопъ.

Комисара и полковниковъ гетманъ назначаеть войску Запорожскому.

Ясне велможній милостивій пане коронній гетмане, пане а пане нашъ милостивій!

Якось ваша милость, панъ нашъ милостивій зпочатку ласку свою рачилъ оферовати, такъ и до конца о оную унѣжонѣ покорне просимо, жебисмо били при давнихъ правахъ и наданю отъ зейшлихъ ихъ милостей святой памяти королей

О наданіе отъ передниxъ королевъ войску Запорозскому волности и права вилно упоминаются.

*) Въ подлин. Оволь. слѣдуютъ слова: a szkapiny trochę — и немного конскаго мяса.

полскихъ, ꙁдижъ уже бридко, на такъ великое кролите крвѣ христіянской, ащо болшая невинихъ душъ, смотрѣти, ꙁдижъ волѣлибисмо противко непріятеля короны полской оніи заховати, ꙁдибисми еденъ на другомъ полегли, а нехай бисмо при славѣ, же такъ насъ гнѣвъ срокгій, впредъ отъ Господа Бога, а потомъ одъ вашой милости, нашого милостивого пана поткалъ, нещастю то своему причитати мусѣмъ *). Прето якосми не отмовляли великому милосердію вашой милости пана нашого, такъ и теперъ наймнѣй и овшемъ повторе и подесяте просимо: змилуйся надъ нами, а хоти насъ заховати на далшую прислугу его королевской милости и рѣчи посполитой тутъ же и вашой милости пана нашого, яко войско Запорозское, невитягаючи по насъ того, чого звичай не есть. Не рачъ, ваша милость, панъ нашъ милостивій довѣряти тимъ недовѣркомъ, которіи войскомъ Запорозскимъ отъ насъ именуются, бо тіи ежели Господа Бога и насъ войско, товариство свое, отколь хлѣбъ и соль мѣли, а щожъ би не мѣли и В. М., милостивого пана нашого зрадити. А ми за той грѣхъ попелненій нехай бисмо уже болшей не покутовали, ꙁдижъ малоби о насъ, але идеть о невинніи души, чому би непріятель каждій нехай не тѣшился, змилуйся милостивій пане, чинити рачилесь милосердіе свое панское, рачъ учинити и до конца надъ войскомъ Запорозскимъ, яко найнижшими, а вѣрними подданими его королевской милости и вашой милости, милостивого пана нашого, узнавши ми теди милостивую ласку вашой милости, нашого милостивого пана, поки живи будемъ за щасливое пановане В. М. нашими рицерскими услугами унѣжоними нагорожати и Господа Бога просити, до которой оддаемося. Данъ зъ табору, въ суботу іюля, року 1638.

Преляня крвѣ невинной жалують.

На недовѣрковъ и здрайцовъ войска Запорозскіе гнѣваются.

Милосердія горячо просять.

Вашой милости пану нашому милостивому во всемъ по-

*) Въ подлин. Околь. слѣдують слова: jednakże wiemy o tem dobrze, tolko nam bitszy się, pogodzić się musim—Однако мы хорошо знаемъ, что сколько бы мы ни сражались, все таки должны примириться.

волніи найнижшіи слуги—Дмитро Тимошевичъ Гуня, старшій зъ войскомъ Е. К. М. Запор.

Двѣ рѣчи удержали гетмана отъ войни на время.

А на такое писаніе знову било потреба потягнути острую шаблю, але двѣ рѣчи задержовали руку его милости пана гетмана яко и своеволнихъ: на предъ ижъ людъ панскій починалъ билъ уже росходится зъ обозу, поглядаючи на суплекаціи, а козаки своеволніе взяли при исходѣ іюля новину, же иншій людъ свѣжій и живность идеть; другая ижъ тутъ болшей анѣ войску коронному, анѣ своеволному не идеть нѣ о що толко, аби не вносили коронніи права нового, которое конституція опѣваеть на козаки, але жеби въ давнихъ правахъ были. Прето вислати до окопу умислилъ для розмови зъ ними и жеби тежъ певная старшина зъ его милостю паномъ гетманомъ въ обозѣ розмовила и назначилъ: его милости пана Петра Комаровского, ротмистра его милости пана Жолтовского; нѣмецкого полковника; его милости пана Ловчинского, стражника, которіи досить тамъ широко зъ ними мовили, указуючи, ижъ то есть твердость правъ вашихъ и волностей такое постановлене рѣчи посполитой и презъ тое въ покою и отъ своеволства, и отъ жолнѣровъ зоставати будете и одержите себѣ ворота до вшелякой ласки у его королевской милости и рѣчи посполитой *) Тѣшило ихъ тое, же войско отходить одъ его милости пана гетмана, тѣшило и тое, же Филоненко маеть приходиты въкротце съ посилками и живностю; тешило и тое, же имъ ворожка добре тушила; але тое все болшимъ ихъ ошуканемъ было, бо Филоненко немного имъ справить, якося обачить и жолнѣръ ежели отходилъ, але той зоставалъ, що повиненъ былъ наступати не уступовати и ворожка неправду мовила—діяволская рада и кламлива. Его милость панъ гетманъ, ни на колесницахъ, ни на конехъ, любо того болшей мѣлъ нижъ своволенство, но во имя Бога нашого (уповалъ), яко самъ скутокъ войни укажеть.

Посли отъ гетмана въ окопъ для розмови зъ козаками.

Розмова пословъ въ окопѣ и предложене.

Потѣха козакамъ зъ двохъ рѣчей.

---

*) Въ подлин. Околь. слѣдуютъ слова: sed surdo erat fabula—но притча была сказана глухому.

РОЗДѢЛЪ 5.

О зрадѣ козацкой для которой звлоку чинили.

Нѣгди шилю въ ворѣ не затаится и зрада вшелякая, хочъ би фарбу злоцѣстую мѣла, а звлаща которая есть противъ Богу, пану и покоевѣ винуритися мусить. Своеволное козацтво долго покой чинити зволочило и нещирость простоти плащемъ закривало дотоль, ажби вѣдомость учили о Филоненку, которого, же сподѣвалися скоро—второго августа, на всѣ инстанціи его милости, которими ихъ до покою тягнулъ, черезъ посли свои такъ отповѣдѣли:

Ясне велможній, а намъ милостивій пане гетмане, пане, пане нашъ милостивій.

Зъ великимъ жалемъ и тяжкостію намъ приходить, же ваша милость милостивій нашъ панъ и добродѣй на насъ тое витягати рачишъ, ударяючи намъ недовѣрствомъ. Богъ видить щирость нашу, жебисми ради все тое, що намъ ихъ милость панове зисланіи отъ вашой милости, пана нашого милостивого приповѣдити рачили, приняли и полнили, не зъ насъ, але съ самой истоти, которую не тилко слишалисми, але и сами надъ собою, надъ крвавою худобою, надъ жонами и дѣтками видѣли и тѣрпѣли и до того часу терпимо на милостивую обѣтницу вашой милости, милостивого пана день отъ дня очекиваемо, уфаючи оной. Прето ужесмо всѣ такъ старшіи, яко и найменшіи на тое обрадилися, ижъ нѣчого наймнѣй надъ комисію куруковскую не витягаемо, анѣ тежъ призволяти не призволяемо, Змилуйся теди велможній нашъ милостивій пане, заховай въ цѣлости ведлугъ оной ажъ до сейму пришлого, нимъ послове наши отъ его королевской милости вернутся до насъ; въ той часъ не толко коммисара, але би и хлопца его пріймемо, а ува-

Надѣя козацкая на ласку гетманскую.

Козаки цѣле хотять престати на комиссіи Коруковской.

Покора козацкая.

жати будемо, gди сами собою дознаемо и волѣ его королевской милости намнѣй сперечатися не хочемо, босми того негодни, овшемъ стараемося и старати будемъ, яко бисмося зъ того удания неслушного вивели а теперь повторе и подесяте просимо унѣжоне и покорне: не мордуй насъ ваша милость нашъ милостивій панъ и добродѣи тимъ, що не есть подобная рѣчъ и просимъ о скорую вѣдомость и отпись дня нинѣшного. Повторяемося яко найпилнѣй милостивой ласце вашой милости, милостивого нашого пана зъ унѣжоними нашими службами рицерскими. Данъ зъ табору на устю Старца, 2 августа, року 1638.

Зъ удания вивестися хотять.

Милости просять.

Вашой милости нашому милостивому пану и добродію во всемъ поволніи и найнизшіи слуги и подножкове —Дмитро Тимошевичъ Гуня, старшій зъ войскомъ его королевской милости Запорозскимъ. *)

*) Въ подлинникѣ Окольского пятая глава оканчивается слѣдующею статіею, пропущенною Величкомъ при переводѣ: «Положеніе дѣлъ было весьма важно, ибо козаки намѣревались: или, соединившись съ новыми подкрѣпленіями, проложить себѣ путь, черезъ лагерь осаждающихъ, съ оружіемъ въ рукахъ, или попробовать счастія въ битвѣ, или наконецъ, получивъ съѣстные припасы, утомить долгою осадою и голодомъ коронное войско. Но тѣмъ, кто прогнѣвилъ Господа, неудаются самыя благоразумныя намѣренія, а дѣла ихъ непрочны какъ паутина. — Подобно тому какъ Аттила и Бледа, вожди Гунновъ, вторгнувшись черезъ Дунай въ римскія области, уничтожали римскія крѣпости, а гдѣ нужно было, воздвигали новыя; такъ и гетманъ рѣшился поступать, еслибы иначе не возможно было унять козацкое своеволіе; онъ готовъ былъ зимовать на берегу Днѣпра, устроить новыя поселенія и пересилить упорство. Относительно надежды на съѣстные припасы, трудно было ожидать козакамъ, чтобы для значительного ихъ количества, небольшое скопище могло таковые доставить; удалось нѣкогда римскому полководцу Литторію спасти осажденную Готами Нарбону такимъ образомъ, что, по его приказанію, всѣ воины, привязали себѣ по мѣшку хлѣба къ сѣдламъ, и провезли ихъ въ городъ, пробиваясь черезъ враговъ; но подвигъ Литторія есть исключеніе, въ настоящихъ-же обстоятельствахъ доброе войско и бдительный начальникъ развѣ птицѣ допустили-бы пробраться въ осажденный лагерь. И такъ печаленъ твой совѣтъ и ты самъ козакъ несчастенъ! ты принимаешь коварно милость и дружбу, предложенную тебѣ гетманомъ! къ вамъ можно примѣнить слова Цицерона: преступныхъ людей преслѣдуютъ фуріи не зажженными факелами но угрызеніями совѣсти.

РОЗДѢЛЪ 6.

О наступованю на окопъ козацкій.

Кгди упору хлопского ласкою переламати не моглъ его милость панъ гетманъ, а нѣкоторіи войска до домовъ уже ворочалися, четвертого августа валній ку окоповѣ учинилъ импетъ: пѣхоту всю такъ княжатъ ихъ милостей яко и войсковую ку валомъ обернено, зъ арматъ бито, изда на вали впала, козаки реестровіи не прожнують и такъ, виваблених до охоти своеволнихъ, еднихъ одъ окопу отстрихнули, другихъ, що зъ окопу палили, добре реймента разили, бо заледво гири ихъ при привалку зъочили, пруднѣй еи зъ мушкету, нѣжли болвѣръ ножицами устригъ. Заживали тамъ своихъ штукъ своеволніи, бо вишедши зъ окопу, ꙃди наступовали хорогви, теди они обращали самопали свои до окопу и ку окоповѣ стрѣляли, аби жолнѣръ наступуючій розумѣлъ, же то суть реестровіи козаки, а ꙃди уже хороговъ минула, теди пилновали своей кватири—зъ окопу ку нашимъ; другіи, подъ валомъ лежачи при мушкатеру, усмотрували ꙃди хто близко наступить, аби пострелити его и зъ коня зволокти могли и ухватити, о що не трудно было, бо подъ окопомъ много диръ накопали округлихъ, где конь латво шванковати моглъ, а ганяли тамъ разъ хорогви коронніи, другій разъ козацкіи, яко тое война умѣетъ, але зъ обохъ сторонъ не безъ шкоди, ꙃдижъ тая витячка тривала (день) ажъ до ночи. Помощна еднакъ была такова забава короннимъ, частю ижъ уже Филоненко надходилъ, частю ижъ порохи козацкіи черезъ тое щуплѣли, частью ижъ такимъ змордованемъ силъ козацкихъ, на вмѣсте и боронене Филоненка мнѣй способними ставалися, але надто пожитечній былъ той вунштъ

Валній гетманскій штурмъ до окопу козацкого.

Зъ обохъ сторонъ не безъ шкоди. Битва ажъ до ночи. Поляком надѣя о благополучіи.

Козаки реестровіи вишпѣдовали, що дѣется въ окопѣ козацкомъ.

военній, бо реестровіи козаки чолнѣйшихъ языковъ надоставали и, вшедши въ окопъ, що тамъ за шанцѣ были розсмотрѣли и постерѣгали, ижъ о вейсте на вали шкода куситися, бо во внутръ маютъ блякавзи пороблении и води способность, опановавши теди вали, еще не конецъ, голодъ самъ ихъ виморить; завше тіи вали и окопи набавяють страху обозовихъ, прето о нихъ незле написалъ Савинусъ, примовляючи муромъ, валомъ, обороломъ мѣстъ нѣмецкихъ.

РОЗДѢЛЪ 7.

О Филоненковомъ приходѣ до окопу.

Всѣю надѣею справедливой войни несуть сили людскіи, але Богъ. Своеволнее теди хлопство, ижъ за кривоприсяжствомъ и ребеллѣею безецную руку поднесли на его королевскую милость, пана своего милостивого и рѣчъ посполитую, не клали уфности въ Богу, але въ силахъ, которихъ сподѣвалися зъ Филоненкомъ, которого давно былъ Остранинъ виправилъ на влости розніи—скоро тежъ гинути мусѣли яко бидлята. Запомнѣлъ

Мат. 9.

Іюда, Израилскій гетманъ отдати Богу презъ молитву потреби зъ Бахидомъ, зосталъ забитъ на пляцу.

Вѣдомость о Филоненку, же мѣе прибути до окопу зъ войскомъ свѣжимъ козацкимъ.

Взявши абовѣмъ вѣдомость певную, ижъ 6 августа приходити маеть до окопу Филоненко, радостни, кулѣ, порохи, армати на горнии вали затягнули, войску, аби подъ валами безпечне входили, конніи кормять конѣ, самопалѣ опатривши, готови чекають; але услишать, же

Филоненка на той странѣ Днѣпра гамують Поляки.

зъ другой сторонѣ Днѣпра пожаданого гостя ихъ, берегами идучого, и водою въ двохъ тисячахъ плинучого, витають коронніи: его милость панъ стражникъ зъ войскомъ его милости

пана воеводи краковского, надъ которыми былъ панъ Брозовскій. Огнь для нихъ високій зъ салѣтри и пороховъ, зъ арматъ и мушкетовъ ладують; окопови зъ такого гуку сила собѣ доброго обѣцують: же сила великая, же живности досить, же за его войстемъ волности поискаемо, знову гетманство и свободи на собѣ отримаемъ. Знати съ писанія Гесіода не вичитали, хочъ уже въ Кіевѣ лацѣни въ схизматицкомъ школиску привикнули. Надѣя въ окопѣ.

Nader głupi kto więcej z potężnym woiuie,
Męztwo y sławę traci y wszędzie szkoduie. Провда тое есть.

Але глупство хлопское не можетъ бити инакшое, gди такъ обращають коронніи Филоненка, рушается неборакъ, але якось ему преце не споро: тратить много, розсипуеть живность, пороховъ надвережаеть немало, а еще окопъ далеко. Даеть собѣ раду, аби мужно уходити, скоро уходилъ; давши покой забавѣ, до веселъ що прудшей обернеть, прудко споро заводить и такъ закрутами Днѣпра, обороною блотъ и острововъ, зъ смѣлой руки его милости пана воеводи краковского и Лащовой вислизился и подъ окопъ о полъночи прійшолъ; тутъ донѣро козаки силъ добувають, впровадити усилують. Виходять зъ окопу едни, другіи впровадити усилують подъ оборону до окопу, працують, але въ ночи, войско и пѣхоту зпорадивши, его милость панъ гетманъ полній, виходячихъ на берегъ такъ потикалъ: ручій и легкій свой дворній людъ зомкнулъ ко Днѣпру, которимъ до шабель росказалъ, gди они випалили, замѣшалася Волоша и Татаре между нихъ, приспѣшилъ и синъ его милости пана гетмана, до нихъ припадаеть хороговъ его милости пана Казановского, его милости пана Gижицкого, его милости пана Бориславского и такъ ихъ провадили отъ Днѣпра, а его милость панъ гетманъ зъ княземъ Еремѣемъ Вишневецкимъ и иними хорогвами, такъ имъ дорогу застановили, ижъ анѣ тая густая стрѣлба, анѣ рота входячихъ, анѣ фортелѣ боронячихъ нѣчого не радили. Умѣралѣ тіи бороначи вейстя, а тіи зичачи перейстя. За войстемъ до окопу могли би били сще войска придержати въ полю, а за бороне-

Битва Филоненка зъ Поляки.

Филоненко о полъночи зъ-за Днѣпра до окопу.

Битва крвава. немъ ку окопове, до покою приходили. Праве тая война кровю немалою славилася, а въ ночи учинили били козаки великіи стратаемата: напередъ въ браме окопу нехто не стоялъ, прагнучи аби тамъ хорогви впали на готовіи засадки, другая —козаки, которіе одсунулися отъ окопу, gди хорогви наступовали на Гуню, теди они самопали свои до окопу оборочали, аби презъ тое показалися бити реестровими, ижъ до окопу стреляють, але gди одворочали и минали хорогви, допѣро въ тилъ хорогвамъ самопалъ оборочали, а до окопу уступали; третяя — по земле отъ поля недалеко окопу мостомъ положившися, такъ палили, которихъ тилко шаблею зносити, або конми топтати приходило, чого одважній жолнеръ не збороняліся. Доказовалъ тамъ его милость панъ князь Вишневецкій Еремей мужества своего, доказовалъ людъ князя его милости Владислава Доменика Острогского, людъ канцлерскій; але кому зъ повиности належало, въ томъ не мнеи усиловали, его милость панъ староста хмельницкій зъ хоргвою его королевской милости, хорогви ихъ милостей пановъ гетмановъ, княжати его милости Вишневецкого Александра, хороговъ его милости пана Станислава Потоцкого, воеводи подолского, его милости пана Петра Потоцкого воеводича Браславского, позосталого потомка по славномъ милостию ку отчизне его милости пану Стефану Потоцкому, хороговъ его милости пана Станеслава Потоцкого, которій на месцу его милости пана гетмана рейментъ предъ тимъ державъ, его милости пана Павловского, его милости пана Загоровского и инии годніи вечной памяти зъ мужними ротмистрами своими, поневажъ жадной хорогви не було, котора би въ той окказіи мужнее себе починати не мела *). Тривалъ той огонь военій и серце бо-

Битва зъ козаками.

Стояла битва отъ полночи до двохъ годинъ на день.

*) Въ подлинникѣ Окольского, въ этомъ мѣстѣ помѣщены слѣдующія, пропущенныя при переводѣ, слова: заслуживаетъ почетное воспоминаніе е. м. п. Мелецкій который, увидѣвъ среди опасности засаду, устроенную противъ гетмана, задержалъ его за поводія, отпущенныя коню въ жару битвы.—Заслуживаетъ почетъ е. м. п. Ловчицкій стражникъ войсковый, ибо онъ ни на шагъ не отступилъ передъ натискомъ враговъ.—Заслуживаетъ почетъ е. м. п. Жолтовскій, от-

гатирское мужнихъ елѣаровъ коронnихъ годинъ двѣ на день отъ пулночи, въ которомъ подали писарамъ и потомнихъ гисторикомъ перо желѣзное и кровъ свою на тинктуру, аби не тилко дѣлніи ихъ справи вѣчнимъ часомъ людскимъ ку вѣдомости подавали, але и тое освѣдчили, ижъ високое свое зрожденіе такъ великою отвагою оздобили. Тебе велможній гетмане полній и добродѣю мой тутъ би мнѣ славити потреба, который яко воду якую, тако кровъ свою для отчизни и достоинства его королевской милости, пана нашого милостивого вилити естесь готовъ, але ижъ довцѣпъ того доказати не можеть; бо не потребуеть похвали людской цнота, частю ижъ самъ Богъ оборонцею велможности твоей щедулній, который тя славить и вшему свѣту оглашати росказуеть, уже тамъ нѣхто тебе виславити не можетъ, еднакъ того отъ маестату Бозского прошу, аби такую ласку свою притомную даючи, всѣ непріятелѣ креста святого и коронніи ганбу отъ шаблѣ твоей и ради относили, а зависніи завстиждене. Значнее звитязство зъ непріятеля пріятеля и оборонцу учиняетъ. Похлибство гетману.

РОЗДѢЛЪ 8.

Яко войшовъ до окопу Филоненко.

Великій красомовца Цицеро in paradox. написалъ: злій трудно маеть тушити себѣ доброе, хиба ажъ земля слонцемъ ся

стававшій середъ непріятельскаго огня свою жизнь и славу. Заслуживаетъ почетъ е. м. п. Николай Загурскій, ротмистръ королевской венгерской пѣхоты, находившейся при гетмане польномъ коронномъ: среди смятенія битвы, онъ долженъ былъ караулить въ лагерѣ тридцать важнѣйшихъ плѣнниковъ козацкихъ; опасаясь, чтобы они не произвели чего нибудь опаснаго въ лагерѣ и желая притомъ, чтобы пѣхота могла легче стеречъ лагеръ, отдѣливши нѣсколько плѣнныхъ: Путивльца, Скидана и Яву, приказалъ пѣхотѣ избить остальныхъ, а потомъ, соединивши свою пѣхоту, съ пѣхотою е. м. п. Петра Потоцкого, воеводича брацлавского, храбро оттаковалъ съ нею козаковъ.

Филоненко въ окопъ уйшолъ. стане. Вшедлъ той Филоненко до окопу, але зо встидомъ своимъ и великимъ: напродъ ижъ стратилъ болшую часть войска, gдижъ въ килко сотъ человѣка толко ввойшолъ, другая ижъ живности, которой одъ него сподѣвалися, заледво надва днѣй било, Филоненко у окопѣ каранъ. третая, ижъ тую его прислугу здрадецтвомъ окричено, наконецъ его самого впредъ комишиною явне скарано и ланцугъ на шію вложено. Припатрся прошу военнику: gдиби до его милости пана гетмана такъся якій ротмистръ, би въ стохъ коней, пребилъ, азалиби его не прійковалъ весело облапяючий и много добрихъ словъ ему даючій? А той зъ трудностю пришедши, хлѣба (здорове свое тратячи) додавши и слова доброго не Жалость Филоненка. отнеслъ, але лаяне, кій и вязене. Небоже Филоненку! gде тебе такъ твои вѣрніи пріятелѣ витають и пріймують за добрую твою волю, певне сроgая фортуна надъ тобою висить, филюмъ Поляковъ хвалить и обнадеживаеть. кононніи яко и твоего нука (sic) поткала. Тобѣ цній жолнѣру коронній и вамъ, щосьто при войску до толь статечно триваючи, здорове и достатки на шанъцъ охотне для отчизни и маестату его королевской милости зупелносте кидали, високо такую твою охоту вспомнѣвши, приходить одважнимъ и словомъ и перомъ дякувати и жеби такіи твои труди, працѣ, кошти, страти и болѣ били миліи и скутечніи у короля его милости, пана нашого милостивого вспомненіи понѣвкуду усиловати; але ижъ то въ свѣжой памяти есть у обронцовъ отчизни и у короля его милости, пана нашого милостивого, которій и кумейскую вдячни пріймовалъ и до той писанемъ своимъ, охоту Война кумейска. въ мужествѣ вашомъ одважную инвѣтуючи, аннѣмовалъ, уконтентованя за заслуги.

Зъ лѣтописца козацкого.

Примѣчаніе Величка. Два вишеписаніе седмій и осмій роздѣли, складаючи въ семъ діяріушѣ, велебній отецъ Околскій, велми розминулся зъ правдою, чи то нарочне, чили таковую неправди полную имѣлъ въ себе реляцію, бо що писалъ о Филоненку, же тилко зъ двома

тисячами прибранного войска козацкого плинулъ чолнами по Днѣпру, на помочъ до гетмана Гунѣ, ку окопу, на Старцу бывшомъ, то есть неправда, понеже Филоненко полковникъ не въ двохъ, но въ пятохъ тисячахъ злишкомъ знайдовался войска своего и провіанту мѣлъ приспособленого на два и на три мѣсяцѣ кромѣ достатного запасу военного, що тежъ написалъ Околскій панагиричне о томъ, ижъ Филоненка войска коронніи, на томъ боку рѣки Днѣпра зостававшіи, пудили, то написалъ ложъ явную, бо хто видалъ тое, аби конно жолнѣръ моглъ, на водѣ лотками плинучого, жолнѣра гонити и пудити; да и Хвилоненко былъ би не смисленній вождъ, если бы чуючи о войскахъ коронниxъ конниxъ, невѣдомо для чого мѣлъ подъ нихъ чолнами подпливати и овшемъ Хвилоненко по за островами и затоками Днѣпровими такъ облиснулъ и ку окопу до войска главнѣйшого прійшолъ, же войско коронное, по берегу на томъ боку Днѣпра разположенное, заледво и слишати о немъ могло. Немало теди Филоненко, отъ войскъ того бочниxъ коронниxъ имѣючи ущербку, въ цѣлости зо всѣмъ войскомъ и провіантами до гетмана Гунѣ приплинулъ до окопу, доби нощной; лечъ потуга войскъ полскихъ, около окопу на Старцу бывшихъ, по ординансу началнѣйшого вожда своего всѣми силами на тое была усадилася, аби не впустити Филоненка зъ войскомъ и провіантомъ до окопу, но гетманъ Гуня зъ войскомъ зъ окопу, а Филоненко зъ чолновъ війшовши, скупилися и всѣ провіанти зобравши, зъ великимъ препятіемъ отъ Поляковъ увойшли до окопу. Препятіе зась такъ тяжкое, прикрое, почавши отъ полночи, било отъ Поляковъ козакамъ, же мусѣло тамъ же на пляцу трупомъ пасти козаковъ осмъсотъ сѣмдесять пять человѣка, а Поляковъ пять тисячь шистьдесять осмъ человѣка, кромѣ раннихъ и тихъ, которіи смертно постреляни будучи, на сторону конми отбѣгали и отпадали, бо латвѣйше было подъ зору на конниxъ Поляковъ пѣшимъ козакамъ зъ шанцовъ и труповъ полскихъ конскихъ и человѣческихъ стрѣляти и потрафляти, нежели Полякомъ на козаковъ пѣшихъ стрѣляти и

улучати, а хочай тамъ были и пѣхоти полскіи, еднакъ и имъ тожъ отъ козаковъ досталося, що и конници ихъ; поневажъ войско Запорозское такъ было въ стрѣляню справное, что на еденъ голосъ стрѣляло и многихъ Поляковъ во тмѣ нощной разорило и забіяло, а дождавши свѣта и военній задоръ зъ обохъ сторонъ скончивши, гди козаки вибѣрали свои трупи, тогди и лядскихъ труповъ обрѣли и изчислили квоту вишписанную, которіе, за вистребленемъ зъ лядской сторони покоя, невозбранно отъ козаковъ уступлени, до лядского обозу забраніи и похоронени. Таковимъ моцнимъ и горячимъ козацкимъ трактаментомъ панове Поляки велми опарившися, болше уже впередъ таковой упорчивой и десперацкой отвазѣ своей дали покой и не смѣли на козаковъ близко натирати, лечъ и гетману своему и гетману козацкому, въ окопѣ бившому, прилѣжне радили и совѣтовали, аби обоюлній учиненъ былъ покой и загамовано нещадное крвѣ христіянской пролитіе, що и собилося вскорѣ таковимъ порядкомъ и дѣйствіемъ, яко предлежащіе сего діяріуша (полніе неправди и похлѣбства Околскаго) являють раздѣли.

РОЗДѢЛЪ 9.

О униженю гордихъ карковъ козацкихъ ку волѣ гетманской.

Кгди омилная надѣя дня вчорайшого на острій кгротъ и преникаючій штихъ сваволенству сурово подала и нѣчого инного имъ тушити себѣ не позволила, тилко що Салюстіусъ повѣдалъ: дармо сподеватись *). Допѣро слабую фортуну бити

*) Въ подлин. Окольск: Frustra niti, neque aliud, se fatigando, nisi odium quaerere, extrema dementia est.—Напрасно употреблять усилія и напряженнымъ трудомъ снискивать ненависть—свойственно лишь крайнему безъумію.

обачили—не маючи уже способу утримання сваволенства; вимислити; упасти до ногъ правдиве, его милости пану гетанове, а просити о милосердіе постановили напредъ просять, аби имъ послано, зъ которимъ би могли ся розмовити ретелне, до ихъ кола; але на тое его милость реклъ: звитяжца даетъ права, але они если прагнуть ласки и милосердія, нехай тутъ тѣлнѣйшіи до мене прийдуть. Тяжко тое было сваволенству козацкому За правду кого зброднѣ и криминали свѣжіи передъ трибуналъ проважають, волѣлъ би видитеся рачей подъ землею нижли предъ справедливимъ судіею, якоби прудентиусъ себѣ радилъ, вѣсити прудшей кгди годенъ, нижели справоватися,—такъ и козаки тіи не ради того слишали, аби предъ его милости пана гетмана ити и тамъ умовлятися. Еднакъ его милости пана Комаровскаго, ротмистра его королевской милости и его милости пана Жолтовскаго, пѣхоти венgерской капитана, его милости пана Лувчинскаго, стражника войскового, его милости пана Стефана Хоментовскаго, судю войскового зневолени персвазіею, вислали Романа Пешту, але Пешта, приходячи до наметовъ гетманскихъ такъ перелекался, ижъ его кадукъ попалъ и нимъ кинулъ. Уважъ же себѣ велможній гетмане, якій то ангелъ охочій есть при таборѣ обецнимъ, а если Атиля, любо поганинъ, умѣлъ его ушановати, gди его обачилъ при боку отца святого, папѣжа Леона, пристойнѣйша есть пану христианскому имѣти его въ реверенціей для святоблившого прогресу такъ на войнѣ, якой въ дому. Отрезвленій Пешта лагодною мовою его милости пана гетмана, пришедши до себе реклъ: видимо ижъ насъ Богъ караеть, твоего милосердія жадаемо, о тое просимо, аби конституція новая была учинена модифѣкованая о козакахъ, аби дотоль екзекуціи не мѣла, ажби послове наши вернули отъ короля его милости. А же перша рѣчъ не была можна, другой позволилъ имъ его милость панъ гетманъ, але то не хотѣлъ, аби ихъ випустити зъ окопу, того самого чекаючи, аби отдали гармату, потвердили присягою мову, а въ томъ часѣ старшимъ у нихъ и гетманомъ мѣлъ бити не хто иній, ено

Окоповіи хотять коритися

Просять гетмана о пословъ къ себѣ.

Отвѣтъ гетманскій.

Совѣтники полскіе козакамъ въ окопѣ

Зъ окопу Романъ Пешта висланъ до гетмана.

Мова отъ Пешта до гетмана.

Прикріе запроси гетманскіе.

Дѣйствіе не желаемое козакамъ.

самъ панъ гетманъ и тіи полковниками, которихъ онъ подасть.
О згодѣ зъ реестровими и сполной радѣ. Назначаеть теди мѣсце, где би зъ рестровими погодившися, раду учинили. Девятого Септемврія въ Корсуню пословъ обрали, списали прозбу до короля его милости, а нимъ вернутся посли,
Попись реестровихъ. аби билъ попись рестровихъ козаковъ, а за верненемся пословъ, аби на Маславомъ ставѣ отдали армату, булову, бунчукъ, хорогви, бубни, комисарѣ приймовали и полковники, которихъ имъ покажуть; gди то услишать козаки зъ великою радостю до ногъ упадаючи, за добродѣя, за обронцу и опекуна себѣ его милости пана гетмана приймовали и просили.
Отдане армати и иншихъ знаковъ войсковихъ.
Прикладъ зъ цесара Анастасія. О Анастасіи цесарѣ повѣдаеть Цедринусъ, ижъ gди въ сенатѣ мову мѣлъ, а потомъ посполство едностайними голосами крикнуло: якось звитяжилъ такъ и радѣй; пенкнее залѣцене знать ижъ мѣлъ и панское и христианское залѣцене и обичай. На такій способъ и своеволное козацство припали, gди ихъ его милость панъ гетманъ до конституцiи притягалъ, отпѣралися—але gди примусилъ, рекли: якось реклъ, такъ станови. Такъ хлопку! знай
Присяга отъ гетмана всѣмъ козакамъ назначена. пана. Тогожъ теди дня подалъ имъ роту до присяги и на передъ реестровіи присягали, потомъ облеженіи, потомъ чернь.

РОЗДѢЛЪ 10.

О присязѣ козаковъ и чернѣ.

Присяга реестровихъ козаковъ.

Ми Лева *) Ивановичъ, Каленикъ Прокоповичъ, Михайло
Рота козаковъ реестровихъ, що при войску полскомъ били. Михиловичъ, полковники войска его королевской милости Запорозского, при войску его королевскай милости будучіи, сами

*) Въ подлин. Окольского: Савва Ивановичъ.

отъ себе и именемъ всего войска того присягаемо Господу Богу въ Тройци единому и всѣмъ Святимъ нашимъ, ижъ ми волѣ и росказаню его королевской милости, скоро пословѣ наши одъ его королевской милости вернутся, во всемъ досить учинити, не въ чомъ не противляючися; такъ тежъ ясне вилможного его милости пана гетмана коронного во всемъ росказане, яко старшого и добродѣя нашого полнити маемо и повинни будемо, товаришомъ нашимъ ре́стровимъ, котори на Старцу осажени били, нѣвъчомъ кривди и нагани не чинити, справедливо еденъ другому, если би що и приточилося между собою чинити, во всемъ въ згодѣ и милости товариской жити; на томъ справедливо присягаемо, а если несправедливе, Боже насъ забій на душѣ и на тѣлѣ нашомъ въ нинешнемъ и пришломъ вѣку.

Присяга козаковъ на Старцу осаженихъ.

Ми Иванъ Пешта, Иванъ Бояринъ, Василъ Соколъ, полковники войска, на Старцу осаженаго, именемъ всего войска присягаемо Господу Богу въ Тройцѣ единому и всѣмъ святимъ на томъ, ижъ що за проступокъ нашъ, противъ волѣ его короловской милости и рѣчи посполитой непелненій, ясне велможий его милость панъ воевода браславскій, гетманъ полній короній, милосердіе показавши, пребачити милостиве рачилъ и за намовленими певними кондиціями, въ особномъ скриптѣ значеними и описаними, згода сталася, которихъ теди пунктовъ додержати маемо, всѣ волю и росказане его королевской милости, яко скоро до насъ прійдеть, тутъ тежъ росказане ясне велможного его милости пана гетмана коронного полного, старшого добродѣя нашого во всемъ полнити маемо и повинни будимо; тихъ, которіи зъ нами заровно во реестрѣ не было и зъ дѣдичнихъ добръ, а до насъ війшли отдаляемо и болшей онихъ до себе лучити и приймовати не обицуемо; товаришомъ нашимъ, тимъ которіи при войску его королевской милости коронномъ были, такъ старшимъ яко и меншимъ, жадной кривди анѣ нагани словомъ и учинкомъ чинити не маемо; на томъ справедливе

Рота козаковъ въ окопѣ осаженихъ.

присягаемо, а ежели несправедливе, Боже насъ побій на души и тѣлѣ нашомъ въ нинѣшномъ и будущомъ вѣцѣ.

Присяга чернѣ своеволной.

Рота мно- [illegible] въ [illegible] вѣ [illegible].

Проступство роспущеного своволенства нашего припоминаючи, аби потомность оную узнавала и, забѣгаючи тому, аби болшей до бунтовъ купленяся не тилко ми, але и потомкове наши, наступаючи по насъ, важитися не хотѣли, освѣдченое милосердіе найяснѣйшого маестату короля пана нашого презъ ясне велможного его милости пана воеводи брацлавскаго, гетмана полного коронного визнаваемо: также ми надъ первшіи, кровію нашею подписаніи и по многокротъ поприсяженіи коммисіи, важилисмося посполство до своеволѣ, бунтовъ и руки поднесеня на маестатъ и войско его королевской милости приводити и листи розписовати, и въ тихъ бунтахъ сили (нашие) на власнихъ оборочати пановъ, запомнивши свѣжого по Кумѣйской (где отвагою рицерства клейноти, армати, хорогви одибрани и подъ ноги маестату его королевской милости нашому милостивому поручени) подъ Боровицею показаного добродѣйства, которее отъ завзятой хоти сваволенства, же насъ не отвело, тенеришного по свѣжомъ проступствѣ нашомъ допросившися усилною унѣжоностію милосирдія, такъ волю рѣчи посполитой, въ конституціяхъ докладне виряженную, яко и щедулную волю ясне веможного его милости пана воеводи брацлавскаго, гетмана полного коронного, намъ оповѣданую, во всемъ полнити готовисмо и комисара поданного отъ Его Королевской милости и рѣчи посполитой, за війстемъ коммисіи и поверненіемъ ся пословъ нашихъ отъ его королевской милости, приняти всѣ а всѣ поприсягаемо; полковниковъ шести обранихъ вълазу пріймуючи, цѣлее послушенство старшинства належите обѣцуемо, а верхности тихъ нѣгдѣ индей, толко до самого волѣ ясне велможного его милости пана воеводи брацлавскаго, гетмана полного коронного, же стягатися маеть, признаваемо и подъ оного поддаваемося всѣ, яко вѣрніи и униженіи подданіи

Подъ Кумейками дѣйствіе козакамъ нещастливое.

опеку; зъ реестровими козаками а товаришами нашими, которіи были на той часъ при войску его королевской милости, поручивши всѣ нехутѣ наши, братерско жити, такъ же еденъ другому нѣчого закидати не маеть, обовязуемося: армата. всѣ знаки войсковіи на мѣсцу, презъ полковники намовленомъ, зъ волею ясне велможного его милости пана гетмана зоставатися маеть, при которой арматѣ полковой, не дѣлячися, мешкати будуть повини и во всемъ докладатися волѣ ясне велможного его милости пана гетмана полного коронного, тутъ зась армата, которая у шляхти побрана, яко и въ Кіовлянъ, презъ насъ не отвлочне привернена маеть бити, а за поворотомъ пословъ нашихъ отъ его корлевской милости, коммисаровѣ назначеному армату нашу и всѣ знаки, при отданю послушенства, яко нижей (sic) подножкове его королевской милости маестату отдати обѣцуемося и поприсягаемо, обѣцуючи то собѣ по ласцѣ его королевской милости, же при давнихъ волностяхъ войска Запоросвого зоставати будемо и же позосталіи вдови старихъ козаковъ жадного чтѣменжена мѣти не будуть; упрошаемо при томъ волможного его милости пана воеводи брацлавского, гетмана полного коронного, аби онъ, причиною своею до его королевской милости долегливости чернцовъ Терехтемировскихъ всперлъ, такъ жеби коммисія виведена при власномъ ихъ зоставити могла, тутъ и скарбъ монастирскій, которий есть при Елѣашу, яко хвалѣ Божой завзятой, привернути казалъ; въ рѣчки для рибъ, не для жадной своеволѣ, анѣй війстя на море и въ поля на звѣрь, за позволенемъ старшихъ, жеби ходити не заборонялъ, унѣжене упрашаемо. Тую теди ласку, добродѣйство, милосердіе показаное, вдячне принявши, цѣлое подданство и вичливую вѣрность обѣцуемо и потрете присягаемо на потомніи часи, аби той обовязокъ нашъ всѣмъ не былъ тайный. Данъ въ обовѣ на устю Старца, 6 августа, року 1638.

О арматѣ и знакахъ военнихъ. инишихъ.

О чернцахъ Терехтемировскихъ и скарбѣ.

За згодою войска запорозкого и за позволеніемъ пановъ полковниковъ, на той часъ обранних и росказанемъ такъ старшихъ, яко и меншихъ—подписуюсь.

Мартинъ Незнанскій, писарь на той часъ войсковій, рукою власною.

РОЗДѢЛЪ 11.

Зъ учиненой згоди и присяги въ обохъ войскахъ тріумфъ и веселіе.

Дознавши рицерство дня такъ щасливого прешлого, наступуючого дня, осмого августа, при мши святой засневавши въ наметѣ гетманскомъ каплані: тебе Бога хвалимъ, пушкарѣ и пѣхота зъ арматъ и мушкетовъ ℊратѣсъ по килка разъ ресумовали. Тожъ учинили и козаки на устю Старца осаженіи; зшелъ той день великою веселостю: уже козаки волно по обозѣ, а рицерство по ихъ окопѣ ходили, где ихъ фортелѣ, оборони, засадки, уходи добре обачели и зрозумѣли и едни мовили: же не подобно ихъ взяти било въ томъ окопѣ, оно кунктандо, яко шедлъ зъ ними ясне велможній его милость панъ гетманъ; другіи мовили: уважите яко есть великая розность жолнѣра, который удается отъ плуга до войни, а того который нѣℊди рукъ своихъ ще не спрацовалъ. Они не тилко мусять бити не прелямани въ силѣ, въ працѣ, але еще працею тяжкою до тяжшой ставаются способнейшими и охотнейшими, тіи зась прудко мдлѣти мусять. Отдавши теди Господу Богу дяки, своеволніи козаки, девятого авдуста взяли довволене до домовъ своихъ розійтися; рушилося войско коронное на становиска назначеніи, а его милость панъ гетманъ до Нежина, потомъ до Кіева отехалъ. Взяло тое часу до двадцятъ четвертого августа, где дано знати, якоби знову до бунтовъ купитися козаки мѣли и армати не отдали въ Каневъ, яко росказано; же раду новую мѣли между собою, прето пославъ до нихъ его милость панъ гетманъ Трояна Голубковского зъ такою инструкціею:

Досмотръ окоповъ козацкихъ на Старцу.

Розездъ до окопу и зъ окопу обоихъ войскъ: едни на станціи, другіе въ доми свои.

Вѣдомость у гетмана о отмѣнѣ присяги козаковъ.

Инструкція урожденому пану Трояновѣ Голубковскому отъ ясне велможного его милости пана гетмана полного коронного, генерала подолского, нежинскаго старости, до Чигирина въ посредокъ ради полковниковъ новобранихъ и товариства запорозскаго, до ласки его королевской милости припущеного.

1. Напередъ поздорови всехъ именемъ моимъ, зичачи имъ отъ Господа Бога здоровя, ласки его королевской милости, рѣчи посполитой и насъ вождевъ, о которую ся уже старати почали.

2. Питатися, чому, надъ обовязокъ присяги своей, армати до Канева, на мѣсце умовленое, дотоль не ставели, которая есть власне войсковая, которая есть чужая, чому ои, чія есть, не, отдали, gдижъ то есть найболшая справедливостъ—отдати що есть не свое, презъ що обое—втелякее подойзрене о себѣ латво здіймутъ.

3. Если того тая есть причина, якожъ подобной не иншая, же для нужнихъ и слабихъ коней не могли прійти до того, аби тую армату здужали отвести, для того, будучи головою имъ, самъ въ той мѣрѣ старане чинячи, даю унѣверсалъ мой до Черкасъ и Медведевки для взятя подводъ, аби армату, якъ найпрудшей, на мѣсце намовленое ставели, аби даремній голосъ между людми не лѣталъ о вѣри, статечности и цнотѣ ихъ, которою его королевской милости свѣжо поприсягали, яко би тимъ поступкомъ въ великою знову суспиціею родилось якоесь подойзрене.

4. Мѣню за тое, же не въ иншой причини зобрали тую раду, тилко жеби въ посередъ себе годнихъ обрали пословъ, чого зичу и я, аби яко найунеженей обовязокъ прусяги своей, свѣжо учиниюй, презъ который всю его королевской милости и рѣчи посполитой волю хотячи виполнити и такій порядокъ приняти, якій имъ рѣчъ посполитая описала, сами однесли и потомъ иншого показаня ласки его королевской милости и рѣчи посполитой, яко найнижшей шукали, а я не вонтплю, же и при моемъ писаню, которее дамъ ихъ посломъ, оную отримаютъ gдижъ и писмо святое свѣдчить, же кто унижается будеть подвизшени.

5. Тое тежъ оповѣдети, же мене тутъ заходятъ голоси, же много въ подданихъ добръ дѣдичнихъ хотять себѣ привлащати титули и волности козацкія, що же есть противко давнимъ комисіамъ и теразнѣйшимъ, а надто и противко теперешной

присязѣ ихъ, кгди надъ ординацію рѣчи посполитой рестровихъ болшая лѣчба быти не можеть, тилко яко ии коммисари, отъ его королевской милости зосланіи, подадуть; теди поведати имъ, жеби до того не мѣшалися, що есть противко давнимъ уставомъ, бо козаки не повини быти въ дѣдичнихъ добрахъ, толко въ его королевской милости.

6. Тое теди въ радѣ оповѣдивши, декляраціей онихъ прислухавшися, до мене поворочай. Данъ въ Кіевѣ 29 августа року 1638.

Армата ку Каневу виправлена.

Дали респонсъ козаки, ижъ суть въ дорозѣ зъ арматою ку Каневу посланіи, тилко пара арматъ болшихъ тутъ, въ Чигринѣ зостала для недостстку коней; а раду чинили о тое, на которій би часъ назначати, аби всѣ зъихатися могли для пословъ и оброни Запорожя: 29 Сентерія назначилисмо въ Кіевѣ; послали при томъ пункта свои до его его милости пана гетмана, на которіи такъ имъ отповѣдаетъ его милость.

Респонсъ гетманскій на пункта козацкіи.

Респонсъ на пункта прозби пословъ отъ пановъ полковниковъ до мене присланихъ

О козакахъ звенигродскихъ.

1. Що сторони Звенигородки, мѣлемъ я писаніе отъ пана подстаростого тамошного, же тіи, которихъ онъ въ реестрахъ провентовихъ мастъ, здавна до повиности замковой, мѣской, за реестровихъ лѣчатся, яко живо козаками не будучи, але жеби тимъ, которіи суть власне реестровими и товариствомъ вашимъ, жеби ся найменшая кривда и найменшое безправе отъ подстаростого дѣлати мѣло, о томъ анѣ мислте; послю я тамъ еднакъ полковника корсунскаго, абимъ въ томъ пройзрѣлъ, а такъ за найменшую кривду, товаришовѣ вашому учиненую, моцно заплотится той панъ подстаростій.

О волости руменской.

2 Що о волость Руменскую, мѣлемъ и о томъ писане отъ пана подкоморого и отъ пана подстаростого Роменского, же, гдисми зъ собою были еще въ обозѣ, нѣкоторое лотровство въ тихъ тамъ маетностяхъ зобралося было, где ихъ слуги его милости пана подкоморого коронного громили и знать нѣкоторихъ потратили, болшъ и другіи уже, по даномъ себѣ милосер-

дію отъ васъ отшедши, знову были нѣкоторихъ побурили и, на фолваркъ его милости пана подкоморого нападши, зо всего злупили, товари всѣ забрали, слугу намѣстникового забили и иннихъ много gвалтовъ, подобно въ вашу надѣю, починили; где же тамъ Нѣмци зъ ординаціей моей, за указанемъ хлѣба себѣ пришли, они надъ Сулою окопалися, gди латво би ихъ Нѣмци были взяли, gди би отъ мене таковую ординацію мѣли, жеби ихъ зносили. Узнайтежъ, яко ся тое лотровство своруютъ и яко суть кари годни: естъ тое памяти вашой, жейсте на прешлихъ пописахъ самисте того домовлялися, аби жаденъ зъ Роменцовъ не былъ пописаній, зъ той причини, же тіи, которіи суть близко Днѣпра, козаками быти маютъ для того самого, аби ся потребомъ рѣчи посполитой и службѣ его королевской милости вчеснѣй вигодило, бо gдиби неприятель креста святого впалъ, нимби зъ Ромна посилокъ прийшолъ, тоби тутъ надгнилъ другой; за чимъ они не слушне того напѣраються, анѣ ви слушне подъ свои ихъ крила брати маете, бо яко въ шанцахъ *) нашихъ шляхецкихъ, до волности и прерогативъ шляхетскихъ едню той, которій и кровъю своею и субстанціею долго служить его королевской милости и отчизнѣ; такъ и ви, до стану своего и волностей рицерскихъ, на которіи и продкове ваши горловали и ви горлуете, аби ся ледащо, овчарѣ припущати мѣли, ежели слушна и пристойна рѣчь, сами уважте; бо тіи васъ такъ много рази до неласки его королевской милости и рѣчи посполитой приводять: зберется килко десять албо килка сотъ гултайства, полупять где албо пошарпають, то не пойдеть голосъ, аби тое хлопи учинили, але козаки, где потомъ ви до нихъ мѣшаетесь и такъ серце его королевской милости и рѣчи посполитой противко вамъ ятритися мусить; до того же тое есть найдавнѣйшій присяги вашой обовязокъ, абисте за тихъ уймоватися не мѣли, которихъ отъ себе отпустилисте и которіи жадною мѣрою козаками всѣ быти не могутъ, а хочъ би тежъ

Своволя новая Ромѣнцѣ.

О Роменцахъ.

Козаки по надъ Днѣпромъ.

Роменцовъ.

Шляхта и козаки едной поваги.

Гултайство.

Же козаками жадною мѣрою всѣ быти не могутъ.

---

*) Въ подлинникѣ Окольского: w stanach т. е. въ штатахъ.

и могли, не тимъ способомъ старатися о тое мають, аби тую ласку его королевской милости отнесли, жеби при ровнихъ вамъ волностяхъ зоставали, але тими стежками идучи, которими продкове ваши ходили и кровію и худобами заслугуючися своими, на тое его королевской милости и рѣчи посполитой респектоване, ȣдижъ для того по тихъ мѣстахъ, по надъ Днѣпромъ болшіи ся сочинили полки, аби въ тое Роменци не втручалися.

Междособная неуфность козацка.

3 Видячи, же нѣякась неуфность заходить въ обохъ сторонъ между вами, же еденъ другому между собою на той первости пріязнѣ не вѣрите и не уфаете, зичу того и прошу васъ, абисте до мене, до Кіева, взявши зъ собою по килко десять человѣка зъ полку, пріихали, абимъ зъ вами во всемъ розмовился и самъ васъ до едности привелъ, аби и тая рада, которую мѣти будете до обѣраня пословъ, при мнѣ отправовалася, якъ на той часъ старшимъ вашимъ, що зъ болшою повагою и оздобою вашею будеть и уже всѣ противніи о себѣ людскіи мнѣманя въ себе зложите.

Гетманъ до Кіева зоветь ихъ для зго-женія.

Гетманъ опекуномъ является козакамъ.

4 Любо я уже зосталемъ вашимъ и добръ вашихъ опекуномъ, зичачи вамъ не тилко привороченя того отъ его королевской милости, до чого васъ першіи здрайци своими нецнотливими поступками привели, же и тіи веси даніи суть привелеемъ его королевской милости его милости пану стражникове коронному, которіи до монастира Терехтемировского належали, але и болшихъ волностей вашихъ розширеня—же еднакъ тая зайшла его королевской милости декляраціа, на которую его милость панъ стражникъ, на засѣвки збожъ нѣніондзѣ свои ложилъ, зичу того и перестерѣгаю васъ въ томъ, абисте ся въ той мѣрѣ унижоними быти его королевской милости указали, а тихъ ему засѣвковъ збѣрати не пересказжали, ажъ прійдеть ретелная о всемъ отъ его королевской милости вамъ презъ посли ваши резолюція, которую абисте скутечную, а вамъ пожаданую отнесли, моцно ся и я моею прозбою приложу до его королевской милости.

О засѣвкахъ стражниковихъ.

5 Що ся тичетъ писанія и скарги вашей на слуги его милости пана стражника коронного, тому я заразъ листъ свой посылаю й горячо пишу, аби слугамъ своимъ заказалъ, аби найменшой кривди не чинили; кгди у мене будете, тимъ часомъ прійдетъ мнѣ резолюція отъ его милости пана стражника, которую вамъ укажу, але при томъ правѣ писаніи вашомъ былъ у мене слуга его милости пана стражника, которій мнѣ то повѣдалъ, же тамъ жадного зъ слугъ его милости пана стражника не маешъ, и овшемъ такъ лѣпше его именовати, хто тамъ бродитъ, а его милость панъ стражникъ скутечную вамъ справедливость учинитъ. Скарга на слугъ стражниковихъ.

РОЗДѢЛЪ 12.

РАДА КОЗАЦКА ВЪ КІЕВѢ, ПРИ ЕГО МИЛОСТИ ПАНУ ГЕТМАНУ ПОСЛОВЕ ОБРАНИ ДО ЕГО КОРОЛЕВСКОЙ МИЛОСТИ.

Пункта намовленіи въ радѣ нашой зъобополной въ Кіевѣ 9 септеврія, року 1638. Рада въ Кіевѣ.

1. Напередъ до его королевской милости обралисмо: Романа Половца, Богдана Хмельницкого, Ивана Боярина, Ивана Волченка, презъ которихъ якая инструкціи маеть быти дана и прозби мають быти до его королевской милости отъ насъ заношени, маемо его милости пану гетмановѣ, пану нашому милостивому указати и на милостивую информацію его милости спуститися. Посли обрани до короля отъ козаковъ межъ ними и Хмелницкій.

2. Залоги на Запороже аби не виходили до далшой деклараціей его королевской милости. назначилисмо зъ посередъ себе товарища на имя Андрея Муху, придавши ему зъ кождого О залогахъ запорожскихъ

полку по десять человѣка. годнихъ людей, которіи мають, упатривши мѣстце, станути и жадного не препускати; толко потреба моци въ томъ отъ его милости пана гетмана, нашего милостивого пана, аби, въ Кременчугу люде будучіи, помощю и послушними были.

О арматѣ въ Каневѣ.

3. О порадку около армати, тая мѣетъ быти въ Каневѣ, около ней нѣчого не маеть быти непотребнихъ людей, окромъ ведле звичаю пушкарѣ и армашѣ, которихъ человѣка надъ двадцать не будеть, а иншимъ заразъ кажемо цо домахъ розійтися и на тихъ, которіи будуть, унѣжонѣ упрошаемо, аби провіянтъ былъ указаній, ґдижъ въ Каневѣ не мають на чомъ жити.

О пушкарахъ и арматахъ.

О купахъ своволнихъ людей.

4. О тихъ, которіи *) безъ вѣдомости нашой скупилися, висилаемо зъ между себе полковника каневскаго, Ивана Боярина, придавши ему зъ полку по десять человѣка, даемо ему моцъ такую, аби винного, хто тимъ бунтомъ и седиціямъ билъ причиною, виналѣзши, его на горле скаралъ, а тимъ до виного послушенства розійтися росказалъ, при которомъ полковнику просимо его милости пана гетмана, нашого добродѣя, аби и слугу своего придати рачилъ, универсаломъ своимъ панскимъ аби того во всемъ дозрѣлъ.

О зъобополной любвѣ козацкой.

5. Между нами самими такій едиктъ війшолъ, абисмо старшіи всѣ въ милости братерской жили, ту тежъ войско подъ нашимъ послушенствомъ будучи, аби жаденъ другому, подъ горломъ, словомъ докидати не мѣлъ и справедливости святой перестерѣгати маемо и нѣ въ чомъ, яко обовязокъ присяги нашой опѣваеть, викрачати не мѣемо, але во всемъ до ясне велможного его милости пана гетмана, добродѣя нашего, яко старшого справи всѣ стѣгатися мають.

О людехъ полковыхъ.

6. Люде, которіи передъ тимъ въ якомъ полку были и теперъ, не удаваючися до жадного другого полковника, але своему полковниковѣ належитому повинность и послушенство зви-

---

*) Въ подлин. Окольск. слѣдують слова: około Hadiačzego—Около Гадача.

чайнее отдавати и справедливость чинити, допрошати и себѣ доходити маеть. Полковникъ жаденъ неналежитого себѣ, такъ въ скаргахъ яко и въ инщихъ справахъ приймовати не мають.

Левко Ивановичъ Бубновскій, Романъ Пешта, Каленикъ Прокоповичъ, Михайло Мануйловичъ, Василій Сакумій, Иванъ Бояринъ, полковники зо всѣмъ войскомъ его королевской милости запорозскимъ.

Копія листу до его королевской милости отъ козаковъ.

Ми найнижшіи подножкове маеставу вашей королевской милости, пана, пана нашего милостивого такъ тіи, которіи до вѣрности подданства нашого додержуючи, тривалисмо статечно на услузѣ вашой королевской милости, пана нашого милостивого, зъ войскомъ вашой королевской милости короннимъ, зъ ясне велможнымъ его милостю паномъ воеводою брацлавскимъ, гетманомъ полнимъ короннимъ и до горлъ нашихъ, жадною злою силою и искрою запалятися не даючи, тривати будемъ, яко и ми, которіи зъ прикладу и зъ запаленя нѣкоторыхъ подводцовъ нашихъ пришлисмо были о той грѣхъ проступства противко найяснѣйшому маестатовѣ вашой королевской милости, на нашого милостивого пана и всѣй рѣчи посполитой, теперъ ꙃди уже Господь Богъ на тѣлахъ тихъ, которіи насъ на все злое приводили, декретъ свой кровію писалъ: иних въ общіи краини, нехотячи невдячнихъ въ отчизнѣ терпѣти, запудилъ, инныхъ презъ вязене подалъ въ милосердіи руцѣ Вашой Королевской Милости, пана нашого милостивого; намъ зась, любо проступнимъ, але упомяталимъ, для низкой покори нашой и кривавихъ слезъ, которіи виливалисмо о милосердіе до ясне велможного его милости пана гетмана данного, далъ намъ тое одержати, жесмо при здоровяхъ нашихъ зостали, упадаемо презъ посли наши; которихъ въ радѣ зуполной, въ згодѣ, едности товариской, въ Кіевѣ, при боку ясне велможного его милости пана гетмана пол-

36

ного коронного, которого за добродѣя, старшого своего опекуна у вашой королевской милости маемо, обралисмо до ногъ вашой королевской милости пана нашого милостивого унѣжене и плачливе просячи, ми, которіисмо вѣрніи и статечніи были, о особливую ласку вашой королевской милости, тіи, которіи ся визнаваемо быти, за звожденіемъ старшихъ винними, о отпущене грѣховъ нашихъ и потвержденіе, данного намъ презъ ясне велможного его милости пана гетмана полного, милосердія, за которимъ все заразъ учинити и всю волю вашой королевской милости, пана нашого милостивого и рѣчи посполитой виполнити билибисмо готови, би намъ былъ ясне велможній его милость панъ гетманъ заразъ росказалъ, и теперъ; яко обовязалисмо присягою души наши впередъ Богу, а потомъ вашой королевской милости, такъ и до смерти нашой при томъ стояти будемо, абисмо не были кривоприсяжцами, але такими слугами и подданими найяснѣйшой вашой королевской милости маестату, яко ваша колевская милость панъ нашъ милостивій росказати намъ будешъ рачилъ и яко рѣчъ посполитая ухвалить, чи уже ухвалила, на томъ переставати, присягу нашу тимъ листомъ нашимъ унѣжонимъ повторяемо и сами себе проклинаемо, аби таяжъ шабля войскъ вашой королевской милости, которая поля наши густою кровію облила и насъ остатка голови зносила, ежели коли волѣ вашой королевской мимости противніи быти маемо. Уже теди покорнимъ а щиримъ сердцемъ удаемося до милосердія вашой королевской милости, аби ваша королевская милость, панъ нашъ милостивій, ласковимъ и милосердпимъ окомъ войздрѣти на насъ и на тіи найнижшіи прозби, которіи презъ посли наши вносимо, милостиве пріяти рачилъ, а ми ведлугъ вѣрности подданства нашого, при теперешномъ присяги обовязку до смерти триваючи, за щасливое панованe вашой королевской милости Господа Бога просити и зъ непріятелемъ коронпимъ за славу вашой королевской милости и всей рѣчи посполитой кровъ нашу охотне проливати будемо.

Копѣя инструкціей пословъ козацкихъ до его королевской милости.

На передъ найяснѣйшого маестату его королевской милости, пана нашого милостивого за той грѣхъ, которісми поподнили били и противку маестатовѣ его королевской милости, пана нашого милостивого викрочили, сердечне жалуючи, просити и благати, ижъ би намъ зъ милостивой ласки своей панской милостивно отпустити и перепомнѣти рачилъ и знову до першой милостивой ласки своей панской, яко найнижшихъ подножковъ и вѣрнихъ поданихъ своихъ пріяти рачилъ, яко найнижей и найпокорней его королевской милости, пана нашого милостивого просимъ.

За виступокъ прощенія просять у короля.

А жесмо за той нашъ виступокъ надвередили правъ и волностей нашихъ, отъ святой памяти найяснѣйшихъ ихъ милостей королевъ полскихъ наданихъ, ижъ тое кровію нашею, одвагою здоровя за достоинство его королевской милости и всей рѣчи посполитой, противко каждого непріятеля, поки ено духу въ тѣлѣ нашомъ ставати будеть, надгорожати хочемъ, унѣжене у ногъ его королевской милости упадати послове наши будуть, абисмо при тихъ же волностяхъ, то есть при grунтахъ и достаткахъ нашихъ, не кладучи въ тое давнихъ волностей нашихъ и старшинства, которіе предъ тимъ бивали между нами, а теперъ презъ волю его королевской милости и рѣчи посполитой инакше суть наданіи и споряженіи, яко комисаръ надъ ними и инніи преложеніи, которихъ ми, зъ рамени его королевской милости поданихъ, прагнучи, и онимъ послушенство отдавати обовязуемося.

О привернению прежнихъ правъ и волностей.

О кгрунтахъ и добрахъ козацкихъ.

О старшинствахъ давнихъ козацкихъ и о новихъ полскихъ.

Такъ тежъ вдови, которихъ мужіе въ услугахъ его королевской милости и всей рѣчи посполитой, при вождахъ коронnихъ погинули, ижъ би были обваровани до смерти своей, аби въ покою жили, теперъ презъ его королевскую милость, пана нашого милостивого, яко найунижонѣй и найпокорнѣй просити и благати, аби ихъ ведле онихъ въ покою милостивой своей ласки вцалѣ заховати рачилъ. — Терехтемировъ, которій

О вдовахъ козацкихъ.

О потвержене Терехтемирова на шпиталь козацкій.

намъ былъ на шпиталь наданій отъ святой памяти найяснѣйшихъ королевъ полскихъ, для уломнихъ и ранихъ товаришовъ нашихъ и для виживленя килко веси до Терехтемирова, которіи то веси, одъ его милости пана Ляща ad male narrata упрошено, аби тое намъ милостиве было ствержено, gдижъ тое ефуgіумъ на услузѣ его королевской милости скалѣченихъ.

О приверженю страченного жолду козацкого.

Жолдъ, который предъ тимъ зъ милостивой ласки его королевской милости, пана нашого милостивого мѣлисмо, а ижъ презъ той нашъ виступокъ стратилисмо, его королевской милости, пана нашого милостивого яко найпокорнѣй просити и благати, абисмо знову зъ милостивой ласки его королевской милости и всей рѣчи посполитой, онимъ жолдомъ опатрени быти могли; а ми, въ подаваючихъся оккaзіяхъ, поки духовъ нашихъ ставати будетъ, за достоинство его королевской милости и рѣчи посполитой, противу каждого неприятеля персами своими надставляти и той проступокъ нашъ заслуговати винни обовязуемося.

О знесеню кадуковъ козацкихъ.

О кадуки, которіи по разнихъ козакахъ поупрошено, просити послове наши его королевской милости будуть, жеби тое знесено было.

Коммисія остатечная зъ козаками, 4 декемврія, на Масловомъ ставѣ отправлена.

Миколай зъ Потока Потоцкій, воевона браславскій, гетманъ полній, генералъ подолскій, каменецкій, лятичевскій, нѣжинскій староста. Миколай зъ Фулштина Гербортъ, каштелянъ каменецкій, скалскій. Самуилъ Лящъ Гочапскій, *) стражникъ коронній, каниовскій, овруцкій старостове. Станѣславъ зъ Потока Потоцкій, воеводичъ брацлавскій. Петръ зъ Потока Потоцкій, воеводичъ брацлавскій. Махимиліянъ Брозовскій, подстолій кіевскій. Людвикъ Олѣзаръ. Гелѣяшъ Четвертенскій. Янъ Жолтовскій. Ержій Ловчинскій. Романъ Загоровскій. Винцентій Прерембскій. Стефанъ на Чарнѣ Чарнѣцкій. Янъ Сковецкій. Яцекъ Семберкъ, зосланіи съ рамени его королевской

*) Въ подл. Окольского: jnczapski.

милости на виконане ординаціи рѣчи посполитой надъ войскомъ Запорожскимъ, на свѣжо прошломъ сеймѣ ухваленой— комисарѣ—потомнимъ той нашъ поступокъ подаемо часомъ. Справило то ꙩуберніумъ щастливе найяснѣйшого Владислава четвертого, на той часъ намъ пануючого, за которимъ отчизна наша не тилко зъ посторонихъ непріятель много звитяжствъ однесла, але и домовіи подданихъ бунти и замѣшаня щасливе зъ себе зложила, справила дирекція ясне велможного его милости пана Станѣслава на Конецьполю Конецполского примаса той корони и великого гетмана, справила дѣлность и отвага его милости пана гетмана полного, любо часто то своволенство козацкое, теперь уже вѣрное и послушное рицерство его королевской милости, за поводомъ певнихъ отчизни здрайцовъ, зъ которихъ едни презъ шаблю рицерства войска его королевской милости, другіе презъ мечъ справедливій полягли, нѣкоторіи по паляхъ здради свои утквили, противко присягамъ и обовязкамъ подданства своего викрачаючи, на дѣдичную отчизну свою часто ядъ виливали, а надто по свѣжой подъ Куйейками поражцѣ и остатечной присязѣ, по даномъ себѣ презъ его милости пана гетмана полного подъ Боровицею милосердію, ꙩди уже имъ такій порадокъ, якій теперъ дойшолъ, рѣчъ посполитая зъ той клензки прибѣрала, знову противку войскомъ его королевской милости и тому постановленю виригнули; прудко еднакъ за дѣлнимъ мужствомъ его милости пана гетмана полного, на устю Старца осажени и зглажени, а надто великостею трупа своего положени, злихъ ꙩеннѣушовъ своихъ одступити мусѣли; поприсягли всю виразную волю его королевской милости и уставу сеймовую надъ собою приняти и оной досить въ найболшомъ и найменшомъ пунктѣ чинити; щоко на той часъ презъ насъ, охотнихъ его королевской милости и милихъ слугъ отчизни, которіи тутъ субстанцію и здоровя наше принеслисмо, покорне пріймуючи, анѣ ся найменшимъ поданемъ окказіи волѣ его королевской милости и такому рѣчи постановленю, которое на устю Старца пріяти поприсягли,

Кумейска поражка козаковъ.

На устю Старца козаки принуждени.

Козаки уставъ сеймовій пріймують на себе.

Пріймують комисара себѣ за старшого вожда вмѣсто гетмана своего.

спротивлятися. Напередъ на мѣстце старшого своего, ведлугъ ухвали рѣчи посполитой коммисара его королевской милости, пана Петра Коморовского (субіектумъ и услузѣ его королевской милости зголнее, и онимъ самимъ пріемнее, рицерской хтивее слави) приняли, яко предъ тимъ, при пописѣ своемъ оному, помененному уже, старшому своему и въ особѣ его королевской милости и рѣчи посполитой вѣрного подданства и послушенства присягу чинили и оную на томъ пляцу еднoстайними голосами ствердили.

О знакахъ военнихъ.

Армату и иншіи знаки свои военніи подъ ноги намъ положили. Той теди до ефекту ординаціи рѣчи посполитой gдисмо уже вступъ узяли, аби пунктомъ ординаціи сталося досить, виконалъ его милость панъ комисаръ такую, якая найдовали менсъ конституціи присягу, по которой заразъ зъ рукъ нашихъ армату и всѣ знаки, намъ подъ ноги данніи, одобравъ въ свою диспозицію, ажебися тривалая вся рѣчъ стала, на полковниства обрали: на Черкавске—пана Яна Gижицкого, на Переясловскее—пана Станѣслава Олдаковского, на Каневскее—пана Амброзого Секеринского, на Корсунске—пана Кирика Чижа, на Белоцерковскее—пана Станѣслава Калевского, на Чигиринское—пана Яна Закревского. Такіе обралисмо субіекта, якіи конституція виразила—шляхту родовитую, въ дѣлахъ досвѣдченую рицерскихъ, въ той услузѣ рѣчи посполитой во всемъ згодную и тимъ еднакъ, аби маіоре зелю тіи уради справляли, концепта въ той способъ и виконана презъ кождого зъ особна присяги рота: присягаю Господу Богу въ Тройци Святой единому, ижъ на тимъ урядѣ вѣрнимъ буду и зичливимъ слугою его королевской милости и рѣчи посполитой, ихъ милостемъ паномъ гетманомъ и его милости пану комисаровѣ послушній; во всемъ, що буду вѣдалъ и розумѣлъ належачого быти славѣ его королевской милости и доброму рѣчи посполитой, стосуючися во всемъ до ординаціи рѣчи посполитой; такъ ми Господи и Боже допоможи и мука его святая. Тутъ яко его милости пану комисаровѣ, такъ и паномъ полковникомъ жолдъ рѣчи

По присязѣ комисарской отдани ему знаки войсковіе.

Шесть полковниковъ полскихъ поставлено козакамъ.

Присяга тихъ полковниковъ на вѣрность.

О жолду комисару и полковникамъ.

посполитой подлугъ скриптумъ адъ арбѣтріумъ даного менованимъ денунъцѣновали. Потимъ два асаулове войсковіи: Левко Бубновскій и Илія Караимовичъ, которіи презъ той весь часъ роздруховъ не тилько до своеволе не лучилися, але и овшемъ вѣри и подданства его королевской милости въ цѣлости додержали и инимъ многимъ поводомъ ку доброму били, тимъ жолдъ по золотихъ 600 до року назначено. Обрали потомъ шѣсть асауловъ полковихъ: въ Черкаскомъ—Каленикъ Прокоповичъ, въ Переясловскомъ—Левко Мокіевскій, въ Каневскомъ—Яковъ Андрѣевичъ, въ Корсунскомъ—Иванъ Несторенко Бутъ, въ Бѣлоцерковскомъ—Мойсей Коробченко, въ Чигринскомъ—Романъ Пешта; зъ тихъ кождому дорочного жолду по золотихъ полтретяста. Обрани потому въ полкахъ сотники: въ Черкаскомъ—Григорій Себестіяновичъ, Ячукъ Савичъ, Максимъ Грицковичъ, Ониско Заецъ, Бокушъ Барабашъ, Прокопъ Лясенко, Данило Городчана, Мойсѣй Опара, Богданъ Топичка, Себестіянъ Богуславскій. Въ Переяславскомъ: Михайло Ворона, Феско Лутай, Грицко Ворона, Михайло Залѣскій, Захарія Юготинскій Лперехристъ, Михайло Коню, Северинъ Мокіевскій, Миско Пасвевичъ, Останъ Лисовецъ. Въ Каневскомъ: Иванъ Ивановичъ Бояринъ, Андрѣй Лагода, Лукашъ Криштофовичъ, Петро Марковичъ, Матвѣй Козувейко, Данило Дробистенко, Андрѣй Гунка, Илко Бутъ, Яцко Костенко, Федоръ Лукаренко. Въ Корсунскомъ: Михайло Матвѣевичъ, Максимъ Несторенко, Павелъ Гайдуценко, Иванъ Юсченко, Андрушко Балаксѣенко, Миколай Военовскій, Яцко Яковенко, Шашко Демидовичъ, Богданъ Шизновскій, Миско Иванценко. Въ Бѣлоцерковскомъ: Яцко Клѣша, Яцина Лютренко, Яцко Свѣщенко *), Савка Москаленко, Матіашъ Половскій, Гаврило Гроленко, Тишка Клѣша. Въ Чигринскомъ: Богданъ Хмелницкій, Федоръ Якубовичъ, Дорошъ Кучковичъ, Павелъ Снѣтка, Степанъ Якимо-

Асаули комисарскіе.

Имъ щорокъ по 600 золотихъ.

Шесть асауловъ полковихъ.

Имъ жолдъ по повтретоста золотихъ дорочно.

Сотники въ полку черкаскомъ.

Сотники въ полку переяславскомъ.

Въ каневскомъ сотники

Въ корсунскомъ сотники.

Въ бѣлоцерковскомъ сотники.

Въ чигринскомъ сотники зъ котрихъ першій Хмелницкій.

*) Въ подл. Окольского слѣдуютъ еще названія: Сахно Кирычникъ, Данило Гима, Степанъ Семченко.

Жолдъ дорочній по двѣстѣ золотихъ.

вичъ, Василій Мацковичъ, Грицко Нужній, Андрѣй Муха, Федотъ Якубовичъ Весня, Семенъ Василенко, зъ которихъ жолдъ каждому дорочній по золотихъ двѣстѣ.

Потомъ поставлено поручники то есть атамани, при каждому сотнику по единому.

Обрани потомъ поручники, ихъ назвискомъ атамани, аби при кождомъ сотнику билъ: во всѣхъ полкахъ, въ Черкаскомъ: Гаврило Ганусь, Андрѣй Лясота, Дмитро Трохимовичъ, Ярмосъ Жолтовскій, Миско Петровичъ, Гринецъ Шагадъ, Семенъ Пулвѣка, Олихвѣръ, Дзіоболда, Иванъ Лобаченко. Въ Переясловскомъ: Иванъ Гладкій, Михайло Богодко, Иванъ Зборовскій, Яцко Куяница, Лонецкій Миско, *) Михайло Яненко, Говрило Калушенко, Анголъ Зберчанъ. Въ Каневскомъ: Грицко Щербенко, Тарасъ Унупревичъ, Гаврило Грудина, Яцко Борисинко, Олексѣй Гришковичъ, Андрей Станкевичъ, Игнатъ Тучина. Матвей Голдъ, Борисъ Унищенко. Въ Корсунскомъ: Леско Найдевичь, Семенъ Москаль, Процикъ Униченко, Яцко Голубицкій, Несторъ Костенко, Яхно Старый Ливинскій, Михайло Скиба, Феско Брасуленко, Федоръ Жолудой, Козма Черевенко. Въ Бѣлоцерковскомъ: Миско Оледуха, Грицко Кургненко, Данило Писаренко, Иванъ Селѣванъ, Стецко Грушенко, Иванъ Голенникъ, Харко Народенко, Васко Путивлецъ, Иванъ Кривда, Васко Блябля. Въ Чигринскомъ: Ониско Бутъ, Костинъ Занкевичъ, Васко Гайдукъ, Кондратъ Буртулъ, Миколай Потаранскій, Трохимъ Боровикъ, Бузанъ Кизарченко, Яцко Тираненко, Стаско Медведовскій, старій Иванъ Нищовскій; зъ тихъ жолдъ кождому по золотихъ шестьдесятъ. Респектомъ иныхъ експенсъ: на армату, резиденцію его милости пана комисара; ижъ зъ арматою килка сотъ людей жаднимъ способомъ бити не можетъ, подлугъ интенціи рѣчи посполитой, въ Терохтемировѣ, за опустошонемъ и пожогою всей той осади, где ся все своволенство подъ тую знову по сейми ребеллѣю найболше вперало и тамъ азилюмъ свое мѣло, упатруючи тое, же при огнѣ сидети его милости пану комисару и людемъ его на голіи гиберновати

Въ полку черкаскомъ.

Въ полку переяславскомъ атамани.

Въ каневскомъ поручники.

Въ корсунскомъ атамани.

Въ бѣлоцерковскомъ поручники.

Въ чигиринскомъ полку атамани.

Имъ жолдъ дорочній талярей двадцать,

Терехтемировъ уничтожень для подозрѣній спустошеня своего.

*) Въ подл. Окольского прибавлена фамилія: Батоящый.

трудно, въ Корсунѣ оную до волѣ его королевской милости и рѣчи посполитой, любо прудшей отъ его милости пана краковскаго отъмѣни, назначаемо. Далшій пунктъ ординацієй, аби осѣдлости козацкіе, которіиби имъ сукцессиве въ потомніе часи служили, ижъ при томъ термѣнѣ прійти до екзекуцієй всякою мѣрою можеть, незъ жадной общой причини, прочъ самого часу, где зъ упалихъ снѣговъ знаки границъ: такъ копцовъ, рѣчокъ, дорогъ, багнискъ розизнати, а за тимъ ґрунти дѣлити трудно.

Въ Корсуню резиденція комисару до времени.

О добрахъ и осѣдлостехъ козацкихъ и границахъ.

Що ся зась тинетъ, абисмо въ кгрунта Терехтимировскіи войзрели, що ся укажеть, же козаки, що кому отняли, абисмо укривженимъ привернули. А же знову интерцессить его милость панъ стражникъ коронній, защитился передъ нами привилеемъ его королевской милости, собѣ на тіи добра *) данимъ, ижъ онъ тихъ добръ есть поссесоромъ, пришло намъ суперседовати оттого; обое тое теди до далшой его королевскои милости волѣ зоставивши, яко той окказіей не жаловалисмо заходовъ нашихъ: здоровемъ, субстанціями нашими, до услугъ его королевской милости и рѣчи посполитой, такъ и въ потомніи часи достатки и кровъ нашу до услуги его королевской милости и рѣчи посполитой охотне святимо. Данъ на Масловомъ ставу, 4 декавря, року 1638.

О кгрунтахъ Терехтемировскихъ зъ козаки и стражникомъ короннимъ.

РЕЕСТРЪ ВЕЛМОЖНИХЪ МУЖЕЙ, ВЪ ПОТРЕБѢ ЗЪ КОЗАКАМИ ПОЗАБИВАНИХЪ И ПОСТРѢЛЯНИХЪ, ТАКЖЕ И ЧЕЛЯДИ ИХЪ И КОНЕЙ, ОТЪ 8 МАЯ ДО 7 АВГУСТА, ВЪ РОКУ 1638.

Хорогви усарскіи.

Зъ подъ хорогви ясне веможного мосци пана воеводи подолского, старости галицкого, коломійского забитии: п. хоружій Дубровскій, п. Одоровскій, п. Паризскій, п. Радоминскій, п. Ясинскій, п. Рохлицкій, п. Рихлицкій, п. Прорубскій, п. Тепловскій.

*) Въ подл. Окольского слѣдують слова: tanquam post perduelles — какъ на оставшіеся отъ измѣнниковъ.

Постреленіи: п. поручникъ Блазеіовскій, п. Кавецкій, п. Олшовскій, п. Понентовскій. п. Понентовскій другій, п. Заруба, п. Лиховскій, п. Муравецкій. Шкодливе: п. Пухалскій. Челяди забито: осмъ, пострелено 12, коней забито 12, пострелено 31.

Короговъ его милости пана воеводи брацлавскаго, гетмана полного коронаго. Забито п. Лупенскаго. Пострелено: п. Хоружого. Шкодливе: п. Колчековского. Челяди пострелениххъ, посѣченнихъ 6; коней зибитихъ, пострелениххъ, посѣченихъ 18.

Короговъ его милости пана воеводи брацлавскаго Калѣновскаго. Забито челяди 6, пострелено: п. Godачевского, Дашкевича, Челяди 6; коней забито 10, пострелено 7.

Короговъ его милости пана канцлѣра короного святой памяти. Забито п. Моравца, п. Верховскаго, п. Окуня. Пострѣлено: п. Малиновскаго, п. Горского, п. Жабоклицкого, п. Лупенскаго и калѣкою зосталъ, п. Смаржевскаго, п. Чарнолуцкаго, пана Малачинскаго. Челяди 7 пострелено, забито 8, коней забитихъ и пострелениххъ 28.

Короговъ его милости пана писара короннаго, старости богусловскаго, п. Казановскаго. Забито челади 7, п. Хлевицкому зъ армати ухо устрелено. Челяди пострелено 3, коней забито 6, пострелено 5.

Короговъ его милости пана старости Вѣнницкого. Забито п. Халайма, п. Ручевскаго, п. Огія. Пострелено: п. поручника, п. Новоселкаго, п. Грабанего, п. Малжевскаго, п. Дунѣна, п. Стрелецкого, п. Дурановскаго, п. Укримского, п. Кохановского, п. Хайнацкого, п. Попѣля. Челяди забито 3, пострелено 12; коней забито 14, пострелено 12.

Хороговъ его милости пана трубовелскаго, п. Балабана. (Забито): п. Поручника Вроблевскаго, п. Лисовскаго, п. Трунскаго, п. Ксіензополского, п. Яренбѣнского, п. Кѣницкого. Пострелено: п. Поледовскаго, п. Волскаго, п. Свѣтковскаго, (п. Грохолского, п. Пилитовскаго, п. Савловскаго), п. Баловскаго, п. Поплавскаго, Свитославскаго, Челяди забито 4; коней забито 10, пострелено 17.

Хороговъ его милости пана Марграбѣ старости гродецкого. Забито: п. Тишицкаго поручника, п Скотницкаго, п. Потоцкаго, п. Русетскаго, п. Русетскаго другого, п. Шулковского, п Седлячинскаго, Жихлинскаго. Пострелено п. Бѣлобриского, п. Либницкаго, п. Чарнецкого хоружого, п. Кривецкого, п. Кремскаго, п. Александра Белобриского, п. Броздовскому, руку правую зъ армати устрелено. Челяди забито 4. Пострелено 5. Конѣ забито 14, пострелено 21.

Хороговъ его милости князя Александра Вишневецкаго, старости Черкаского: Подстрелени: п. хоружій и малая надѣя житя его, п. Мотикалскій въ бокъ пострелений, (и мало надежди на виздоровленіе), п.Крубскій въ голову, мало надежди, чтоби въ живихъ остался, п. Жатинскій, п. Унѣстовскій два рази, п. Паптоцкій, п. Олтаровскій, п. Сулима, п. Маховскій, п. Добрянскій; забито челяди 8, пострелено 17, (коней забито 3, пострелено 10.

Хороговъ его милости князя Еремѣя Вишневецкаго. Забито: п Гоздовскаго, п. Хоренского. Пострелено, п. хорунжого: п. Олуцкаго, п. Орѣховского, п. Мѣлковскаго. Челяди забито 6., Пострелено 7; забито коней 9, пострелено 7.

Хорогви его милости пана Вихровскаго, мечника галицкого. Забито: п. Чепковскаго, п. Вержбицкаго, п. Мондвиша, п. Вихровского, п. Вишинского, п. Хриповецкого, Вербицкого млодшого. Пострелено: Виницкого, п. Длушновского два рази. Забито: челядей девятъ. Ранено чтири. Забито коней 15, а два здохли, що по Скидана издили до Чигрина панъ Жданскій съ паномъ Каменскимъ.

Хорогви его милости пана Моцарского. Забито п. Цедровского, пана Глубоского, п. Долускаго, (пострелено): п. Оцешалскаго, Жаблоцкаго въ ногу, п. Попковскаго, (п. Вцѣклица, п. хорунщего въ лице, п. Едлинского въ лице), п. Михницкого, п. Боржевицкаго, п. Ковалевскаго два рази пострелено. Забито челяди сѣмь. Пострелено 8. Коней забито 10, ранено 16.

Хороговъ его малости пана Петра Потоцаго, воеводича

браславского: забито п. Кокопа, п. Требицкаго; пострелено хоружаго п. Прездецкого, п. Горского, п. Лося, п. Вѣтковскаго, п. Велчеполскаго, п. Папѣжского, п. Малачѣнскаго, п. Войновскаго; челяди забито 6, пострелено 7, *) коней забито 17, ранено 23.

Хороговъ его милости пана Каменецкого, старости скалскаго. Забито п. Билину, поручника и иним многимъ товариству и челяди памятна есть тая войпа; персонъ не вспоминаю, gдижъ реестру отъ той хоругви достати не моглемъ.

Хорогви козацкіи.

Ясне велможного пана воеводи браславскаго, гетмана полнаго, которою приводилъ синъ его милости, Петръ воеводичъ. Забито: п. Дубровскаго, п. Джурила, п. Луцкого; пострелоно: п. Роговскаго, п. Косовскаго, п. Островского, п. Залеского, п Жарского, челяди забито 4, ранено 4; коней 9.

Хороговъ его милости пана Станѣслава Потоцкаго. Забито: п. Сѣдлецкаго, п. Малѣпа, п. Предримирскаго, п. Пруского, п Яцковскаго; пострелено: п. Зgоровскаго, п. Завепроскаго, п. Лозинскаго, п. Валицкого, п. Долgерта, (п. Залеского, п. Карвицкаго, п. Хречину косою ронено), п. Торgовскаго; челяди забито одинадцять; ранено 9; забито коней 16, ранено 13.

Хороговъ его милости пана стражника коронного, каневского, овруцкого старости: много тамъ зъ подъ хоругви кварцялной яко и дворской знесено и зранено. Реестру мнѣ не дано.

Хороговъ его милости пана Одриволского, старости вѣнницкого: забито Братковского хоружого, п. Бочковского, п. Дашкевича, п. Хруновского, п. Носаховского; пострелено: п. Тилецкого, Винѣцкого. Крущелницкого, Сарлинцкого, Церклинского, Вишинского и двухъ другихъ. Челяди забито 16, пострелено 10, коней забито 22, ранено 18.

---

*) Въ подл. Окольского слѣдують слова: a p. Kaleskiemu czeladnik w potrzebie z rynsztunkiem zginął—А у п. Калескаго въ битвѣ, рядовой со всею збруею пропалъ.

Хороговъ его милости пана Коморовского; забито: п. Самборского, п. Свѣрского; пострелено: п. хоружого Мизицкого, п. Грабского; челяди пострелено 9; коней забито 22, ранено 20.

Хороговъ князя его милости Четвертенского; забито п. Лукомского, п. Лесновского, п. Косьлякевича; пострелено п. поручника, п. хоружого, п. Модлишовского, п. Гоголя, п. Розуховского, п. Iодловского, п. Кречовского, п. Сламовского, п. Куровского, п. Залѣского, Жиского, п Будинского, Корчевского, п. Кущидовского; челяди забито 1, пострелено 4, коней 11, ранено 10.

Хороговъ его милости п. Бориславского: забито: п. Бѣлецкого, п. Бѣлинского, Талковского; пострелено: п. поручника, и хоружого, п. Валицкого, Гарбовского, Косовского, Васильковского, п. Дунѣна, п. Венуковского, п. Мошоцкого, п. Осинского, п. Сковродка, Моровицкого; челяди забито 5, ранено 15.

Хороговъ его милости пана Хрустовского: забито п. Серинского, п. Ляцкого, п. Лѣщинского, п. Яблоновского, п. Зарубу, п. Дубравского; челяди забито 5, ранено 3, коней 18.

Хороговъ его милости пана Казановского, секретара его королевской милости: забито п. Лисовского; пострелено п. Залѣского, п. Корсака, п. Клодинского, п. Львовского, п. Яробиковского; челяди забито 8, ранено 7.

Хороговъ его милости п. Загоровского: забито Теселского, пострелено Тименецкого, п. Личовского, п. Порусву, п. Посвяневского, п. Зенявского, п. Збрушка; челяди забито 7, ранено 3, коней 7.

Хоруговъ его милости пана Сдержинского: забито п. Порванецкого, п. Богуславского, пановъ Пашковскихъ два; пострелено: пановъ ротмистра и хоружого, п. Козаровского, п. Закревского, п. Муханского, скалечено: п. Соломовского, п. Лосятинского, п. Лещевского, п. Соху, п. Посьвянецкого, п. Мечковского; челяди забито 8, пострелено 6, коней забито 6.

Хороговъ его милости пана Сижицкого и его милости пана Павловского и его милости пана Мелецкого, реестру оних не моглемъ мѣти, зъ жалемъ мнѣ приходить опускати.

Хороговъ надворная его милости пана гетмана полного: забито чтири товарищовъ, двохъ пострелено, коней забито 10, пострелено 7.

Компанѣей и регииентовъ нѣмецкихъ много нарушено, бо зъ плацу уходити не вѣдають, венгерской пѣхоти его милости пана гетмана полного коронного и его милости пана Петра Потоцкого, воеводича брацлавскаго много нарушено. Также панскихъ драгуновъ, пѣхоти, козаковъ и вибранцовъ много побито и поранено, которихъ памятка не нарушена; яко предъ собою, викторію и кленску зноряжаючій, Богъ маетъ въ небѣ, такъ имъ нагороду вѣчную въ хвалѣ своей несмертелной нехай зъ милосердія своего отдасть. Аминь.

Дополненіе Величка.

Увидѣвши и вычитавши, чительнику ласкавый! тотъ Окольского Діаріушъ, зъ печатного польского, на славянскій языкъ переведеный, увидѣлемъ въ немъ много непотребныхъ панагиричныхъ речей, и несправний переводъ неискусного переводчика; для чого намѣрилемъ былъ и переводъ тотъ лучше исправити и панагиричние викинути речи; лечъ розсмотрѣвшися, абимъ тимъ не укривдилъ чительника, ничого не дерзнулемъ въ ономъ перемѣнити, развѣ мало що на мѣсцахъ приличнихъ приложилемъ зъ лѣтописца козацкого.

Дочитавшися тежъ конца того Діаріуша, позналемъ зъ него и неблагополучний конецъ войны зъ Поляки остраниновой: понеже войско запорозское, въ своихъ желаніяхъ милости Божои не удостоившися, волностей стародавнихъ, черезъ оружіе свое у Поляковъ не возмогши одойскати, мусѣло престати

на трактатѣ, на усти рѣчки Старца, у око̀повъ козацкихъ, черезъ гетмана полного, зъ козаками учиненомъ, а остатною коммиссіею, декабря 4-го, на Масловомъ ставу подтверженомъ, подлугъ волѣ и указу короля Владислава четвертого и всей речи посполитой. Отъ того теди часу черезъ десять лѣтъ, аже до щасливой войни зъ Поляки Богдана Хмѣльницкого, вмѣсто гетмановъ козацкихъ, начальствовали въ Украинѣ малороссійской надъ козаками реестровими, комисарѣ лядскіе и полковники; яко при концу сегожъ діаріуша показуется; а билъ первый комисаръ Петръ Комаровскій и шесть полковниковъ учинено, именно: черкасского, переяславского, каневского, корсунского, бѣлоцерковского и чигринского.

Жалоснимъ серцемъ и тое тутъ докладаю, же Поляки, всему злу и кровопролитію людскому будучи початкомъ и виною (яко прежнихъ лѣтъ, такъ и сего года 1638 онижъ, черезъ вирутного и шаленого товариша своего Геродовского, подвигнули на гнѣвъ противъ себе и войну войско запорозское, що ясно показуется на задѣ зъ универсалу остраниновского) на козаковъ бѣднихъ и простосердечнихъ вини складаютъ и нестатечними ихъ, а ребелливантами називаютъ. Не хотятъ въ себѣ досмотрити того, что заздростію сатанинскою, сами обузданіе суще, многимъ градамъ и провинціямъ, около себе будучимъ: цесарскимъ, поморскимъ и инимъ, нанесли войною своею многіе бѣдства и разоренія. Но и тимъ зивистнихъ сердечъ своихъ не уконтентовавши, наложилися били вольний зъ древнихъ вѣковъ народъ православний и шляхетний, козако-россійской, по обоихъ сторонахъ реки Днѣпра жительствующій, въ подданское себѣ ярмо вложити и, вѣчного подданства правомъ обложивши, Православіе Святое на Унѣю обернути, а ко римскому привести заблужденію. Для чого сами на себе кшталтъ ребелѣзантскій вземши, и жаднихъ прежнихъ королевскихъ, войску запорозскому, на всякіе волности и свободи, за многіе рицерскіе прислуги наданихъ и привилеями утвержденихъ, мандатовъ и приказовъ не слухаючи, и легце ихъ

казачи, чрезъ многіе лѣта самоволье, безправие и усилюване войско запорозское и весь народъ малоросійскій нехристіанскимъ и безчеловѣчнимъ способомъ, ажъ до войни Гунейской и Остраниновой отягчали, разоряли, обиждали и збитковалися. А по скончению войни несчасливомъ войску запорожескому, и по заварттихъ зъ козаками у Маслового ставу помислнихъ имъ, Полякомъ пактахъ, цѣлкомъ уже славу, честь и заслуги войска запорозкаго испразнили были и уничтожили: а народъ Малоросійскій посполитой и шляхетний себѣ поработили и незносними бѣдстви облюжили. Що зоставало чрезъ десять лѣтъ, ажъ до благополучной съ нимижъ Поляками войни, отъ Бога посланного гетмана, Богдана Хмелницкаго, чрезъ которою тое неволницкое ярмо лядское, зъ шии козацкой и малоросійской зверженo и устави ихъ лядскіе, на утеменжене малоросіяновъ составленіе, тогдижъ шаблею козацкою и кримскою зостали оттяти и уничтожени, що на предъ, при войнѣ Хмелницкаго чителнику, пространо узриши.

Полезнейше билоби имъ Поляком, gдиби гордость и заздрость душей древнюю отринувши, мандатомъ королевскимъ чинили досить и, ненарушаючи древнихъ войска запоровскаго и народу малоросійского правъ и волностей, привилеями королевскими утвержденихъ, заховали народъ въ своей доброй протекціей и ласцѣ; сами не утесняли и иnимъ утѣсняти и обиждати не допускали, а обидимихъ gдиби праведнимъ судомъ и сатисфакціею уконтентовали, войско засъ запоровское любовію и приязнію улагодили, обидчиковъ тежъ и ругателей людскихъ: якото предписанаго шаленого Геродовскаго и инихъ, ему въ шаленствѣ подобнихъ, gдиби належите скарали, то и всего войска запорозскаго и народу малоросійского взаемной ку себе по прежнему дознавалиби приязни и поволности. Уважже, чительнику! яко тое ихъ Поляковъ злобство и неразсмотреніе, желая безчесной хлюби своей, чрезъ скончене войни остраниновой, не на долго время, (бо тилко до войни Хмѣлницкаго) мало що вскуравши и утѣшившися, на килко десятъ тисячъ зъ обохъ

сторонѣ войска своего лядского и нашого козацкого, натуралнимъ правомъ власнои братѣ своей, чрезъ военное отстрадали оружіе.

О Остранину, Гунѣ, Филоненку и Хмѣльницкомъ.

Показуется тое зъ записокъ краткихъ лѣтописнихъ козацкихъ и изъ діаріуша Околскаго, же Остранинъ, подъ Жолниномъ отъ Ляховъ напуженний будучи, покинулъ войско козацкое, а, вхопивши оденъ бунчукъ, зъ малою дружиною, преплилъ тамъ, подъ Жолниномъ Сулу и удался въ державу Московскую, но болше розумѣти на Донъ, понеже Донци били ему знаеми и дружни, для преждѣ бившихъ ихъ зъ имъ Остраниномъ на полѣ и на морѣ военихъ промисловъ.

Гуня зъ Филоненкомъ, почавши на Старцу, у окопѣ козацкомъ чинити трактатъ зъ гетманомъ полнимъ, чинилъ и о себѣ (аби не билъ отъ козаковъ гетману виданъ головою, якъ подъ Лубнями Путивлецъ) тайний промислъ, чрезъ которій би свое въ цѣлости моглъ заховати здоровіе; и для того, еще предъ трактатомъ, добрихъ молодцовъ козаковъ и другивъ своихъ килконадцатъ зъ Филоненкомъ, на свою мисль подмовивши, велѣлъ имъ тожъ скрито и невѣдомо наготовати еденъ дубасъ, зовсемъ яко належитъ до походу и изъ харчевимъ припасомъ. Сему убо бившу, и козакамъ подмовленимъ у дубаса уже готовимъ сущимъ, а преночовавши, трактату зъ гетманомъ полнимъ и козаками заклучитися мѣющу, онъ Гуня, тоя нощи, зъ Филоненкомъ, отдодравши отъ древца корогвь королевскую и ввявши булаву, (бо оруже на передъ уже до дубаса било повеношено), вишелъ зъ окопу, будто досмотруючися, розставленихъ отъ себе, козацкихъ карауловъ, а, приспевши до чолна наготованого и въ оной зо всею дружиною своею всѣвши, отплинулъ на низъ, куда ему било надобно и унеслъ свою молодецкую голову отъ караня лядского, прити на него мѣвшого.

Богданъ Хмѣлницкій во время войни Остраниновой билъ

козакомъ значнимъ реестровимъ, а по скінченю оной на Старцу, вибранъ отъ войска запорозского на комисіи албо радѣ кіевской, въ посельство, зъ другимъ товариствомъ значнимъ, до короля Владислава четвертого и речи посполитой, зъ инструкціею, ему данною, благаючи милость королевскую и речи посполитой за виступокъ войска запорозскаго и просячи прежней милости и призренія на войско и на весь народъ малоросійскій. А, повернувши онъ Хмелницкій зъ того посолства, не инакшу отправу и милость отъ короля и речи посполитой привезлъ войску запорозскому, тилко такую, якои ляхамъ хотелося и якая остатною коммисіею, на Масловомъ ставу, декабря 4-го, чрезъ Потоцкаго, гетмана полного и иныхъ товарищей (яко при концу диаріуша Околского ясно показуется), зъ крайнею войску запорозскому и всему народу малоросійскому нуждею и бедствіемъ зостала потвержена и закреплена; где при постановленю вмѣсто гетмана козацкого—комисара полского,полковниковъ, сотниковъ, асауловъ, порутчиковъ, еже есть атамановъ, (яко тоже опѣваетъ диаріушъ) учиненъ и Хмелницкій сотникомъ чигринскимъ. Прочіе, чителнику, о Хмелницкомъ зри въ его дѣяніяхъ, року 1648-го зъ Поляки начавшихся.

До зде сказаніе о деяніяхъ Остраниновихъ.

Тогожъ 1638 отъ рождества Господня лѣта, за короля полского Владислава четвертого другая, (бо една била зъ Остраниномъ), часть значная войска низового Запорозского, ходила за промисломъ военнимъ на море Чорное, чолнами великими, иже нарицаются по козацку липи албо дубаси, по греческу же—моноксила, еже есть судини воднии, единодревеснии, то есть зъ едного древа витѣсании; въ томъ плавномъ походѣ, козаки имѣючи по милости божей благополучіе, видрали турецкии городи: Килію и Варну. Дай въ самомъ Цариграде, приплившиi къ нему, едно предмѣсте випалили и, великую въ немъ учинивши трвогу и замѣшане, зъ великими лупами и користьми, оттоль щасливе, на Кошъ свой Запорозскій повернули.

Року отъ созданія міра 7149, а рождества Христова 1640, зъ того боку Днепра одъ Корсуна орда ишла подъ Переяславль и яко у Воронковѣ, городѣ полку Переяславского, такъ и въ иннихъ того полку городахъ и селахъ стацѣя имъ дана; а на Украинѣ гетмановалъ тогда комисаръ полскій.

Року отъ созданія Адама 7153, отъ рождества же Господня 1644 началъ царствовати въ Росіи Государь царь осмий и великій князь Алексѣй Михайловичъ, всея Росіи самодержецъ а въ Полщѣ кролевствовалъ тогда *).....

Року отъ сотворенія свѣта 7154, а отъ рожденія Христова 1645, зъ допущенія егожъ Божественного, грѣхъ ради нашихъ, по всей Украинѣ била великая саранча и великую шкоду людемъ въ пашняхъ учинила.

Тогожъ року, въ часъ осеній, послѣ войни Остраниновой семого року, въ Полщѣ повстала била трвога, же будто нѣякійсь, Полтора—кожухъ називаемий, началъ билъ зъ войскомъ козацкимъ отъ сторони донской прибѣратися. Для которого усмирения многіе войска полскіе, зъ козаками реестровими, по указу королевскомъ, запобѣгаючи зъ початку злу своему, уже времени зимнего ходили, ажъ до рѣчки Мерла, шукаючи того Полтора—Кожуха зъ войскомъ его, которого не знайшовши и не видѣвши, (бо то власная била обмана между Ляховъ, зъ сторони козацкой внесена), повернулися назадъ до домовъ своихъ уже року 1646. Але ижъ того времени зима барзо била сильная и незносная, того ради многіе зъ Поляковъ, шукаючи Полтора—Кожуха и въ своихъ двохъ кожухахъ не одержались въ жизни своей, но тамъ, коло Мерла и на иншихъ многихъ мѣстцахъ степовихъ, чрезъ смерть морозную, вѣчние себѣ записали консистенціи. Знатно панове Поляки хочай помислне скончили войну Остранинову, вложивши на волній народъ, Савромато—козаки и весь малороссійскій ярмо нововимисльнихъ правъ своихъ и тяжестей, однакъ розсмотрѣвшися о своей великой

*) Въ рукописи Величка въ этомъ мѣстѣ оставленъ пробѣлъ.

шкодѣ и ущербку въ людехъ военнихъ, отъ войни Остраниновой стапулой, на всѣ сторони недремлющимъ поглядали окомъ, стерегучися, аби отъ другого кого, пособіемъ Остраниновимъ, зло якое не воспалилося и подобной шкоди въ людехъ военнихъ и правахъ ихъ не учинило. Бо то есть звичайна, же, кто многихъ оскорбляетъ и утѣсняетъ, тотъ самъ отъ всѣхъ обидимихъ опасати и блюстися муситъ.

Тогожъ року и гетманъ короний полский Станѣславъ Конецполскій преставися.

Року отъ сотворенія свѣта 7156, а отъ рождества Христова 1647, въ навечеріе святого Василія, православнихъ архіепископъ, митрополитъ кіевскій и всея малия Росіи, преосвященний Петръ Могила, воеводичъ земль Молдавскихъ, екзарха константинопольскій, архимандритъ печерскій, фундаторъ школъ латино-рускихъ кіевскихъ и ктиторъ библіотеки братской, зъ немалимъ всѣхъ духовнихъ и мирскихъ малоросіяновъ жалемъ, яко премудрій православія святого защититель и разширитель, бодрій словесного Христова стада пастирь, милостивий бѣдствующимъ и нищимъ помощникъ и ялмужни податель, преставися и погребенъ тогожъ року, марта 9-го, во великой церквѣ Кіево-печерской. Тогожъ року на мѣстце преосвященого Могили избранъ на митрополію кіевскую Сулвестръ Косовъ, епископъ могилевскій. Тогожъ року на архимандрію Кіевопечерскую обранъ и поставленъ Іосифъ Тризна. Тогожъ року Зѣновий Богданъ Хмѣльницкій отъ налоговъ лядскихъ и Чаплинского, подстаростого чигринского, уйшелъ зъ Чигрина до Сѣчи Запорозской и поднеслъ войну на Поляковъ, о чемъ всемъ нижей сего пространо виражается.

ДОПОЛНЕНІЕ ДНЕВНИКА ОКОЛЬСКАГО

составленное

Стенаномъ Лукомскимъ

1639—1648.

ДОПОЛНЕНІЕ ДНЕВНИКА ОКОЛЬСКАГО.

---

*) 1639 году гетманъ коронній Конецъполскій Сътаниславъ, опасиваясь, чтобъ козакы крайне огорченіе, изъ Украинскихъ городовъ не выходили и, въ Запорожѣ собыраясь, не умножались, а за свои обѣди Ляхамъ не мстились, созвавъ своего войска начальнѣйшихъ, обще усовѣтовали, чтобъ тотъ имъ замиселъ воспретить, надъ первимъ въ гору Днѣпра порогомъ городъ Кодакъ съ замкомъ устроить, подъ тѣмъ прикритіемъ, будтобы султанъ турецкій у двора полскаго на козаковъ жалился, что они Чорнимъ моремъ, подходя въ близкіе мѣста его держави, города и села разоряють, а въ самомъ дѣлѣ для козачіего погубленія. Которій городъ онъ, гетманъ устроилъ и въ ономъ нѣмецкій гарнизонъ посадилъ, для береженія онаго и въ Запороже знатную команду свою отправилъ, чтобъ Ляхи, тамъ пребывая, и козаковъ, туда изъ Украинѣ идущихъ,

---

*) Русская Лѣтопись достовѣрная.

перенимая, ловили, въ Днѣпрѣ топили и въ степахъ всяки-ми образы мертвили, а самихъ Запорожцовъ, и за малія вини, погубляли бъ. Сълучилось однажди быть оному гетману въ Кодакѣ, которому и Хмелницкій, сотникъ Чыгиринскій съ козаками тамъ же присутъствовалъ. Оній гетманъ, мимо Богдана Хмелницкого (идучи), сыросилъ козаковъ имъ въ досаду хвастливо: угоденъ ли вамъ козаки сей Кодакъ. Противъ чего козаки умолчали, а Хмелницкій такъ отвѣтствовалъ: что человѣческая рука сдѣлаеть, таяжъ рука и разорить можетъ. Гетманъ Конецъполскій, такому отважному Хмелницкого отвѣту (внимая), возимѣлъ было на него нѣкоторое подозрѣніе; но вѣдая зънатніе и вѣрнія его къ коронѣ полской прислуги, что онъ во время войни султана турецкого Осьмана, съ Поляками и козаками подъ Хотиномъ бывшей, на Чорномъ морѣ будучи главнимъ командиромъ, кораблей турецкихъ болше двадцяти съ запасами въ томъ же морѣ потопилъ, двухъ Кантемировъ королю Жигмонту III плѣнниками представилъ, отъ коихъ о худихъ на Полшу отъ султана турецкого замислахъ довѣдался, и его Хмелницкого мимо сенаторей въ совѣти употреблялъ, и ему флота морского главное правительство повѣрялъ, онъ, гетманъ Конецьполскій ему, Хмелницкому за тотъ отвѣтъ никакова худа не здѣлалъ.

Гетманъ Конецьполскій, о Запорожжѣ и о городѣ Кодакѣ все по намѣренію своему распорядивши, войско лядское по обоимъ сторонамъ рѣкѣ Днѣпра, въ украинскихъ городахъ и селахъ, чтобъ противъ прежняго еще тяжчайше народъ малороссійскій, наипачежъ оныхъ 44,000, въ подданство порабощенихъ, козаковъ утѣснять квартирами, расположилъ; а самъ съ другимъ войскомъ въ Полшу отошелъ. Тутъ въ Украинѣ Ляхи еще противу прежняго распространятся начали, многія вотчини, которими козаки въладѣли, у нихъ насилъственно отняли, а ихъ самихъ (кромѣ реестровихъ 6,000) какъ рабовъ и подданихъ всякою работою жесътоко отяго-

щали и никто оттого отягощеній защищати не моглъ *) (какъ въ универсалѣ гетмана Богдана Хмелницкаго 1648 года юля..., въ Бѣлой Церкви состоявшомъ, и во всей Украинѣ публикованномъ, точно значится). Ляхи тогда самого короля Выладислава IV къ тому, чтобъ со всѣми войсками въ Украину итьтить, огнемъ и мечемъ козаковъ своевать, жилля ихъ разорыть, въ прахъ и пепелъ обратить, а самихъ козаковъ однѣхъ выгубить, другихъ въ немилосердную неволю забрать, а иныхъ въ далечайшія мѣста, за Вислу рѣку запровадивши, сылаву козачую въ часты свѣта европейскаго присносьлавимую, и въ отлеглихъ за Чорнимъ моремъ азиятическихъ сытранахъ довольно вѣстимую, исьпраздиить и поглотить, наговарывали и возбуждали. И такъ по руской лѣтописѣ господа полскіе, овладѣвши козацкими (кромѣ онихъ реестровыхъ) землями, на онихъ, въ подданство порабощенихъ козаковъ, какъ и на всѣхъ благочестивихъ украинскихъ людей неслиханніе, нововымишленіе надагали и брали дани, такъ названніе: дуды, повивачное, огородщизну, подимное, поголовщину, поемщину, очковое, сытав щизну, сухомещизну, пороховщизну, пересуды и аренди, а сверхъ того отъ всякого ськота и отъ пчелъ десятую долю, а отъ рибнихъ ловлей урочное возимали **), да и реестровихъ

*) Универсалы: воспоминаніе Хмельницкаго универсала и Острянины.

**) Изъясненіе даней, жидами взимаемыхъ: отъ игранія на дудкѣ, на свирѣли, на скрипицѣ и прочую (4), отъ дѣтей новорожденихъ за повіячъ (200); овсяныхъ, садовихъ и огороднихъ плодовъ (200), отъ каждой хаты (5), подушенній окладъ (10), отъ вступающихъ въ бракъ (6), отъ улія пчолъ (2), отъ рыболовнѣ изъ ставолѣ (sic) (10), отъ вѣтранихъ млиновъ и жорновей (20), судніе позули то есть на......позванъ для судящихъ (20); отъкупы жидовскіи церквей Божіихъ такъ же и всякихъ питейнихъ вещей; пороговщину отъ каждого рога воловаго и коровового, десятую долю, а ежели нету десяти то......*).

*) Въ рукописи Лукомскаго примѣчаніе это сдѣлано отчасти на поляхъ, отчасти въ текстѣ: оно писано двумя почерками съ многочисленными поправками и выносками; цифры выставлены церковно-славянскими буквами безъ опредѣленія какую монету или стоимость онѣ должны изображать.

въ такомъ утѣсненіи держали, что ихъ къ топленію печей, къ чищенію дворовъ, лошадей, конюшень, хортовъ и къ собачей охотѣ, посадя на лошадь безъ сѣдла и вруча имъ на смичахъ хортовъ, да и въ другіе непристойніе имъ дѣла употребляли, ни честы, ни судовъ имъ не давали. Поймаетъ ли кто изъ нихъ звѣря: дай холопъ кожу на пана; добудетъ ли кто у непріятеля либо ружжа, либо что иное: дай холопъ пану; напослѣдокъ всю волю у нихъ такъ отняли, что они ничего свободного не имѣли, кромѣ жени, и то не всякой, въ домѣ; а въ подданствѣ порабощенныхъ козаковъ такъ жестоко озлобляли, что, какъ въ томъ же универсалѣ Хмелницкого объявляется, двумъ или троимъ на ринку, или на улицѣ, или въ домѣхъ своихъ вмѣстѣ сьходится, и между собою ни о чемъ, хотя бы и о господарскихъ нуждахъ разъговаривать, не допускали и запрещали и уста ихъ, которія Всемогущій Творецъ далъ человѣку на глаголаніе, строгими указами своими заграждать и нѣмотствовать, противъ самой природы и противъ всеобщаго обичая, повелѣвали, шейми въ колоди или въ плетенѣ въ самую жестокую стужу сажали, отчего многимъ руки и ноги отмерзали, а многіе на смерть отъ морозовъ помертвили; въ томужъ по ложнимъ, отъ старостовъ или прыкажчиковъ ихъ доносамъ достаточнѣйшихъ изъ тѣхъ же порабощенихъ козаковъ, хотя и за малій какой проступокъ, обухами, кіями и другими орудіями нещадно били, убывали и различними смертми ихъ погубляли, а добрами и имѣніями завлаживали, женъ же ихъ ледъ орать или рисовать въ плуги запрягали, жидовъ плетми ихъ погонять заставляли, и иныхъ, на лду постановя, воду съ прорубей брать и ихъ поливать и въ тѣхъ же прорубахъ погружать повелѣвали *). Историкъ Ваповскій Веспасіянъ, полскій авторъ о такомъ безчеловѣч-

*) Историка Ваповского ужасное свидѣтельство о лядскомъ надъ народомъ украинскимъ мучителствѣ, что они женъ сосца деревами пригнѣтали и дѣтей въ котлахъ варили.

номъ ихъ мучителствѣ, котораго въ нинѣшніе вѣка нигдѣ въ свѣтѣ никогда не бывало, свидѣтельствуетъ: что Ляхи тѣхъ порабощенихъ козаковъ женъ сосца деревами прыгнѣтали и дѣтей въ котлахъ варили, коими своими тиранствами невѣрнихъ поганъ, да и самого жесточайшаго Фараона, въ Египтѣ надъ жидами тиранствовавшого, превосходили и перевишали; да и церкви православніе во всей Украинѣ, иніи подъ Унію отнимали; а иніи заключали и жидамъ арендовали или запродовали, давши имъ такую власть и силу, чтобъ они отъ всѣхъ церковнихъ обрядовъ, какую отъ всякаго дань похотять, бралы и ключи церковніе у себе держали; почему священники благочестивіи, ни Литургіи Святой отправлять и младенцовъ крестить, ни, въ бракъ въступающихъ, вѣнчать, ни мертвихъ погрѣбать, ни инихъ обрядовъ церковнихъ, въ церквахъ, безъ вѣдома и позволенія жидовского дѣлать не могли, не уплатя жидамъ наложенихъ нимижъ отъ всякого обряда даней; а ключи церковніе обратно жидамъ относили, да при томъже они, жиди тѣхъ священниковъ, какъ хотѣли, такъ безчестили и съ нихъ разніе насмѣшки дѣлали, а Ляхи, съ какой либо прычины, ругалы, били, раскривавливали, волоса изъ ихъ головъ и бородъ виривали, и урѣзивали. Но еще, паче всего, правовѣрніе малороссійскіе христіяне съ горесною жалостію и съ плачевнимъ воздиханіемъ принуждени отъ гордихъ Ляховъ всегда слишать, какъ они вѣру истинную каѳолическую, отъ вѣковъ ни въ чемъ не поколебимую, вѣрою хлопскою, вѣрою отступническою, сами будучи отступниками, називали, ругали, хулили и вовся уничтожали и на то едино, какъ въ томъ же Хмелницкого универсалѣ обнародовано, всекрайнейше положились, чтобъ, мимо волю королевскую, зачавъ отъ самихъ дикихъ поль, какъ то: отъ Чигирина, отъ Полтави, Трехтемирова, Переясловля и инихъ городовъ украйно-малороссійскихъ, въ власной предковѣчной козацкой отчизнѣ, отъ Святого Владимира, князя кіевскаго, Русь крещеніемъ святимъ просвѣтившаго, истиннимъ и непоколебимимъ благочестіемъ

сіянчнихъ, знатнѣйшихъ людей и козаковъ вигубити и викорените, а, самимъ посполитимъ и простодушнимъ малороссійскимъ народомъ завладѣвши, оній не толко въ неволничое ярмо запрягши, но и по своей безбожной волѣ и въ душевредную, правиламъ святихъ отецъ противную, унію въвергнути силилися; какъ то они, въ прошедшія вѣки, прямими рускими провинціями: кіевскою, галицкою, львовскою, хелмскою, белскою, подолскою, волинскою, премислскою, мстиславскою, витебскою и полоцкою, за умаленіемъ и оскуденіемъ тогда князей кіевскихъ, острожскихъ и инихъ истинихъ и природнихъ русскихъ князей завладѣвши, въ онихъ провинціяхъ и земляхъ славное имя козацкое искоренили и загладили, а козацкую честь—въ нечестіе и въ незнаніе опровергши, всѣхъ тамошнихъ Руссовъ въ неволническое, подданическое ярмо запрягши, отъ вѣри отеческія, православнія, душеспасительныя, грекорускія отторгнули и отвратили и до пагубной уніи и до римского заблужденія силою, гвалтомъ и иними безъсовѣстними мученіями и безъчеловѣчними тиранствами привлекли, приневолили и подклонили; всѣхъ своихъ первихъ королей полскихъ и великихъ князей литовскихъ привилегія и указы, благочестіе грекоруское утверждающихъ, презрѣвши и уничтоживши. (До тѣхъ мѣстъ оній унѣверсалъ Хмелницкаго).

Всякъ, истинную правду любящій, изъ всего вишеобявленого усмотрѣть и удивится может, какія, найпачежъ по смерти козацкого гетмана, Сагайдачного, съ 1622 по 1648 годовъ, безъчисленія народнія озлобленія, огорченія, отягощенія и утѣсненія неисповѣдимія, мучителства и безчеловѣчнія умерщвленія Украина малороссійская, по обоимъ сторонамъ Днѣпра, отъ гордихъ и ненавистнихъ Ляховъ, будучи сама изъдревле свободная, терпѣла. Духовенство правовѣрное, посвященное, украйно-малоросійское отъ невиннобіеній, отъ раскровавливаній и отъ разриваній и вириваній изъ бородъ и головъ волосовъ и отъ бесчещеній жидовскихъ страдало; какъ церкви Божіи, православнія, будучи у жидовъ арендаровъ или

откупщиковъ подъ неволею, подъ заключеніемъ и подъ властію, за отправленіе своихъ узаконенныхъ обрядовъ имъ платя дань, сътенали; какъ вѣра правая каѳолическая, Апостолская, вѣра святая, отъ проклятой уніи гонима, осмѣваема, ругаема и уничтожаема съ воплемъ ко Богу объ отмщеніе воздихала и моленія приносила. Даже всевидящее милосердіе Божіе, призрѣвъ свише на такія невинныя терпѣнія, страданія, воздиханія и моленія, мужа, по православію поборителя, и по благочестію ревнителя, Богдана Зѣновія Хмелницкого возбудило и во отмщеніе оныхъ всѣхъ бѣдствій опредѣлило.

Тотъ Хмелницкій (о которaго родѣ 1620-го года, тамъже и о войнѣ съ Турками на Ціоцорѣ, вышѣ сего уже съказано) латинскаго ученія былъ изобученъ, въ воинскихъ дѣлахъ весма иськусенъ, въ вѣрнихъ своихъ къ короне полской прыслугахъ сълавенъ, въ политическихъ обхожденіяхъ знатенъ и у королей полскихъ: у Жигмонта III и у сина его, Выладислава IV великія милости, по достоинству своему, получалъ; да и у знатнихъ войска Запорожского товарищеи сьвоихъ почтенія и отъ нихъ себѣ прыятнія благосклонносты имѣлъ, хотяжъ онъ совѣршенно вѣдалъ лядскія воинскія непорядки и неправносты, на козаковъ предпріятія, ихъ хитрія замисли и намѣреія, куда оніа наклоняются да и по договорамъ своимъ съ козаками многократныя ихъ неустойки, клятвопреступленія и вѣроломства; однакожъ все тое въ сердѣ своемъ укривалъ, никому не обявляя, а и Ляхамъ таковъ всегда являлъся, будтоби онъ никакова зла имъ не мислитъ и не желаетъ. Какъ же ему прышлось было бѣду терпѣть и голову потерять отъ плута и ляшвица, дозорци или прикажчика, Чаплинского (о чемъ будетъ нижей), то онъ, Хмелницкій, чтобъ Украину малоросійскую отъ лядского освободить ига, а козакамъ прежніе ихъ права и волносты отискать, вознамѣрился съ Ляхами войну начать и то не безъ вѣдома и позволенія его королевскаго величества Владислава IV, какъ въ вышепомянутомъ егожъ, Хмелницкого унѣверсалѣ зъначится. 1636 году, во вре-

мя своей коронаціи, при которой и онъ съ Барабашомъ, полковникомъ Черкаскимъ и съ иными зънатними войска Запорожского товарищи были, прикладомъ прежнихъ королей полскихъ, своихъ антецессоровъ, всѣ войсковіе малоросійскіе давніе права и волности, при особливомъ утвержденіи вѣри православной Грекоруской, новимъ своимъ, на паргаминѣ написаннимъ, королевскимъ, при подписѣ руки своей и при отворчатой коронной печати, прывилегіемъ стверддилъ и ихъ, знатно надаривши, въ доми отправилъ; а при томъ отправленіи, на единѣ бывшомъ, егожъ величество къ нимъ наизусть съказалъ: чтобъ они себѣ по прежнему гетмана постановили и при своихъ правахъ и волностяхъ крѣпко стояли, не подавая Ляхамъ въ попраніе и защищая себе егожъ королевскими и иними давнѣйшими привилегіями; а еслибы господа полскіе, ихъ доворци или прикажчики не послухали, то сказалъ его величество: имѣете де мушкетъ и шаблю при боку, коими можете боронити съвоихъ, отъ Поляковъ поврежденихъ, правъ и волностей. Посля сего нѣсколько лѣтъ, когда на Украинѣ отъ Ляховъ злобніе бѣди и крайніе разоренія (о коихъ выше сего изъяснено) дѣлатись не переставали, то онъ Хмелъницкій съ тѣмъ же Барабашомъ и съ прочими козаками, его королевскому величеству, томужъ Въладиславу IV, презъ нарочнихъ пословъ своихъ били челомъ; тотъ король при отправленіи оныхъ пословъ, какъ прежде словесно, такъ и приватнимъ листомъ съвоимъ королевскимъ, къ оному Барабашу и ко всѣмъ козакамъ писаннимъ, тую свою рѣчъ, прежде имъ: Барабашу и Хмелницкому сказанную, то есть: имѣете на оборону правъ и волностей вашихъ мушкетъ и саблю, подтвердилъ и повторилъ слово. Которое королевское прыватное писмо тѣжъ посли, къ Барабашу привезши, отдали, но (потому)что онъ, Барабашъ былъ не другъ и не желатель добра козацкой отчизнѣ, а особливо вовся нерадивій, то онъ какъ такое королевское милостивое словесное позволеніе, такъ и оное приватное писмо и королевскія прывилегіи у себе таилъ и безъ жадной украинской

пользы сокрывая, ни о избраніи козацкого гетмана, ни о уволненіи отъ дѣлъ лядскихъ украино-малоросійского народа не старался. И для того онъ, Хмелницкій тѣ королевскія привилегіи и приватное писмо отъ него. Барабаша хитростнимъ способомъ отобралъ, о которомъ способѣ ниже обстоятелно съказано будеть.

1647 года, генваря 1, Православній архіепископъ, митрополитъ кіевскій, Петръ Могила, каменъ Православнія вѣры великій защитникъ и оберегатель церквей благочестивихъ, на Ляховъ и Уніятовъ бичъ тяжкій, во вѣчную жизнь переселился и погребенъ въ Лаврѣ, въ монастирѣ печерскомъ, по немъ поставленъ православнимъ митрополитомъ Силвестръ Коссовъ.

Въ сей исторіи упомянути митрополити кіевскіе православніи, чтобъ зьнать: что есть унія, и когда, и за какого митрополита, и откуда въ малую Россію била вошла, и какъ исчезла, и что сей митропополитъ Силвестръ Коссовъ, по силѣ трактатовъ Зъборовскихъ, посиланъ былъ въ Варшаву для засѣданія въ сенатѣ полскомъ первимъ по примасѣ, котораго Ляхи не приняли, потому что онъ былъ благочестивимъ, а не униятомъ, (о чемъ будетъ ниже пространно). А Михаилъ Рогоза былъ митрополитомъ кіевскомъ, перво православнимъ, а такъ ото православія отступился, его уже не приняли.

Тогожъ 1647 года Ляхи многимъ числомъ въ Украину пришли и по той сторонѣ Днѣпра: въ Чигринѣ, въ Черкасахъ и въ иныхъ заднѣпровскихъ городѣхъ квартирами стали и, по своему природному нраву, еще пуще прежняго людей украинскихъ озлобляли.

Въ тоже время самое, обявленая бѣда и Богдану Хмелницкому, сотнику Чигиринскому, отъ помянутого Чаплинского приключилась, съ той причины: отецъ его Михаило Хмелницкій, такоже сотникъ Чигринскій, которій 1620 года на Ціоцорѣ убытъ Тукрами, оставилъ ему, сину Богдану, въ наслѣдіе хуторъ свой, називаемій Суботовъ, недалеко отъ Чигрина отстоящій, въ которому и онъ, Богданъ пріобрѣлъ службами

своими довольніе земли и спокийно оными чрезъ многіе года въладѣлъ, населилъ людми слободу и, оною доволствуяся, натніе королевству полскому оказалъ прислуги. Когдажъ король Владиславъ IV тотъ Чигринскій повѣтъ, перемѣнивши на староство, хоронжому коронному, Ивану Жолковскому оное староство пожаловалъ, онъ староста нѣкоторого шляхтича Чаплинского дозорцею надъ тѣмъ староствомъ поставилъ; которій разсуждая: неприлично хлопу, то есть Хмелницкому, быть богатимъ и городи и села имѣть, тую слободу Хмелницкого, мимо вѣдома его, у оного хорунжого коронного себѣ выпросилъ, чемъ Богданъ Хмелницкій, кровно изобиженъ, съ нимъ, Чаплинскимъ переговаривался. Хмелницкій, видя такое чрезъ зависть и зълобу Чаплинского нанесенное себѣ, отнятіемъ той слободи, насилство воспомянулъ отца своего, на войнѣ ціоцорской убытого, такьже и свои коронѣ полской многіе вѣрніе прислуги, за которіе, во мѣсто награжденія, получилъ такую отъ Чаплинского обиду, отъ жалости своей сказалъ: Ляхи де насъ, козаковъ обижаютъ; ещежъ и козацкая не умырала мати. Сіи рѣчи Чаплинскій услишавъ, оніе за бунтъ почелъ и такъ, Хмелницкаго схватя, въ турму посадитъ велѣлъ, а сина его, Тимоша, посередъ города Чигрина, двумя палицами быть прыказалъ, которій и бытъ. Хмелницкій, сидя въ турмѣ, ни откуда никакой помощи не надѣялся и сидѣлъ въ оной нѣсколко дней; но судба сердце жени Чаплинскаго къ такому милосердію наклонила, что она мужа своего, чтобъ его выпустилъ изъ тюрми, упросила; которій и выпущенъ жилъ онъ въ своемъ собственномъ домѣ со всякимъ съмиреніемъ, ожидая что вьремя покажетъ, междужъ тѣмъ жена Хмелницкого родила дитя, тогда то Хмелницкій отъ вишеобявленого Барабаша, асауломъ войсковимъ бывшого, реченія короля Владислава IV, привелегіи и приватное, его королевского величества писмо отобъралъ такимъ способомъ: просилъ онъ того Барабаша восприемствоватъ къ крещенію тую дитину, на коихъ христинахъ Хмелницкій въ него, Барабаша немножко подпитого,

вывѣдалъ: гдѣ и въ чемъ привилегіи и приватное писмо королевскіе лежать сокровенни; потомъ его, Барабаша нарочно такъ упоилъ, что онъ въ домѣ Хмелницкого безъпамятенъ ноччю, спатъ положась, крѣпко уснулъ. Хмелницкій спящого шапку, поясъ и перстень възявъ, оніе съ вѣрнимъ своимъ нарочнимъ, къ женѣ его, въ Черкаси, ноччужъ отправилъ съ тѣмъ, чтобъ требовалъ у нея, показавши оной шапку, поясъ и перстенъ Барабашевіе, отдачи онихъ привелегій и партикулярнаго писма и съ тѣмъ всѣмъ, той же ночи, у него, Хмелницкого явилсябъ. Жена Барабашова, сего обмана не вѣдая, тому посланому вьсе отдала, а тотъ нарочній вьсе Хмелницкому одной ночи привезъ. Хмелницкій шапку, поясъ и перстень на тѣхъже мѣстахъ, на коихъ и взяты, положилъ. Барабашъ, проснувшись, о сей хитрости никакъ не ведая, изъ онихъ христинъ въ домъ свой отехалъ, а Хмелницкій тотъ часъ, секретно своихъ чигринскихъ и другихъ реестровихъ козаковъ собравши, и имъ тѣ привелегіи и приватное писмо королевское прочитавши и силу онихъ вънушивши, по общему съ ними согласію къ Запорожжу бѣжать (постановилъ). И, призапасясь всѣмъ, бѣжали въ Запорожже.

Гетманъ коронній Николай Потоцкій о томъ Хмелницкого побѣгѣ извѣстясь, писалъ къ полковнику переясловскому—Кречевскому, чтобъ его схватилъ и у себѣ подъ крѣпкимъ карауломъ удержалъ. Тотъ Кречевскій, будучи Хмелницкому искренимъ другомъ, о томъ его въ предосторожность писменно заизвѣстилъ. И такъ Хмелницкій съ козаками, при немъ находящимися, въ днепровскіе острова, найпервие въ островъ називаемій Бучки, а потомъ въ Микитинъ Рогъ прибылъ и тамъ Запорожскихъ козаковъ 300 человѣкъ засталъ, коимъ про себе вьсе подробно пересказалъ, и какъ Ляхи о козакахъ и о вигубленіи ихъ промишляютъ, и какія обиди, не токмо козакамъ и народу малоросійскому, но и церквамъ Божіимъ православнимъ дѣлаютъ. Народъ Украинскій, послишавъ о та-

40

комъ Хмелницкаго дѣйствіи изъ всѣхъ городовъ къ нему въ днепровскіе луги, какъ рѣки, съ радостію собирались.

Хмелницкій ни самъ на Запорожжѣ въ Сѣчи быть, ни войска собирать не могъ, потому что тамъ залога лядская и нѣмецкая съ своими начальниками межъ Запорожцами состояла, хотяжъ онъ и видѣлъ, что его предпріятія, по намѣренію его, идуть въ ползу малоросійского народа, однакожъ и коронному гетману Потоцкому многократно посилалъ писменія жалоби на Чаплинского, прося у него суда, но ничего противъ того не получалъ; напослѣдокъ, пришедъ въ Кримъ, просилъ у хана кримскаго помощи; правда что ханъ сперва, о дачи ему помощи, отговаривался на, предстоящаго тогда, Мурзу Тугайбея, которій былъ какъ бы удѣлній и съ которимъ предъ симъ за годъ козаки запорожскіе сраженіе имѣли и его побѣдили, рукою указавши, сказалъ: вотъ де просѣте у него помощи, то какъ Мурза первѣе козаковъ злословилъ, а потомъ въ помощь съ Хмелницкимъ иттить согласился, да и ханъ самъ помогать ему пріобѣщался, при которомъ Хмелницкій старшого сина своего Тимоша, для лутшого увѣренія (какъ въ томъ же его универсалѣ значиться) оставилъ; идучижъ съ козаками и Татарами къ Жолтимъ водамъ, первѣе въ Сѣчи, потомъ въ Кодакѣ залоги полскіе и гарнизони нѣмецкіе выколоть велѣлъ.

Народъ украинскій какъ послишалъ, что Хмелницкій, возвратясь отъ хана съ Крима, идеть съ козаками и Татарами къ урочищу Жолтимъ водамъ, зѣло возрадовался съ тѣмъ упованіемъ, что послалъ избавленіе Господь людемъ своимъ отъ лядской неволи, ибо козаки изъ Украйни, день отъ дня къ нему многимъ числомъ еще умножались. Гетманъ короннiй Потоцкій, о такомъ его маршѣ послишавъ, приказалъ всему своему войску быть въ крайней готовности, реестровихъ же козаковъ, взявъ съ нихъ вѣрности присягу, какъ и Твардовскій пишеть, съ Барабашемъ, тогда уже войсковимъ асауломъ, Днѣпромъ, байдаками, а сина своего Стефана (чтобъ ему была

приписана побѣда надъ козаками), старосту нѣжинского, герала войскового, въ поле, Хмелницкого и козаковъ какъ зайцовъ ловить, виправилъ. Хмелницкій, извѣстясь, что оній Барабанъ съ 5000 козаковъ реестровихъ внизъ Днѣпромъ. пловеть байдаками, чтобъ его схватить, къ тѣмъ реестровимъ послалъ своего полководца, Ганжу, съ командою обявить имъ о козацкихъ и Татарскихъ, съ нимъ идущихъ, силахъ и имъ сказать: чію вы кровъ идете разливать не братіи ли вашей?, которихъ одна мати Украйна породила. По кому вы поборяете? По костеламъ ли лядскимъ, или по церквамъ Божіимъ православнимъ? Королевству ли полскому пособлять хощете? которое недолею ваше мужество заплатить, или матери ли своей Украйнѣ, которая васъ свободою дарить будетъ? Надѣетелись вы на Ляховъ? кои многихъ козаковъ, присягу свою сломавши, въ подданство поработили и многихъ безчеловѣчно помертвили, а мужество козацкое въ пепелъ погребти, имя козацкое изъ свѣта изгладити всегда силятся, или прежнюю славу козацкую возъобновити и Украйну свою отъ лядского ярма вѣчно освободити вы наложились? Кои рѣчи оніе реестровіе Козаки, переслухавши, всѣ единомисленно и единодушно противъ своихъ начальниковъ востали и первій Филонъ Джедджелѣй онаго Барабаша сплющаго въ байдакѣ копѣемъ сколоъ, потомъ свою старшину и лядскихъ полковниковъ съ хорунжими ихъ, такъже и сущихъ Нѣмцовъ въ Днѣпрѣ потопили, а сами, совокупно съ тѣми козаками, кои въ подданство Ляхами были порабощени и въ нѣмецкое плаття были убрани, виступя изъ байдаковъ на землю, Хмелницкому въ помощъ пришли; да и другіе козаки, тожъ въ подданство порабощенніи и въ платте и ружже драгунское убранніе, кои при комисару или главному козацкому правителю находились, о здачѣ своей браттѣ послишивши, къ Хмелницкому зънатнимъ криломъ отъ полскаго войска оторвавшись, къ Хмелницкому пристали.

Хмелницкій, съ ихъ пришествія будучи весма радостенъ,

такъ ихъ, какъ и при нихъ имѣющихся козаковъ и все свое войско къ войнѣ съ Ляхами возбуждать и поощрять началъ тако: браття и молодци славного войска Запорожского! се время пришло, прiймѣте оружiе и щитъ вѣры, имѣя помощника Бога, не бойтеся и не устрашайтеся лядской сили гордой и не бойтеся никакова ихъ свирѣпства, ни ихъ страшилищъ, отъ кожъ лямпардовихъ и перъевъ струсевихъ устроенних, воспомянѣте прежде бывшихъ украинскихъ воиновъ, которiе, еще невѣрними будучи, мужествомъ своимъ многiя страны обежжали и устрашали, а вы тогожъ берега дѣти, храбрихъ отцовъ сини, явѣте свою природную храбрость противъ наступающихъ на васъ непрiятелей; вамъ по Богу причтется вѣчная слава, а надежда на Бога васъ не посрамитъ. И такъ Хмелницкiй, козацкое войско утвердивши, и съ ними, козаками и Татарами къ бою зъготовившись, противъ Ляховъ пошолъ, а драгунъ полскихъ 3,000, его встрѣтя и къ немужъ передавшись, съ нимъ же соединились.

Генералъ онiй Потоцкiй, какъ увидѣлъ козаковъ и Татаръ, что они неустрашимо къ нимъ идутъ, тотъ-часъ къ отцу своему, гетману коронному, чрезъ нѣкоторого Яска со извѣстiемъ о слѣдующей себѣ бѣдѣ, отправилъ; однакожъ того посланика, съ тѣмъ писмомъ его, Татари словили и, приведши предъ полки лядскie, такъ его самого, какъ и оное писмо Ляхамъ показали и тѣмъ ихъ въ горшое отчаянiе привели, какъ же отъ обоихъ сторонъ силная баталiя и сѣча великая началась, то Ляхи тотъ-часъ плечи показали, хотяжъ ихъ генералъ ободрялъ и они, ободрившись съ козаками и Татарами мужественно бились, однако отъ меча козацкого и Татарского какъ снопи падали и съ поля баталiи уступали. Междужъ тѣмъ дождь великiй стался и все полское огненное оружiе замочилъ и такъ Ляхи принуждени своимъ обозомъ двинутись къ Княжимъ байракамъ, къ городамъ украинскимъ по ближе, но Хмелницкiй туда напередъ, въ тѣ байраки пѣхоту козацкую заслалъ, чтобъ они тамъ рви покопали, кои и покопани,

къ которимъ рвамъ Ляхи пришедши, замѣшались, а козаки и Татари, заразъ на замѣшаній ихъ обозъ нападши, весь розграбили, многихъ Ляховъ побили, а самого генерала оного, гетманского сина, два раза такъ устрѣлили, что тамъже и скончался. Татари Ляховъ оставшихся всѣхъ въ живихъ, въ томъ числѣ Сапѣгу и Шембека въ полонъ взяли и въ Кримъ отправили, а Хмелницкому: Чарнѣцкій, Єродзенскій, Томашъ Улѣнскій, Иванъ Хребтовичъ, воевода новогродскій, да Христофоръ Хелмскій, Гаврилъ Болхацкій, Малицкій и Семигродскій, великородніе господа полскіе въ руки его досталися, но толко шляхтичъ Марко Здешинскій, да и тотъ раненій, изъ той баталіи убѣжалъ къ коронному гетману, съ печалнимъ извѣстіемъ о той козацкой и татарской надъ Ляхами побѣдѣ и что синъ его убитъ.

Сія побѣда, Богомъ данная, 1648 года, мая 8 дня совершилась благополучно. Вотъ судбина Божеская какъ въ началѣ Хмелницкого съ Ляхами войни праведному козацкому оружію поспѣшествовала!

Слѣдуетъ послѣ сей частной, полная тогожъ Твардовского исторія и рускія вѣрнія лѣтописѣ обявляющія: какія войни и миротворенія между Хмелницкимъ и Ляхами происходили, даже до здачи нимъ подъ височайшую Всеросійскую державу всей Малоросіи, по обоимъ сторонамъ рѣки Днѣпра Украини, и что прежде и по смерть его въ той же Украинѣ тогда происходило, къ той же исторіи и лѣтописямъ читатель отсилается.

УКАЗАТЕЛЬ.

УКАЗАТЕЛЬ *).

---

*) При составленіи указателя приняты слѣдующія сокращенія: р.—русскій, п.—польскій, к.—козацкій, т.—татарскій, тр.—турецкій, шв.—шведскій, д.—датскій, л.—литовскій, н. Д.—надъ Днѣпромъ или на Днѣпрѣ.

Римскія цифры означаютъ томъ, арабскія страницу.—Правописаніе именъ соблюдено такое-же, какое находится въ текстѣ.

11

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Опечатки.

Стран. — Строки.		Напечатано	Надо читать
255	— — 7 — — —	учили — —	учули.
260 примѣч.	5 — — —	Ловчицкій —	Ловчинскій.
265	— — 16 — — —	Лувчинскаго	Ловчинскаго.
286	— — 24 — — —	Новоселкаго	Новосельскаго.
—	— — 29 — — —	Лисовсааго —	Лисовскаго.
374	— — 1 — — —	II 550, 553	II 533, 550.